Академия
Магии
Кэролайн Сэнтермер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Юная Фэрис Налланин — наследная герцогиня Галазона — отправляется в Гринло, один из лучших колледжей королевства, чтобы не только постичь все науки, но и усвоить хорошие манеры, ведь со временем ей предстоит стать правительницей герцогства.

Кто же мог знать, что девочку ждут в Гринло совсем иные уроки? С помощью лучшей подруги и наставницы, дипломированной колдуньи Джейн, она должна развить до совершенства прежде всего магические способности и выполнить свое главное предназначение: восстановить когда-то нарушенное равновесие мира.

Книги Кэролайн Стивермер, написанные в лучших традициях детской фэнтези, тем не менее по-своему уникальны и, несомненно, доставят удовольствие всем любителям жанра.

- Кэролайн Стивермер
  - Книга первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
  - Книга вторая
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
  - Книга третья
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23

Кэролайн Стивермер
Академия магии

Эту книгу почтительно посвящаю завсегдатаям мальчишников в Денби 1975–1977 годов. Вы знаете, о ком речь.

Наши сердца в разлуке так верны,
Что время им не может стать преградой,
И в эту ночь, как прежде, вместе мы.

Джорджина
Годдард Кинг

Книга первая
УСТРОЙСТВО МИРА

Глава 1
Колледж Гринло

Фэрис Налланин предстала перед воротами Гринло в тот день, когда нагрянула зима. Близился вечер, серый дневной свет переходил в синие сумерки. Позади ее двухместной кареты, нанятой в Понторсоне для последнего участка пути, осталась вымощенная дорога. Она тянулась назад, к побережью, и среди песчаных отмелей, вскрытых отливом, была похожа на хребет гигантского зверя. А перед каретой, запряженной парой коней, высились деревянные ворота Гринло, а в них виднелось зарешеченное окошко привратника, и зеленый ставень на нем был закрыт.

Фэрис наблюдала из окошка кареты, как Гэврен неуклюже вылез и постучал в зеленый ставень. Гэврен был еще не стар, но его волосы уже тронула седина, и он тяжело дышал после долгой дороги.

Не унимающийся ветер колол лицо морозными иголками. Кони в упряжке топтались на месте, понурив головы от холода. Свет дня быстро угасал. Вскоре зеленый ставень потеряет цвет и станет таким же серым, как море, небо и камни.

Гэврен поморщился от холода и постучал снова. Когда он опустил руку, ставень со скрипом открылся, и за решеткой показалось лицо, круглое и покрасневшее от студеного ветра.

— Кто тут? — спросил привратник, явно недовольный тем, что его вынудили выйти из теплого помещения.

— Герцогиня Галазонская и ее свита, — сообщил Гэврен.

Привратник несколько мгновений рассматривал незнакомца, потом взглянул через его плечо на обшарпанную карету и вымотанных лошадей. Оглядев Рида, усталого кучера, который остался сидеть на козлах, он презрительно усмехнулся Фэрис, единственной пассажирке. Взглянув на небо, страж ворот сообразил, что вот-вот пойдет снег, и неожиданно расплылся в удовлетворенной улыбке.

— У нас тут титулы не в ходу. — И закрыл окошко.

Гэврен глубоко вздохнул и постучал снова.

Никакого ответа.

Фэрис открыла дверцу кареты.

— Дай-ка я попробую.

— Мы должны пристроить лошадей, так что придется как-то договориться с этим Цербером. Но попытаемся сохранять достоинство. Если сразу уступить, потом снисхождения не жди, —

мрачно сказал Гэврен. — Оставайтесь на месте и позвольте мне все уладить.

Подобрав измятые черные юбки, Фэрис все же выпрыгнула из кареты и подошла к камердинеру.

— Может быть, студентам здесь и не разрешают пользоваться титулом, но я вовсе не хочу отказываться от него еще до того, как вошла в ворота. Не надо приносить его в жертву, пусть сперва сослужит службу.

Светло-голубые глаза девушки были серьезны, брови сдвинуты. Хотя ей уже исполнилось восемнадцать, дорожный костюм из черной саржи, вышедший из моды лет двадцать назад и по фасону подходящий для дамы лет на двадцать старше, делал ее похожей на девчонку-подростка, нарядившуюся в маскарадный костюм. Рыжие волосы выбивались из-под полей задорной шляпки, а в просвете между обтрепанными манжетами и поношенными кожаными перчатками виднелись худенькие, с выступающими косточками, запястья.

— Не волнуйся. От меня им пощады не будет.

Герцогиня криво улыбнулась Гэврену. Ее невеселая улыбка открыла неровные заостренные зубки, а длинный нос при этом стал казаться еще длиннее. Фэрис взглянула на Рида, который наблюдал за происходящим с козел, снова чуть улыбнулась в ответ каким-то своим мыслям и резко постучала в ставень.

Через мгновение за решеткой в открывшемся окошечке снова возникло лицо привратника.

— Ну?

Фэрис положила ладонь на ворота и чуть ли не ткнулась носом в решетку.

— Ночь будет холодной. Моим спутникам и мне нужен ночлег. Мы можем хорошо заплатить.

Привратник смерил ее изучающим взглядом и снова презрительно усмехнулся.

— Как ваше имя и по какому вы делу?

— И то и другое слишком незначительны, чтобы вас заинтересовать. Я всего лишь скромная девушка, приехала поступать в Гринло. Мой дядя Бринкер считает, что я буду способной ученицей.

Привратник несколько мгновений недовольно смотрел на нее, потом захлопнул ставень. Раздался резкий скрип, и деревянные ворота распахнулись.

Фэрис Налланин, герцогиня Галазонская, снова кивнула Гэврену. Он с преувеличенным почтением поддержал ее под локоть и помог сесть в карету, потом устроился рядом со своей госпожой. Рид подхлестнул лошадей, и карета въехала в ворота

Гринло.

Оказавшись по другую сторону, Фэрис положила ладонь на рукав Гэврена, а тот постучал в потолок, подавая Риду знак остановиться. Привратник закрыл ворота и запер их на засов, затем повернулся к карете с выжидательным видом. Фэрис открыла дверцу и неизящно высунулась наружу.

— Значит, это и есть Гринло. — Она осмотрела двор и узкую улицу, которая петляла, поднимаясь по крутому каменному склону. — А это ворота, зримое сооружение из дуба и незримое — из воли декана. Но и то и другое охраняет один человек. — Она послала привратнику слабую извиняющуюся улыбку. — Здесь принято давать солидные чаевые, не так ли? Извините, что не могу доставить вам это удовольствие. Это будет выглядеть так, словно я пыталась подкупить вас, чтобы проникнуть внутрь. Глупо, вы согласны? Но я не могу рисковать. — Она закрыла дверцу кареты и откинулась на спинку сиденья.

Рид сверху бросил привратнику монету.

— Смотри, попробуй удержать ее внутри подольше, чем удерживал нас снаружи. — Он дернул поводья, щелкнул кнутом, и карета покатилась дальше.

— Остановимся в «Белом руне», — сообщил Гэврен пассажирке. — Дайте нам знать, когда вас примут, тогда мы с Ридом вернемся обратно и известим об этом вашего дядю. Если Рид сможет провести эту колымагу вверх по улице, мы высадим вас у входа в колледж. Если нет — проводим туда пешком.

Фэрис вытянула шею, чтобы рассмотреть все, что удастся, на этой тесно застроенной улице.

— Где здесь «Белое руно»?

— Справа, прямо перед нами.

— Отлично. — Фэрис быстро постучала в потолок кареты. Рид натянул поводья, лошади с радостью остановились в нескольких ярдах от гостиницы.

— Я встречусь с преподавателями, когда буду готова, — заявила Фэрис и, раньше чем Гэврен успел возразить, а Рид снова стегнуть лошадей, открыла дверцу кареты и выпрыгнула на улицу. — А сейчас я продрогла и проголодалась, и от меня пахнет лошадьми. Мы все втроем остановимся в «Белом руне», иначе я не сделаю больше ни шагу. Когда приму горячую ванну, получу приличный ужин и высплюсь, тогда и подумаю об учебе.

Гэврен медленно выдохнул, чтобы взять себя в руки.

— Хорошо. И вовсе ни к чему устраивать по этому поводу сцену на улице.

Фэрис улыбнулась.

— Очень даже к чему. Меня должны принять за строптивую

девицу, а не за покорную мышку. И смотри, не забывай обращаться ко мне «ваша светлость».

— Вы же не придаете значения таким вещам, — напомнил ей Рид. Он посмотрел на Гэврена. — Правда?

— Здесь не пользуются титулами, поэтому, если я не буду пользоваться своим, они подумают, что я слишком безропотная.

— Упаси боже, — ужаснулся Рид. Фэрис посмотрела на него свысока, задрав свой длинный, с покрасневшим кончиком, нос, и кучер поспешно прибавил: — Ваша светлость.

Поскольку он был одет так же строго, как Гэврен, то казался намного старше Фэрис, хотя разница в их возрасте составляла лет пять.

Гэврен скрестил руки и вздохнул.

— Тогда командуйте нами, ваша светлость. Продолжать нам обмениваться колкостями на улице, ваша светлость? Если лошади замерзнут в упряжке, их владелец в Понторсоне, несомненно, потребует возмещения убытков. Ваша светлость.

— Конечно, отведите их в конюшню. Если они замерзнут в упряжке, из них получится очень несимпатичная статуя. А ведь вся улица выдержана в приятном готическом стиле. Было бы жалко испортить такой вид.

В «Белом руне» титулы оказались бесполезными, но деньги помогли получить комнаты и сытную еду, поданную на одном из хорошо вычищенных столов в общем зале.

Фэрис сидела между своими спутниками, не замечая взглядов других посетителей. Она стянула перчатки и, скомкав, бросила их на колени; рукава жакета задрались почти до локтей, но она была слишком голодна, чтобы обращать внимание на свою внешность. С преувеличенной осторожностью герцогиня взялась за ложку, но после первого глотка супа отбросила жеманство и с энтузиазмом принялась за еду.

Когда миски и тарелки опустели, хозяин гостиницы остановился у их стола и спросил, не хотят ли гости на десерт чего-нибудь сладкого или остренького.

— Ваша светлость? — спросил Гэврен, особенно подчеркивая титул.

Фэрис поставила кружку и милостиво кивнула хозяину.

— Да, пожалуйста.

— Чего именно, ваша светлость? — терпеливо уточнил Рид.

— И того и другого, пожалуйста.

Хозяин отошел, сделав вид, что не заметил жест Гэврена, требующего снова наполнить их стаканы.

— Вы такая прожорливая? — поинтересовался Рид у Фэрис.

Потом повернулся к Гэврену: — Она такой родилась или ее так воспитали?

— Ее воспитали по-другому, просто она не всегда ведет себя так, как должна, и знает об этом. Может быть, здесь ее перевоспитают.

Фэрис невозмутимо начала намазывать маслом ломоть хлеба.

— Если меня примут, то этот ужин будет моей последней приличной трапезой на много лет вперед. Если нет, нам предстоит долгая дорога обратно в Галазон и еще более долгое объяснение, когда мы туда доберемся.

— Вас примут. — Голос Гэврена звучал веско и холодно. — Все улажено.

— Конечно улажено. Не знаю, почему мне вообще нужно в этом участвовать, если все обговорено заранее. Ты ведь прекрасно знаешь, Рид, что дома, в Галазоне, мне доступна гораздо более сильная магия, чем я могу приобрести здесь. Как, по-твоему, я открыла ворота? Ты слышал? Всего три слова: «мой дядя Бринкер». — Она покачала кружку с оставшимся элем и задумчиво посмотрела на колышущуюся пену. — Интересно, сколько он им заплатил, чтобы они не обратили внимания на мое плохое поведение.

Гэврен стукнул кружкой об стол.

— Выкиньте это из головы сейчас же, юная леди. Вы поступаете в колледж Гринло и должны постараться, чтобы вас не отчислили. — Он выразительно махнул рукой, требуя еще эля, а когда кружки снова наполнили, повернулся к Фэрис. — Вы считаете, что, если не поступите в Гринло, ваш дядя перестанет быть наместником Галазона? Надеетесь, что, восстановив против себя наставниц, чего-нибудь добьетесь? Что вы задумали? Сорвать поступление в колледж? Если вы полагаете, что мы будем нянчиться с вами всю обратную дорогу до Галазона ради того, чтобы ваш дядя до смерти замучил нас своими упреками, то я советую вам еще раз хорошенько подумать… ваша светлость.

Хозяин гостиницы вернулся с плоским блюдом, на котором лежал пирог с фруктами и кремом под глазурью из жженого сахара, и с плетеной корзинкой, выстланной водорослями и наполненной улитками и моллюсками, сваренными в своих блестящих раковинах. К этим деликатесам прилагалась миска чесночного масла и пригоршня острых приборов загадочной конструкции.

— Я знаю, что вы не в восторге от приезда сюда, — продолжал Гэврен, — но я не в силах понять причину. Некоторые многое отдали бы, чтобы оказаться на вашем месте. О, конечно, вы будете скучать по Галазону, но это для вашего же блага.

Ведите себя хорошо и сосредоточьтесь на занятиях. По крайней мере, кое-чему научитесь, кроме умения сажать овес и подковывать коней. Да еще целых три года не увидитесь с дядей. Разве это вас не радует?

Фэрис выбрала моллюска и яростно ткнула в него вилкой.

— Если мне здесь не понравится, я всегда могу вернуться домой — уверена, что дядя мне разрешит, после того как выжмет из Галазона все, до последнего пенни.

— Если вас это не устраивает, — заметил Рид, — почему бы вам не научиться всему, что нужно, здесь, чтобы вы могли вернуться и поступать, как вам заблагорассудится, даже если вашему дяде хочется держать вас подальше от Галазона?

Гэврен шмякнул кружку на стол с такой яростью, что расплескал эль.

— Придержи язык, Дрейтон Рид. То, что ты говоришь, — просто вздор, а уж в присутствии герцогини — и вовсе непозволительно. Кто нам платит? Лорд Бринкер Налланин — глава рода.

Фэрис посмотрела на Гэврена с той же кривой усмешкой, что и недавно, у ворот.

— Бринкер Налланин является главой семьи до моего совершеннолетия, — напомнила ему она. — А что будет потом?

Гэврен нахмурился.

— Этого момента ждать еще не один год.

— Два года и двадцать три дня, — согласилась Фэрис. — Нет, я ошиблась. Следующий год — високосный. Значит, двадцать четыре дня. Ну так и что потом?

— Через два года и сколько-то дней, — ответил Гэврен, — вы узнаете, что для управления Галазоном нужно нечто большее, чем юридическое право.

Фэрис кивнула.

— Да, но встанете ли вы на сторону моего дяди против меня?

Выражение на лице Гэврена было в равной степени неодобрительным и подозрительным.

— Сначала мне надо посмотреть, как повлияют на вас три года в колледже Гринло. И не вздумайте задавать Риду тот же глупый вопрос.

— Да и не собираюсь! Я и так знаю, что он скажет.

— О, знаете, вот как? Хотелось бы послушать, — немедленно отозвался Рид.

Фэрис взяла раковину с улиткой и принялась орудовать специальной спицей.

— Ты бы пошел за мной против дяди сию же минуту, хотя это стоило бы тебе головы.

— Ну и самомнение у вас, милочка! Стать на сторону такой дурочки с волосами цвета морковки и выступить против самого коварного человека в Галазоне? Я не настолько глуп.

Фэрис упорно смотрела в свою тарелку.

— Дались тебе мои волосы. Если Гэврен пойдет за мной, так только потому, что у меня есть право. Но ты сделаешь это только потому, что ненавидишь Бринкера. Не вздумай отрицать. Знаешь поговорку: «Рыбак рыбака видит издалека»? — Она подняла взгляд, и ее спокойствие заставило слугу проглотить возражения. — Не бунтуй против него пока. Мне надо многому научиться, чтобы мое имя стало таким же мощным заклинанием, как и его имя. Три года уйдет, может, и больше. — Фэрис отбросила пустую раковину и задумчиво потыкала спицей в водоросли на тарелке. — Жаль только, что все это время я буду скучать по Галазону.

На следующий день Фэрис Налланин явилась в колледж. Всю ночь и большую часть утра шел снег, и герцогине пришлось внимательно смотреть под ноги, чтобы ее поношенные туфли не слишком сильно промокли. У самой двери, внутри, у подножия лестницы, стояла лужа. Фэрис неизящно поскользнулась на тающей снеговой каше и сделала вывод, что она не первый посетитель в этот день. Может быть, она даже не в первой сотне.

Поднявшись по лестнице, она увидела большой зал, украшали который лишь искусная планировка да гладкие стены из серого камня, прорезанные высокими окнами.

Помня рассказы о колледже, Фэрис не пыталась отыскать вторую дверь или выйти из зала. В учебный план Гринло входили не только естественная философия и общественное устройство, но и практическая магия. Не слишком благоразумно было выходить за пределы тех помещений, куда допускают ее здешние преподаватели.

Прошел час. Ну что ж, ничего страшного, дядюшка Бринкер часто заставлял ее ждать по часу. Она коротала время, меряя шагами зал. Двадцать пять шагов вперед и двадцать пять назад, сквозь бледные полосы света, падающего из больших окон. На плитках пола ее шаги не были слышны; лишь шуршание нижних юбок выдавало присутствие посетительницы.

Прошел еще час. Фэрис продолжала расхаживать. Даже двигаясь постоянно, согреться она никак не могла: в комнате стоял такой холод, словно пол и стены были выточены изо льда. Наизусть выучив узор плиток на полу, герцогиня переключила внимание на резные балки потолка. Они образовывали переплетающийся орнамент, разноцветный и позолоченный, но

красоту его деталей трудно было оценить в гаснущем дневном свете.

Предвечерний свет уже готов был окончательно померкнуть и все цвета стали сливаться в серое пятно, когда наружная дверь открылась и вошла девушка примерно одного с Фэрис возраста.

Герцогиня прервала хождение, чтобы рассмотреть вновь пришедшую, которая тоже с интересом ее разглядывала.

— Ты ведь не преподаватель? — спросила вошедшая.

Даже в тусклом свете Фэрис разглядела, что девушка босая и одета убого, а подол ее платья намок от снега. Она была очень худая. Черные волосы зачесаны назад и стянуты в узел на затылке. Кожа на костяшках пальцев покраснела и потрескалась. Синие прожилки вен проступали сквозь молочно-белую кожу у запястий тонких рук. Несмотря на явную бедность, новая посетительница держалась прямо и грациозно, высоко подняв голову и глядя в глаза собеседнику.

Фэрис встретила бесстрашный взгляд босоногой девушки и почему-то мгновенно ощутила ее превосходство.

— Нет, я Фэрис.

— А я Одиль. Ты здесь учишься?

— Нет. А ты?

— Пока нет. — Одиль подошла к ней по каменным плиткам. За ней тянулись мокрые следы, но, казалось, холод на нее не действует. — Надеюсь, меня примут. — Она оглядела просторный зал, погруженный в синие сумерки. — Я должна была поступать летом, но не могла уехать, пока не собрали урожай. Надеюсь, преподаватели это поймут.

— Должны понять. Урожай — это очень важно. Ты издалека?

— Из самого Сарлата. Я шла пешком.

— Вот как. — Фэрис снова ощутила превосходство Одиль. Она-то сама преодолела всего сто пятьдесят миль, и то на корабле, на поезде и в карете. В этом не было ничего особенного, не о чем и говорить. Герцогиня стояла молча, сердясь на себя за смущение.

В конце концов, почему она должна испытывать неловкость? Эта девушка хочет учиться в Гринло. А Фэрис — нет. Преподаватели едва ли выполнят заключенное с Бринкером соглашение, если она помешает этому. Все, что ей надо сейчас сделать, — это уйти и позволить Одиль занять ее место в колледже. Если Гэврен будет настаивать, она может вернуться назавтра, когда Одиль уже примут. Ведь количество мест для соискателей ограничено.

Фэрис посмотрела в сторону лестницы. В этот момент наружная дверь снова открылась. На сей раз вошедшую

сопровождала служанка, которая несла зажженный фонарь; на пороге она передала его своей госпоже и закрыла за ней дверь.

Шурша бархатом цвета сумеречного неба, девушка с золотистыми волосами поднялась по ступенькам с фонарем в руке. Она носила туфельки из того же темно-серого бархата и не обратила внимания на лужу, в которой их промочила. На Фэрис и Одиль она тоже не обратила внимания и прошла прямо через большой зал к открытой двери, за которой полыхал огонь камина, разгоняя вечерние сумерки.

Фэрис и Одиль переглянулись.

— Эта дверь была там секунду назад? — спросила Одиль.

— Возможно, она была там все время, — уныло ответила Фэрис.

Они последовали за девушкой в бархатном платье.

В соседней комнате было тепло, ее освещал золотистый свет, на стенах висели потускневшие от времени гобелены, а в центре стоял инкрустированный столик. В кресле возле него сидела полная женщина с волосами мышиного цвета и усталыми глазами.

— Вы — преподаватель, — сказала девушка в бархатном платье. Ее голос был мелодичным, но интонация превращала слова в обвинение. Она погасила фонарь и поставила его на пол перед столом. — Я Менари Паганель.

Фэрис прищурилась. Ее губы сжались в жесткую линию.

Женщина подперла рукой подбородок и жестом велела Фэрис закрыть дверь.

— Встаньте вон там, все трое. Так лучше. Зима только началась, а мне уже до смерти надоели сквозняки.

Менари нехотя отошла назад и встала между Фэрис и Одиль. Рядом с элегантной Менари Одиль смотрелась просто нищенкой, но, казалось, этого не замечала. Она стояла, так же гордо выпрямившись, как и богачка в бархате. Фэрис сознавала, что в сравнении с ними выглядит неуклюжей. Более того, она понимала, что рядом с решительной Менари и одержимой Одиль она сама — просто притворщица.

Преподаватель вздохнула.

— Вы знаете, что осталось только одно свободное место, не так ли? Официально прием закончился в Мартынов день, одиннадцатого ноября.

— Я боялась, что опоздаю, — с облегчением произнесла Менари. — Ветры не благоприятствовали плаванию, и нас задержал шторм. Мы причалили в Сен-Мало только сегодня утром.

Преподаватель чуть шире открыла глаза, и Менари

замолчала.

— Я сказала, что у нас только одно место. — Ее тон был вежливым, но усталые глаза смотрели на золотоволосую девушку без интереса. — Вы умеете считать, правда?

— Моя семья договорилась о моем обучении в Гринло, когда мне было четыре года, — заявила Менари.

Фэрис узнала интонацию, с которой были произнесены слова «моя семья». Таким тоном говорила она сама, когда возникала необходимость упомянуть дядю Бринкера. Герцогиня смотрела на педагога с радостным ожиданием. Если осталось только одно место, разумеется, чей-нибудь престиж окажется недостаточно весомым: или дядюшкин, или семейства Паганель. В любом случае ситуация обещала быть забавной.

— Поэтому, если бы я попросила вас рекомендовать кого-нибудь на это единственное место, вы бы выбрали себя, — с некоторым ехидством заметила преподаватель.

— Ну конечно. — Менари бросила взгляд на Одиль, потом на Фэрис, потом снова на женщину. Ее красивые серые глаза, точно под цвет бархатного платья, сощурились. — Если это не какой-то подвох.

Преподаватель подавила вздох и обратилась к Одиль:

— А вы, Одиль Пассерье?

Глаза Одиль широко раскрылись.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Мы вас уже давно ожидаем.

Одиль опустила глаза.

— Я знала, что опаздываю, но ничего не могла поделать. Моя семья во мне нуждалась.

Преподаватель милостиво наклонила голову.

— Одно место, Одиль. Кому, по-твоему, мы должны его отдать?

Одиль посмотрела женщине в глаза.

— Выберите меня. — Она говорила тихо, но горячо. — О, пожалуйста, выберите меня.

Фэрис сменила позу, и теперь кончик левой туфельки виднелся из-под платья. Она долгое мгновение смотрела на него, пока тишина в комнате не подсказала ей, что преподаватель отвела взгляд от Одиль и теперь пристально смотрит на нее.

— Ну, Фэрис Налланин? — Голос женщины звучал очень устало. — Что вы можете сказать?

— Добрый день. Не расслышала ваше имя.

Преподаватель хмыкнула.

— У нас одно свободное место. Как бы вы хотели, чтобы мы им распорядились?

Фэрис глубоко вздохнула.

— Выберите Менари Паганель. Позвольте Одиль остаться здесь, и пусть она моет полы или еще что-нибудь делает, пока Менари не потеряет интерес и не уедет домой, чтобы выйти замуж за кого-нибудь, кто одет лучше, чем она. Тогда вы позволите Одиль занять освободившееся место. — Она выдохнула остаток воздуха и снова стала смотреть на носок своей туфли.

— А что будете делать вы?

— Я уеду домой. — Фэрис по-прежнему рассматривала носок своей поношенной туфельки. — И буду спасать урожай от сорняков.

— От каких?

Что-то в тоне преподавателя заставило Фэрис быстро поднять голову.

— От любых. Единственное, что в моих силах делать здесь, я могу с тем же успехом делать дома, в Галазоне, — становиться старше.

Женщина рассмеялась.

— Я здесь не останусь, сколько бы он вам ни заплатил, чтобы вы меня приняли.

— Кажется, ему следовало заплатить вам. — Преподаватель стала серьезной.

— Он пытался, — презрительно бросила Фэрис.

Сотрудница колледжа не старалась скрыть насмешку.

— Менари получит это место, что вы на это скажете?

Глаза Фэрис широко раскрылись, мысли стремительно проносились в голове. Если бы Гэврена удалось убедить и он поверил бы в ее провал, не поговорив с преподавателями, она могла бы уехать утром и вернуться домой до Нового года. Она перевела взгляд с женщины на Менари, не скрывающую торжества, потом на Одиль, отчаяние которой выдавали только крепко стиснутые пальцы.

— Вы последуете моему совету насчет Одиль? — спросила она у преподавателя. — Даже мыть полы лучше, чем зимой идти домой босиком. Если вы ее прогоните, ее оставят дома, только пока овцы ягнятся, или для какой-нибудь другой случайной работы. Позвольте ей занять следующее свободное место.

— Что скажете, Одиль? — спросила преподаватель.

Девушка разжала руки и сделала шаг к инкрустированному столику.

— Прекрасная идея. Но важно, что скажете вы. Фэрис принята?

Преподаватель снова усмехнулась.

— Несмотря на все усилия ее дядюшки — да.

— Погодите… — Фэрис переводила взгляд с Одиль на женщину и обратно. — Я принята? А как же ты?

— А как же я? — Менари бросила на Фэрис взгляд, полный ненависти.

— О, не волнуйтесь, — сказала преподаватель. — Вы обе приняты. Вместе с ученицами, которые приехали вовремя. Позвольте мне представить вам Одиль Пассерье еще раз. Она студентка третьего курса.

— Рада, что все улажено, — с облегчением проговорила Менари.

Фэрис холодно посмотрела на Одиль и произнесла с расстановкой:

— О, пожалуйста, выберите меня.

— Ты меня презираешь? — беззлобно спросила Одиль. — Но я действительно пришла сюда пешком, два года назад.

— Тебя заставили мыть полы?

— Меня заставили носить туфли. — Она выдернула из волос ленту, тряхнула головой и позволила волосам свободно рассыпаться по плечам. — Я к ним приспособилась. Ты тоже сможешь к ним приспособиться.

— Тебя вынуждают снова переживать тяжелое прошлое ради каждой соискательницы?

Одиль покачала головой.

— Я сама вызвалась. Твой дядя так добивался твоего поступления, что заранее создал тебе не слишком хорошую репутацию. И потом твое прибытие подтвердило это впечатление, ваша светлость.

— Я так и думала, что вы будете завидовать.

— Ты вела себя ужасно глупо.

Менари стояла со скучающим видом.

Фэрис мрачно произнесла:

— Это очень порадует моего дядю.

— И неудивительно, — заметила преподаватель. — Он избавился от источника мелких неприятностей на три года.

— А он обрадуется, когда получит назад источник крупных неприятностей? — спросила Одиль.

— Сомневаюсь. — Фэрис повернулась к женщине. — Я бы хотела послать весточку моим спутникам. У меня мало багажа, но мне нужно забрать его до того, как они отправятся обратно в Галазон.

— Ваши сопровождающие будут извещены, — объявила преподаватель. — Они могут передать от нас известие вашему дяде. Возможно, они также смогут благополучно доставить обратно в Галазон перечисленные им деньги.

— А, взятка… — Фэрис покачала головой. — Не делайте этого.

Преподаватель подняла брови.

— Разве им нельзя доверять?

— Гэврену и Риду можно. А вот дяде — нет. Лучше оставьте эти деньги у себя.

— Это невозможно! — воскликнула женщина. — Колледж Гринло заподозрят в том, что мы берем взятки.

Фэрис горько усмехнулась.

— Вред уже причинен. Вы меня приняли. Никто ни на секунду не поверит, что я стала студенткой исключительно из-за собственных достоинств. Таким образом, когда мой дядя запоздает с оплатой школьных счетов, Гринло не будет испытывать неудобств.

— Ну… мы могли бы хранить деньги у третьего лица. — Казалось, преподавателя это забавляет. — Простая формальность, конечно.

— Конечно. — Это была мелочь, неудобство, которого Бринкер, возможно, даже не заметит, но настроение Фэрис улучшилось.

— Ваши сопровождающие будут извещены, а ваши вещи доставлены сюда немедленно. Менари, мы также отдали распоряжения насчет вас. А пока, Одиль, проводи, пожалуйста, студенток в их комнату.

— Разумеется. Если поторопимся, то успеем в столовую как раз к ужину. Это единственная ежедневная трапеза, от которой не стоит отказываться.

К тому времени, как Одиль закончила краткую экскурсию по колледжу и показала девушкам их места в общей спальне, единственный сундук Фэрис уже доставили вместе с известием о том, что Гэврен и Рид уже отбыли в Галазон. Менари при первой же возможности отлучилась якобы для того, чтобы проследить за доставкой своих вещей.

Когда Фэрис с Одиль отправились в столовую на ужин, голова у герцогини закружилась от путаницы длинных коридоров и тускло освещенных лестниц, а также от бесконечного нагромождения серых каменных зданий, вздымавшихся почти до неба.

— Этот спектакль исключение или правило? Так испытывают всех, кто хочет поступить в колледж? Или я — особый случай?

Одиль не замедлила шага.

— Почему ты думаешь, что ты какая-то особенная? Признаю, редко выпадает случай принимать сразу двух соискательниц. Но

вы обе опоздали, и, я полагаю, преподаватели считают, что вы с Менари похожи.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы из одной и той же части света. И обе знатного происхождения. Не то что я. Я ведь совсем простая девушка. Когда я проходила собеседование, меня заставили дать слово, что я не буду снимать туфли и не убегу, как бы ни скучала по дому. Вот и все. Меня приняли.

— А ты скучаешь по дому?

Одиль улыбнулась.

— Не очень. Здесь, конечно, слишком плоская местность, и деревья растут не такие, и вообще их очень мало. Но я не так уж страдаю.

Фэрис вздохнула.

Одиль пристально посмотрела на нее.

— И ты тоже не переживай, знаешь ли. Пока у тебя нет повода скучать по дому. В первые недели будет слишком много дел. После того как новизна померкнет, тебе, возможно, придется взять себя в руки. Но не сейчас, не думай о деревьях. Думай о Гринло.

Глава 2
Для чего, по-вашему, существуют стандарты?

С помощью Одиль Пассерье Фэрис усвоила распорядок жизни колледжа Гринло. По крутым лестницам и извилистым коридорам она переходила из кабинета в кабинет, посещая уроки грамматики, логики и риторики, естественной истории и натурфилософии, латыни и греческого, алгебры и геометрии, уроки танцев и хороших манер.

Сам объем работы мог бы угнетать ее, если бы она чувствовала себя обязанной выполнять все задания. Но она с облегчением заметила, что никого не волнует то, что она делает или когда она это делает. В пределах колледжа Гринло она была совершенно свободна.

— Никто ничего особенного не требует от новых студенток, — по секрету сообщила Одиль подруге за вечерней трапезой в конце первого дня. — Если сдашь работу в срок, все будет в порядке.

Фэрис не стала упоминать о том, что вообще не намерена сдавать работу, ни в срок, ни с опозданием.

— Но что, если она еще не готова?

— Все равно сдавай. — Одиль помешала суп в своей миске и нахмурилась, глядя на осадок в ложке. — Я слышала, что в этом году у нас повариха-англичанка. Кажется, это правда. Передай мне хлеб, пожалуйста.

Фэрис передала ей корзинку с хлебом.

— А что, если получилось плохо?

Одиль внимательно рассмотрела хлеб.

— Из пекарни на Хай-стрит, как всегда. Он не может быть плохим. — Она выбрала булочку и разломила ее над миской с супом.

— Я не о хлебе, а о моей работе.

— О, не будь идиоткой. Конечно, получится плохо. Как может быть иначе? Ты же ничего не знаешь. — Одиль коротко и не выбирая выражений описала тех из студенток, которые, по ее мнению, были близки Фэрис по происхождению.

Рыжеволосая герцогиня прятала свои мысли за обычным сдержанным выражением лица.

— Некоторые из них, в общем-то, ничего, — снисходительно признала Одиль. — Но большая часть похожа на Ромен. К счастью, она уже на третьем курсе. Русская принцесса, нате вам.

Говорят, даже родные ее не выносят, и я их понимаю. Еще говорят, что ее пытались отослать домой в первый же год, но на нее это не произвело никакого впечатления. Ее нельзя выгнать, даже если бы она приложила к этому усилия, а она слишком для этого ленива. У нее хороший голос, жалко, что ее невозможно заставить учиться пению. Зря занимает место. — Одиль грустно покачала головой. — Не знаю, почему она снизошла до того, чтобы почтить нас своим присутствием.

Слова Одиль снова заставили Фэрис подумать о преимуществах ничегонеделания. Если трудно добиться, чтобы тебя исключили, возникает искушение принять вызов. Но хотя ее исключение и может немного досадить дядюшке, Фэрис понимала, что он скоро найдет выход из положения. На свете полно школ для благородных девиц. Он найдет такую, куда ее примут, что бы она ни изобрела, испытывая терпение преподавателей.

Но для самой Фэрис провал в Гринло будет бесчестьем, отошлют ли ее домой с позором, или, что гораздо хуже, снисходительно оставят здесь, зря занимать место в колледже.

Да, хорошо было бы оказаться дома, в Галазоне. Но еще лучше — вернуться домой волшебницей из Гринло.

— Ты думаешь, я смогу догнать остальных студенток?

— Конечно, ты приехала, когда занятия уже давно начались, так что тебе будет трудновато. Что нашло на твоего дядю? Можно подумать, он не хотел, чтобы тебя приняли.

— В этом году сбор урожая начался поздно. Плата за учебу не берется из воздуха, знаешь ли.

— Знаю. О, я знаю. — Одиль кивнула с видом мудреца. — Может, и нагонишь, если будешь заниматься только учебой. Выполняй задания. Оставь других девушек в покое. Особенно второкурсниц. Они здесь уже достаточно давно, знают, как нарваться на неприятности, и у них еще хватает для этого сил.

Больше всего Фэрис нравилось в Гринло то, что никто не обращал на нее никакого внимания. Она последовала совету Одиль и держалась подальше от других. Также по рекомендации Одиль Фэрис в разумных пределах сократила посещение занятий, используя свободное время, чтобы наверстать упущенное и сдать все необходимые работы. Обязательно присутствовать нужно было только на первой утренней лекции, а посещение остальных оставили на усмотрение студенток. По каждому предмету задавали слишком много, и совсем не пропускать занятия никому не удавалось.

Соученицы сначала произвели на Фэрис впечатление очень

умных и до странности целеустремленных девушек. Но даже поверхностное знакомство показало, что первое впечатление хотя бы отчасти было ошибочным. В действительности же студентки просто были измотаны до предела. Усталость принимала странные формы. Однажды в столовой Фэрис сидела за столом напротив первокурсницы, которая тупо смотрела на артишок, лежащий перед ней на тарелке.

— Аппетитно выглядит, — сказала Фэрис. Артишоки исчезли до того, как она пришла, и герцогиня питала слабую надежду, что ее сокурсница их не любит и согласится обменять свой на что-то другое.

— И очень вкусный, — добавила девушка, разбив надежды Фэрис. И устало призналась: — Вот только не могу вспомнить, как его едят.

Фэрис старалась следовать еще одному совету Одиль и не обращать внимают на то, что в Гринло не росло ни одного настоящего дерева. Это давалось ей с трудом. Любительница мягкого климата, она все же никак не могла привыкнуть к полному отсутствию непогоды и поймала себя на том, что готовится к тому, чего не могло здесь быть: никакие метели никогда не залетали в Гринло. Даже грозы случались редко. Так что она словно ждала сурового выговора, которого так и не последовало.

Поразительными были сады Гринло: некоторые — совсем простые и математически правильные с точки зрения точного размещения трав, некоторые — свободно и щедро усаженные красивыми цветами и кустарниками. А какие-то из них удивляли благородными пропорциями и античными статуями. К тому же всюду росли какие-то неизвестные растения. Все незнакомое по Галазону казалось Фэрис чужеродным и, возможно, необязательным, но, поскольку присутствие ее самой в Гринло было несомненно чужеродным и, весьма вероятно, необязательным, она старалась быть терпимой.

Лучшим местом в Гринло, по мнению Фэрис, был сад декана, названный так из-за того, что находился между стенами колледжа и резиденцией декана. Дубы, которые затеняли окна деканского кабинета и свешивали ветки над стеной колледжа, напоминали Фэрис о Галазоне. Она часто останавливалась там, всего на минутку, в перерыве между занятиями, закрывала глаза и прислушивалась к шелесту ветра в ветвях. Шорох листьев утолял ее тоску по дому.

Много свободного времени она тратила на поиск новостей о Галазоне. Они были скудны, хотя сообщения из Аравиля иногда

появлялись в прессе. Она научилась вылавливать строчки об Аравиле, просматривая в библиотеке «Ле Монд», «Фигаро» и «Интернэшнл геральд трибьюн». Лондонская «Таймс» оказалась самым верным источником информации.

Британский посол в Аравиле вела активную жизнь и посещала самые разнообразные публичные мероприятия. Овдовевший король Аравиля Джулиан, который занял трон отца после пятидесяти лет безделья, похоже, надеялся жениться на одной из многочисленных дочерей или племянниц Эдуарда, короля Англии.

Не позавидуешь невесте, если ему удастся угодить англичанам настолько, что они дадут согласие. У него самого две дочери брачного возраста. Одна из них — Менари. В альманахе «Остготы» Фэрис прочла полную родословную сокурсницы. Не удивительно, что она так непоколебимо верит в могущество семейства Паганель. Фэрис могла только сочувствовать любой потенциальной мачехе Менари, каким бы внешним благородством она ни блистала.

Количество присутствующих студенток никак не влияло на ход уроков. Казалось, преподаватели в Гринло ведут занятия ради собственного удовольствия, не обращая внимания на то, много или мало учениц приходят их слушать. Подобное равнодушие успокаивало. Когда Фэрис находила время для посещения лекций, то садилась в последние ряды и позволяла ученым голосам себя баюкать. Так приятно проводить время можно было на любом занятии, кроме уроков танцев и хороших манер.

Танцевать она умела достаточно хорошо, и преподавательница не уделяла ей лишнего внимания.

А вот уроки хороших манер, хотя и не были трудными в смысле напряжения мускулов, все же требовали от Фэрис определенных усилий. Она неизменно получала замечания.

Хотя, сколько она себя помнила, ее без конца учили правилам этикета, все же знаний ей не хватало. Любая другая ученица могла, например, сжать кулаки, а мадам Брачет лишь неодобрительно что-то бормотала и скользила дальше. Но если ошибку допускала Фэрис, преподавательница задерживалась около нее, указывала на ее промахи всему классу и долго распространялась по поводу ее локтей, подбородка и морщинок на рукавах.

— Вытяните носок вперед, — говорила мадам Брачет классу, и все ученицы старались это сделать. Затем наставница медленно скользила вдоль рядов серьезных девочек в измятых платьях из черного поплина. — Помните, Ева-Мария, вы — жемчужное ожерелье. Расслабьте руки, Джейн Нет, не сгибайте пальцы.

Расслабьте их. Помните, ваши локти тяжелые. Не позволяйте им торчать. Они должны быть опущены. Не так, Фэрис.

Фэрис отлично владела выражением лица, но держать осанку ей удавалось не столь хорошо. Каждое замечание заставляло ее все острее осознавать свои недостатки, она становилась все более неуклюжей, и к концу урока у нее уже дрожали руки.

— Плечи назад, Фэрис, — однажды приказала мадам Брачет. — Почему вы это делаете?

— Что делаю, мадам Брачет? — неслушающимися губами пробормотала Фэрис. Каким-то чудом ей удалось сохранить учтивый тон.

— Делаете это с вашим подбородком. — Преподавательница ухватила подбородок Фэрис холодными пальцами и рывком поставила его в правильное положение. — Вы должны научиться учиться, Фэрис. Если вы постараетесь, то обнаружите со временем, что у вас получается. В один прекрасный день вы получите удовольствие от правильного положения каждой косточки в вашем теле. А пока воспользуйтесь возможностью получать удовольствие от процесса учебы.

Фэрис выставила подбородок вперед и крепко сжала губы.

Мадам Брачет подняла руку и снова вернула подбородок ученицы в нужное положение.

Фэрис резко повернула голову в сторону. И сказала очень отчетливо:

— Учиться хорошим манерам бессмысленно. Это все предрассудки.

— Можете критиковать сколько угодно. Это все оттого, что вы не делаете никаких успехов.

— Здесь не может быть успехов. Это просто кем-то придуманный набор стандартов. Зачем мне зря тратить время и учиться ставить ступни в позицию, которая вышла из моды триста лет назад? Почему мне не установить собственную моду?

— Вы должны устанавливать собственную моду так, чтобы продемонстрировать, что вы пренебрегаете стандартами на основании знаний, а не невежества, — ответила мадам Брачет. — Когда вы покинете колледж Гринло, вы либо сможете заниматься магией, либо не сможете. Это вопрос таланта и умений. Но вы, несомненно, будете колдуньей Гринло, и этому званию нужно соответствовать. От вас ожидают умения общаться со знатными особами и учтиво разговаривать как с высокопоставленными лицами, так и с людьми низкого положения. Ваши манеры будут не менее важны, чем ваши дела, а в некоторых печальных случаях ваши дела окажутся даже менее важными. Поэтому вам лучше приобрести хорошие манеры, чтобы возместить прочие

недостатки.

С первых слов Фэрис слушала, прищурив глаза.

— Но я могу пренебрегать стандартами?

— Конечно, — довольно резко ответила мадам Брачет. — Для чего, по-вашему, существуют стандарты? А теперь уберите локти и опустите подбородок. Очень хорошо, Фэрис. Теперь вытяните вперед носок.

С этого дня руки Фэрис больше не дрожали.

Магию преподавали только на обязательной утренней лекции. Этот курс, который читала сама декан, назывался просто — «Устройство мира». Он был исключительно теоретическим, но больше от Гринло ждать было нечего. Применять магию на практике не разрешалось. Никогда.

Фэрис внимательно слушала объяснения декана и пыталась нарисовать армиллярные сферы, изображающие модель отношения мира к небесному порядку. Она записывала те книги, которые упоминала декан в своих доказательствах, а потом разыскала их в библиотеке: Птолемея, Цицерона, Лукана и других.

Фэрис охотилась не за ученостью, а за подробностями теории, которая может оказаться для нее полезной. Ко дню окончания семестра на Троицу она уже хорошо разобралась в излагаемом деканом «устройстве».

Сначала Фэрис удивляло, что студенток не поощряли в изучении магии за рамками лекций и не позволяли практиковаться. Она решила, что это правило установлено затем, чтобы воспитанницы не поняли, что в Гринло не учат никакой магии. Каждая из здешних обитательниц знала, что если магия и существует внутри колледжа, снаружи она встречается крайне редко.

Декан объяснила это тем, что скалистый мыс Гринло защищен таким образом, что магию легче практиковать внутри этих границ, чем за их пределами. Но поскольку присутствия магии не чувствовалось в колледже вообще, Фэрис уверилась, что слова декана — это как сказка о новом наряде короля. Очевидно, цель изучения магии в Гринло — воспитать у девушек готовность после его окончания заявить, будто они разбираются в ней.

Согласно теории, мир являлся центральной сферой модели и был разделен на частично перекрывающие друг друга полушария: северное, южное, восточное и западное. Они находились под защитой четырех хранителей, области влияния которых отчасти распространялись друг на друга.

Хранительница юга наблюдала за своими владениями почти

без помех со стороны хранителей востока и запада. Она была самой могущественной, но находилась далеко от остальных, управляла югом, который был защищен океаном, и никогда не посягала на права хранительницы севера. Хранителя востока посещали только хранительницы юга и севера. Он никогда не соприкасался с территорией, подвластной западу. О хранителях севера и запада декан не рассказала.

Из книг Фэрис составила свои собственные теории. Хранительница севера, вычислила она, может поддерживать связь с хранителями востока и запада, но не юга. Хранитель запада может навестить хранителей севера и юга, но не востока Что касается остальной части модели, то декан объяснила, что мир лежит в центре вложенных друг в друга небесных сфер. Наивысшая степень магии в мире гораздо ниже, чем самая низкая степень магии в следующей сфере. И эти сферы ничто не связывает, между ними нет переходов. В пределах мира хранители удерживают земную сферу в равновесии.

Без хранителей земная сфера быстро искривилась бы и тогда нарушила равновесие других сфер.

Как Фэрис ни старалась, она не могла отделаться от забавной ассоциации: эти сферы представлялись ей в виде мыльных пузырей, плавающих один в другом. Она догадалась, что, если бы не было хранителей, чтобы восстанавливать равновесие, вся модель исчезла бы, как лопаются мыльные пузыри, и так же внезапно. Поскольку не замечалось никаких признаков грядущего исчезновения мира, Фэрис решила, что все это тоже из области невидимых нарядов короля.

Лекции закончились без всякого подведения итогов, одновременно с остальными занятиями, на Троицу. Студентки старшего курса сдали экзамены и получили право именоваться выпускницами Гринло, а за глаза называться колдуньями.

Те, кто не сдал, такие как Ромен, уезжали ни с чем и в кривых коридорах колледжа никогда больше не появлялись.

Обучающиеся первый и второй год разъезжались по домам на каникулы до середины осени; они должны были вернуться не раньше Мартынова дня. И только через две недели после их возвращения в колледже начинался новый прием на первый курс.

Дядя дал понять Фэрис, что она не поедет домой в Галазон на летние каникулы. Если бы у нее были собственные средства, она могла бы отправиться путешествовать, но, поскольку таковые отсутствовали, ей пришлось остаться в Гринло, где ее содержание было оплачено.

Когда классы и спальни опустели, Фэрис обнаружила, что

почти весь колледж в ее распоряжении. Даже Одиль уехала, притом навсегда. Она сдала выпускные экзамены, отоспалась, чтобы восстановить силы, уложила свои пожитки, попрощалась и отправилась в Сарлат как дипломированная колдунья.

Фэрис не заметила большой разницы в укладе своей жизни, после того как учебный семестр сменился долгими каникулами. Она всегда проводила больше времени в библиотеке, чем в обществе других студенток, а часы работы библиотеки оставались неизменными. Она читала, сначала ради подготовки к будущим урокам, потом ради собственного удовольствия. Обедала, как и всегда, в столовой, но теперь была одной из полудюжины едоков, а не одной из сотни. Нечастые беседы за столом удручали своей учтивостью и натянутостью.

К своему удивлению, Фэрис обнаружила, что ей недостает суматохи, визга и смеха, обычных на протяжении учебного года. Она начала поздно просыпаться по утрам, а долгие вечера предпочитала проводить под открытым небом, а не в библиотеке. Она даже отваживалась выходить за пределы колледжа и изучать крутые улочки городка Гринло. Вьющиеся лентами улицы вели к высокой стене дамбы, которая окружала и защищала поселение. У подножия мыса находились большие ворота, а за ними виднелись скалы и песчаные отмели.

Однажды, измаявшись от послеполуденного зноя, Фэрис уселась на камни у северной стены. Понаблюдав за отливом, она подоткнула юбки, сняла туфли и чулки и отправилась прогуляться по прохладному серому песку. Маленькие пузырьки вскипали на поверхности при каждом шаге и шипели вокруг ее босых ног, как шампанское. Впереди она заметила более крупный пузырь, там кто-то обитал под песком. Улитка? Она нагнулась, чтобы рассмотреть.

— Вернитесь. Отойдите оттуда.

Фэрис, нахмурившись, оглянулась через плечо на того, кто к ней обращался.

На камне, где она оставила свои туфли и чулки, стоял светловолосый румянолицый мужчина в плохо скроенном черном костюме, совсем не похожем на элегантные светлые одежды обычных летних гостей. Незнакомец тоже нахмурился и крикнул:

— Думаю, вам лучше немедленно вернуться.

Фэрис выпрямилась и окинула его презрительным взглядом.

— Кто вы такой?

Ее взгляд не произвел на него впечатления.

— Эти пески опасны. Вас может затянуть.

— Спасибо за предупреждение. Я дальше не пойду. — Видя его молчаливое неодобрение, она прибавила: — Вы же видите,

что я в полной безопасности.

— Я не могу вас здесь оставить.

— Почему? Вас не касается, что я делаю.

Мужчина открыл рот, потом снова закрыл, ничего не сказав.

— Или касается? — внезапно преисполнилась подозрения Фэрис.

— Конечно нет. До свидания. — Он резко повернулся и зашагал прочь так быстро, как позволяли шаткие камни.

Как только странный мужчина пропал из виду, Фэрис вернулась на камни. В глубокой задумчивости она отряхнула со ступней песок и снова надела чулки и туфли, продолжая хмуриться.

На следующий день мадам Кассильда запрягла лошадей в повозку, собираясь в Понторсон встречать поезд. Фэрис приложила все усилия чтобы поехать вместе с ней.

— Ехать очень долго, а день такой жаркий, — жаловалась мадам. — Но ничего не поделаешь: надо забирать багаж. Теперь, знаешь ли, почти с каждым поездом будут прибывать чемоданы студенток с разных концов света. — Мадам Кассильда искоса взглянула на Фэрис.

— Что-то слишком рано, — заметила Фэрис. — До начала семестра еще почти два месяца.

— Вы сами не ждете посылку?

Фэрис покачала головой.

— Может быть, вы хотите посетить портниху? — Мадам Кассильда бросила взгляд на обтрепанный подол платья Фэрис. — Я замечала, что девушки так стремительно растут, когда проводят здесь лето. Это все воздух Гринло, свежий морской воздух. Вам понадобится кое-что перешить.

Фэрис расправила юбку.

— Мадам, у меня нет дел в Понторсоне. Просто я мечтаю сменить обстановку. Вы не возражаете?

— Рада компании. Я не осуждаю вас за то, что вам надоел Гринло. Если бы не работа, мы бы все сошли с ума через неделю.

На станции мадам Кассильда настороженно следила за Фэрис, но ее подопечная довольствовалась тем, что разглядывала людей на платформе. Очень скоро подошел поезд и остановился в роскошном облаке пара.

Фэрис, вытянув шею, наблюдала за тем, как пассажиры выходят и смешиваются с зеваками на станции. Вот уже сгрузили последний чемодан, отъезжающие путешественники вошли в вагоны. Поезд дернулся и отошел от перрона. После того как носильщики погрузили на повозку одинокий сундук какой-то студентки, мадам Кассильда забралась на сиденье.

— Вы даже не спускались на землю. Разве вам не хотелось осмотреть Понторсон, раз уж вы оказались здесь?

— Нет, не хотелось, — ответила Фэрис. — Скажите, вы знаете мужчину, который стоит у билетного киоска?

Мадам Кассильда посмотрела на человека, о котором говорила Фэрис. Он стоял на расстоянии вытянутой руки от билетного киоска, прислонившись спиной к стене, оклеенной плакатами. Из-под шляпы выбивались пряди светлых волос. А вот лицо разглядеть не удавалось, так как мужчина сосредоточенно читал иллюстрированную газету. Его темная одежда была плохо скроена.

— Нет, а что?

— Я его уже где-то видела. Или, может быть, он просто похож на кого-то из моих прежних знакомых.

— Случайное сходство часто бывает поразительным.

Мадам Кассильда взялась за поводья, и упряжка легким шагом пустилась в направлении колледжа.

Когда они отъезжали от станции, Фэрис, нахмурившись, оглянулась. «Поразительное сходство».

В следующий раз Фэрис заметила того самого блондина в конце лета. Стоял прохладный ясный день, по небу плыли легкие белые облака, похожие на мазки тонкой кистью.

Фэрис бродила по овощному рынку возле верхней улицы и пыталась развлечься, рассматривая лук-порей и капусту. Она скучала по Галазону, где подобные ясные деньки приносили такой хороший урожай этих овощей. Когда она увидела мужчину, то повернулась к торговке луком, стройной женщине, черные волосы которой были упрятаны под красный шарф.

— Вы знаете, кто это? — спросила Фэрис. — Тот золотоволосый молодой человек, который так внимательно рассматривает корзинку с репой. Вы его раньше видели?

— Видела, — не удивившись, ответила торговка. — Он снимает комнату у моей крестной и столуется у нее. Он иностранец.

— Вы знаете, как его зовут? — Фэрис уже привыкла к тому, что любого, родившегося и проживающего не в Гринло, местные жители считают иностранцем. — И давно он здесь?

— Он снял комнату за неделю до Нового года. — Торговка на мгновение подняла глаза к небу. — Вспомнила! Он называет себя Тирианом. Похоже на иностранное имя, правда?

— Да. — Фэрис отдала женщине свои последние монетки. — Ваш лук чудесный, но я не смогу его приготовить. Это вам за беспокойство.

— Хотите познакомиться с иностранцем? — Торговка опустила монеты в карман. — Моя крестная может это устроить.

— Нет, спасибо. Мне не слишком нравятся иностранцы.

— Благоразумная девушка, — одобрительно сказала торговка, поворачиваясь к своим овощам.

Глава 3
В «Стеклянной туфельке»

К тому времени как студентки второго и третьего курсов вернулись в Гринло, Фэрис страшно соскучилась по дому. Одиль написала ей из Сарлата. Фэрис понимала, что ей бы следовало радоваться счастью подруги, но на самом деле только еще больше загрустила.

Каждый признак начавшейся жатвы вызывал в памяти девушки тот урожай, который ей не придется увидеть в Галазоне. Все те мелочи, которые не ассоциировались у нее с Галазоном, все равно напоминали о том, что она очень далеко и не скоро вернется в родные места. Фэрис так скучала по дому, что остановила в коридоре одну из вернувшихся студенток только потому, что увидела вышивку на ее корсаже.

— Прошу прощения, — сказала Фэрис. — Это ведь галазонская вышивка, не так ли? Ты из Галазона?

Девушка, которая была выше Фэрис год назад и которую теперь Фэрис переросла на дюйм, опустила глаза на тонкую вышивку, белоснежную на еще более белоснежной блузке.

— У тебя отличное зрение, — вежливо ответила она и несколько секунд с любопытством рассматривала герцогиню своими ясными серыми глазами. — Я никогда не бывала в Галазоне. Это подарок.

— Вот как! — смутилась Фэрис.

Что-то в ее тоне слегка растопило холодность студентки.

— Ты бывала в Галазоне?

Фэрис улыбнулась.

— Я сама из Галазона, но не была там уже целый год, с тех пор как приехала в колледж.

Она замолчала, почувствовав, как надежная маска сдержанности исчезает. Чтобы скрыть смущение, она уставилась на носок своей туфли. Еще одно слово, и голос выдаст ее.

Студентка с любопытством разглядывала Фэрис.

— Ты не ездила домой на летние каникулы?

Фэрис лишь покачала головой.

— В следующем году так не делай. Но посмотри на это иначе: тебе повезло, что у тебя есть место, о котором стоит скучать. Не у всех есть лучший дом, чем Гринло. Я бы даже сказала, почти ни у кого такого нет.

Фэрис почувствовала скрытое напряжение в ее голосе и пристальнее вгляделась в девушку.

— А у тебя?

— Меня убеждают, что есть. Но я не хочу жить нигде, кроме Гринло. Если тебе здесь не нравится, лучше уезжай домой. — Шурша безупречного покроя платьем из угольно-черной саржи, она прошла мимо Фэрис и зашагала прочь по коридору.

На следующее утро, покидая столовую после завтрака, Фэрис почувствовала, как кто-то прикоснулся к ее рукаву. Она оглянулась и увидела давешнюю сероглазую студентку. Ее шелковистые каштановые волосы были аккуратно уложены в узел.

— Да?

— Я должна извиниться, — сказала девушка. — Мне ужасно стыдно за то, что я вчера говорила. Единственным моим оправданием служит то, что я понятия не имела, кто ты такая. И узнала только сейчас, когда спросила у Поганки. Извини.

Фэрис нахмурилась.

— О чем ты говоришь?

Девушка удивилась, потом погрустнела.

— Я думала, что ляпнула нечто ужасное. Неужели Поганка меня ввела в заблуждение? Или ты просто такая добрая, что притворяешься, будто я ничего такого не сказала?

Фэрис нахмурилась.

— Кто такая Поганка?

— О господи. Послушай, я сейчас не могу объяснить. Я уже опоздала, конечно, и моя наставница убьет меня, если я еще больше задержусь. Приходи на чай. Обещаю, что все объясню. Ты свободна в четыре часа?

— Кажется, да, — осторожно ответила Фэрис.

— Хорошо. Кабинет номер пять. Не опаздывай. — Сероглазая студентка снова прикоснулась к рукаву Фэрис и поспешно ушла, шурша черной поплиновой юбкой.

Фэрис, широко раскрыв глаза, смотрела ей вслед.

В назначенное время Фэрис подошла к двери кабинета номер пять, чувствуя некоторую тревогу. Ее одолевали дурные предчувствия. Только студенткам третьего курса, и то не всем, полагалась привилегия иметь отдельный кабинет.

Одиль с презрением относилась к таким избранным студенткам и утверждала, что отдельные комнаты для занятий только отдаляют девушек друг от друга и даже отвлекают от учебы. Она часто говорила Фэрис, что третьекурсницы очень неприветливы и первокурсницам лучше держаться от них подальше, чтобы не терять зря времени и не расстраиваться понапрасну. Правда, и сама Одиль порой пребывала в весьма дурном настроении.

Фэрис постучалась. Хозяйка открыла так быстро, словно

поджидала ее, стоя по другую сторону двери. Фэрис прошла вслед за ней в кабинет, комнату с высоким потолком, с камином, с витражами в окне, выходящем на море. Вся обстановка состояла из четырех стульев вокруг стола, на котором красовался чайный сервиз из литого серебра и тонкого старинного китайского фарфора.

Внезапно Фэрис остановилась и даже отступила на шаг назад, к двери. Хозяйка кабинета, разливавшая чай, озадаченно повернулась к гостье.

— Что случилось?

— Во-первых, я не уверена, что мне нужно здесь находиться. Я не знаю, кто ты, и совсем не уверена, что ты знаешь, кто я.

Девушка поморщилась.

— Да, с манерами у меня неважно. Я — Джейн Брейлсфорд. Мы в прошлом году вместе посещали уроки хороших манер. Мое лицо очень легко забывается.

Фэрис несколько секунд молчала. Имя казалось знакомым, хотя лицо она действительно вспомнить не могла. Джейн Брейлсфорд была англичанкой и, несомненно, из респектабельного семейства. В конце концов Фэрис решила, что дальше молчать совсем невежливо.

— Меня зовут Фэрис Налланин.

— Я знаю. Поганка мне рассказала — Менари Паганель. Конечно, я должна бы помнить тебя по урокам, но у меня ужасная память на лица. О господи, как я могла сказать, что тебе лучше уехать домой! Но знаешь, я понятия не имела о твоей ситуации. Пожалуйста, поверь мне.

Фэрис застыла.

— Прошу прощения, о какой ситуации ты говоришь?

— Менари мне рассказала, что тебя прислали сюда… э… потому что ты могла заявить свои права на герцогство. — Джейн подняла брови. — Ох, какая у тебя осанка, когда ты сердишься. Уверена, мадам Брачет была бы довольна, увидев это.

— Что еще рассказала тебе Менари Паганель?

Джейн нахмурилась.

— Может быть, Менари что-нибудь напридумывала? Очень может быть.

— О чем ты?

— Ты простишь меня за то, что я это повторяю? Она мне сказала, что ты — внебрачная дочь герцогини Галазонской и капитана дальнего плавания и что тебя отослали из Галазона ради блага герцогства и чтобы немножко изменить твой характер. — На лице Джейн появилось виноватое выражение. — Если это тебя утешит, то я не верю насчет капитана. Менари, по-

видимому, обожает все, связанное с морем.

Фэрис уставилась на Джейн. Та спокойно выдержала ее сердитый взгляд.

— У меня два вопроса, — сказала наконец Фэрис. — Один к тебе, а другой к Менари Паганель. Прежде чем я спрошу у нее, зачем она меня оклеветала, скажи мне, почему ты спросила обо мне именно у нее. Я ее почти не знаю.

— Ты приехала из Галазона. Галазон находится в Аравиле. Менари не устает хвалиться своей семьей в Аравиле. Она единственная студентка из этой части света, которую я знаю. Поэтому я у нее и спросила.

Фэрис опять молча уставилась на Джейн. Та ответила ей вежливой улыбкой.

— Если это имеет для тебя значение, — в конце концов произнесла Фэрис тоном, полным ледяной учтивости, — то Галазон — независимое герцогство. Аравиль претендует на власть над ним, но ничего из этого не выйдет. Моя мать была герцогиней Галазонской. До моего совершеннолетия всем правит мой дядя. Как он говорит, выполняя последнюю волю моей матери, но на самом деле потому, что мы с ним не ладим, он послал меня сюда, чтобы я дозрела, как сыр… — Фэрис сделала паузу, чтобы голос перестал дрожать. — Через два года я вернусь в Галазон и выгоню его. А после этого, может быть, поеду в Аравиль и даже доберусь до самых Арависских гор, и обижу Менари Паганель так же, как она обидела меня. — Фэрис круто повернулась и распахнула дверь кабинета. Джейн ухватила ее за рукав.

— Ты собираешься найти Менари прямо сейчас? Сейчас время пить чай.

Фэрис замерла, глядя на руку Джейн так, словно она сделана из сырой печенки.

— Конечно.

В голосе Джейн звучал лишь спокойный интерес.

— Что ты сделаешь, когда найдешь ее?

Фэрис посмотрела ей в глаза.

— Не знаю. Наверное, прочитаю ей такую же лекцию.

— Мне бы очень не хотелось пропустить подобное зрелище, но я просто умираю от жажды. Посиди со мной минутку, пока я выпью чашечку чая, а потом разреши пойти с тобой и посмотреть, как ты прикончишь Менари. — Она закрыла дверь кабинета и повела Фэрис обратно к столу. — Хотя, боюсь, нам придется встать в очередь из таких же обиженных. Она обожает делать гадости, когда подворачивается возможность.

— Ты так хорошо отзываешься обо всех своих подругах? — холодно спросила Фэрис.

— У Менари нет подруг. Они ей не нужны. Она больше заинтересована в прислужницах. Я всего лишь задала ей несколько вопросов. И не убивай меня за ужасное знание географии, — прибавила Джейн. — Если речь идет не о Британской империи, то мне все равно: Галазон, Аравиль, Граустарк или Руритания. Нельзя же требовать от меня, чтобы я правильно помнила все эти маленькие государства. Я не невежда, просто англичанка. С молоком? С сахаром?

— Ты можешь отличить Уэльс от Финляндии?

— Не злись, это тебе не идет. Боюсь, чай немного перестоял, ты сама виновата, отвлекла меня. Ну ладно, можно добавить молока. А теперь расскажи мне об этом твоем злом дядюшке.

Фэрис гневно взглянула на Джейн, но приняла протянутую чашку на блюдце.

— Будь ты на моем месте, то сидела бы здесь и пила чай?

— Я на твоем месте вызвала бы Менари на дуэль. На пистолетах.

— Можно будет попросить тебя, если мне понадобится секундант?

Джейн милостиво наклонила голову.

— Я к твоим услугам. Теперь садись. У меня есть имбирный пирог от Фортнума.

— Отлично. Но я не стану тебе рассказывать о моем злом дядюшке. А ты мне расскажешь, что ты имела в виду вчера, когда заявила, что не хочешь жить нигде, кроме Гринло. Никогда-никогда?

— О господи. Я слишком много болтаю, да?

— Пока нет, — ответила Фэрис, присаживаясь к столу.

К тому времени как был съеден последний кусок пирога, Фэрис выпила два чайника чая и получила ясное представление о жизни Джейн. У новой подруги оказалось несколько дядюшек, — и ни один из них не был злым по меркам Фэрис, — отец и три брата, честолюбие которых не простиралось дальше того, чтобы настрелять как можно больше дичи и делать это как можно чаще. Мать Джейн задалась целью устроить браки своих детей пусть с самыми захудалыми, но аристократками и аристократами, какие только найдутся.

— Я хотела поехать в Оксфорд, — объяснила Джейн, — но отец и мать считают, что только синие чулки поступают в Шрусбери,[1] так что это было невозможно.

— Тогда почему они отправили тебя в Гринло?

— Мой кузен Генри учился в Гласкасле. Гринло и Гласкасл не более чем пара смехотворно дорогих пансионов для отпрысков

благородных семейств, с точки зрения моих родителей. Если Гласкасл подошел для Генри, то Гринло вполне подойдет для меня. Генри вышел из Гласкасла таким высокообразованным, и никому невдомек, что он никогда не пользуется никакой магией. Никто не знает, способен он творить чудеса или нет. Даже сам Генри, как я подозреваю, — прибавила Джейн. — Меня очень привлекала идея отправиться в пансион для благородных девиц во Францию, но, когда папа предложил Гринло, я подумала, что три года учебы здесь могут пригодиться, пусть даже только для того, чтобы у мамы было больше времени подыскать для меня достойного мужа. И вот я здесь.

— Ты здесь и не хочешь возвращаться обратно.

Джейн покачала головой.

— В тот день, когда я впервые увидела Гринло, я впервые вообще что-то увидела. Здесь солнце светит иначе. Даже приливы и отливы другие, выше и ниже, чем в других местах. У меня было такое чувство, словно я вернулась на родину, где раньше никогда не бывала. Эти месяцы после Троицы были мучением. Теперь, когда я снова здесь, не хочу больше никогда уезжать отсюда.

— Но ты же выпускница. Что ты будешь делать на следующую Троицу?

Джейн зачем-то заглянула в свою чашку.

— Путешествовать, может быть. Но если даже я вернусь домой, все будет не так. В тот момент, когда я вошла в большой зал и встретилась с преподавателем, Гринло стал для меня домом.

— Если декан тебе предложит, ты останешься здесь преподавать?

— Если меня попросят, я соглашусь. Моя семья вряд ли это одобрит, но не думаю, что меня лишат наследства.

— А какой предмет ты бы хотела преподавать?

Джейн поставила чашку на стол.

— Я бы лучше стала наставницей. Какой смысл читать лекции? Это просто очковтирательство в пансионе для благородных девиц.

Фэрис удивилась.

— Ты меня просто пугаешь. Разве наставничество настолько отличается от преподавания? Я встречусь с мадам Виллет только завтра.

— Разве ты не знала? Никто тебе не сказал? Ты никогда не слушаешь, о чем говорят вокруг?

— Моя подруга Одиль закончила колледж в прошлом году. Она мне рекомендовала хорошенько подумать, какую тему выбрать для выпускного сочинения, и надеяться получить

терпимую наставницу.

— Ох эти хитрюги. Как будто есть такая тема, которая не ведет в конце концов к магии. Вот чему тебя будут учить, Фэрис. Выбирай любую понравившуюся тебе тему, ты все равно будешь изучать магию. В конце концов, это Гринло, а не Шрусбери.

На следующий день, когда Менари Паганель вышла из кабинета своей наставницы, Фэрис Налланин выскользнула из соседней двери и зашагала рядом с ней.

— Ты в спальню? Я тоже туда иду.

— Я в библиотеку. — Менари даже не взглянула на Фэрис.

— Я только что оттуда, но все равно пойду с тобой. Я читала альманах «Остготы». Знаешь его? Это что-то вроде описания устройства мира. Уверена, декану он бы понравился. Там есть место для каждого, и все расставлены по ранжиру.

Менари не удержалась от раздраженного возгласа, но продолжала идти.

— Может, тебе следует освежить память до того, как ты еще раз начнешь распространяться о моей семье. Или следует сказать — о нашей семье? — не унималась Фэрис. — Моя бабушка вышла замуж за дядю твоей бабушки. Я имею в виду мать моего отца. Он не был капитаном. Не знаю, как ты могла ошибиться насчет этого, разве что тебя ввело в заблуждение то, что он погиб в море.

Менари зашагала быстрее. Фэрис не отставала от нее.

— Иностранцам трудно разобраться во всех этих маленьких герцогствах, королевствах и протекторатах. Названия у них длиннее, чем списки населения. Мне кажется, Джейн Брейлсфорд находит их причудливыми и оригинальными.

Менари резко остановилась и презрительно усмехнулась.

— Почему Джейн Брейлсфорд так тобой интересуется?

— А почему ты мной интересуешься? Зачем вводить других в заблуждение по поводу нашего родства? Я буду очень огорчена, если это произойдет снова.

В первый раз Менари посмотрела на Фэрис так, словно действительно увидела ее.

— А если я тебя огорчу? Что тогда?

— Тогда готовься слушать, как историю наших семейств обсуждают во всех уголках Гринло. Я раздам всем генеалогическое древо, если понадобится. Придется потратить на это время, но нужно же прояснить наше родство.

— Между нами нет никакого родства.

— Нет? Давай вернемся в библиотеку. Я тебе покажу альманах «Остготы». Я даже знаю номер страницы.

— Пытаешься мне угрожать? Ты об этом пожалеешь.

— Ты считаешь правду угрозой? — парировала Фэрис.

Менари не ответила и зашагала прочь, заносчиво вздернув золотоволосую голову. Фэрис настороженно смотрела ей вслед.

Во время своего первого визита в комнату наставницы Фэрис с изумлением обнаружила, что мадам Виллет — та женщина с усталыми глазами, которая беседовала с ней в день ее приезда в Гринло.

— Я думала, вы преподаватель, — выпалила Фэрис.

Мадам Виллет подняла глаза от бумаг, разложенных на ее письменном столе.

— Да, я преподаватель. Раньше я была просто наставницей, но обнаружила, что это не дает мне больших возможностей как следует натренировать неопытных девиц. Поэтому стала еще и преподавателем.

— И вы научите меня магии? Или отделаетесь намеками, как декан?

Мадам Виллет подавила вздох.

— Какой предмет вы выбрали?

— Какая разница? Мне сказали, что все предметы в конечном счете ведут к магии.

— Как откровенно. И очень необдуманно. Ну что ж, постараюсь объяснить. Некоторым вещам научить невозможно. Магия — одна из них. Ее можно усвоить, а можно и не усвоить. Это полностью зависит от вас самой. Гринло защищен особо, поэтому проявления магии здесь вероятнее, чем в окружающем мире. У нас также существуют традиции, которые располагают к изучению магии. Но на тот случай, если вам никто этого не сказал или если вы слушали невнимательно, когда вам это говорили: ни одна студентка не должна пользоваться магией в Гринло. Нарушивших это правило исключают. Понятно?

— Нет. Как можно заявлять, что Гринло выпускает дипломированных колдуний, если магия здесь запрещена?

— Магия здесь не запрещена. Но для того, чтобы защитить Гринло, здешнему руководству дано право контролировать применение магии в его пределах. Если мы хотим жить, не подчиняясь законам природы, равновесие которых поддерживают хранители мира, мы должны поддерживать равновесие в границах наших стен. Поэтому студенткам запрещено применять магию на практике.

— Если бы я изучала медицину вместо магии, мне бы давали практические уроки врачевания.

Мадам Виллет покачала головой и медленно выдохнула воздух.

— Если бы вы изучали юриспруденцию вместо магии, вам бы не разрешили практиковаться до тех пор, пока преподаватели не удостоверятся, что ваша квалификация достаточна для этого.

— Если бы я изучала юриспруденцию, я бы изучала юриспруденцию. Не хорошие манеры, не геометрию, а законы.

Мадам Виллет положила ладони на стопку лежащих перед ней бумаг.

— Если бы вы изучали юриспруденцию, может быть, вы и усвоили бы предмет. Однако ваша работа в прошлом году не дает никаких оснований полагать, что вы что-то усвоили. Многие студентки обнаруживают достаточно глубокие познания на данном этапе обучения и могут посещать только утреннюю лекцию, а остальное время посвящать работе со своей наставницей.

Фэрис задумалась.

— Вот как? Только отстающие посещают уроки после первого года обучения? И все же Одиль хуже меня знала греческий язык. А Джейн Брейлсфорд вместе со мной ходила на уроки хороших манер. Или Одиль была права, когда говорила, что нам задают столько заданий, чтобы у нас не оставалось времени посещать занятия?

Мадам Виллет чуть шире раскрыла глаза.

— Проверим эту вашу теорию? Заберите свою работу о «Георгиках» Вергилия, которую вы написали в прошлом семестре. Еще раз продумайте ее. Найдите источники, подтверждающие ваши взгляды. Когда закончите, покажите мне.

Фэрис взяла протянутую мадам Виллет работу. Она писала ее для урока латыни, рукопись была слегка загнута на уголках и пестрела пометками, сделанными синим карандашом.

— Когда я должна ее сдать?

Мадам Виллет слегка удивилась.

— Когда закончите.

Весь октябрь Фэрис была занята Вергилием. К этому времени большинство учениц первого курса уже обжились в Гринло, не подозревая о занятиях с наставницами, которые старшие студентки посещали в добавление к лекциям. Сдав работу о «Георгиках», Фэрис начала открывать для себя, что жизнь в Гринло не ограничивается учебой, сном и едой. И еще она узнала, что быть подругой Джейн Брейлсфорд означает не только лакомиться имбирным пирогом и пить крепчайший чай.

Знакомства сероглазой студентки были обширными, у нее появлялись подруги на каждом курсе. Среди них была Гунхильда, только что поступившая в колледж и скучающая по деревне на

Рафтзунде, которую покинула впервые в жизни. Была хладнокровная Ева-Мария, которая, скорее всего, должна была сдать выпускные экзамены с рекордно высокими отметками, и, еще более вероятно, остаться потом на долгие годы преподавателем в Гринло. И были второкурсницы Шарлотта и Натали, которые проводили почти столько же времени в кабинете номер пять, сколько и Джейн. Шарлотту Фэрис узнала. Это была та девушка, которая однажды забыла, как едят артишоки.

Фэрис узнала, что стать подругой Джейн — это значит быть приглашенной в берлогу под названием кабинет номер пять, чтобы подвергать критике трехтомные любовные и приключенческие романы так серьезно, словно это были научные тексты на латыни. Общаться с Джейн и ее подругами означало делить с ними содержимое посылок, полученных от родственников, и спорить насчет того, как лучше жарить каштаны и печь яблоки в камине. К удивлению Фэрис, ей все это нравилось. Еще больше она изумилась, поняв, что нравится подругам Джейн.

Она была слишком занята, чтобы скучать по дому, и обнаружила, что развлечения и учеба хорошо сочетаются. Ничто так не радует, как забавы, которые манят тебя, когда надо выполнять срочное задание.

Если бы она принималась выполнять задания, как только получала их, и справлялась с этим быстро, то могла бы свободно, с чистой совестью наслаждаться жареными каштанами, слезливыми романами и хоровым пением. Но тогда исчезло бы главное очарование простых развлечений, утративших налет запретности.

Таким образом, без учебы развлечения в Гринло не были бы столь желанны, хотя Фэрис обнаружила, что обратное тоже верно.

Гринло, суровый и чопорный, был наполнен музыкой. Запасы ее создавались многие годы, благодаря студенткам с разных концов света, и в школьном календаре имелась музыка на каждый день. Там были греческие гимны, итальянские серенады, мадригалы, многоголосные песни и плясовые. Звучала иногда музыка из внешнего мира, привезенная студентками, вернувшимися с каникул с заводным граммофоном или пачкой нот. Но большая часть музыки попадала в Гринло через голоса таких студенток, как Джейн и ее подруги, и была такой же разной, как сами девушки.

В программу колледжа входило изучение мелодики и гармонии. Фэрис находила иногда мелодии, подходившие к ограниченному диапазону ее голоса, а в остальное время пела сопрано, что позволяло ей не наносить музыке большого ущерба.

— Не музыка сфер, — заметила Джейн после праздника, проведенного ими за пением обычных греческих гимнов и норвежских застольных песен, которым научила их всех Гунхильда, — но, может быть, можно назвать это музыкой полусфер.

Даже после того, как Вергилий перестал преследовать ее каждую секунду во время бодрствования, Фэрис засиживалась допоздна за латинскими текстами. Однажды вечером в читальном зале библиотеки ее глубокие размышления об устройстве мира нарушили звуки голосов.

Веселые голоса, доносившиеся из садика у стен библиотеки, выкликали ее имя до тех пор, пока она не открыла ближайшее окно и не распахнула его настежь. Холодный воздух ноябрьской ночи листал страницы открытых книг, и все студентки в читальном зале с упреком смотрели на нее.

Фэрис не обратила внимания на студеный ветер и холодные взгляды и высунулась в темноту. Падающий из окна свет от библиотечных ламп под зелеными абажурами озарил четыре поднятых вверх лица, казавшихся почти бледными масками во мраке. Это были Джейн, Ева-Мария, Натали и Шарлотта.

Она узнала их не только по голосам, не только по росту и позам, не только по их академическим мантиям с рукавами, похожими на крылья летучей мыши. Подруг выдавала буйная веселость, жизнерадостная уверенность в том, что оторвать Фэрис от книг как раз в этот момент — самое лучше и удачное их предприятие.

Из геометрически правильного сада внизу доносились четыре колеблющихся голоса:

— Луна — моя бессменная хозяйка,

По сущности же я — премудрый филин,
Мне ворон полночи и диких уток крылья
Мелодию печали сотворили.

— «Не бойся: этот остров полон шумов»![2] — крикнула Фэрис, стараясь не рассмеяться.

За ее спиной в читальном зале девушки откашливались, шуршали бумагой, захлопывали раскрытые на столах книги. Сердитый голос пробурчал:

— Тут некоторые пытаются заниматься!

Пение внизу продолжалось, временами прерываясь сдерживаемым смехом:

— Мечтам безумным сердца

Я властелин отныне,
С горящим копьем и воздушным конем
Скитаюсь я в пустыне.[3]

— Между прочим, некоторые хотят заниматься, а не замерзать насмерть, — снова раздался сердитый голос. — Закройте окно!

Фэрис удивилась на мгновение, какую же жизнь вели эти суровые студентки, что могли оставаться равнодушными к несущейся из сада песне. Она никогда раньше не думала, что в колледже найдется что-нибудь настолько дорогое для нее. Может, если песня предназначена другому человеку, она воспринимается иначе.

— «На бой я иду с темным рыцарем, — запела Фэрис или попыталась запеть, перебираясь со стула на подоконник. — Властителем зла и порока. Десять лиг за край белого света — не так уж это далёко».

Она высунулась наружу и спрыгнула в сад, чуть не угодив на подстриженный куст.

Джейн поспешила к ней.

— Только вчера ты мне сказала, что не понимаешь конических сечений, а сейчас, по-моему, собираешься превратиться в одно из них.

Они с Шарлоттой подняли Фэрис и отряхнули с ее юбок песок. Ева-Мария проверила, не пострадал ли куст.

Натали задорно крикнула в окно читального зала:

— «Эгей, — воскликнула она, — захлопните окно!»

Не успела она закончить, как окно со стуком закрылось. Несколько секунд они впятером молча смотрели вверх.

Свет в читальном зале сиял так же ярко.

— Спасибо! — крикнула Ева-Мария.

Затем Натали снова завела песню, и они покинули сад, хором подхватив:

— Больше мудрого Зевса я знаю,

Ведь часто, когда уже спит он,
Вижу: плачет небесная чаша,
И звезды сходятся в битвах.

Осень в Гринло принесла свою долю неудобств. Вода для купания никогда не была достаточно теплой и остывала с поразительной быстротой. Одежда, которую отправляли в прачечную колледжа, возвращалась чистой, но влажной, и ее

приходилось сушить у камина, один сырой предмет за другим. Списки литературы становились все длиннее, терпение кончалось все быстрее. Обострилась конкуренция за место у камина в кабинете.

Однажды вечером в кабинете номер пять Фэрис, как предполагалось, читала «Метаморфозы», а на самом деле просто пила горячий чай, мечтая избавиться от простуды, и рассеянно смотрела в огонь. Шарлотта сидела за столом и трудилась над иллюстрациями к изредка выходящему литературному журналу колледжа «Зеленая книга», а Джейн пыталась высушить свои любимые черные шерстяные чулки, держа их на длинной вилке над огнем.

— Думаю, кто-то надул Менари, — сказала Джейн. — Этот уголь должен гореть разноцветным огнем, как плавник. Но мне кажется, это обычный уголь.

— Что Поганка знает об угле? — лениво осведомилась Шарлотта.

— Явно ничего. Она купила ведро угля на рынке. Я случайно встретила ее на обратном пути, и она дала мне несколько кусков. Так что нас обеих обманули.

— Лишь бы он горел.

Фэрис сонно моргала, глядя на огонь. Он был достаточно разноцветным, чтобы ей нравиться, не только алый и золотой, но иногда и с бледно-зелеными языками, словно северное сияние.

— Помешай кочергой в камине, пожалуйста, — попросила Джейн. — Я только что нашла идеальное место и боюсь сдвинуть вилку.

В центре камина угли треснули и сместились. Вылетевшая искра угодила на кружевную манжету Джейн, девушка уронила вилку и отдернула руку.

Сырые чулки с шипением загорелись. Едкий дым повалил из камина. Джейн принялась хлопать по манжете другой рукой, и кружева на ней тоже загорелись.

— О господи!

Шарлотта вскочила, перевернув стул и опрокинув чернильницу. Фэрис чихнула, накрыла руки Джейн каминным ковриком и стала энергично хлопать по нему руками.

Через секунду Джейн оттолкнула ее.

— Прекрати. Мне больно. — Она осторожно вытащила руки из-под коврика и осмотрела манжеты. — Ну вот, испорчены.

Фэрис помогла Джейн подняться.

— Ты можешь оплакать свой гардероб по пути в больницу.

— Ну зачем утруждать лекаря. — Джейн вытянула вперед руки. — Я даже не обожглась.

Изумленная Фэрис схватила руку подруги, чтобы рассмотреть ее вблизи.

— Никаких повреждений. — Она широко раскрыла глаза. — Ты и правда колдунья.

— Я ничего не делала. Наверное, все дело в удаче Брейлсфордов.

Шарлотта ловко извлекла из камина остатки тлеющих чулок Джейн, аккуратно надетых на вилку, и продемонстрировала всем.

— «Скажи чистосердечно, Хармиана, годится ли с людьми так поступать?»[4]

Джейн отвела взгляд от вилки и заметила чернила, которые растеклись по иллюстрации Шарлотты и уже капали на пол.

— Боже!

Шарлотта вздохнула.

— Одной иллюстрацией меньше.

Однажды поздней ноябрьской ночью Фэрис сидела в кабинете номер пять, читая «Пленника замка Зенда»,[5] пока Джейн творила чудеса, выполняя задание по математике, которое должна была сдать своей наставнице на следующее утро. Ева-Мария постучала в дверь, и Фэрис впустила ее и Поршию, первокурсницу, которая дружила с Гунхильдой. Джейн подняла глаза от работы, когда Ева-Мария подвела Поршию к столу и усадила на стул Фэрис.

— А теперь, — произнесла Ева-Мария мягко, но твердо, — расскажи Джейн то, что рассказала мне.

— Гунхильда ушла в город, — послушно начала Поршия. — Я не сумела ее остановить.

Джейн и Фэрис озабоченно переглянулись.

— После вечернего звона? Зачем?

Ева-Мария беспомощно развела руками:

— Она ужасно скучает по дому с самого своего приезда…

Поршия перебила ее:

— Она все время говорит о запахе хвои в морозном воздухе.

— Понимаю. — Джейн вздохнула. — Как я хорошо понимаю.

— И еще ей недостает запаха спиртного, — продолжала Поршия. — Она нашла в городе одного человека, который обещал дать ей целую бутылку водки, если она придет за ней сама сегодня ночью. Я поймала ее, когда она выскользнула из спальни, и заставила признаться, куда она идет, но не смогла остановить.

Джейн встревожилась.

— Она знает, что нельзя принимать подарки от незнакомых людей? Так никто не делает.

— Я пыталась ее убедить, — ответила Поршия. — Но там,

откуда она родом, нет никаких незнакомых людей. Она посмеялась надо мной и ушла. Я не знаю, что делать. Даже если мы скажем преподавателям, то, пока мы все объясним, она может попасть в беду.

— Поэтому Поршия пришла ко мне, — объяснила Ева-Мария, — а я пришла к вам.

— Волнение, движение и шум,[6] — задумчиво произнесла Джейн, — и, весьма вероятно, также исключение из колледжа. Как весело. — Она посмотрела на Фэрис. — Тебя очень увлекла эта книга?

— Молодой Руперт ничего, — ответила Фэрис, — но в целом — нет. Мы отправимся побродить?

— По-моему, остаться дома было бы проявлением слабости. — Джейн повернулась к Поршии. — Где Гунхильда должна встретиться с этим человеком?

— В пивной недалеко от ворот. Она называется «Стеклянная туфелька».

— Хорошо. Значит — в «Стеклянную туфельку».

Отложив математику, Джейн повела Фэрис, Еву-Марию и Поршию прочь из кабинета номер пять, вниз по кривой лестнице, через подоконник, в окно и в ночь. Небо было безоблачным, луна светила так ярко, что предметы отбрасывали резкие тени.

Пока остальные вылезали из окна, Фэрис стояла рядом с Джейн. Она отрешилась от тревоги о Гунхильде и уже не беспокоилась из-за нарушения запрета выходить после вечернего звона, потому что пришла в восторг от царящей вокруг темноты. Со времени приезда в Гринло герцогине не было разрешено выходить за пределы колледжа ночью без надежного сопровождения. По всем известным ей меркам ее спутницы не могли считаться надежным сопровождением. Она глубоко вздохнула, наслаждаясь ощущением вечерней прохлады, ароматом моря и своей непривычной свободой. Когда подошли остальные, она двинулась вслед за Джейн и девушками к саду декана, откуда можно было перебраться через стену колледжа, если влезть на дуб.

Фэрис ощущала свой восторг, как маленький пузырек веселья, угнездившийся у основания горла. Листья дуба шелестели над головой на ночном ветерке.

Выскользнув из сада в переулок, подруги бесшумно пробирались по извилистым улочкам и наконец подошли к пивной рядом с большими воротами Гринло.

— Вот это место, — сказала Поршия, вздрогнув. — Мы здесь были сегодня утром и узнавали, продают ли они водку. И здесь встретили того человека.

Интерьером «Стеклянная туфелька» не намного отличалась от «Белого руна», была лишь чуть поменьше и погрязнее. Те же деревянные столы, вдоль них скамейки. У одной стены зала — просторный камин, гаснущие угли в котором освещали комнату мрачным красноватым светом. С другой стороны — бар, сейчас пустой. В дальнем конце зала стоял моряк с темно-зеленой бутылкой в руке. Другой рукой он крепко сжимал запястье Гунхильды.

При виде своих спасительниц Гунхильда перестала вырываться и сердито бросила моряку:

— Теперь попробуйте меня не отпустить.

Поршия лишь вытаращила глаза, но, к счастью, молчала. Она осталась на пороге, а Джейн и Ева-Мария направились к Гунхильде. Фэрис быстро подошла к камину и вооружилась кочергой, стоявшей в специальной стойке вместе с другими каминными приспособлениями. В душе герцогини еще сохранился отчасти бесшабашный восторг, но это место казалось неподходящим для восторгов. Не спеша она подбросила дров в камин и тщательно перемешала угли.

— Водка — это гадость, Гунхильда, — сказала Джейн. — Пойдем лучше с нами.

Гунхильда сердито тряхнула гривой золотистых волос.

— Он меня не отпускает.

— Лучше отпустите ее, — посоветовала моряку Ева-Мария.

Тот рассмеялся.

— Сводные сестры Золушки, — сказал он. — Думаю, я могу выбирать из всего вашего выводка. Мы с ней заключили сделку, и я собираюсь получить свое.

— Не говорите глупости, — отрезала Джейн. — Нам стоит только поднять шум и обвинить вас. Вам это не понравится.

— Давайте, — ответил моряк. — Позовите моих дружков. Я не жадный.

Фэрис, сжимая в руке кочергу, подошла к Джейн. Пузырек восторга не давал ей говорить спокойно, и она старалась тщательно выговаривать слова:

— Отпустите Гунхильду.

Это прозвучало вполне нормально, но Фэрис спросила себя, не может ли ее веселость быть началом истерики.

Моряк посмотрел на нее.

— Ты слишком большая для такого мелкого парня, как я, малышка. Тебе лучше позвать моих друзей.

Фэрис быстрым движением подоткнула путающийся в ногах подол юбки.

— Вы только поглядите, одежда ей уже мешает. Лучше я сам

позову дружков.

Фэрис услышала свой собственный голос, и ей показалось, что он принадлежит совершенно другому человеку. Он был абсолютно ровным и уверенным.

— Отпусти ее, пока я тебя не прикончила.

Моряк высоко поднял темно-зеленую бутылку.

— Только подойди, и тебе придется отведать вот этого.

Гунхильда рванулась в сторону. Ева-Мария и Джейн шагнули вперед. Моряк толкнул на них Гунхильду и с силой ударил бутылкой о край стола. Раздался звон стекла, в воздухе распространился густой запах спирта. Поршия тревожно пискнула.

Крепко сжимая в руке горлышко разбитой бутылки, моряк ухмыльнулся.

— Ну, давай, милочка. Начнем бой.

Фэрис уже была настороже. Не успел он шагнуть к ней, как она сделала выпад. Кончик кочерги ударил его в грудину с таким глухим звуком, словно это была дыня. Моряк пошатнулся, но ускользнул в сторону. Блеснуло стекло — он взмахнул бутылочным горлышком. Фэрис парировала ударом, который сломал ему кость на запястье. Моряк уронил бутылку и упал на колени, разразившись ругательствами.

Фэрис почувствовала руку Джейн на своем рукаве, но голос подруги доносился словно откуда-то издалека.

— Пойдем. Быстрее, уходим.

— Вставай. — Голос Фэрис резко прозвучал в тишине комнаты. Пузырек восторга исчез. Ей не требовалось усилий, чтобы говорить спокойно.

Моряк поднял глаза. Услышав ее слова, он здоровой рукой нашарил горлышко бутылки.

— Не делай этого, — произнес мужской голос, спокойный и холодный. — Отойдите, ваша светлость, и положите кочергу.

Фэрис заморгала и отступила назад. У двери, рядом с Поршией, стоял блондин в плохо скроенном костюме. В руке он держал маленький, но устрашающего вида пистолет.

— Оставьте этого человека в покое, ваша светлость. Вы его достаточно напугали, как мне кажется.

Поршия смотрела на незнакомца во все глаза. На лице Джейн читалось облегчение.

— Кто вы? — спросила Гунхильда.

— Считайте меня свидетелем, — ответил светловолосый мужчина. — Если вы имеете какое-то влияние на герцогиню, воспользуйтесь им, чтобы убедить ее уйти.

— Герцогиня? — Гунхильда казалась сбитой с толку. — Какая

герцогиня?

— Убери же эту кочергу, Фэрис, — сказала Джейн. — Кем бы он ни был, он совершенно прав.

Фэрис медленно опустила кочергу.

— Его зовут Тириан. — Ее голос звучал отрешенно, но в остальном был вполне нормальным. — Я думаю, он работает на моего дядю.

— Как это мило, — заметила Джейн. — Мы можем теперь идти?

Гунхильда начала тихонько шмыгать носом. Ева-Мария обняла ее за плечи и нежно встряхнула.

— Какая же ты глупая.

— Я знаю, — ответила та, понурив голову. Джейн достала безупречно чистый носовой платок и протянула его Гунхильде.

— Нам обязательно обсуждать это здесь?

— Да, пойдем, — согласилась Поршия.

Моряк выразительно выругался.

— Думаю, принято единогласно. Или вы предпочитаете остаться и объясняться с властями? — спросил Тириан у Фэрис.

Фэрис с вызовом посмотрела на него.

— Я уйду. Но прихвачу с собой кочергу.

— Непременно, — согласилась Джейн. — Очень полезный предмет эта кочерга. Я и не знала.

Тириан задержался на пороге, чтобы напоследок пригрозить моряку, и тихо прикрыл за собой дверь винной лавки.

— Нам надо поторопиться.

Глава 4
«Не можешь говорить разумно — уходи»

На следующий день мадам Виллет остановила Фэрис после первой лекции.

— Декан попросила меня прислать вас в ее кабинет.

Фэрис широко раскрыла глаза. «Неужели декан знает обо всем, что произошло за воротами Гринло?»

— Вы не знаете зачем? — спросила она, надеясь, что на ее лице отражается лишь невинное удивление.

— Нет, но я уверена, что она в какой-то момент вашей беседы сообщит вам об этом. Зайдите ко мне, когда она вас отпустит.

Фэрис неохотно покидала лекционный зал. Неужели кто-то сообщил начальству, что она нарушила запрещение покидать колледж после вечернего звона? Или им даже сообщать не надо, они и так все знают?

Когда прошлой ночью они вышли из «Стеклянной туфельки», Тириан настоял на том, чтобы проводить их до колледжа. Джейн привела их обратно к саду. Под дубом она остановилась и прошептала:

— Пусть сначала лезет Гунхильда. Если кто-то нас поджидает, ее дело — приветствовать их первой.

Тириан помог Гунхильде влезть на шелестящие ветки, потом подсадил Джейн, Поршию и Еву-Марию. Когда он повернулся к Фэрис, она прикосновением руки остановила его.

— Сначала скажите мне, — тихо спросила она, — это мой дядя вас нанял?

В тихом голосе Тириана звучало удивление:

— Разве вам не сказали?

Фэрис не ответила.

— Значит, не сказали. Он нанял меня, как только убедился, что вы стали студенткой Гринло. Он хотел быть уверенным, что вы здесь останетесь.

— То есть останусь там, куда он меня засунул. Значит, вы — мой охранник.

— Ваш телохранитель, если обстоятельства этого потребуют. Я удивлен, что мои услуги сегодня не понадобились. Не имел представления, что колледж Гринло дает такое широкое образование.

— Этому в Гринло не учат. — Фэрис неохотно отдала кочергу Тириану. — Такому прямому воздействию.

— Наверное, следует учить. Наш морячок теперь дважды подумает, прежде чем подойти к студентке.

Эта мысль развеселила Фэрис. В первый раз после драки она почувствовала, что у нее поднялось настроение.

— Полезный предмет эта кочерга, — заметила она.

— Я буду обращаться с ней осторожно, — заверил ее Тириан.

Фэрис подпрыгнула, чтобы схватиться за ветку дуба, и в высшей точке прыжка почувствовала руки Тириана на своей талии. С его помощью она ухватилась за ветку, и та упруго перенесла ее через стену.

Листья дуба шелестели вокруг нее, пока она смотрела вниз, в сад. Тириан исчез. Какое-то время Фэрис позволяла ветке раскачивать себя в темноте и слушала, как порывы ноябрьского ветра шуршат сухими листьями.

— Фэрис! — прошипела из темноты Джейн. — С тобой все в порядке?

Фэрис слезла с дуба и присоединилась к стоящим в саду подругам.

— Все отлично.

По пути к кабинету декана Фэрис посматривала по сторонам в надежде, что заметит Джейн, или Гунхильду, или кого-нибудь из остальных нарушительниц порядка. У нее было такое чувство, будто она едет в повозке на казнь. Но никого из подруг поблизости не обнаружилось, она в одиночестве шагала по лабиринту коридоров, в одиночестве поднималась по лестницам и в конце концов в одиночестве встала перед столом декана.

Декан, женщина огромного роста, в манерах которой чувствовалась железная твердость, не поднимала глаз от своих бумаг.

Фэрис приняла идеально устойчивую позу, которой научила ее мадам Брачет. Ее так и подмывало украдкой оглядеть комнату, уставленную полками с книгами, но она сосредоточила свое внимание на хозяйке кабинета.

Декан отложила ручку.

— Я получила письмо, Фэрис Налланин, и хочу знать, что оно означает. — Она выбрала листок бумаги из стопки перед собой и подняла его. Взгляд ее темных глаз был устремлен прямо в светлые глаза Фэрис. — Вы шантажировали многих своих соучениц или Менари была вашей первой жертвой?

Фэрис почувствовала, как у нее открылся рот. Несколько секунд она ошеломленно молчала, потом ей удалось произнести: «Простите?» — почти без запинки.

Суровое выражение лица начальницы колледжа слегка

смягчилось.

— Или это было сделано непредумышленно? — И она протянула листок Фэрис.

Девушка взяла письмо, прочла его и в ужасе посмотрела на декана.

— Я ей не угрожала. Я ничего подобного не говорила. Все было совсем не так… — Она замолчала, пытаясь взять себя в руки.

Декан приподняла одну бровь.

— И все же вы очень нуждаетесь в деньгах. Как ясно дает понять отец Менари, Паганели — весьма знатное семейство. А такие семьи почти всегда богаты.

Фэрис сделала глубокий вдох и выдохнула как можно медленнее. Потом повторила это упражнение еще раз и передала декану содержание своего разговора с Менари.

— По-видимому, я должна носить с собой мел и грифельную доску, чтобы рисовать генеалогическое древо, если попросят, — закончила она.

Декан, приподняв брови, посмотрела на письмо Паганеля.

— Как вы думаете, почему Менари сказала… то, что она сказала, относительно вашего происхождения?

— Я родилась через шесть месяцев после смерти моего отца. Это породило слухи.

— Вы не могли бы объяснить подробнее?

— Хорошо. Галазон и Аравиль были двумя из четырех герцогств, которыми когда-то правили короли Лидии. Общие географические и экономические интересы превратили эти герцогства вместе с двумя другими — Сенедвайном и Хейдоком — в свободное торговое содружество, которое пережило лидийцев. Этот неформальный союз просуществовал до середины восемнадцатого века. Затем герцоги Аравиля начали величать себя королями Аравиля. Смехотворное самомнение. Такого титула не существует и никогда не существовало, независимо от того, как Джулиану Паганелю нравится себя именовать.

— Я передумала, — запротестовала декан. — Рассказывайте не так подробно. Какое отношение все это имеет к вам?

Фэрис мрачно улыбнулась.

— Мать моего отца обнаружила дурной вкус и заявила о своих правах на трон Аравиля. После ее смерти мой отец продолжал добиваться престола. В конце концов он нашел группировку, которая сумела короновать его. На какое-то время. Его хватило на собственно коронацию и на свадьбу. Другая группировка свергла его с трона и выслала вместе с семьей из Аравиля. Боюсь, такие вещи происходят там постоянно. Это не

очень цивилизованная страна.

— Догадываюсь.

— Та группировка, которая его свергла, не хотела, чтобы он собрал подмогу и вернулся в Аравиль, но они также не хотели публично расправляться с ним. Поэтому моих родителей посадили на корабль и не позволяли им причалить к берегу. Время от времени корабль заходил в гавань, где капитана и экипаж меняли, чтобы не дать моим родителям превратить их в своих сторонников. — Фэрис сделала паузу, чтобы прочистить горло. — Мой отец умер. — Она снова прокашлялась. — Моя мать была герцогиней Галазонской. Наши законы наследования не исключают женскую линию. В Галазоне женщины всегда получали титулы и собственность. Поэтому с ней считались даже до ее замужества и после того, как она овдовела. С помощью родственников она добилась освобождения на том условии, что вернется в Галазон и никогда его не покинет. Это условие она сама стремилась выполнить. Но она была… — Фэрис заколебалась, раздумывая, как бы помягче выразиться, и остановилась на точном слове, которое уже сорвалось с ее губ: — Беременна. Если бы этот факт стал известен, ее заточение длилось бы бесконечно.

— Но оно закончилось, — сказала декан. — А потом появились вы. И объяснить это было, наверное, сложно.

— Я — дочь моей матери. Ее законный ребенок. Для меня не имеет значения, кем был мой отец. Но это важно кое для кого в Аравиле.

— Вот откуда появился капитан дальнего плавания. Если бы ваша мать умерла бездетной, кому перешел бы теперь ее титул?

— Моему дяде Бринкеру. Если я умру, не оставив наследника, он станет герцогом Галазонским.

— Вы никогда не собирались претендовать на трон Аравиля? Никто не пытался уговорить вас это сделать?

Фэрис вздернула подбородок.

— Я — герцогиня Галазонская.

Губы декана дрогнули.

— Вот как. Зачем мириться со вторым местом? Но можете быть уверены, что аравильские группировки смотрят на это иначе. Скажите мне, почему они вас не убили?

— Гораздо вероятнее, что они попытаются выдать меня замуж за какого-нибудь захудалого родственника. Ради безопасности мой дядя Бринкер внес поправку в закон о наследовании. Мне запрещено занимать трон.

— В ваших интересах быть лишенной права наследования по закону?

— Это в его интересах. Поправка стоила довольно дорого, но одна из группировок хорошо ему заплатила за хлопоты. А я все равно — герцогиня Галазонская.

— То, что была принята такая поправка, свидетельствует о том, что не все в Аравиле верят в историю о капитане.

Фэрис кивнула.

— Существует еще и фамильное сходство. Я совсем не похожа на родственников матери. Но у нас есть копии почти всех парадных портретов и среди них портрет матери моего отца. Тот же нос. Глаза непонятного цвета. Она была очень высокой. Мой отец унаследовал и нос, и рост. Считают к тому же, что у нее были рыжие волосы. Мой дядя утверждает, что не видит никакого сходства. Именно это заставляет меня думать, что сходство очень большое.

— Кажется, вы с дядей хорошо понимаете друг друга. — Задумчиво помолчав, декан прибавила: — Мне кажется, что Менари неверно истолковала ваши слова. Постарайтесь больше не говорить ничего такого, что может быть неправильно понято. И ни с кем не обсуждайте ваше происхождение. Это неэтично.

— Не буду. — Фэрис собралась уходить.

— И еще одно. — Декан прищурила темные глаза. Ее голос стал холодным и резким. — Если я когда-нибудь хоть раз еще услышу, что вы проходите по моему саду по пути в город или обратно, я отошлю вас назад к дяде навсегда. Вам ясно?

Фэрис застыла на месте.

— И научите своих подруг не звать вас по имени, когда пытаетесь остаться незамеченной. А теперь идите. Убирайтесь из моего кабинета.

Когда Фэрис утром шла на встречу с деканом, небо было покрыто свинцовыми тучами. К тому времени, когда она вышла из кабинета начальницы колледжа, уже зарядил дождь. Герцогиня выбрала длинную дорогу к мадам Виллет, отчасти для того, чтобы не промокнуть, отчасти для того, чтобы поразмыслить и успокоиться. Выйдя через северный холл в сад, она увидела, что дождь превратился в настоящий ливень. Фэрис остановилась и прислонилась к одной из холодных мраморных колонн. Перед ней лежал аккуратный квадрат сада с фонтаном в центре. Мелкий каменный бассейн был пуст, не считая нескольких валяющихся там вялых желтых листьев. Покинутый на зиму, которая еще не наступила, сад, казалось, понурился под ледяным ноябрьским дождем. Фэрис медлила, наслаждаясь тишиной.

Не раз в течение года, проведенного в Гринло, собственная история казалась Фэрис очень далекой. Гораздо более

существенными были идеи, которые она старалась усвоить в библиотеке. Куда более полезными были термины и методики, изучаемые в классе. То, что она узнала о Джейн, а также рассказы ее подруг убедили Фэрис, что у всех есть семейные истории, будь то трагедия, комедия или роман. Ее история была, возможно, более яркой, но не выдающейся.

Из-за этого Фэрис было крайне неловко излагать декану голые факты. В обществе этой суровой женщины она чувствовала себя так, будто придумала какую-то небылицу, чтобы привлечь внимание. В то же время погружение в собственную историю помогло Фэрис понять, как все это сейчас далеко от нее. После года жизни в Гринло Галазон все еще яркой картиной стоял перед ее внутренним взором, обжигал ее сердце, но в целом былая жизнь казалась далекой и неинтересной.

Тишина сада успокоила Фэрис. Она избавилась от неловкости и нашла убежище в мыслях о Галазоне.

Не закрывая глаз, она могла видеть Галазон-Чейз таким, каким он бывал в подобные ноябрьские дни. Вместо серых колонн ее окружали серые деревья. Вместо аккуратно подстриженного сада она видела заросли ежевики и шиповника, некошеные травы и дикие цветы, доходящие до бедер и высушенные морозом, блеклые оттенки коричневого, золотого и серого. Но в это время в Галазоне уже наступала зима. С неба такого же серо-стального цвета должен падать снег, а не дождь, и ветер должен иметь привкус льда.

Фэрис смотрела, как непрерывные потоки дождя уходят в землю Гринло. Она далеко от дома, но так будет не всегда. Время идет, и настанет момент, когда она снова окажется в Галазоне.

Словно в ответ на эти мысли, дождь стал более неспешным, потом странно побелел; косые струи уже не хлестали наотмашь, а тихо ложились на плечи. В этот ноябрьский день, в этот утренний час, словно в лесах Галазон-Чейза, в Гринло пошел снег.

Фэрис пришла на ужин с опозданием. Столовая была переполнена, и привычное место — второй стул от конца за угловым столом — оказалось занятым. Подойдя ближе, она узнала сидящую на нем студентку. Менари. А вокруг нее, насторожившиеся, но вежливые, сидели Джейн, Натали и все остальные. Оставался один свободный стул, как раз напротив Поганки. Фэрис вздохнула и села на него.

— Декан вызвала к себе Еву-Марию, — говорила Натали с набитым ртом.

Фэрис вздрогнула, но промолчала.

Поршия казалась встревоженной.

— Не для того, чтобы поговорить о прошлой ночи? — Она взглянула на Менари и покраснела.

— Дежурство, — ответила Натали, проглотила кусок и продолжала: — Разве не так это всегда делается? Ева-Мария все равно недосыпает, потому что упорно занимается. Потом этот наш младенец попадает в беду, и Ева-Мария собирает вас всех спасать ее.

Гунхильда робко улыбнулась, но ничего не сказала.

Натали продолжала:

— И прямо на следующий день Еву-Марию вызывают на ночное дежурство, не выспавшуюся и проголодавшуюся.

— Бедная Ева-Мария, — сказала Поршия. — Декан сделала это нарочно.

— Ну, теперь мы знаем, где Ева-Мария. А как насчет тебя? — спросила Джейн, наливая Фэрис воды. — Где ты была?

— Я провела вторую половину дня, улыбаясь мадам Виллет, которая рвала меня на мелкие части. А вы чем были заняты?

— Ничем особенным, — подала голос Менари. — Почему мадам Виллет сердилась на тебя?

— Из-за грамматики, как всегда, — буркнула Фэрис. Она подняла глаза от тарелки, посмотрела в серые глаза Менари и обнаружила, что у нее пропал аппетит.

Менари приподняла брови и чуть улыбнулась.

Фэрис начала улыбаться ей в ответ, понимая, что это выражение не затронет ее глаз. Но пока она занималась притворством, что-то в слабой улыбке Менари искренне ее развеселило. Она усмехнулась. Менари же сохранила маску высокомерной насмешки. Фэрис смотрела ей в глаза и едва удерживалась, чтобы не расхохотаться. Другие ученицы за столом переводили взгляд с Фэрис на Менари и обратно, и у них светлели лица.

— «И будем жить, ягнятки!»,[7] — пробормотала Фэрис.

Менари сдвинула брови, и ее улыбка исчезла. Она отвела взгляд от Фэрис и посмотрела на Джейн, потом на сидящих за столом девушек. Наконец с большим достоинством встала и вышла из столовой.

— А теперь, — сказала Джейн, когда дверь закрылась и все вернулись к своим тарелкам с рагу, — объясни, что все это значит.

Фэрис пожала плечами.

— Видит Бог, не знаю. После того как я долго таращилась на мадам Виллет, я не владею своим лицом. Препарируйте мысленный процесс, если хотите, но не возлагайте на меня ответственность за мой внешний вид.

— Менари тебя не любит, — сказала Гунхильда.

Натали неодобрительно взглянула на нее.

— Гадкая девочка, разве мы тебе не запретили говорить, пока тебя не попросят?

— Откуда ты знаешь? — спросила Фэрис у Гунхильды.

— Не поощряй ее, — перебила ее Джейн. — Мы почти целый день провозились с ней, пока она полностью не осознала собственный идиотизм.

— Менари сказала, — ответила Гунхильда на вопрос Фэрис. — Она твердит, что ты слишком хвалишься своей семьей.

— Это она хвалится своей семьей, — возразила Поршия, — и всем их богатством. Как вы думаете, они в самом деле держат львов в доме?

— Когда это Менари снисходила до того, чтобы рассказывать что-нибудь студентке первого курса? — поинтересовалась Натали.

— Или по своей воле садилась за обеденный стол вместе с нами, — прибавила Фэрис. — Что привело ее сюда?

— Она сказала, что ей захотелось сесть здесь, — пожала плечами Поршия. — Здесь было свободное место, и она его заняла. Я такой дружелюбной давно ее не видела. Мы не могли ей помешать. Не думаю, что можно держать львов в доме. Чем их кормить?

— Она была очень любезна со мной в «Стеклянной туфельке», — сказала Гунхильда.

— Слушайте, слушайте! — воскликнула Джейн и подняла руку, не давая Натали высказать неодобрение. — О, послушайте! Когда это произошло?

Гунхильда вспыхнула.

— Вчера. Она разговаривала с Максимом.

— Кто такой Максим? — спросила Натали. — Впрочем, нетрудно догадаться.

Гунхильда вилкой чертила на своей тарелке замысловатые узоры. Другие студентки обменивались взглядами, полными раздраженного нетерпения, ожидая, пока она заговорит.

— Вы сами знаете, — в конце концов ответила она.

— Менари знает этого моряка? — продолжала допрос Джейн.

Гунхильда колебалась.

Натали настаивала:

— Не увиливай, противная бородавка. Да или нет?

— А ты знала того мужчину с пистолетом, — попыталась Гунхильда перевести внимание на Фэрис.

— Не пытайся хитрить, — ответила Фэрис. — Менари знала моряка?

Гунхильда кивнула.

— Похоже, они близко знакомы.

— Могу себе представить, — заметила Джейн. — Это Менари подбила тебя на эту шутку с водкой?

Гунхильда покачала головой.

— Могла ли Менари прийти туда, чтобы подговорить моряка? — поинтересовалась Натали.

— Зачем ей тратить время на какого-то моряка? — фыркнула Поршия. — Она с нами теперь почти не разговаривает.

— Ну, во-первых, моряк — мужчина, — рассудительно изрекла Джейн. — Может, вы заметили, что Поганка проявляет интерес к мужскому полу.

— Нет, — сказала Фэрис. — Я не заметила. Продолжай.

Натали оглядела переполненную столовую.

— Я на твоем месте, Джейн, не стала бы обсуждать это здесь.

Джейн прищурилась.

— Неужели у стен есть уши?

— Могут быть, — ответила Натали. — А чем интересуется Поганка? Ничем, кроме сплетен. Вовсе ни к чему распространять их.

— Или фигурировать в них, — прибавила Поршия.

— До меня дошел один слух, — вдруг снова заговорила Гунхильда. — Я слышала, что Фэрис вызывали в кабинет декана.

Фэрис сунула в рот побольше рагу и прожевывала его, размышляя. Наконец, проглотив еду, она кивнула.

— Вызывали.

— Могу ли я узнать зачем? — осведомилась Джейн.

— Это имеет некоторое отношение к нашей прогулке вчера ночью, — ответила Фэрис.

Поршия и Гунхильда вздрогнули и переглянулись.

— Почему не всех виновных? Почему вызвали одну Фэрис? — поинтересовалась Натали.

— Декан услышала только одно имя, — сухо объяснила Фэрис. — Мое.

— О-о, — простонала Джейн. — Прости. Это было очень неприятно?

— Быстро и почти безболезненно, — ответила Фэрис. — Наказание отложено, пока я не попадусь еще раз.

— А если попадешься? — спросила Джейн.

— Казнь без суда.

— Меч или шелковый шнурок? — осведомилась Натали.

— Я не спросила, — пожала плечами Фэрис. — Судя по ее поведению, думаю, декан имела в виду нечто вроде расстрела перед строем.

— Подходит для массовой казни, — заметила Джейн. И сердито посмотрела на Гунхильду.

— Я понимаю, — поспешно заверила Гунхильда. — Это я во всем виновата.

— В следующий раз, когда соскучишься по дому, — посоветовала Натали, — сделай нам всем одолжение и поезжай домой, прошу тебя.

Джейн посмотрела через плечо Натали в сторону двери.

— «Но тише, видите? Вот он опять!»[8]

— Наконец-то, — пробурчала Натали. Шарлотта остановилась у входа, чтобы взять тарелку с рагу, подошла к тому месту, где раньше сидела Менари, и грациозно опустилась на стул с высокой спинкой.

— Как Ева-Мария? — спросила Натали. Шарлотта сдвинула тарелку Менари на середину стола и поставила на ее место свою.

— Передайте мне хлеб, пожалуйста. Не спрашивайте как, спросите где. — Она чуть улыбнулась.

Поршия передала ей корзинку с хлебом.

— Где?

— У подножия башни Гавриила, — ответила Шарлотта. — Это рагу ужасно холодное.

— Тогда не ешь его, — посоветовала Джейн. — Как, по-твоему, с ней все в порядке?

— Придется есть, я умираю с голоду, — призналась Шарлотта. — Сейчас с ней все в порядке. Она бродила, как мне показалось, несколько часов, пока не нашла место, которое ее устроило. По крайней мере, она защищена от ветра.

— Все равно она замерзнет, — сказала Натали. — Слишком рано ее послали.

— Но с другой стороны, Ева-Мария всегда была развита не по годам, — сказала Шарлотта, быстро орудуя ложкой.

— Трудно не спать всю ночь, даже когда тепло, — заметила Поршия. — К утру она превратится в сосульку. Надеюсь, меня вызовут в мае.

У Шарлотты был задумчивый вид.

— Она должна выдержать эту ночь. Я притащила пуховое одеяло из спальни. Она завернулась в него до самых бровей.

— Ева-Мария — королева среди женщин, и у нее будет самое успешное дежурство за пятьдесят лет, вот увидите, — предсказала Натали. — Никаких мышей, голубей, никаких птиц. Тигр или комета — что-нибудь эффектное.

— Как хорошо, что ты это сказала, — обрадовалась Шарлотта. — Это было твое одеяло.

— Я бы хотела увидеть что-нибудь попроще, — призналась

Поршия. — Тогда меня не будет мучить соблазн похвастаться.

— Муравья, — предложила Гунхильда.

— Я бы на твоем месте предпочла паука, — сказала Натали. — Какой духовный наставник может выйти из муравья? Хотя, в общем-то, это зависит от твоего характера.

— К чему обсуждать это сейчас? — вздохнула Шарлотта. — Я только что провела два часа, бродя за Евой-Марией от одного насеста к другому и слушая, как она бормочет что-то себе под нос. Думаю, она выбрала башню Гавриила, потому что оттуда открывается вид на море. Может, она надеется увидеть рыбу. А что, больше поесть нечего?

Поршия снова протянула ей корзинку с хлебом.

— И все? — мрачно спросила Шарлотта. Она опустошила корзинку и тоскливо оглядела стол. — Я уже говорила, что ничего не ела на ленч? Собиралась быстро покончить с занятиями у наставницы и заскочить потом в кондитерскую. Но не получилось. Мадам Вудленд пришла взъерошенная и сердитая, как мой младший брат после ванны. Кажется, сегодня после полудня у них были неприятности с якорями. Она была такой рассеянной, что гоняла меня лишний час.

Фэрис бросила выразительный взгляд на недоеденный обед Менари.

— Менари потеряла аппетит и ушла от нас.

— Менари? — Шарлотта долгое мгновение смотрела на тарелку, потом с сожалением сказала: — Я поняла, что не так голодна, как мне казалось, спасибо.

— А что там случилось с якорями? — спросила Джейн. — Мне показалось, что мадам Мэлори сегодня немного не в себе. Озабочена укреплением стен?

Шарлотта покачала головой.

— Мадам Вудленд не была расположена просвещать меня.

— Сова, — произнесла Гунхильда после серьезных раздумий.

— Тебе еще рано беспокоиться о знаках и предзнаменованиях, не так ли? — спросила Джейн. — Лучше поостеречься в таких вещах. Мой кузен Генри учился в Гласкасле вместе с человеком, который во время дежурства увидел белого оленя. Он так разволновался, что рассказал об этом своему наставнику. Фу. — Она бросила смятую салфетку рядом с тарелкой.

— Не понимаю, откуда взялся этот предрассудок, — с раздражением сказала Фэрис, передавая Шарлотте свою тарелку. — Если никто не может рассказать, что он увидел во время дежурства, объясните мне, как узнать, каким вообще должен быть результат этого бодрствования.

Шарлотта взмахом ложки поблагодарила Фэрис.

— Спасибо. И хотя я тебе очень благодарна, но настаиваю, что если уж мы бросаемся словами, пусть они будут верными. Это не предрассудок, это традиция. Если постишься и несешь вахту от заката до рассвета, ты обязательно что-нибудь увидишь. Постись достаточно долго, и ты заставишь себя что-нибудь увидеть. Ты веришь, что это тебе помогает, и это тебе помогает. Если не веришь, то, конечно, это не сработает. Такое справедливо в отношении чего угодно.

— А если пытаешься объяснить, то тоже не сработает, — подхватила Натали. — Точно так же магия перестает действовать, если ты пытаешься ее объяснить.

— Вот почему никто из наших наставниц никогда не учит нас магии, — сказала Фэрис. — Я об этом догадалась. Но предположим, я не верю в алгебру, однако алгебра все равно работает.

— Только не для меня, — возразила Поршия. Гунхильда кивнула в знак согласия.

— Поступай как знаешь, — отрезала Джейн. — Когда декан объявит, что сегодня твоя очередь дежурить, плотно поужинай и ложись спать. Что до меня, то я в это верю. Когда придет моя ночь, я буду наблюдать за ветром, как сейчас Ева-Мария.

— В конце концов, — лениво произнесла Шарлотта, — если в этом ничего нет, то мы теряем только ночь сна. Если это сработает, как говорят, то это магия.

— Это как новый наряд короля, — не соглашалась Фэрис. — Одиль никогда не говорила ни о каком дежурстве.

— Знаешь, Одиль не все тебе рассказала. Хорошенько присмотрись к Еве-Марии завтра утром, — посоветовала Джейн. — А потом решишь.

— Вы признаете, что это предрассудок, если Ева-Мария не увидит своего духовного наставника во время дежурства? — не унималась Ферис. — Нет, вы будете утверждать, что у Евы-Марии нет способностей к магии.

— Какая ты сегодня язвительная, — удивилась Джейн. — Это дурное влияние мадам Виллет? Или декана?

— Я просто считаю полной чушью, что Ева-Мария в такую ночь находится под открытым небом и мерзнет ради фольклора, — возразила Фэрис. — Помилуй бог, сегодня утром шел снег.

— Неужели? — удивилась Джейн. — На лекции по логике я сидела у окна и ничего не заметила. Наверное, сосредоточилась больше, чем мне казалось.

Сразу же после рассвета Ева-Мария вернулась со своего ночного дежурства. Она светилась от радости, хотя не переставая кашляла. К отчаянию своих соучениц, которое они постарались скрыть, она пошла на утреннюю лекцию, где все время сидела и самодовольно кивала головой. Потом позволила Натали и Шарлотте отвести себя в лазарет, где легла в постель с ангельской покорностью.

— И раньше было очень плохо, — заметила Шарлотта во время обеда. — У Евы-Марии всегда был такой вид, будто она знает что-то такое, чего не знаю я. Чаще всего. Но теперь, когда я знаю, что она знает, а она знает, что я знаю, что она знает… — Она в отчаянии воздела руки. — Не понимаю, как человеку с воспалением легких удается выглядеть таким самодовольным.

— Мадам Брачет рассматривала этот вопрос на своих уроках, — откликнулась Джейн. — Ева-Мария что-нибудь рассказала о своем дежурстве?

— Надо надеяться — нет, — ответила Шарлотта.

— Путаница понятий, — туманно заметила Фэрис.

— Думай что хочешь, — бросила Джейн. Она кивнула в сторону Гунхильды, которая молчала, поглощенная своей порцией капусты. — Только постарайся не развращать малолетних.

— Развращение малолетних меня не привлекает, — отрезала Фэрис.

— Были еще неполадки с якорями? — спросила Натали.

Шарлотта покачала головой.

— Никаких. В прошлый раз, когда я спросила, мадам Вудленд пыталась уверить меня, что я ее не так поняла.

Джейн улыбнулась.

— Кто-то уснул и увидел все это во сне, я полагаю.

— Сезонная регулировка. Вполне обычная. По крайней мере, так говорят сегодня.

— Обожаю, когда они пытаются нам что-то объяснить, — сказала Натали. — Выдумка в последнюю минуту.

— Это только справедливо. Им очень нравится, когда они ловят нас на том же. — Фэрис положила салфетку рядом с тарелкой. — А теперь прошу меня простить, мне надо идти.

— Куда? — удивилась Джейн. — Риторика начнется только через полчаса.

— Я собираюсь в кондитерскую на Хай-стрит, — ответила Фэрис. — Почему-то капуста не приводит меня в такой восторг, как прежде.

— Мы, бедняжки, делаем это только для того, чтобы успокоить их нервы, — объяснила Шарлотта Натали.

— Наверное, они нас тоже хотят успокоить. Мрачная мысль, а?

— Очень мрачная.

Фэрис ушла, оставив подруг беседовать за столом. К тому времени как она вышла за ворота колледжа и зашагала по Хай-стрит, Джейн нагнала ее.

— Я бы на твоем месте была поосторожнее с этим дубом, — посоветовала Фэрис, — особенно среди бела дня. Декан заявила о своем неодобрении.

— Ты меня вынудила. Зачем ходить в кондитерскую, если у тебя нет денег? Меня одолело вульгарное любопытство.

— А что подумали остальные?

— Ничего. Я им сказала, что иду в кабинет за книгой.

— Спасибо и на том. Если бы ты притащила с собой всю стаю, мне бы и правда пришлось идти в кондитерскую. — Она двинулась дальше.

Джейн шагала рядом с ней.

— Так куда же мы идем?

— В «Стеклянную туфельку».

— Зачем?

— Повидать моряка Гунхильды.

— Зачем?!

Фэрис пожала плечами.

— Он может оказаться полезным в дальнейшем.

— На тот случай, если ты решишь все-таки совращать младенцев?

— На тот случай, если кто-то другой этого захочет. Гунхильда сказала, что Менари тоже знает этого моряка. Было бы интересно выяснить, насколько хорошо они друг друга знают.

— Думаешь, он тебе скажет? После того как ты его искалечила? Ха. Я могу рассказать тебе больше, чем он. Если он вообще знает Поганку, то знает ее очень и очень хорошо.

— Откуда тебе известно?

Джейн этот вопрос привел в раздражение.

— Ну, не он первый. Как, по-твоему, почему мы называем ее Поганкой?

Фэрис покраснела до корней своих рыжих волос, что создало резкий цветовой контраст.

— О!

— Конечно, это отвратительно, но это началось почти со дня ее приезда. Если она не думает о себе, то можно было предположить, что она должна думать о своей репутации. И о репутации Гринло. Если когда-нибудь слухи об этом дойдут до моих родителей, они взорвутся от негодования и в тот же день

заберут меня отсюда.

Фэрис нахмурилась.

— В Гринло есть правила…

— И ты прекрасно знаешь, как мы их соблюдаем. Из какого бы жалкого королевского двора ни приехала Менари, Гринло по сравнению с ним — образец вольности. В ее оправдание следует сказать, что она нарушает правила не для того, чтобы привлечь к себе внимание, а просто ради собственного развлечения. Пока что она не причинила вреда никому, кроме самой себя.

— А как насчет Гунхильды?

Джейн подавила вздох.

— Наша обязанность — следить за ней, пока она не поймет, что такое Гринло. А после, если ей захочется идти своим путем или путем Менари, наш долг — позволить ей это сделать.

Фэрис остановилась у дверей «Стеклянной туфельки».

— Мне ты ничего не должна. Я уже знаю, что такое Гринло. Незачем идти вместе со мной.

Джейн закатила глаза.

— Я тебе уже сказала, почему я здесь. Тебе вовсе ни к чему быть такой легкомысленной идиоткой.

— Вульгарное любопытство. — Фэрис с интересом посмотрела на Джейн. — Поганка. Почему только у Менари есть кличка?

— О, не у нее одной. Я думала, ты хочешь найти моряка.

— А у кого еще есть кличка? У тебя? — Фэрис вошла вслед за Джейн в «Стеклянную туфельку». — У меня?

Когда они вошли, хозяин поспешил к ним.

— Нет-нет. Больше никого из вас здесь не будет, — с негодованием воскликнул он. — Никаких студенток. Мы студенток не обслуживаем.

— Мы не хотим, чтобы нас обслуживали, — высокомерно ответила Джейн.

— Мы ищем моряка по имени Максим, — объяснила Фэрис, понизив голос. — Мне сказали, что его нужно спрашивать здесь.

Хозяин с глубоким подозрением посмотрел на герцогиню.

— Вы его подруги?

— Мы только хотим задать ему несколько вопросов.

— Я тоже хочу задать ему несколько вопросов, — сердито ответил хозяин. — Я хочу спросить у него, почему он бросил комнату, которую снимал у меня, и не заплатил по счету.

— Он уехал? — Фэрис встревожилась. — Куда?

— Если бы я знал, то получил бы деньги.

— Когда он уехал?

— Этого я тоже не знаю. Если увидите его, скажите ему, что я

его ищу.

— Когда вы в последний раз его видели?

— Вы очень любознательная юная леди, — заметил хозяин. — Уходите. — Он повел Фэрис и Джейн назад к двери и выпроводил на улицу. — И больше не приходите, — посоветовал он, захлопывая дверь.

Теперь Джейн с интересом посмотрела на Фэрис.

— Ну, это наконец нечто определенное. Что дальше?

Фэрис двинулась к воротам в конце улицы.

— Занятно, — произнесла она и погрузилась в отрешенное молчание. Джейн шла рядом с ней. Они вышли за ворота Гринло и зашагали по дороге.

Когда они прошли триста ярдов, Джейн спросила:

— Мы собираемся дойти пешком до Понторсона? Это довольно далеко.

Фэрис в изумлении посмотрела на нее.

— Ты права. На это ушел бы весь остаток дня.

Она повернула назад к воротам, но, не доходя до них, свернула с дороги на тропинку, идущую вдоль дамбы.

Джейн шла следом, осторожно выбирая путь среди камней.

— Из чистого любопытства хотелось бы знать, когда начинается прилив.

Фэрис остановилась и посмотрела через плечо на Джейн. Ветер развевал прядки волос вокруг ее лица. Она отвела их рукой, чтобы не лезли в глаза.

— Прилив?

— Я забыла, что ты ничего не смыслишь в подобных вещах. Дай сообразить. Вчера прилив начался примерно в половине второго. Поэтому сегодня он должен начаться приблизительно на сорок пять минут позже. Который сейчас час?

— Два часа?

— Я первая спросила. Нам лучше повернуть обратно. Если ты не надеешься встретить здесь Максима.

— Конечно нет.

— Тогда пошли.

— Ты иди, — ответила Фэрис. — Наверное, так будет лучше.

— Что? Нет, еще чего, я не уйду. Пойдем. — Джейн круто повернулась, сделала два шага, увидела, что Фэрис не последовала за ней, и повернулась, готовая спорить.

Фэрис стояла на камнях спиной к Джейн. Ветер взметнул ее волосы и швырнул ей в лицо, и она подняла руку, чтобы убрать их с глаз. Перед ней стоял Тириан.

Джейн подошла и остановилась рядом с Фэрис.

— Я так и думала, что вы появитесь, если я попытаюсь

уйти, — сказала Фэрис Тириану. — Мне бы пригодилась ваша помощь.

— Разумеется. — Тириан внимательно посмотрел на Джейн, потом снова на Фэрис. — Ваша подруга права насчет прилива.

— Я хочу выяснить, куда пропал тот моряк, Максим. Вы не могли бы навести для меня справки? Не привлекая особого внимания. Я хочу задать ему несколько вопросов.

— Собственно говоря, я уже навел справки. После того как вы вернулись в колледж, я пошел в «Стеклянную туфельку», чтобы вернуть кочергу. Я нашел там моряка, баюкающего свою руку, которую сломали ему вы, ваша светлость. — Тириан казался довольным. — В такой час сложно было найти врача. Но мне удалось. Его услуги и молчание оплачены.

Фэрис встревожилась.

— Это очень дорого стоило?

— Мне возместят расходы. Этот неудачник согласился уехать отсюда в Париж и выздоравливать там. Когда он сегодня утром не встретился со мной в Понторсоне, я вернулся и стал его искать.

— В Понторсоне?

— На вокзале, рискну высказать предположение, — вставила Джейн.

Тириан слегка улыбнулся ей.

— Я намеревался посадить его на поезд и только потом заплатить.

— Но он не пришел? — Фэрис казалась озадаченной.

Довольное выражение на лице Тириана уступило место легкой озабоченности.

— Никто не видел его со вчерашнего вечера Пожитки все еще сложены в его комнате. А самого Максима нигде нет.

— Улизнул, — заключила Джейн. — В каком-то смысле это облегчение.

— До того, как получил деньги? — возразила Фэрис. — Это кажется маловероятным.

— Возможно, он испугался. Вы с ним были довольно грубы.

— Так испугался, что не взял вещи?

— Думаю, он больше злился, чем боялся, когда я в последний раз говорил с ним. Кто-то, возможно, напугал его после вас. Когда я осматривал сегодня его комнату, то нашел на незастеленной постели дохлую крысу.

Джейн поморщилась.

Фэрис прищурилась.

— Это интересно. Хозяин «Стеклянной туфельки» не упоминал ни о какой крысе.

— Наверное, это плохо сказалось бы на его бизнесе, —

предположила Джейн.

— Максим оставил свои пожитки. Проигнорировал предложенные деньги. Уехал, не сказав ни слова, со сломанной рукой, которая не позволит ему работать несколько недель. — Фэрис нахмурилась. — Куда он уехал? И почему он туда уехал?

Джейн посмотрела на далекий горизонт, где небо сливалось с морем.

— Возможно, он где-то там.

— Надеюсь. — Тириан мрачно смотрел на Фэрис. — Да, еще… Я уверен, что это ничего не значит. Но у крысы была сломана передняя лапка.

Фэрис уставилась на него.

— Совершенно отвратительно. — Джейн почувствовала, как к ее ноге прикоснулось что-то холодное. Она охнула и посмотрела вниз. Камень, на котором она стояла, уже наполовину погрузился в воду.

— Пора уходить, — сказала она, перепрыгнув на камень рядом. Вода немедленно подобралась и к нему.

— Это правда. Могу я проводить вас обратно в колледж? — спросил Тириан.

— Вы очень добры, — ответила Джейн. — Признаюсь, что в данный момент мне очень не хотелось бы увидеть крысу.

Они втроем пошли обратно по скользким камням. Тириан расстался с ними у ворот колледжа. Несмотря на вопросы Джейн о Тириане, крысах и моряках, Фэрис ничего не отвечала по дороге назад, ничего не говорила, когда они шли за книгами; молчала, пока они не добрались до лестничной площадки возле кабинета номер пять.

— Ты так и не ответила мне, Джейн, — произнесла она наконец. — У меня есть прозвище?

— Было в прошлом семестре, — осторожно призналась Джейн. — Его почти никто не употреблял. Уверена, теперь его забыли.

— Ну? — Фэрис настороженно смотрела на Джейн. — И какое же?

— Ферзь.

Короткое мгновение Фэрис казалась раздраженной, потом рассмеялась.

— Могло быть хуже. И кто его придумал?

Уши Джейн приобрели нежно-розовый оттенок. Она не ответила, но Фэрис дальнейшие расспросы не понадобились.

В ту зиму Менари не доставляла Фэрис неприятностей. Гунхильда не попадала в переделки. О ее моряке больше не было

слышно.

Ева-Мария так продвинулась в учебе, что ее окружал ощутимый магический туман, подобно запаху влажной весенней земли. Чтобы она ненароком не прибегла к магии, ее наставница добилась для нее от декана разрешения сдать выпускные экзамены на Сретенье. Ева-Мария их сдала, получила диплом, и, сияя от счастья, уехала, чтобы занять выгодную должность в Министерстве иностранных дел. Ее подруги скрывали за завистливыми замечаниями свои чувства, потом снова погрузились в рутину школьной жизни, но отсутствие Евы-Марии ощущали остро.

Шарлотта и Натали столь усердно занялись учебой, что тоже почти не участвовали в обычных делах. Даже у Поршии проявился интерес к занятиям. И Фэрис с Джейн остались одни в кабинете с трехтомными романами: Фэрис, потому что не верила, что чему-нибудь научится, если ее никто не учит, а Джейн — потому что не хотела научиться слишком быстро.

— Подумай об этом, — сказала Джейн однажды, когда они мрачным вечером в начале марта пили чай в кабинете. — Ева-Мария украла у себя пять месяцев учебы в Гринло. А зачем? Чтобы порисоваться.

Фэрис стояла у окна, облокотившись на подоконник и подпирая голову ладонями.

— Разве первые гуси весной прилетают с севера, чтобы порисоваться? Или в ответ на зов, которому не могут сопротивляться?

Гуси пролетели ночью, их громкие крики разбудили Фэрис, прервав сон о Галазоне. Она просидела на постели весь остаток ночи, обхватив руками колени, дрожа от тоски по дому.

— О, не говори метафорами. Достаточно с меня декана.

— Ничего не могу поделать. — Фэрис смотрела в пустое серое небо. — Только их и хочет слышать мадам Виллет. Мне теперь почти без труда удается называть ястреба цаплей.

— Учение о ключевых знаках, — с отвращением сказала Джейн. — Все в этом мире символизирует то, чем не является. Удивительно, как что-то еще удается сделать.

— Разве что-то делается? Разве все это не часть божественной борьбы порядка с хаосом, подъема и спада, спада и подъема?

— Не можешь говорить понятно — лучше уходи.

— Чаю не осталось?

— Нет. И это был последний. Придется написать и попросить еще, а мама, вероятно, не пришлет, потому что я уже скоро вернусь домой. — Джейн вздохнула. — Осталось три месяца.

Кто-то постучал в дверь.

Фэрис отвернулась от окна и встретила удивленный взгляд Джейн. Все знакомые первокурсницы были на занятиях, а немногие из старших студенток не настолько церемонились, чтобы стучаться.

Джейн открыла дверь. Там никого не оказалось. Озадаченная, она шагнула за порог и посмотрела в оба конца коридора, потом нагнулась и подняла лежащий у двери листок бумаги.

Фэрис пристально смотрела на Джейн, которая развернула листок, прочла его, перечитала и снова сложила.

Джейн посмотрела на Фэрис.

— Сегодня ночью. — Ее голос звучал совершенно обыденно.

— Что сегодня ночью?

— Мое дежурство.

В эту ночь Фэрис не спала. Дело было не только в сознании, что Джейн снаружи, скорчившись под всеми одеялами, какие удалось достать, дрожит на самом верху башни Гавриила. Не только в стае гусей, которые пролетели по небу в полночь со слабым криком, словно охотничьи собаки на небесных полях. Не только в южном ветре, который дул непрерывно уже много дней, принося с собой аромат вспаханных полей.

Все это совпало, но больше всего ей не давало уснуть ощущение быстро проходящего времени. Фэрис понимала, что ее пребывание в Гринло — не бессрочная ссылка из Галазона. Она неизбежно подойдет к концу. В отличие от Джейн, Фэрис с нетерпением ждала окончания срока пребывания в школе, стремилась домой. Несомненно, она пропустила многое из того, что ей мог предложить Гринло. Если не оставалось надежды научиться магии, — а с этим, очевидно, уже нужно смириться, — то не больше вероятности было провести три года в какой угодно школе и совсем ничему не научиться.

Но когда Фэрис лежала без сна в тишине и темноте спальни, она думала о том, что «ничего» — это именно то, чему ей удалось научиться. Она умела часами стоять неподвижно, расслабившись, умела казаться благодушной и сохранять холодную голову. Но это все, чему она научилась.

Фэрис с горечью размышляла о тех днях, которые она провела вдали от Галазона. Половину этого срока она потратила здесь зря, читая романы. За это время ее дядя мог срубить все деревья в Галазон-Чейзе.

К рассвету глаза у Фэрис стали красные, как у хорька, и она была такой же злой. Она встретила Джейн у подножия башни Гавриила и помогла ей свернуть одеяла.

— Спасибо, — сказала Джейн, когда последнее одеяло было

свернуто.

— Повезло? — Фэрис сама удивилась, как хрипло звучит ее голос.

У Джейн был задумчивый вид.

— История о Коте в сапогах теперь мне гораздо понятнее.

— Тебе не полагается мне рассказывать.

— О, это не кот. Какая разница? Ты все равно в это не веришь.

— Главное, ты веришь. Ты сейчас собираешься на утреннюю лекцию?

— Ну да. Я вообще собираюсь начать как следует заниматься. Разве только посплю немного сначала.

Фэрис тяжело вздохнула.

— Я, вероятно, тоже начну учиться. Все остальные учатся. Это поможет скоротать время.

— Да, действительно, как раз то, что надо.

Они вместе отнесли одеяла обратно в спальню.

У обеих подруг был невеселый вид.

Глава 5
Новости из дома

Остальную часть семестра Фэрис провела в борьбе с древними греками в целом и Аристотелем в частности. Для мадам Виллет она читала «Метафизику». Для себя штудировала «Политику» и все остальное, что, по ее мнению, могло пригодиться будущему правителю. К тому времени, когда студентки третьего курса начали сдавать выпускные экзамены, она усердно писала реферат по «Метафизике», посвященный устройству мира в интерпретации декана.

Джейн на всех парусах уносилась в неисследованные моря математики и магии. Место в штате, которое готовили для Евы-Марии, было теперь свободно, и его могла занять любая достойная выпускница. Джейн посчитала такую возможность даром небес и, приложив все усилия, с триумфом сдала выпускные экзамены. Она не только стала выпускницей Гринло, ее пригласили остаться в колледже.

Как-то в майский день, когда большинство студенток сопровождали свои сундуки и чемоданы на вокзал в Понторсон, Джейн и Фэрис встретились на дамбе возле башни Корделиона. Полностью оправившись от мучений, связанных с учебой, Джейн, как всегда, выглядела очень опрятной. Фэрис пыталась уложить волосы наподобие аккуратной прически Джейн, но прибрежный ветер изо всех сил старался растрепать узел, который она с таким трудом соорудила.

Фэрис держала под мышкой книгу. Джейн в одной руке несла бутылку шампанского, а в другой — два бокала из столовой. В дружеском молчании они поднялись на вал и уселись наверху. Фэрис держала бокалы, пока Джейн сражалась с пробкой шампанского.

— Наконец-то, — воскликнула Джейн. — Давай бокалы.

Фэрис подчинилась и с удовольствием наблюдала за игрой солнечного света в вине, которое разливала Джейн, а потом заметила этикетку и не удержалась от восхищенного возгласа:

— Я и понятия не имела, что в лавках Гринло имеется такая роскошь.

— Ничего подобного. Я привезла его с собой, когда вернулась в этом году после каникул. Подумала, что если сдам выпускные экзамены, то мне захочется отпраздновать, а если нет, то наверняка нужно будет взбодриться.

Фэрис вручила Джейн ее бокал и подняла свой.

— За наш праздник! Поздравляю.

— За унылых английских парней, — подхватила Джейн.

— За выдающуюся колдунью Гринло Джейн Брейлсфорд.

— И пусть они никогда не встретятся. — Джейн чокнулась бокалом с Фэрис.

Они выпили. Джейн блаженно улыбалась, глядя на горизонт, где ныряли и кружили чайки.

— Славное завершение прекрасного года. Пусть твой последний год пройдет так же весело.

— В последние месяцы веселья было маловато.

Джейн сделала еще глоток.

— Я рада, что ты заметила перемену, но, знаешь, ты во многом сама виновата: слишком усердно занималась. В следующем семестре тебе придется исправиться. Я передам свой кабинет тебе, Шарлотте и Натали. Вам иногда придется баловать себя пирогами и элем, просто для того, чтобы сохранить традиции этой комнаты.

Фэрис широко раскрыла глаза.

— Спасибо. Ты к нам будешь иногда заходить, чтобы поддерживать веселье на должном уровне?

— Если меня пригласят.

— Ты можешь присоединяться к нам, чтобы попить чаю и почитать вслух трехтомные романы, если у тебя еще остались такие, которые я не читала.

— Очень любезно. — Джейн налила еще шампанского. — Что ты сейчас читаешь? — Ее тон был намеренно небрежным.

— То, что считает нужным мадам Виллет.

— Нет, я имею в виду чтение для себя.

— А! Ну, дай подумать. «Трое в лодке».[9]

— Как, опять?

— Ах, нет.

— Фэрис, ты читала это в феврале. Ты хочешь сказать, что ничего не читала с тех пор, кроме книг, нужных для занятий?

— А ты сама? Это ты в последние шесть месяцев спала по два часа, а остальное время проводила в библиотеке, готовясь к экзаменам.

— Да, но так и положено третьекурсницам. И вообще я собираюсь провести всю жизнь в библиотеках, если удастся. А ты на этой неделе сидела там каждый день, хотя занятия закончились десять дней назад.

Фэрис изучала пузырьки, поднимающиеся в бокале.

— Почему тебя это так шокирует? Я всего лишь занялась немного серьезным чтением. Не все же зачитываться романами!

— Ох, какая ты стала правильная, когда я выпустила тебя из виду. Как долго ты думаешь придерживаться этих добродетельных привычек? Можно ли надеяться, что ты снизойдешь до небольшого путешествия на каникулах?

Фэрис не отрывала глаз от пузырьков. Большинство из них знали свою задачу и послушно поднимались к поверхности. И что стало с ними потом, с этими бедными пузырьками? Или еще хуже, что стало с отставшими пузырьками, которые притаились на дне бокала? Фэрис решительно выбросила их из головы. У Джейн было настроение задавать вопросы, и приходилось сосредоточиваться на ответах.

— Дядя написал декану. Мое проживание оплачено до следующей Троицы. Так что я остаюсь здесь.

Джейн помрачнела.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, то не доживешь тут до Троицы. Тебя пошлют в Швейцарию заново учиться дышать.

Фэрис поморщилась.

— А что со мной не так? Все остальные учатся. Никто не говорит ни слова. Я много месяцев бездельничаю, ежедневно преподаватели одаривают меня ледяными взглядами, и никого это не беспокоит. А потом, когда я наконец взялась за работу, ты отчитываешь меня так, будто я съехала с катушек. Ты считаешь, что мой интеллект не выдержит подобной нагрузки? Думаешь, у меня с головой не в порядке?

— Не больше, чем у всех остальных. Однако если ты все лето проведешь за учебой, я за тебя не поручусь. А если еще будешь рассуждать насчет вреда трехтомных романов, я с тобой перестану разговаривать.

— Бросить учебу? А что я буду делать вместо этого? Считать чаек?

— Если захочешь. Не можешь придумать что-нибудь более полезное?

— Учиться полезно. Учиться управлять Галазоном полезно.

Джейн запрокинула голову и уставилась в глубину неба, в бесконечную синюю высь.

— Магия полезна. — Она пару минут смотрела вверх, потом перевела взгляд на Фэрис. — Ты не хочешь немного поучиться магии?

После долгого молчания Фэрис тихо проговорила:

— Это шутка?

— Никаких шуток. Мне кажется, ты не веришь в магию, и я могу сказать тебе прямо сейчас, что, если ты действительно в нее не веришь, ты никогда не сдашь выпускные экзамены.

— Ох, перестань. Я же не первый скептик, почтивший своим присутствием Гринло. — Фэрис аккуратно поставила бокал. — Разве верить обязательно? Если да, то мне следует смириться с провалом.

— В этом нет необходимости.

Фэрис сжала кулаки.

— Тогда почему они нас не учат? Вот мы сидим здесь три долгих года и ждем. Почему нас ничему не учат?

— Обучение бессмысленно, если ты не можешь найти к магии свой путь. Если бы я только могла убедить тебя, что это правда, что магия здесь и ждет тебя, ты бы нашла собственное объяснение.

Фэрис нахмурилась.

— Тебе нет нужды меня убеждать. Это сделала Ева-Мария. Даже бревно могло что-то ощутить в ее присутствии. Как чайник, который вот-вот закипит. Но одно дело знать, что для нее это правда, а совсем другое — верить, что это правда для меня. Если бы это было так, я бы уже знала.

Джейн поставила пустой бокал.

— Возможно, это против всех правил, которые когда-либо были написаны, но, с другой стороны, я уже не студентка. — Она взяла пробку от шампанского и подняла ее на открытой ладони.

Фэрис не могла отвести глаз от пробки, дрожащей на руке Джейн. Сначала медленно, потом все быстрее, пробка стала менять очертания, пока на ладони Джейн не оказался воробей с взъерошенными перьями и лихорадочно блестящими черными глазками. Джейн нежно дохнула на ладонь. Воробей расправил крылышки, свалился с ладони Джейн и стал стремительно падать вниз со стены.

Фэрис и Джейн перегнулись через стену и смотрели на него. За несколько дюймов до воды крылья воробья нашли опору в воздухе. Он быстро замахал ими и поднялся вверх, резко взмыл почти до того уровня, где они стояли, потом полетел прочь, к открытому проливу. На расстоянии пятидесяти ярдов от дамбы, в ответ на какую-то перемену в воздухе, полет воробья прервался. Птица исчезла. Пробка от шампанского упала в море и лениво заколыхалась на волнах.

— Вот до того места простирается охранная зона Гринло. За этим барьером магия требует гораздо больших усилий. Там правят хранители мира. Здесь колдуньи Гринло уравновешивают свою собственную магию. — Джейн потерла лоб и слегка нахмурилась.

Фэрис молча наблюдала за неустанным, бесцельным движением волн.

Джейн снова посмотрела на небо.

— Жаль, что он летел вперед, а не вверх. Было бы интересно узнать, как высоко простирается барьер. Возможно, он раскинулся над нами, как стеклянный купол.

— Зачем ты это сделала? — В голосе Фэрис не было никаких эмоций, даже любопытства.

— Я думала, тебе будет интересно. — Джейн пристально вгляделась в Фэрис. — Тебе интересно?

Фэрис все еще наблюдала за пробкой.

— Если бы я могла делать такое, Галазон принадлежал бы мне. — Ее голос был слабым и бесстрастным.

Джейн удивилась.

— Я думала, он и так принадлежит тебе.

Фэрис покачала головой.

— Мой дядя правит герцогством так же, как и мною. Если я вернусь обратно в Галазон колдуньей Гринло, тогда он действительно будет принадлежать мне. Я смогу заботиться о нем, как нужно, как о нем заботилась моя мать.

— Это все, для чего тебе нужна магия? Власть над дядей?

— Ты не понимаешь, — Фэрис протянула Джейн свою книгу. — «Государь».[10] Очень полезная книга. Она демонстрирует тщетность государственной власти. Не обладая умением читать в душах людей, правитель должен всегда бояться. Испуганному правителю приходится править при помощи страха. Иначе никак не получится. Если мой дядя и научил меня чему-то, так именно бояться.

Джейн с тревогой смотрела на нее.

Фэрис махнула рукой, чтобы развеять озабоченность на лице подруги.

— О, я не имею в виду ничего ужасного. Но я должна бояться его возможных поступков, ожидая, совершит он их или нет. Дело не в том, что я хочу получить власть над ним. Дело в самом его существовании. С моей стороны было бы глупо его игнорировать. А теперь ты спрашиваешь меня, так небрежно, интересует ли меня изучение магии. Позволь задать тебе вопрос. Может ли магия Гринло научить меня читать в душах людей?

Джейн взяла из рук Фэрис книгу и положила ее между ними.

— Подумай, Фэрис, Гринло выпускает колдуний уже триста лет. Дипломаты, судьи, послы, посредники, государственные чиновники — но не святые. Мы живем не в раю. Мы живем в мире, где все еще есть войны, и чума, и анархисты, и всевозможные бедствия. Гринло не дает против них средств. Здесь нас учат уравновешивать то, что в наших силах, как хранители мира уравновешивают нашу сферу внутри всей модели.

— Позвольте мне только уравновесить Галазон! — пылко воскликнула Фэрис. — Я покажу вам такой рай, что у вас сердце перевернется в груди. У нас хватит богатой почвы, чтобы посрамить любой французский сад, и достаточно лугов, чтобы пасти всех овец Шотландии.

— Именно на это ты употребишь знания, полученные в Гринло? На разведение овец?

— И выращивание овса. Всякого овса. Там, где есть лошади, должен расти овес. У нас чудесные лошади в Галазоне, не крупные, но очень сильные. Когда хейдокеры совершали набеги на остальную часть Лидии, именно наша легкая кавалерия позволила неоднократно прославленному Лудовику не пустить их в Галазон. Мама говаривала, что нам следует благодарить за сохранность наших границ хейдокеров. Если бы не они, у Лудовика могло появиться свободное время, чтобы прийти и постучаться в ворота самого Арависа. Все дело в высокогорных пастбищах, где все лето пасутся лошади. Под почвой залегает известняк, полезный для костей. Но именно овес решает все.

Джейн подняла ладонь.

— Пощади. Я тебя поняла. Не нужно вдаваться в подробности. У нас впереди целое лето, чтобы обсудить эти вопросы. Я сделаю все, что в моих силах, и помогу тебе.

— А у тебя не будет неприятностей с деканом?

— Не думаю. Декан поручила мне быть твоей наставницей.

Фэрис замерла.

— Что?

— В противном случае мне было предложено уехать домой. Я знаю, что родители никогда не отпустят меня назад, поэтому взяла на себя эту обязанность.

— Другими словами, я — твоя первая воспитанница.

Джейн улыбнулась.

— Декан говорит, что я знаю еще очень мало, поэтому вряд ли ты многому сможешь у меня научиться. Тебе нужно внимание, потому что ты можешь достичь зрелости так же рано, как Ева-Мария. Ты прожила здесь полтора года и не покидала Гринло дольше чем на несколько часов. А проживание здесь круглый год дает свои плоды, знаешь ли. На сколько ты выросла с тех пор, как приехала сюда?

— Портниха мне сказала, что на пять дюймов. Она говорит, я как ежегодная рента. — Фэрис хихикнула. — Это потому, что я провела здесь прошлое лето? Ты хочешь сказать, что декан считает, я могу достичь успехов раньше, чем следует, потому что дядя держал меня здесь, а не позволял ездить домой на каникулы?

— На некоторых студенток это действует именно так.

Фэрис хохотала до тех пор, пока ее волосы не рассыпались и не упали на глаза.

— Ох, как он разозлится, когда я скажу ему об этом.

Через несколько дней Фэрис и Джейн вернулись на свое любимое место у башни Корделиона. Начался прилив, поэтому они сели радом, глядя на волны, которые без устали набегали на дамбу.

По настоянию Джейн — и за ее счет — они поели в «Зеленой мантии», городском ресторанчике, который обслуживал многих преподавателей и наставников колледжа, и поэтому студентам было категорически запрещено его посещать. Джейн посмеялась над опасениями Фэрис, что декан застанет ее там, и герцогиня вынуждена была признать, что качество блюд стоило риска. Наевшиеся досыта и расслабленные до сонного состояния подруги сидели на солнышке. Они мало говорили, почти ни о чем. После продолжительного молчания Джейн спросила без всякой связи с предыдущим:

— Когда ты выйдешь замуж, как ты считаешь?

Фэрис прекратила покачивать ногой и посмотрела на Джейн.

— Ты с ума сошла? Я не собираюсь замуж.

Джейн удивилась:

— Совсем? Это довольно безответственно с твоей стороны. Кому же ты тогда оставишь Галазон?

— Не дядюшке Бриннеру.

— Его детям? А что, если они будут еще хуже, чем он? С детьми это часто бывает, как мне кажется. Посмотри на принца Джона.

— Мне не надо смотреть на его детей, слава богу. Он холостяк.

— Холостяки женятся. В конце концов, мир нужно населять людьми. Почему бы вам не населить его самим? Я удивлена, что у тебя еще нет «взаимопонимания» с каким-нибудь благородным отпрыском. О чем думала твоя мать?

— Весьма возможно, она думала о своем собственном «взаимопонимании». И вообще она не придерживалась слишком высокого мнения о браке.

— У нее, несомненно, были свои причины. Я и сама не слишком высокого мнения о семейной жизни.

— А каким образом ты избавилась от необходимости выходить замуж?

— Братья, Фэрис, братья. Имя Брейлсфордов может жить в веках без моей помощи. Давай, расскажи мне все. Разве ты об

этом не думала?

— А ты?

— О, я еще в детской отказалась от этой идеи. Ясно помню этот момент. Мне было четыре года. Один почетный гость на дне рождения, куда меня заманили, проникся ко мне симпатией. Маленький негодяй попытался меня поцеловать. Я укусила его за нос. К тому времени, как вся суматоха по этому поводу улеглась, я решила, что это пустое растрачивание души в пустыне позора.

— Ты была не по годам развита.

— А ты нет?

Фэрис вздохнула.

— Совсем наоборот. Я почему-то никогда такой не была.

— Что, никогда? — изумилась Джейн, потом сама же весело ответила: — Нет, никогда!

— Никогда, — настаивала Фэрис.

— Никогда? Не может быть!

Фэрис покраснела.

— Ну, я несколько раз, еще маленькой, проводила лето вне дома. Там был один мальчик моих лет…

— Я так и знала! — воскликнула Джейн.

Фэрис не обратила внимания на ее восклицание, погрузившись в воспоминания.

— В то лето, когда нам было по одиннадцать, мы ходили ловить рыбу, и он учил меня, как снимать рыбу с крючка. Только он делал это за меня, поэтому мне самой не приходилось ее снимать. Через год он иногда позволял мне пострелять из своего ружья. Однажды он украл у отца сигару и когда совсем позеленел, то позволил мне сделать затяжку. Нас стошнило рядышком на декоративный бордюр. Этот мальчик мне нравился. Думаю, я ему тоже нравилась, потому что в конце того лета, когда нам было по тринадцать, он подарил мне свой перочинный ножик.

— Похоже на идиллию.

— Ему подарили гораздо лучший ножик на четырнадцатый день рождения, за несколько дней до этого.

— Все равно.

— Больше я никогда его не видела. — Задумчиво помолчав, Фэрис заключила: — Мне кажется, из-за него они меня больше туда не посылали. Никогда нельзя ничего рассказывать взрослым. Даже матерям.

— Особенно матерям. — После продолжительного молчания Джейн прибавила: — Может быть, ты его когда-нибудь еще встретишь.

Фэрис покачала головой.

— Ты права. Так лучше. Каждый раз при виде коробки сигар

ты будешь вспоминать его. К сожалению, и он, когда увидит коробку сигар, вероятно, вспомнит о тебе.

— Должна признаться, мне никогда не нравились декоративные бордюры.

Фэрис думала, что знает о Гринло все. Но в те долгие дни, которые она провела в обществе Джейн Брейлсфорд, она изучила Гринло от меток границы отлива под стеной дамбы со стороны моря до венчающего колледж шпиля, который был похож на вонзившийся в небо меч. Стена, выходящая к морю, была любимым убежищем Джейн в солнечную погоду. Кривые улочки городка они посещали редко; большую часть времени проводили, исследуя горы, скрытое сердце Гринло.

В выходе гранитной породы, которая служила фундаментом колледжа, под грудами отшлифованных камней, столбов и остатками сводов таилась самая первая часовня, построенная в Гринло, давно преданная забвению теми честолюбцами, которые соорудили колледж на гранитной вершине. От нее осталась одна-единственная комната, простое сводчатое помещение, в нем сохранился только алтарь, и больше ничего. В летнюю жару и в зимний холод часовня хранила ровную прохладу.

Стоя рядом с Джейн у самой двери часовни, Фэрис ощущала тишину так же отчетливо, как температуру. В полумраке, прорезаемом только лампой у алтаря, герцогиня чувствовала тяжесть времени, давившую на нее точно так же, как кирпичная кладка давила на высокий свод над головой.

— Когда это место было посвящено Святой Маргарите, победительнице драконов, — прошептала Джейн, — оно уже было древним. Оно было древним, когда у хранителей мира был пышный двор. Оно было древним до того, как они ушли в мир, свободные, как менестрели. В этих камнях поет время.

— Как поэтично.

— Даже не пытайся смотреть на меня свысока. Я — колдунья Гринло, ты — жалкая студентка, я буду такой поэтичной, какой захочу. А теперь обрати внимание. У защиты, которая поддерживает равновесие Гринло, два якоря. Здесь мы находимся очень близко от нижнего якоря. Из-за разницы между равновесием в границах Гринло и равновесием за его пределами возле якорей есть немое пятно. Это то, чего ты не слышишь.

— Тогда мы находимся возле южного полюса Гринло.

— Можешь думать так, если тебе нравится. Я предпочитаю думать о Гринло и его защите, как о пузырьках в бокале шампанского.

— Где находится второй якорь?

Джейн, казалось, понравился этот вопрос.

— Иди за мной.

Фэрис вышла вслед за подругой и через неф новой часовни, названной так, потому что ей было всего двести лет, попала в южный придел. Оттуда через низкую дверцу Джейн повела Фэрис наверх по винтовой лестнице. Сначала они шли быстро, но, преодолев три сотни ступенек, уже еле ползли.

Фэрис была слишком упряма, чтобы протестовать, и следовала за Джейн молча. Она поднималась, держась левой рукой за центральный столб, и задевала правым рукавом внешнюю стенку: такой узкой была лестница. Через каждые сто ступенек встречались узкие окна, ширина которых позволяла лишь выпустить стрелу, но даже в скудном свете, просачивающемся сквозь них, было видно, как стерты клиновидные ступени.

Когда Джейн остановилась, Фэрис только через несколько мгновений поняла, что они не просто отдыхают. Джейн стояла на верхней ступеньке, положив руку на щеколду низкой дверцы. Она подняла щеколду и первой прошла в дверь. Фэрис вышла за подругой на крышу, и солнечный свет хлынул на нее. У нее закружилась голова, весь мир завертелся вокруг. Она схватилась рукой за дверь и остановилась, широко раскрыв глаза, тяжело дыша и глядя на расстилающийся перед ней пейзаж.

На востоке, далеко внизу, серебристой чешуей поблескивал залив, простирающийся до самых синих холмов Нормандии. Там и сям были видны зыбучие пески, обнаженные отливом. Над идеально ровной бухтой стены Гринло вздымались, подобно детскому замку из песка.

Глядя вниз, Фэрис любовалась аккуратными садами вокруг домиков с шиферными крышами, окружавших подножие Гринло. За ее спиной возвышалась похожая на искусно сделанную перечницу башенка, в которой скрывалась лестница. Справа стояла Джейн, щурясь от солнца и глядя в небесную высь. Слева были видны легкие очертания шпиля с отблесками золотистых и серебристых пятен лишайника, покрывавшего серый камень.

Фэрис посмотрела вверх на граненый шпиль. На вершине, как ей было известно, кажущиеся снизу переплетением крыльев и мечей, стояли спина к спине фигуры Святой Маргариты и Святого Михаила, столь долго попирающие дракона, что он превратился в кусок зеленой бронзы. Глядя на проплывающие на фоне шпиля облака, Фэрис почувствовала, что у нее закружилась голова.

— Добро пожаловать на северный полюс. Мы не можем долго здесь оставаться. Даже просто стоя здесь, мы нарушаем равновесие сфер. Но я подумала, что тебе захочется это увидеть.

— О да, — тихо ответила Фэрис, не отрывая глаз от горизонта. — Мне хочется это видеть.

Двадцать минут прошли в молчании, наконец Джейн резко вздохнула.

— Нам нужно идти.

— Уже? У меня сердце все еще колотится после подъема по лестнице.

— Позор. Я прослежу, чтобы этим летом ты занялась полезными для здоровья тренировками.

— Карабкаясь по лестницам?

— Карабкаясь на деревья. Пойдем.

— Это обязательно?

— Не скули. Иди за мной.

— Вы, англичане… — Фэрис бросила последний тоскливый взгляд на открывающийся вид и последовала за Джейн обратно к винтовой лестнице. — Такие строгие!

Послушно выполняя приказы Джейн — или декана, — Фэрис провела остаток лета, в полной мере получая все удовольствия от Гринло, возможные в период каникул. С помощью кошелька Джейн она могла наслаждаться сластями из кондитерской. Карабкаясь на самые удобные для этих целей деревья в саду декана, Джейн проводила столько же времени, предаваясь дремоте в их тени, сколько посвящала оздоровительным упражнениям. Фэрис привыкла наблюдать за узорами света и тени в листве до тех пор, пока произвольная игра солнечного света и теней не погружали и ее в сон.

Погода стояла в основном хорошая, прогулки по верху или у подножия дамбы были приятными. Когда выпадали дождливые деньки, особенно уютно становилось в библиотеке. Там, в один из последних дней летнего отдыха, Фэрис обнаружила, что читает древнегреческую книгу ради удовольствия: это был научный труд под названием «Работы и дни». Она поспешно положила том, как только осознала свое прегрешение, но было уже поздно. Каникулы закончились. Лето сменилось осенью.

В октябре вернулись другие студентки. Фэрис оказалась владелицей общего кабинета с Шарлоттой и Натали, но все трое так усердно занимались, что почти не разговаривали друг с другом.

К ноябрю Фэрис почти привыкла слышать, как ее подругу называют «мадам Брейлсфорд».

— Тебе письмо, — сказала Натали, когда Фэрис вошла в кабинет номер пять однажды поздним ноябрьским вечером. —

Его оставила Джейн, то есть мадам Брейлсфорд.

Фэрис положила книги и взяла сложенный листок. Хрустящая бумага, изящный, но неразборчивый почерк декана позволили ей догадаться о содержании еще до того, как она прочла письмо. Все студентки третьего курса, а также Ева-Мария и Одиль получили точно такие же послания перед ночным бодрствованием. Фэрис развернула листок.

> «Декан колледжа Гринло приглашает Фэрис Налланин на ночное дежурство сегодня, двадцать восьмого ноября, и до восхода солнца двадцать девятого».

— Сегодня моя очередь. — Фэрис машинально сложила листок бумаги пополам, потом в четыре раза — и так далее, до тех пор пока это было возможно. А потом так же бессознательно положила неаккуратный комок бумаги на стол.

— Я так и думала. — Натали не подняла глаз от книги. — На улице холодно?

— Еще как. Можно одолжить у тебя одеяло из гусиного пуха, то, которым пользовалась Ева-Мария, просто на счастье?

Натали захлопнула книгу. И достала из-за стула скомканное в бесформенный комок одеяло.

— Я так и знала, что ты попросишь.

Накинув на плечи одеяло Натали наподобие плаща, Фэрис вышла из спальни в ночь. Вечерний воздух был холодным, но Фэрис, слишком взволнованная, не почувствовала этого. Большую часть времени, проведенного в Гринло, она скептически относилась к магии. За последние несколько месяцев от скептицизма она избавилась, но ему на смену не пришла вера.

Теперь, хотя она не могла бы подобрать слова чтобы описать это чувство даже самой себе, Фэрис охватило странное беспокойство. Получив письмо от декана, она осознавала, что для нее что-то изменилось. Она была уверена в этой перемене, хотя больше ничего понять не могла. В любое другое время такая необъяснимая уверенность ее бы встревожила, а в эту ночь — только радовала. Она студентка Гринло, это ее ночное дежурство, и в эту ночь, как ни в какую другую, действует магия.

Планируя свое дежурство еще в ту пору, когда не слишком верила, что оно ей предстоит, Фэрис решила, что в холодную ночь самым лучшим местом оказался бы сад декана, где стены защищают от ветра.

Придя туда, она обнаружила, что ей трудно стоять неподвижно под дубами. Вскоре стало очевидно, что в саду покоя

не будет. Фэрис повернулась, и ей ясно вспомнилось дежурство Евы-Марии. Не удивительно, что подруга обошла почти весь Гринло. Ночное бодрствование влекло за собой совершенно особенные потребности, независимо от погоды.

Фэрис подошла к садовой калитке и в изумлении остановилась: дорогу ей преградила Менари Паганель. Менари держала в руке маленький фонарик, свечу в нем защищали от ветра толстые стекла, придающие пламени зеленоватый оттенок. Она подняла фонарь и посмотрела в лицо Фэрис.

— Куда ты идешь? — спросила Менари. — Или лучше спросить, откуда ты идешь? — В этом странном свете ее лицо выражало не просто обычный интерес.

— Я не знаю, — смущенно ответила Фэрис. — Узнаю, когда найду нужное место.

— Сегодня у тебя тоже дежурство, правда? Останься со мной. Будем вести наблюдение вместе.

Фэрис отпрянула, сбитая с толку неожиданным дружелюбием Менари. А Поганка широко улыбнулась, увидев выражение ее лица. Ночной ветер растрепал ей волосы, превратив их в гриву, а академическая мантия развевалась вокруг тела, подобно огромным крыльям. Хотя на ней не было ни плаща, ни капюшона, казалось, холод ее не беспокоит.

— Это хорошее место для дежурства. — Менари подняла фонарь и оглядела пустой сад.

— Не для меня. — Фэрис двинулась вперед.

Когда она проходила мимо, Менари схватила ее за руку.

— Я серьезно. Я хочу, чтобы ты осталась со мной.

Пальцы Менари на запястье обжигали холодом. Резко втянув воздух, Фэрис вырвала руку.

— Я не могу остаться.

— Останешься. — Менари снова потянулась к ней.

Фэрис отступила назад и наткнулась на кого-то. Первой ее мыслью было: «Декан!» Она едва не вскрикнула, но затем услышала у себя над ухом голос Тириана, своим спокойствием внушающий уверенность.

— Эта юная особа вам досаждает, ваша светлость? — В его ровном тоне звучали скучающие нотки.

Фэрис обернулась. В бледном свете фонаря у калитки сада декана вырисовывалась фигура Тириана, излучающего уверенность. У Фэрис вырвался вздох облегчения, она хотела заговорить с ним, но потом оглянулась на Менари.

Поганка буквально поедала Тириана широко раскрытыми глазами, ее волосы светлым ореолом распушились вокруг лица.

— Так вот откуда ты? — шепнула она Фэрис. Герцогиня

бросила на Тириана виноватый взгляд.

— Я должна идти.

— Конечно, — согласился Тириан. — Идите.

Она сделала шаг, и на этот раз Менари не пыталась ее удержать, продолжая с восторгом рассматривать Тириана.

Фэрис повиновалась беспокойному чувству, которое привело ее сначала к подножию башни Корделиона, потом в монастырский сад. Там она остановилась, но тревожное чувство не исчезло. От монастыря она прошла к новой часовне. Потом, уже более уверенно, поспешила к винтовой лестнице.

Поднимаясь по лестнице, Фэрис торопилась, хотя ей пришлось на ощупь находить дорогу в темноте. С каждой ступенькой беспокойство нарастало, оно вело ее куда-то, к какому-то моменту, или к месту, или к моменту, который связан с местом. Она взлетела, задыхаясь, по верхним ступенькам так же быстро, как и по нижним, и, наконец, выбежала через низкую дверцу башенки-перечницы.

После лестницы ей показалось, что на верхней площадке, продуваемой ночным ветром, очень холодно. Фэрис пошатнулась и схватилась за стену, у нее кружилась голова. Перед ней не было ничего, кроме ветра и темноты.

Она стояла неподвижно, опираясь на низкую стенку, и слушала свое прерывистое дыхание. Теперь, когда настоятельная потребность спешить исчезла, Фэрис позволила своему сердцу обрести привычный ритм. Она улавливала все оттенки свиста ветра в шпилях и башнях вокруг нее, но ничего не видела. В конце концов холод вывел ее из неподвижности. Закутавшись в одеяло Натали, Фэрис плотнее подоткнула юбки и присела у основания стены, пытаясь защититься от ветра. Наконец ее дежурство началось.

Время тянулось медленно. Фэрис ждала в темноте. Холод проник в нее. Она застыла, как камни, на которых сидела. Она явственно ощущала, как стихает колледж и городок далеко внизу, по мере того как их окутывает ночной покой. Она оказалась у самого центра мира. Молчаливая и безмятежная, она балансировала в пустоте.

В последний час перед рассветом ветер прогнал облака, и Фэрис увидела звезды. Она вытянула шею, чтобы оценить их смещение по отношению к шпилю над головой. Над ней Святой Михаил и Святая Маргарита охраняли спины друг друга. Она их не видела. Только масса шпиля, черная в черном небе, вырисовывалась на фоне звезд. Ей не нужно было видеть статуи. Они находились там. С Гринло все в порядке, она чувствовала, что это так. Обхватив руками колени, погрузив подбородок в

мягкое пуховое одеяло, Фэрис была уверена в каждом камне Гринло. Все было хорошо.

С севера, слабый и далекий, донесся крик гусей. Фэрис выпрямилась. Крик раздался ближе, похожий на лай стаи собак на охоте. Фэрис не могла различить летящих птиц на фоне звезд, но видела их сердцем. Ее память показала ей диких гусей над Галазоном. Фэрис с трудом сглотнула. Дело не в том, что они оставляли позади зиму. Не в том, что они летели туда, где хотелось бы находиться самой девушке. Ее взволновал сам факт их пролета и то, что заставляло их лететь через огромные пространства.

Дикие гуси не просто повиновались зову, который их подгонял. Они отвечали на него собственным криком. Громкость этого крика соответствовала силе ее тоски по Галазону.

Забыв о дежурстве, Фэрис уткнулась лицом в сложенные руки и сидела так, пока не замерли последние слабые звуки их крика. Когда небо опустело, она подняла глаза. На востоке, над темной линией холмов Нормандии, вставало солнце. Фэрис посмотрела вверх. Шпиль все еще смутной тенью виднелся на фоне неба. Звезды полностью пропали из виду. В разгорающемся свете мир был обыденно тихим. Абсолютная тишина ночи исчезла. Внезапно Фэрис задрожала. Она неуверенно встала на ноги, стуча зубами от холода, которого почти не чувствовала во время дежурства.

Когда первые солнечные лучи достигли Галазона, Фэрис медленно начала спускаться по винтовой лестнице. Она знала, что на ее лице нет такого счастливого выражения, как у Евы-Марии. И удивлялась мрачному настроению Джейн после дежурства. Она не видела ничего, кроме звезд, и не слышала ничего, кроме крика пролетевших по небу гусей. Но если ночное бодрствование Джейн было так же бедно событиями, как ее собственное, то оно никак не ухудшило ее магических способностей. Фэрис решила сохранять спокойствие и ничего не говорить.

«Хорошая тактика в любых обстоятельствах», — сказала себе герцогиня и, не сдержавшись, зевнула.

Еле передвигая ноги от усталости, Фэрис пошла в спальню, чтобы вернуть Натали пуховое одеяло. Колледж пробуждался. Скоро начнется лекция по устройству мира. Фэрис с отрешенным видом оставила одеяло в кабинете номер пять и повернула к лекционному залу. Если она подойдет слишком близко к своей кровати, то у нее не хватит духу отойти.

В зале она увидела Джейн, которая хмурилась, слушая то, что шептала ей мадам Виллет. В переднем ряду сидела Менари,

нарядная и самодовольная, в окружении Гунхильды и младших студенток. Фэрис нашла укромное место в дальнем углу и собралась с силами, чтобы еще час не спать.

Декан, более непреклонная и жесткая, чем обычно, прочла лекцию о хранителях мира. Фэрис немного беспокоило то, что она провела всю ночь у верхней охранной зоны Гринло. Она сказала себе, что ей просто кажется, будто декан особо подчеркивает необходимость равновесия, но решила ничем не привлекать к себе внимания начальницы в следующие две недели. Возможный двойной смысл лекции имел один положительный эффект. По прошествии часа Фэрис направилась к двери, совершенно избавившись от сонливости и готовая ко всему.

Когда она уже стояла в дверях, Джейн подошла к ней. У подруги был мрачный вид.

— Тебя вызывают в кабинет декана.

Фэрис подумала о своей постели и стиснула зубы, чтобы подавить невольный протест.

— Прямо сейчас?

Джейн кивнула.

— Как можно быстрее.

Когда Фэрис подошла к кабинету декана, дверь была открыта, а декан уже сидела за столом. Она протянула Фэрис листок бумаги.

— Я получила еще одно письмо, — отрывисто сказала начальница. — Думаю, вам лучше прочесть его немедленно.

Фэрис настороженно взяла письмо. Оно было не от одного из членов семьи Менари, как она на секунду испугалась. Листок был исписан четким почерком священника и подписан небрежными каракулями дяди. В нем говорилось:

> «Колледж Гринло должен позволить Фэрис Налланин уехать. Срочно требуется ее присутствие в Галазоне».

Потрясенная Фэрис подняла взгляд. Декан мрачно посмотрела ей в глаза. Так как Фэрис молчала, декан сложила руки на груди и заговорила:

— Что позволять или не позволять колледжу Гринло, решать не вашему дяде. Если вы предпочитаете подчиниться ему и вернуться в Галазон, вы должны понимать: ваши занятия здесь таковы, что их нельзя прерывать столь легкомысленно. Если вы когда-нибудь решите вернуться и закончить обучение здесь, вам придется начать с самого начала. Вам не разрешат просто

возобновить его с того места, где оно прервалось. — Декан посмотрела на чернильницу на своем столе, потом протянула руку и слегка поправила ее. Не поднимая глаз, она прибавила: — Если вы предпочтете остаться и продолжить вашу учебу, колледж Гринло может сообщить вашему дяде, что не дает согласия на ваш отъезд.

Фэрис заморгала. Она почти ни слова не слышала из осторожно сформулированных фраз, настолько оглушительными были ее мысли. Она нужна Галазону. Или это Бринкеру она нужна? И нужна ли? Или это что-то совсем другое? Она сложила письмо и удивила саму себя, спросив ровным голосом:

— А для меня есть какое-нибудь сообщение?

— Это послание доставил курьер из Галазона. Он хочет поговорить с вами как можно скорее. Он остановился в «Белом руне».

— Если у него есть для меня сообщение, я бы хотела его выслушать, — сказала Фэрис. — Тогда мотивы дяди могут стать понятнее.

Ей удавалось держать себя в руках, пока она не вышла из кабинета декана. И только оказавшись в коридоре, она бросилась бежать. По коридору, по лестнице, из ворот колледжа и потом по улицам Гринло Фэрис бежала до самого «Белого руна». На лице ее было такое суровое выражение, что студентки, которых она встречала по дороге, расступались перед ней.

Вызов домой — это неожиданная удача. Не так ли? И все же она не ощущала восторга, как могла бы ожидать. Еще в начале осеннего семестра она мечтала поехать домой. Теперь же чувствовала себя так, словно ее вырвали из яркого сна, грубо разбудили. Выражения в письме декану были, как обычно, туманными. Если дядя прислал ей письмо — очень хорошо. Но если она должна покинуть Гринло ради каприза Бринкера, требовалось некоторое объяснение.

Внезапно Фэрис вспомнила, что не знает, о ком спрашивать у хозяина гостиницы. Как раз когда она решила справиться, не приезжал ли недавно какой-нибудь иностранец, чтобы выбрать кандидата по акценту, она увидела Рида. Он сидел за длинным столом в обеденном зале, уткнувшись в оловянную кружку. Когда она подошла к нему, он поднял глаза, фыркнул, резко поставил кружку на стол и вскочил на ноги, поперхнувшись.

— Садись. — Фэрис хлопнула его по спине, от чего он сильнее закашлялся, и села рядом с ним. — Пожалуйста, садись.

Рядом со столом, возможно, привлеченный выражением лица Фэрис, возник хозяин.

— Эта молодая леди вам досаждает, сэр? Обычно мы не

позволяем студенткам колледжа общаться с нашими гостями.

Не потрудившись встать, Фэрис свысока посмотрела на хозяина, который вдруг замолчал. Рид покраснел и возразил, что герцогиня ему вовсе не досаждает, то есть он ей не досаждает, то есть, короче, они знакомы друг с другом.

Хозяин бросил на Фэрис взгляд, полный подозрения и осуждения, ухмыльнулся Риду и неохотно отошел.

— Да сядь же наконец!

Рид, прищурившись, посмотрел на нее и опустился на место. Через мгновение он сделал еще один большой глоток из своей кружки и провел рукой по коротко стриженным волосам.

— Вы изменились, ваша светлость.

— Ничего подобного. Когда ты приехал? Дядя мне что-нибудь написал? Что он теперь затевает?

— Мне известно только, что я должен доставить вас домой. Я приехал вчера ночью. Письма для вас нет. И упаси бог, чтобы мне стало известно, какие планы строит лорд Бринкер. — Рид поколебался. — Посмотрите на себя. Вы такого же роста, как я.

— По-моему, я выше, по крайней мере, на целый дюйм. Давай встанем спина к спине, и пусть хозяин нас измерит. — На мгновение показалось, что Рид готов встать. Фэрис поспешно сменила тему. — Ты должен увезти меня немедленно?

— Немедленно. Если вы не поедете добровольно, я должен призвать на помощь Тириана. — Рид посмотрел на хозяина гостиницы. — Если вы снова с ним заговорите, он заставит меня уйти. А я еще даже не начинал есть.

Фэрис подтолкнула к нему полную тарелку рыбного рагу.

— Не церемонься. Какие новости дома? Как урожай?

Рид усердно орудовал ложкой и вилкой.

— Все хорошо. Урожай отменный. Гэврен хотел отправиться за вами, но ваш дядя не позволил. Эта поездка слишком трудна для человека в его возрасте.

— Чепуха. Дядя не уверен, что Гэврен не перейдет на мою сторону, вот и все. Что говорит Тириан насчет твоих приказов?

— Понятия не имею. Я оставил записку по тому адресу, который дал мне лорд Бринкер, но он не отозвался. Ты не спросила о здоровье твоих родственников.

— О, ладно, как поживает мой достопочтенный дядя?

Рид не отрывал глаз от тарелки.

— Он в порядке. Ты спрашиваешь только о нем?

Фэрис удивилась:

— А о ком еще мне спрашивать? Он единственный ближайший родственник, который у меня остался, и тем хуже.

Рид поднял взгляд.

— А как насчет его супруги и их ребенка?

Фэрис насмешливо посмотрела на Рида.

— Надеюсь, они поживают так же хорошо, как и мой супруг, и наши дети, и все их потомство. Первое апреля только через месяц, Рид. Прибереги свое остроумие до него.

Очень осторожно Рид положил приборы. Его голос звучал мягко.

— Я боялся, что вы не получали известий из дома. Так и есть. Ваш дядя женился год назад. Его дочери почти три месяца.

Фэрис заморгала, глядя на него. Когда она заговорила, Рид уже успел снова взяться за ложку и вилку. Содержимое его тарелки почти исчезло, когда Фэрис слабым голосом повторила:

— Женился?

Рид кивнул.

— Вы прислали вежливые сожаления по поводу того, что не можете быть на свадебной церемонии. В качестве подарка на крещение вы подарили свой собственный серебряный кубок.

— Неужели? Как это мило с моей стороны. — На лице Фэрис появилось выражение спокойной задумчивости. Неужели она так усердно занималась, что пропустила объявление о церемонии бракосочетания в газетах?

Рид казался слегка удивленным и явно испытывал облегчение.

— Ваша щедрость вызвала много толков. Малышку назвали Просперианн.

Глаза Фэрис вспыхнули.

— По какому праву? Почему выбрали имя моей бабушки? Разве в Галазоне мало имен?

— Думаю, это имя выбрала леди Бринкер, — ответил Рид. Он осторожно положил вилку с ложкой. — По-моему, она — дальняя родственница вашего отца.

— Вот как? А как зовут леди Бринкер, когда она у себя дома?

Рид прочистил горло.

— Ее королевское высочество принцесса Агнес Аравильская.

Глава 6
Где Тириан?

Фэрис сидела совершенно неподвижно. За этой неподвижностью, как она сама понимала, скрывалась глубокая усталость. Хорошо бы сидеть и сидеть так за столом. Не думать. Не разговаривать. Просто сидеть.

— Наверное, это Агнес Паганель, сестра Менари Паганель? — А вот в голосе ее совсем не чувствовалось усталости. Он звучал спокойно, немного сухо и насмешливо. Фэрис позволила себе ощутить гордость за это спокойствие. Вероятно, Гринло все-таки слегка ее изменил.

— Принцесса Агнес — старшая сестра Менари и поэтому — предполагаемая наследница своего отца, короля Джулиана. — Рид говорил извиняющимся тоном.

— Король Джулиан, — повторила Фэрис с таким выражением, словно слова были на вкус несвежими.

— Она кажется вполне порядочной для аристократки из Аравиля. Она даже не пользуется своим титулом. Просто леди Бринкер. Разумеется, никому из нас в голову бы не пришло называть ее иначе.

— Если Бринкер теперь получил свою наследницу, чего он хочет от меня?

— Не имею ни малейшего понятия. Почему бы не поехать домой и не спросить у него?

Фэрис потерла лоб.

— Вопросы ни к чему хорошему не приводят. Если необходимо узнать, что на уме у Бринкера, нужно просто подождать, пока это не станет до боли ясным. Например, колледж Гринло. Гринло далеко, и, чтобы пройти в нем курс обучения, требуется много времени. Вероятно, единственная причина того, что он согласился выполнить завещание мамы и послать меня сюда, было желание устроить для себя подобный брак. Только я предполагала, что он планирует в первую очередь выдать замуж меня, а уж потом заниматься своей женитьбой.

— Путь дальний. Чем быстрее вы выедете, тем скорее прибудете домой, в Галазон. В пять часов пополудни из Понторсона отправляется поезд. У вас еще достаточно времени, чтобы собрать вещи.

— Я уеду из Гринло, когда буду готова, не раньше.

— Вы уедете сегодня. Признаю, что вы немного подросли, но мы вместе с Тирианом с вами справимся.

Фэрис задумчиво посмотрела на него.

— Ты так считаешь? — Она встала. — Пойдем.

Рид поднялся.

— Я рад, что вы проявляете такое благоразумие.

— Не радуйся. Я не собираюсь быть благоразумной. — Глаза Рида находились как раз на уровне ее глаз, и это ее почему-то раздражало. Она повернулась к двери и оглянулась через плечо. — Ты идешь?

— Куда мы? — Рид зашагал рядом с ней.

— Поговорить с Тирианом. Посмотрим, что он скажет на твои приказы.

В жилище Тириана лежало невскрытое письмо Рида. Никто не видел светловолосого мужчину с прошлого вечера. В тревожном молчании Фэрис вывела Рида обратно на улицу. Когда они вышли через ворота Гринло, он начал задавать вопросы.

Фэрис не обращала на него внимания. Начался отлив. Пустынные пески тянулись прочь от Гринло. Она сосредоточенно выбирала дорогу среди камней у подножия дамбы. Фэрис шла так быстро, что это в конце концов заставило Рида умолкнуть. Она ждала, когда Тириан прервет их прогулку, а пока обдумывала положение дел.

Учеба в Гринло и подруги излечили ее от тоски по дому. Уже давно она не листала усердно страницы газет и журналов в поисках известий о Галазоне. Если бы она более внимательно следила за скучными официальными сообщениями, то нашла бы в них отклики на женитьбу дяди. Любовь к Гринло отодвинула любовь к Галазону на задний план, и вот цена ее неверности. Известие застало ее врасплох, и она представления не имела о том, что делать дальше.

Если Тириан и Рид будут настаивать, у нее не останется другого выхода, придется вернуться в Галазон. Конечно, не хотелось бы немедленно повиноваться дяде, но, возможно, будет разумным быстрее узнать, что происходит. Ведь существует возможность, пусть и небольшая, что этот вызов действительно связан с чем-то важным.

С другой стороны, если Тириана и Рида удастся столкнуть лбами, может появиться шанс отсрочить свой отъезд из Гринло. При содействии декана можно будет устроить нечто вроде выпускного экзамена во время этой задержки. Но если бы даже можно было его организовать, то какие у нее основания предполагать, что она его сдаст? Фэрис не была уверена в успехе на экзамене даже в мае. Поспешив с испытанием, можно было просто лишиться всякой возможности получить диплом. Фэрис

устало потерла глаза.

— Это было приятно. — Голос Рида звучал озадаченно, но добродушно. — Я люблю быструю ходьбу после хорошей еды.

Фэрис подняла глаза. Они снова стояли у ворот. Тириана нигде не было видно.

— А теперь пойдем и найдем Тириана?

Фэрис перевела взгляд с ворот на серые стены колледжа Гринло, поднимающиеся над городком, потом на венчающий все шпиль.

— Да, — ответила Фэрис. Ее голос звучал резко и холодно. В глазах застыла тревога.

У ворот колледжа Рида остановили и позволили посидеть на скамейке привратника, пока Фэрис не вернется.

— Я быстро, — пообещала ему девушка. — В последний раз я видела Тириана с одной из студенток. Если я сумею ее найти, может, она скажет мне, где он.

— Если вы не закончите дела к четырем часам, я пойду ужинать в «Белое руно». Ищите меня там утром. Постарайтесь уложить вещи, чтобы уехать девятичасовым поездом.

Фэрис просчитала про себя до десяти, глядя на Рида со смесью раздражения и насмешливого удивления. Когда голос снова стал ее слушаться, она приветливо сказала:

— Ты не понимаешь. Здесь не ты отдаешь приказы. И не мой дядя. Поеду я или останусь, ты — всего лишь посыльный. Помни об этом. Может наступить день, когда ты будешь мне благодарен.

Рид покачал головой.

— Вы действительно изменились.

Фэрис покинула его и направилась, более или менее наугад, в библиотеку. Она понятия не имела, где искать Менари, но ей казалось, что начать можно с библиотеки. Проходя мимо башни Гавриила, она услышала, что ее зовет Джейн. Фэрис остановилась. Широко улыбаясь, Джейн спешила к ней из сада декана.

— Почему ты не мучаешь своих студенток квадратными уравнениями? Декан объявила выходной на вторую половину дня?

— Слава богу, я тебя нашла. Декан мне сказала, что ты едешь домой. Я так рада за тебя. И как я уже тебе говорила, для нормального интеллекта квадратные уравнения очень просты.

Вздох Фэрис был полон тихого отчаяния.

— Не радуйся. Это снова мой коварный дядюшка. Он вызвал меня домой, даже не потрудившись изобрести предлог. Я должна сегодня бросить учебу.

Джейн подняла бровь.

— Ну, возможно, это довольно неожиданно. Но ты ведь хочешь уехать домой, правда? Я заметила, что при малейшей возможности ты только и рассуждаешь о сельском хозяйстве и прямо излучаешь тоску по родному поместью.

— Ты ведь не думаешь, что он послал за мной потому, что ему не хватает моего общества, не так ли? Нет, у него на уме какой-то хитрый план.

— Ты так привыкла думать о нем как о людоеде, что приписываешь ему самые худшие мотивы просто по привычке.

— Как по-твоему, есть у меня шансы убедить декана, чтобы мне устроили выпускной экзамен до отъезда?

Джейн подняла брови.

— Их больше, чем шансов его сдать. Если ты не хочешь ехать домой, не делай этого.

— Возможно, у меня нет выбора. Многое зависит от Тириана. Ты не видела сегодня Менари после утренней лекции? Где мне ее найти?

Джейн озадаченно сдвинула брови.

— Что тебе нужно от Менари?

— Мы разговаривали прошлой ночью. Она хотела дежурить вместе со мной. Несомненно, по каким-то своим таинственным причинам. Тириан ее отвлек, и я ушла.

— Отвлек, не сомневаюсь, — сказала Джейн больше про себя.

— С тех пор его никто не видел, и дома его нет. Интересно, не знает ли она, куда он пошел, когда я оставила их.

— Вряд ли ты получишь от нее вежливый ответ, но полагаю, нет ничего плохого, если ты ее спросишь. Она сидит в саду декана. Я видела ее, проходя мимо.

Фэрис и Джейн пошли в сад. У калитки Фэрис остановилась.

У корней дуба на сухой траве действительно сидела Менари. Ее светлые волосы были распущены и ниспадали на спину, она прислонилась головой к стволу дерева и смеялась, гладя на зверька, сидящего у нее на коленях.

Чтобы разглядеть его лучше, Фэрис подошла ближе. Это оказался черный кот, хвост которого распушился и стоял трубой. Кот шипел, но не пытался оцарапать Менари или вырваться. Прижав к голове уши, он, казалось, шарахался от ее прикосновений, когда она гладила его, но при этом его лапы оставались неподвижными.

Фэрис нахмурилась. Рядом с ней Джейн тихо сказала:

— Никогда не видела кота, который в такой ярости не пытался бы вцепиться в руку любому, кто оказался рядом.

Услышав ее голос, Менари подняла глаза.

— Посмотрите на моего нового любимца. Разве он не красив?

Фэрис подошла ближе. Ей всегда было трудно вежливо беседовать с Менари. И нынешний момент не был исключением.

— Твое дежурство прошло хорошо? — в конце концов спросила она.

Дикая радость заиграла в красивых глазах Менари, она улыбнулась Фэрис.

— Очень хорошо, благодарю. А твое? — Она гладила кота, не обращая внимания на его все более громкое ворчание.

— Нормально.

Фэрис с подозрением смотрела на веселую Менари. Та тихо рассмеялась и поцеловала кота между ушей. Кот снова зашипел.

— Ты выбрала странное время года для того, чтобы сидеть и играть в саду. — Фэрис пристально рассматривала кота.

Джейн настороженно переводила взгляд с Фэрис на Менари и обратно, потом произнесла с притворной сердечностью:

— Почему вы обе разговариваете так, будто вам совсем не хочется спать, я объяснить не могу. После своего дежурства я чувствовала себя так, словно меня выстирали и повесили на куст сохнуть.

Фэрис продолжала рассматривать кота.

— Что случилось с этим котом? Он не может двигать лапами?

Менари попыталась принять серьезный вид, но глаза выдавали ее веселье.

— Он упал, взбираясь на дерево. Скоро с ним будет все в порядке. — Под ее рукой голова кота дернулась. Менари передвинула пальцы, стараясь его успокоить, и Фэрис на мгновение встретила взгляд горящих желтых глаз.

Зрение Фэрис стало очень острым. Усталость, голод и досада улетучились, сменившись внезапным приливом гнева. В дальнем, спокойном участке ее мозга возникла мысль о том, как странно, когда люди говорят, что потеряли самообладание. Обычно она почти не замечала, что у нее есть самообладание. Теперь же оно явно присутствовало в ней, словно другой человек под ее кожей, но при этом начинало расползаться, как гнилая веревка.

Совершенно отрешенно она сказала себе, что именно самообладание позволило ей изучить свои собственные разнообразные реакции. Именно благодаря ему время, казалось, замедлило бег, а поле зрения сузилось до этих золотистых глаз. И именно ее самообладание отодвинуло куда-то далеко голос Джейн, а в ушах прозвучали слова Тириана. В тот день начинался прилив, они стояли на камнях, и он произнес совершенно обыденным тоном: «Я нашел на его постели мертвую крысу».

Делая шаг к Менари, она услышала свой собственный голос,

громкий и хриплый:

— Где Тириан?

Джейн дотронулась до рукава Фэрис, когда она двинулась вперед. Как будто откуда-то издалека прозвучал голос подруги:

— Это не кот…

Рот Менари медленно скривился от удовольствия.

— Кем бы он раньше ни был, теперь он мой.

Фэрис стояла над Менари, когда та подняла глаза и прибавила:

— И что ты собираешься теперь предпринять, дочь моряка?

Опять Фэрис услышала, словно издалека, голос Джейн:

— О господи…

Затем Фэрис почувствовала шелк волос Менари в своих руках и услышала яростный вопль Поганки, когда рывком подняла ее на ноги. Кот вывалился из ее рук и упал в траву. Джейн снова попыталась удержать Фэрис за рукав.

Фэрис не обратила на нее внимания, она схватила Менари за плечи. Ей было трудно что-либо разглядеть. Поле зрения сузилось, и она почти не видела, что делают ее собственные руки. Гнев окрасил то немногое, что она видела, в красный цвет.

Она трясла Менари до тех пор, пока голова Поганки не стукнулась о ствол дерева. От удара у Фэрис даже руки загудели. Удовлетворительно, но не безупречно.

Она собралась с силами для следующей попытки. Менари снова взвизгнула, не от боли, а от ярости, и в этом визге можно было различить слова. Дальняя, спокойная часть сознания Фэрис смутно распознала за этими словами намерение. Ее руки разжались.

Когда Фэрис отступила назад, Менари снова упала на ствол и пронзительно вскрикнула: спутанный шелк ее волос вспыхнул.

«Это неестественный огонь», — осознала Фэрис. Он не давал жара, не было запаха паленого. Растрепанные волосы Менари горели бледно-золотым и зеленым огнем, по-своему красивым, таким же холодным и странным, как северное сияние.

Джейн закричала и оттолкнула Фэрис в сторону, а потом снова ухватила за рукав. Та с яростью вырвалась. Джейн сорвала мантию с плеч подруги и накинула на Менари, чтобы погасить огонь. Поганка продолжала кричать. От ее воплей у Фэрис заложило уши.

Внезапно Фэрис стало холодно, она затряслась и упала на колени. Гнев ее куда-то испарился, в глазах прояснилось. Даже слишком прояснилось. Невозможно было не видеть Менари, скорчившуюся у корней дуба. Кот исчез. На расстоянии вытянутой руки в бурой траве лежал обнаженный бесчувственный

Тириан.

Услышав тихие шаги, Фэрис подняла глаза.

В садовой калитке появилась декан в сопровождении мадам Кассильды и мадам Виллет. Спокойно и строго декан посмотрела на беспорядок в саду, потом перевела взгляд на Фэрис.

— Вам придется рассказать мне, что именно здесь произошло, — сказала она с пугающей сдержанностью.

Фэрис сглотнула. Слова застряли у нее в горле. Она просто смотрела на декана с немым изумлением.

— Мадам Брейлсфорд, сообщите в лазарет о том, что здесь случилось, и пусть пришлют носилки. Мадам Виллет, мадам Кассильда, займитесь пострадавшими. Фэрис, идите со мной.

Джейн неуверенно посмотрела на декана, на Фэрис, потом вниз на Менари, которая тихо всхлипывала у ее ног. Мадам Кассильда и мадам Виллет прошли вперед, и что-то в их быстрой деловитости заставило Джейн решиться. Она почтительно кивнула декану и ушла.

— Фэрис… — В голосе декана звучало предостережение.

— Я не брошу Тириана, — хрипло ответила Фэрис. — Я за него в ответе.

— Вы в ответе, по-видимому, за многое. Мадам Виллет?

Наставница, склонившаяся над Тирианом, ответила:

— Он выкарабкается.

Успокоившись, Фэрис встала на ноги и медленно подошла к декану, чувствуя, как подгибаются колени.

— Я хочу, чтобы Менари Паганель прислали ко мне в кабинет, как только она придет в себя, — сказала декан мадам Кассильде и вышла из сада.

Фэрис нетвердой походкой следовала за ней.

В кабинете декана, где было замечательно тепло после холода в саду, Фэрис опустилась в предложенное ей кресло, подумав, что в этой любезности чувствуется нечто утешительное. Разве для немедленной казни ее стали бы усаживать?

Декан положила ладони на стол.

— Расскажите мне подробно, что произошло.

Фэрис сложила руки на коленях и заметила без особого удивления, что они дрожат.

— Я сама не совсем понимаю. — Ее голос был слабым и почти раздраженным. Она два раза кашлянула и продолжала спокойнее: — Я искала Тириана. Он работает на моего дядю. Он здесь из-за меня, поэтому я чувствую себя ответственной за него. Во время поисков я нашла Менари. Каким-то образом она превратила Тириана в животное. Искалеченное животное. Я вышла из себя…

— Нет, еще раньше. Расскажите мне все с самого начала. Вы несли дежурство вчера ночью. Начните с этого.

Фэрис заморгала.

— С самого начала?

Декан кивнула.

Фэрис снова откашлялась и начала рассказ. К тому времени как она закончила, декан сидела очень прямо, сжимая подлокотники кресла так, что у нее побелели пальцы.

Потом начальница колледжа очень мягко заговорила.

— Расскажите мне, что еще произошло на крыше часовни. Вы видели северное сияние?

— Больше ничего. Было облачно. Я слышала, как пролетали гуси. Видела звезды, когда небо прояснилось, перед самым рассветом. Меня исключат?

— Вы не можете остаться в Гринло, — ответила декан. — Вы уверены, что не испытали ничего необычного, пока находились наверху?

Фэрис закрыла глаза, пытаясь вернуть мыслям ясность. Она чувствовала невыразимую усталость, но сейчас не время выказывать свое состояние. Она расправила плечи и ответила на пронзительный взгляд декана как можно более прямым взглядом.

— Мне не было так холодно, как я ожидала.

— Вы понимали, что находитесь у якоря?

Фэрис кивнула.

— Вы понимаете, что присутствие людей нарушает состояние якоря? И, в свою очередь, якорь нарушает их состояние? Как вы себя чувствовали во время дежурства? У вас болела голова?

— Я чувствовала, что слегка запыхалась, но только в первый раз, когда посетила это место, вот и все, — ответила Фэрис.

Из ящика стола декан достала карточку и написала на обороте несколько слов.

— Время необычайно важно. При первой же возможности вы должны отправиться по этому адресу, — она вручила Фэрис карточку, — и спросить мсье Хилариона.

— Почему? — Фэрис изучала эту обычную визитную карточку, на одной ее стороне было выгравировано полное имя декана, а на другой изящным почерком был написан адрес: «Париж, улица дю Соммерар». — Кто такой мсье Хиларион?

В дверь постучали.

— Он объяснит вам это сам.

Вошла Джейн Брейлсфорд, получив разрешение декана.

— А пока, — продолжала начальница, — я должна задать Джейн несколько вопросов о той сцене, которую вы устроили в саду. Прошу вас уступить ей свое кресло.

— Одну минуту.

Не обращая на нее внимания, декан спросила:

— Джейн, мадам Кассильда уже закончила в лазарете?

— Нет, но мадам Виллет уже в коридоре.

— Отлично. Фэрис, идите и попросите мадам Виллет присмотреть за вами до тех пор, пока мне снова не понадобится поговорить с вами.

Фэрис вцепилась в подлокотники кресла.

— Я никуда не пойду.

Джейн остановилась рядом с ней.

— Твой друг Тириан в лазарете. Он тебя зовет.

Декан нахмурилась, глядя на Фэрис.

— Я вам уже сказала, что время очень важно. У меня есть несколько серьезных вопросов, которые я должна обсудить с Джейн. После этого мне нужно подготовиться к разговору с Менари Паганель. Лекари в лазарете обладают чудесными способностями исцеления, поэтому мое время ограничено. Идите и передайте мадам Виллет мое распоряжение посторожить вас.

— Зачем? В конце концов меня собираются исключить. Почему я должна вам повиноваться?

Джейн с отчаянием посмотрела на Фэрис.

— Плохо, что за время, проведенное здесь, вы так и не научились схватывать тонкости языка. Я не говорила, что вас исключат. Я сказала, что вы не можете остаться в Гринло.

Фэрис открыла рот, но, ничего не сказав, снова закрыла его.

Декан, казалось, была довольна произведенным эффектом.

— Мадам Виллет может проводить вас в лазарет. Идите и позаботьтесь о молодом человеке. В конце концов, вы заявили, что чувствуете ответственность за него.

Не желая повиноваться, но совершенно не в состоянии придумать причину, чтобы возразить, Фэрис встала. Джейн, у которой все еще был слегка ошеломленный вид, села в ее кресло.

Закрывая дверь, Фэрис услышала спокойный голос декана:

— А теперь, Джейн, расскажите мне подробно, что произошло, — с самого начала.

Вместе с мадам Виллет Фэрис пошла в лазарет. Это было небольшое серое здание, в котором сильно пахло карболовым мылом. В коридоре им встретилась озабоченная молодая женщина в белом халате.

— Я пришла навестить мужчину, которого принесли из сада декана.

Лекарь с интересом посмотрела на Фэрис.

— Обнаженного мужчину? В самом деле? Тем лучше. — Она

протянула Фэрис свернутую в узел одежду черного цвета. — Это нашли под столом в кабинете Менари Паганель. Удивительно, правда? Можете отнести ему.

Фэрис невольно сделала шаг назад.

— Ни за что. Отнесите сами. Я его навещу, когда он немного придет в себя.

Женщина сунула сверток одежды в руки Фэрис.

— Кем вы себя возомнили, царицей Савской? Делайте, что вам говорят.

Фэрис взяла одежду и осталась стоять на сквозняке, чувствуя, как у нее опять дрожат колени. Мадам Виллет тихо сказала:

— Вот эта комната налево.

Вздохнув, Фэрис протянула ей сверток.

— Отнесите эту одежду. Пожалуйста.

Мадам Виллет улыбнулась.

— Нет.

Фэрис увидела обычную для лазарета комнату: чисто побеленное помещение с одним окном, пустое, если не считать узкой железной кровати. Под темным одеялом Тириан казался меньше ростом, чем она его помнила. Его растрепанные волосы резко выделялись на белой подушке. Он следил за ней, не сводя взгляда, но не произнес ни слова. Фэрис положила сверток ему в ноги и стала пятиться, пока не почувствовала лопатками дверь.

— Вашу одежду нашли, — сказала она без всякой необходимости. Ее голос звучал почти нормально, поэтому она прибавила: — Вы хорошо себя чувствуете?

— Да. — Казалось, ему больно говорить. — Спасибо.

— Мне сказали, что вы хотели меня видеть.

— Да. — Он напряженно смотрел на нее.

Тишина наполнила комнату. Казалось, Тириан этого не замечал. Он неотрывно смотрел в глаза Фэрис.

Фэрис повернулась и открыла дверь.

— Тогда я вернусь через несколько минут. Вам нужно одеться. — Его пристальный взгляд ее смущал: было в нем что-то странно детское, что не имело отношения к тому человеку, которого она ожидала увидеть.

К ее облегчению, он кивнул.

— Я подожду в коридоре. Позовите, когда будете готовы к разговору.

Когда он крикнул: «Ваша светлость!», Фэрис вернулась. На этот раз Тириан сидел на кровати, полностью одетый. Он заканчивал шнуровать ботинок, когда она вошла. Фэрис не видела его лица, но сгорбленные плечи указывали на смущение.

Или на чувство вины.

— Я должен сказать вам три вещи. — Тириан говорил тихим голосом, не поднимая взгляда от ботинок. — Во-первых, я прошу прощения. У меня нет веского оправдания, кроме того, что она так молода. Так же молода, как и вы, ваша светлость. Я ее недооценил. Мне очень жаль.

Фэрис нахмурилась. Ей показалось, что Тириан говорит с трудом, как человек, страдающий от боли.

— С вами точно все в порядке?

По-прежнему не глядя на нее, Тириан продолжал:

— Во-вторых, спасибо, что разрушили чары. Вас я тоже недооценил. Пока вы меня не освободили, я думал, что останусь в ее власти навсегда. — Он помолчал. — Когда я согласился стать вашим телохранителем, то поклялся, что уберегу вас от любой беды. Вместо этого вам пришлось спасать меня. А третье — это моя отставка.

— Вот как!

Теперь Фэрис поняла, что он испытывал мучительный стыд. Она устало подумала о том, как справилась бы с этой ситуацией Джейн. После нескольких секунд раздумья она подошла и встала рядом с ним у кровати.

— Мне очень жаль. Меня так и подмывает наговорить вам всяких красивых слов и попытаться разубедить вас, но я не стану. Знаете, как это обычно говорится: я вас не нанимала, поэтому не могу принять вашу отставку… — Она подняла ладонь, предупреждая его возражения. — Нет. И вы не допустили, чтобы со мной случилась беда. Но я не буду с вами спорить, потому что прекрасно понимаю: магии с вас уже хватит.

Тириан встал.

— Спасибо.

И он медленно пошел к двери.

Фэрис не двинулась с места.

— Только, по-моему, будет очень жаль, если окажется, что во власти Менари Паганель помешать вам выполнять ваши обязанности.

Тириан повернулся и посмотрел на нее, плотно сжав губы.

— Очень жаль, что она вообще имеет какую-то власть, но это так. Действительно, имеет.

— Я предупреждена. И буду ее остерегаться. Хотя, — осторожно прибавила Фэрис, — сомневаюсь, что наши пути снова пересекутся. Менари, вероятно, исключат. А я должна покинуть Гринло. Мой дядя только что прислал Рида, чтобы увезти меня обратно в Галазон.

Глаза Тириана открылись шире.

— Рида? Дрейтона Рида?

— Ну, да, — Фэрис казалась удивленной. — Вы его знаете?

— Кто еще вместе с ним?

— Никто.

— Ваш дядя прислал его в одиночку сопровождать вас?

Фэрис кивнула.

— Тогда ваш дядя — глупец, и Рид тоже. — Тириан нахмурился и несколько мгновений смотрел в пол. Потом перевел на Фэрис взгляд, полный внезапной решимости. — Я отменяю свою отставку и поеду вместе с вами в Галазон. Я обязан это сделать.

Испытывая облегчение, Фэрис широко улыбнулась ему.

— Так вы знакомы с Ридом?

— Да. Не хочу его порочить, но у него гораздо меньше опыта в подобных вещах, чем у меня. Он не должен в одиночку нести ответственность за вашу безопасность.

Фэрис внимательно посмотрела на него.

— От имени моего дяди я принимаю вашу отставку. Теперь я сама вас нанимаю. — Она протянула руку Тириану. К ее изумлению, он склонился перед ней в придворном поклоне.

— Приказывайте, ваша светлость. — Тириан улыбнулся герцогине, и она обнаружила, что улыбается ему в ответ.

— Декан собирается разобраться в моих отношениях с Менари. Мне сказали, что, когда расследование закончится, я должна покинуть Гринло. Декан попросила меня нанести кому-то визит в Париже. — Фэрис слегка нахмурилась, но продолжала почти без паузы: — После этого мы поедем домой, в Галазон.

— С превеликим удовольствием, ваша светлость.

Тириан открыл дверь. За ней стояла мадам Виллет, занеся руку, чтобы постучать. Он вежливо поздоровался с ней.

— Декан послала за вами обоими. Она уже говорила с Менари и готова расспросить Тириана.

— Хорошо, — ответила Фэрис. — Время необычайно важно.

В половине третьего мадам Виллет впустила Тириана в кабинет декана и оставила Фэрис под присмотром Джейн. Герцогиня устало молчала, следуя за подругой-наставницей под косыми лучами зимнего солнца в большой зал.

— Мы должны ждать здесь, — тихо сказала Джейн.

Фэрис оглянулась на кружево многочисленных окон, разноцветный потолок и сложный узор из плиток на полу.

— Наверное, в этом есть какой-то смысл. Здесь я начинала.

— Декан допрашивала меня, словно я стала свидетельницей убийства. Это не простое разбирательство ссоры между

студентками. Это настоящий трибунал. Что ты натворила?

Фэрис вздохнула.

— Ты там была и все видела. Я вышла из себя. Как ты думаешь, может, нам поискать где-нибудь стул?

— Мы должны оставаться здесь.

— Почему?

— Потому что иначе ты навлечешь на меня неприятности. — Джейн попыталась рассмеяться. Это ей не удалось, она выглядела встревоженной.

— О, перестань. Я не спала всю ночь. Я так давно не ела, что уже никогда не наемся. Меня допрашивала декан, и еще будет допрашивать. По крайней мере, позволь мне сесть. Мне нужно беречь силы.

— Я говорю серьезно, Фэрис. Мы должны оставаться здесь. Мне очень жаль, что здесь негде сесть, но ничего не могу поделать.

— Окончание колледжа очень плохо на тебя подействовало, Джейн Брейлсфорд. — Фэрис уселась на пол.

— Вставай. Нельзя судить трибуналом того, кто сидит на полу.

— Я встану, когда придет декан, обещаю. — Фэрис вытянулась на полу и зевнула во весь рот. — Разбуди меня, когда придет время.

Дверь открылась, и вошла Менари вместе с мадам Кассильдой. В сером платье строгого покроя, с аккуратным тюрбаном из белого полотна на голове, Менари напоминала студентку-первокурсницу, а не раскаивающуюся грешницу. Глаза ее смотрели задумчиво, выражение лица было безмятежно спокойным. Казалось, ее не тревожили ни произошедшие события, ни предстоящий разговор. Она посмотрела на Фэрис, и на лице ее появилась насмешливая улыбка.

— Разумеется, ты можешь пресмыкаться перед деканом, но обычно это делают, лежа на животе, а не на спине.

— Полагаюсь на твой гораздо более богатый опыт в этом вопросе.

Фэрис встала. Менари улыбнулась ей. Это была скупая и очень неприятная улыбка.

Джейн вклинилась между ними.

— Конфликт между Гринло и вами — на первом месте, ваша личная ссора — на втором. Ждите своей очереди.

— Удовольствие откладывается, — недовольно заметила Менари.

Фэрис презрительно усмехнулась.

— Пускай твой слуга объяснит тебе это понятие, —

прибавила Менари.

— Хватит, — мрачно произнесла Джейн, так как Фэрис ощетинилась.

Менари рассмеялась.

— Стойте спокойно, мадам Брейлсфорд. — Она произнесла слово «мадам» с издевкой. — Вы ничего об этом не знаете. Это касается только моряцкого отродья и меня.

Мадам Кассильда предостерегающе положила руку на рукав Менари. Та презрительно стряхнула ее руку.

Из ведущей внутрь двери, которая открылась незаметно для всех, раздался голос декана:

— Теперь я призываю к порядку это собрание.

Все присутствующие в комнате повернулись, декан прошла мимо них вперед и остановилась в том месте, которое сочла подходящим.

— Думаю, здесь, Тириан.

Из внутренней комнаты появился Тириан, неся стул со спинкой в форме лиры, который поставил для декана. И поклонился с торжественной учтивостью, предлагая ей сесть. Она знаком руки отпустила его, и он отступил назад, присоединившись к остальным. Со своего места Фэрис пристально смотрела на Тириана. Неизвестно, что произошло во время его беседы с начальницей колледжа, но к нему вернулось прежнее спокойно-равнодушное выражение лица. Фэрис втайне обрадовалась этому.

Через наружную дверь вошла мадам Виллет, ведя за собой Дрейтона Рида. Они встали между Фэрис и Джейн.

— Мне кажется, я оставила тебя ждать у ворот, — шепнула Фэрис Риду.

— Вы сказали, что уходите ненадолго, — тихо ответил Рид.

Фэрис, не отрывая глаз от декана, проговорила, почти не разжимая губ:

— Я старалась вернуться быстрее. Смотри, куда это меня привело. На трибунал.

— Разве не хватило бы простого объявления о том, что вы больше не будете посещать занятия? Кто эта леди, похожая на дракона?

— Декан колледжа Гринло. Она здесь главная.

— Это чувствуется. Тириан всегда умеет втереться в доверие к власть имущим.

— Мадам Виллет, мадам Кассильда, мадам Брейлсфорд, мы здесь сегодня для того, чтобы разобрать проступки этих двух студенток. — Декан кивнула в сторону Фэрис и Менари, назвав их полные имена. — Расследование, которое я провела, убедило

меня в том, что они совершили магические действия, будучи еще студентками. То, что сделали один раз, они могут сделать снова. Если они попытаются предпринять какое-либо действие, физическое или метафизическое, вы должны исполнить свой долг и помешать им всем доступными вам средствами. Вам понятно?

Мадам Виллет, казалось, испытала легкое удовлетворение, мадам Кассильда слегка насторожилась, а мадам Брейлсфорд немного забеспокоилась. Все они кивнули.

— Очень хорошо. — Декан повернулась от Менари к Фэрис. — Может ли хоть одна из вас привести доводы и объяснить свое возмутительное поведение? — В комнате воцарилась полная тишина. Декан перевела взгляд с Фэрис на Менари, глаза ее сверкали. — Говорите, если можете.

Фэрис посмотрела на Менари. Поганка с вежливой отрешенностью уставилась куда-то мимо головы декана. Можно было подумать, что она слушает далекую музыку, которая ей не очень нравится.

Потом Фэрис встретила стальной взгляд декана.

— Хорошо. Я могу.

— Говорите.

— Я не хотела прибегать ни к какой магии. Я пыталась убить Менари, вот и все. Она покусилась на человека, который был у меня на службе. Отошлите меня прочь, если так надо, но знайте: я сделала то, что сделала, по веской причине.

— Я правильно вас поняла? Вы признаетесь, что пытались убить свою соученицу?

Фэрис кивнула.

— И вы считаете это оправданием?

Фэрис снова кивнула.

Декан повернулась к Менари.

— А вы? Можете дать объяснение своим действиям?

Менари опустила взгляд и посмотрела декану в глаза.

— Нет.

Декан долгое мгновение удерживала взгляд Менари, пока та в конце концов не уставилась в пол. Тогда начальница колледжа объявила приговор:

— Вы исключены из колледжа. Вы обе уедете сегодня до захода солнца. И никогда сюда не вернетесь.

Менари кивнула и вышла из круга скользящими, грациозными шагами.

Во взгляде декана отразилось легкое нетерпение.

— Куда вы направились?

Менари остановилась, широко раскрыв серые глаза.

— Я собиралась покинуть колледж и никогда сюда не

возвращаться. Я подчиняюсь приказу.

— Не всегда, — сухо сказала декан. — Не торопитесь так. Я еще не закончила разговора с вами.

Менари вернулась на свое место.

— По своим собственным причинам, продиктованным, вероятно, тщеславием и злобой, — обратилась к ней декан, — вы дурно вели себя почти с самого момента прибытия в Гринло. Вы привезли с собой не просто оскорбительную идею о том, что раз вы склонны сомневаться в правилах, то правила вас не касаются, — идею, которую разделяют несколько ваших соучениц… — тут она выразительно взглянула на Фэрис, — но и дурные наклонности. Вы поступали не так, как следовало. Не имеет никакого значения, как именно вы совершали эти поступки. Я верю, что вы не использовали магию Гринло. И все же, каким бы образом вам это ни удалось, вы все это совершили.

Менари невозмутимо смотрела в глаза декану.

— Сначала вы были многообещающей студенткой. Несмотря на жалобы, я позволила вам идти своим путем. Я ошиблась. Мне очень не хотелось ломать ваш характер только ради хороших манер.

— Не бойтесь, — мягко ответила Менари. — Я выстояла и против более суровых попыток приучить меня к дисциплине.

На лице декана отразилась грусть.

— Я это знаю. Кажется, вы твердо решили сделать так, чтобы ваши задатки остались нереализованными. Но я пока не могу позволить вам уехать. Вы наполовину прошли обучение и совершенно ненадежны. До того как уехать, вы должны рассказать мне о том, что вы видели во время своего дежурства.

Глаза Менари широко раскрылись, потом прищурились. Она ничего не ответила.

— Вы понимаете. Расскажите мне, иначе я спрошу вас еще раз, и вы не сможете не ответить.

— Я видела… — Менари колебалась. Ее глаза метнулись с декана на мадам Виллет, потом снова вернулись к декану.

Декан подняла руку.

— Не трудитесь лгать. — Она направила на Менари указательный палец, и Поганка, казалось, не могла оторвать от него взгляд. — Спрашиваю в третий и последний раз, и на этот раз вы должны ответить. Отвечайте.

Менари побледнела так, что ее глаза казались почти черными на белом лице.

— Тириана, — тихо, неохотно ответила она. Фэрис бросила взгляд на Тириана. Он пристально смотрел на декана, оставаясь невозмутимым.

Декан опустила руку.

— Тот вред, который причинил ему ваш каприз, уже исправлен. Он свободен от тех уз, которые вы на него наложили. Теперь, произнеся это слово, вы свободны от него. Вы свободны от той силы, которую вам дало дежурство. Теперь идите. И никогда не возвращайтесь.

Кровь снова прилила к коже Менари, и ярко-красный румянец сменил ее бледность. Она вся вспыхнула, но все же не опустила глаза. Через несколько секунд румянец побледнел и остался только на щеках.

— Мне некуда идти. Я должна вызвать корабль из дома.

— В Сен-Мало можно снять комнаты. Я не хочу оставлять вас в пределах Гринло, даже в городе. Мадам Кассильда, проследите за ней, пока она уложит вещи. Потом отвезите ее в Сен-Мало.

Бледная как мел, держась скованно, но все же гордо, Менари удалилась, мадам Кассильда ушла с ней. Когда дверь за ними закрылась, декан снова заговорила:

— Теперь о вас, Фэрис Налланин. Вам повезло, что в вашу защиту имеются столь веские доказательства. Мне ясно, что вы не использовали магию в этой драке. Действительно, ваши примитивные оправдания полностью подтверждают это. Вы вышли из себя и попытались убить соученицу. Позвольте мне напомнить вам, что это смертный грех.

Впервые с тех пор, как Фэрис закончила обучение хорошим манерам в классе мадам Брачет, она опустила глаза и с интересом стала рассматривать носки своих туфель.

Декан продолжала:

— Вы не можете остаться в Гринло. В этом, как ни в чем другом, взгляды вашего дяди и мои совпадают. Но я не намерена отправить наполовину подготовленную колдунью Гринло в свободное плавание по не подозревающему ни о чем миру. Скажите мне, что вы видели во время своего дежурства.

Фэрис нахмурилась.

— Я вам все рассказала.

Декан подняла руку.

— Расскажите еще раз.

— Хорошо. Было темно. Облачно. Перед самым рассветом небо прояснилось, и я увидела звезды.

— Подойдите сюда.

Голос декана звучал резко, и Фэрис без колебаний вышла вперед. Когда она была на расстоянии вытянутой руки от стула декана, та ее остановила.

— На колени. Смотрите на меня.

Фэрис опустилась на колени и обнаружила, что не может

отвести взгляд. Темные глаза декана словно гипнотизировали ее, заставляя не двигаться и молчать. Она лишь слабо чувствовала пол под своими коленями, боль в шее, тишину огромного зала. Она видела только глаза начальницы. Ей казалось, что эти черные глаза отражают свет косых лучей солнца, пока они не вспыхнули золотом.

— Теперь отвечайте.

— Я видела звезды. — Голос Фэрис звучал сонно и словно издалека.

— Назовите их.

Из какого-то далекого урока по естественной истории ей вспомнились названия.

— Арктур, — произнесла она. — Вега, Спика, Северная Корона…

— Достаточно. — Декан сложила руки. Фэрис неловко встала.

— Вы можете идти. Вам нельзя возвращаться. Вы зашли слишком далеко, чтобы продолжать идти путем студентки. — В голосе декана звучала усталость. Глаза начальницы колледжа снова стали просто карими.

Фэрис выпрямилась.

— Я еще не готова уехать. У меня есть вопросы, и я хочу получить ответы.

— Зададите их на улице дю Соммерар. Вы хотите знать то, что относится к ведению Хилариона. Он бы не поблагодарил меня, если бы я попыталась вас просветить. Поезжайте в Париж.

На мгновение усталость и нетерпение подстегнули гнев Фэрис.

— Очень хорошо. Так как меня исключили вопреки вашему обещанию, так как за мной послал дядя и так как ехать домой в Галазон все равно надо через Париж, я поеду туда.

— Вы очень любезны. — Декан словно в изнеможении закрыла глаза.

— Но я не уеду, пока вы не вернете мне остаток платы за обучение за этот семестр, не говоря уже о тех средствах, которые лежат на депоненте с момента моего поступления.

Декан открыла глаза и одарила Фэрис взглядом, полным глубокого неудовольствия. Фэрис ответила ей тем же.

— Мадам Виллет, будьте добры, уведомите казначея колледжа, чтобы она подготовила аккредитив на имя этой юной вымогательницы. Мадам Брейлсфорд, идите укладывать вещи. Я не отправлю Фэрис Налланин отсюда с полным кошельком, если не буду вполне уверена, что за ней присмотрят в Париже. Кажется, она вас слушается. Вы будете ее сопровождать.

Проследите, чтобы она нанесла визит на улицу дю Соммерар, на котором я настаиваю. Это имеет первостепенную важность. Идите.

Джейн широко раскрыла глаза.

— Сейчас ехать, мадам?

— Сейчас. Велите уложить также вещи Фэрис. Проследите, чтобы она вела себя прилично. Париж полон соблазнов, особенно для людей обеспеченных.

— Да, мадам. — Джейн вышла.

Декан встала, старательно отряхнула платье и посмотрела на Фэрис, Рида и Тириана.

— Побудьте здесь, пока за вами не придет мадам Брейлсфорд. У вас еще достаточно времени, чтобы добраться до Понторсона и успеть на парижский поезд. Вы должны уехать на нем.

Дверь кабинета была открыта. Она прошла в нее и исчезла.

Рид и Тириан переглянулись со скрытым облегчением. Фэрис села на стул, принесенный для декана. Неважно, сколько придется ждать возвращения Джейн, но она слишком устала, чтобы мерить шагами зал.

Книга вторая
ХРАНИТЕЛЬ ЗАПАДА

Глава 7
Хиларион

В половине шестого поезд уже мчался в Париж, окутанный облаками пара и угольно-черного дыма. Напротив Фэрис в купе сидела Джейн, аккуратно сложив на коленях руки в перчатках. Выражение ее лица было не рассмотреть за густой вуалью. Рид и Тириан помогли девушкам устроиться в купе первого класса, а через несколько минут после отправления поезда оба куда-то ушли, ничего не объяснив.

Фэрис сидела молча, отдавшись ритмичному покачиванию железнодорожного вагона. В купе пахло сигарами и было почему-то одновременно душно и холодно. За окном уже стемнело, и желтый газовый свет в купе едва теплился, так что девушку клонило в сон. Фэрис с большим трудом сопротивлялась дремоте, уговаривала себя, что надо о многом поразмыслить, и все же никак не могла сосредоточиться. Она моргала и жалела, что поля шляпы не позволяют ей прикорнуть в углу.

Дверь купе сдвинулась в сторону, и вошел Тириан, ловко держа на весу чайный поднос. Потрясенная Джейн подняла вуаль и окинула долгим взглядом чайник и чашки, расставленные на подносе.

— Тириан, вы просто чудо. — Она взяла у него поднос и прибавила: — Попробуйте снять с багажной полки мою шляпную коробку, но не уроните другие вещи, будьте добры.

— Это всего лишь чай, — сказал Тириан извиняющимся тоном, хотя явно был очень доволен собой. — Эту шляпную коробку?

— Да. Я уложила туда последний кекс тетушки Алисы. Это единственное, что мне удалось найти в спешке, и он слишком хорош, чтобы оставлять его мадам Виллет или студенткам.

Джейн стянула перчатки и разлила чай. Протянув чашку Фэрис, она одновременно окинула ее оценивающим взглядом.

— Как ты?

Фэрис улыбнулась и приняла протянутую чашку.

— Выдержу. Спроси меня еще разок через несколько часов.

— Не беспокойся. Мы со всем справимся. — Джейн в упор посмотрела на Тириана. — А кто вы такой все-таки?

Тириан нарезал кекс огромным ножом устрашающего вида.

— Прошу прощения?

— Вы понимаете, о чем я, — сурово сказала Джейн. — Вы появляетесь, как джинн из лампы, как раз вовремя, чтобы

помешать Фэрис убить того моряка. Вы заставляете Менари проявлять самые худшие наклонности, а декана — самые лучшие. Вы можете заставить французских железнодорожников приготовить чай и носите нож, которым сподручнее резать глотки, а не кексы. Кто вы?

Тириан смутился.

— Я никто, миледи. Просто охраняю ее светлость, пока она вдали от дома. Я согласился сопровождать ее обратно в Галазон. Рид тоже намерен помогать. Сейчас он дежурит в коридоре.

— Охраняете? — Джейн казалась недовольной. — А от чего именно? Вам известна какая-то конкретная угроза?

Тириан покачал головой.

— Главной заботой лорда Бринкера было заставить ее светлость уехать из Гринло. Я думаю, он не хочет, чтобы она оказалась в чужих краях без защиты.

— Скажите лучше, что он не хочет, чтобы я появилась дома неожиданно и нарушила его планы.

Чай был некрепким, но горячим, чашка приятно согревала холодные руки Фэрис. Она взяла у Джейн кусочек липкого темного кекса и, отправив его в рот, не слишком внятно спросила:

— Когда мы прибываем в Париж?

Кекс оказался тяжелым, влажным, щедро приправленным пряностями. Фэрис не могла припомнить, когда пробовала что-то настолько лакомое.

— Слишком поздно, чтобы идти обедать, даже если бы у тебя была подходящая одежда. Поэтому я и подумала о перекусе.

— После десяти часов, — ответил Тириан, подавая Фэрис еще один ломтик кекса, когда она доела первый. — Я взял на себя смелость отправить телеграмму и заказать номер в отеле. Нам забронированы места в «Свиссе».

Глаза Джейн широко раскрылись.

— «Свисс»? Никогда о нем не слышала.

— Это тихое местечко недалеко от вокзала. Там даже чисто.

Джейн с ужасом посмотрела на Тириана.

— Кто поверит, что герцогиня может остановиться в отеле «Свисс»? Какая модистка в здравом уме добровольно пошлет крупный заказ в кредит по адресу, который находится возле вокзала «Монпарнас»? А почему не отель «Крийон»? Моя семья всегда останавливается в «Крийоне».

— Какие еще крупные заказы в кредит? — возразил Тириан. — Как только мы с Ридом все устроим, герцогиня вернется в Галазон.

Фэрис отдала свою чашку Джейн.

— Будьте добры включить меня в вашу беседу.

Джейн не обратила на ее слова внимания.

— Сначала она должна нанести визит на улицу дю Соммерар. Вы думаете, ее примут, если она будет одета так, как сейчас? Она просто нищенка. Ей необходима новая одежда.

— Я вам что — тюк с бельем? — в ярости обратилась Фэрис ко всем присутствующим в купе. — Или чемодан? Я не потерплю, чтобы обо мне говорили так, будто меня здесь нет.

— Отель «Крийон» очень изысканный. Но слишком большой. Мы с Ридом не сможем охранять все здание.

— А зачем? Вам нужно следить только за ней.

Фэрис начала вынимать шпильки из шляпки.

— Что ты делаешь, Фэрис? Ни одна дама не путешествует без шляпы.

— Дама? Но я не дама. Я — нищенка, поэтому позволь мне быть нищенкой с удобствами. Раз уж вы постоянно говорите обо мне в третьем лице. — Фэрис завернулась в пелерину. — Вы мне не оставляете другого выбора, как только игнорировать вас обоих. Разбудите меня, когда приедем. — Она повернулась к Тириану. — И когда мы приедем, то отправимся в «Отель де Крийон».

— Чтобы успокоить портниху? — Тириан бросил взгляд на Джейн.

— Чтобы успокоить банкиров. До того как ты возьмешь билеты на поезд, до того как Джейн организует мой визит на улицу дю Соммерар, до того как мы потратим хоть одно су на жилье, мы должны сначала подумать о банкирах. Они наверняка предпочтут получить аккредитив от юной особы, которая остановилась в «Крийоне», а не живет в дешевых номерах вблизи вокзала «Монпарнас».

Джейн и Тириан переглянулись.

— Признайте, что она права, — сказала Джейн.

— Конечно, она права. — Тириан виновато улыбнулся. — Она — моя хозяйка.

Фэрис устроилась в углу и одарила их последним раздраженным взглядом.

— Разбудите меня на вокзале. Не раньше.

В первое утро вдали от Гринло Фэрис проснулась в то время, когда надо было идти на лекцию декана. В полумраке раннего утра она лежала в непривычно роскошной пуховой постели и обдумывала свое положение. Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить, что больше никогда она не обязана будет рано вставать на эту лекцию или на любую другую лекцию. Ее студенческие годы закончились. Несмотря на опекунство дяди,

она — герцогиня Галазонская и поэтому должна вести дела от имени Галазона, пока находится в Париже. Надо повидать банкиров, заняться срочными делами. И самое срочное из них — визит на улицу дю Соммерар.

Долг зовет. Ей следует встать и откликнуться. Вместо этого Фэрис натянула одеяло на голову и снова уснула.

Во второй раз она проснулась, когда Джейн бросила ей на постель аккуратно завернутую коробку.

— Ты собираешься проспать весь день?

Фэрис осторожно выглянула из-под одеяла.

— Который час?

Спальня была залита светом. Силуэт Джейн вырисовывался на фоне окна; она возилась со шторами.

— Уже больше одиннадцати. Я позвонила, чтобы принесли булочки и кофе. Если поторопишься, успеешь как раз к ленчу. — Джейн отошла от окна. На ней была громоздкая модная шляпа, снова с опущенной вуалью. Когда подруга подошла к кровати, Фэрис в изумлении села, опираясь на подушки.

— Убери эту вуаль, Джейн. Ты из-за нее выглядишь столетней старухой.

Джейн остановилась перед одним из больших зеркал, которые висели по обеим сторонам от камина, и начала вынимать шляпные булавки.

— Я и хочу выглядеть столетней. Хороша бы ты была, проводя время в Париже в сопровождении такой несолидной девчонки, как я, в качестве дуэньи. — Не поднимая вуали, Джейн повернулась к Фэрис. Черты лица за тонкой тканью принадлежали Джейн, но она словно постарела и была пятидесятилетней женщиной. Она подняла вуаль, и вернулось ее собственное юное лицо. — Я обрадовалась, когда обнаружила, что могу поддерживать эту иллюзию после отъезда из Гринло. Но у меня от этого ужасно болит голова, а лицо чешется. Ты даже представить себе не можешь.

— Где ты была? Где Рид и Тириан? — Фэрис оглядела комнату, увидела на диване гору коробок и другие упаковки, разбросанные по восточным коврам. — Что это?

— Не надо так ужасаться. Я просто пробежалась по магазинам и подобрала для тебя кое-что из одежды.

— Кое-что? — Озадаченная, Фэрис снова посмотрела на многочисленные коробки. — Ты уверена, что все это подойдет?

— Не уверена. Поэтому мне пришлось взять разные размеры и фасоны. Лишнее отошлем назад.

— Вот как! — с облегчением вздохнула Фэрис.

— Я оставила Тириана охранять тебя здесь, а Рида взяла с

собой. Их комнаты с двух сторон от нашего номера, это так предусмотрительно с их стороны, как ты думаешь? Как только я вернула Рида на место, Тириан помчался заказывать билеты на Восточный экспресс. Думаю, он хочет вырвать тебя из-под моего пагубного влияния.

— Возможно, он прав. Сколько я потратила этим утром?

— На это? — Джейн снова занялась шляпкой. — Это всего лишь готовая одежда и взята на пробу. Если хочешь, я отошлю все обратно. Но ты не можешь, правда, Фэрис, просто не можешь ходить по Парижу одетая как студентка, исключенная из Гринло. И ты должна нанести тот визит, о котором говорила декан. Если ты пойдешь туда похожей на нищенку, к тебе и отнесутся как к нищенке. Недостаточно просто быть герцогиней. Ты должна выглядеть как знатная особа. Такие вещи очень важны.

Визит на улицу дю Соммерар показался Фэрис еще более непривлекательным, чем раньше.

— О, хорошо. Но оставь хоть что-нибудь от моих денег, чтобы заплатить за билеты на поезд.

— Я знала, что ты проявишь здравомыслие.

Из соседней комнаты донеслись голоса: это слуги доставили кофе и булочки и под руководством Рида накрывали стол. Джейн вздохнула и снова опустила вуаль.

— Извини. Я должна присмотреть за ними. Рид не имеет понятия о хороших манерах. Он дает возмутительно маленькие чаевые.

Фэрис встала. Она поняла, что разумнее всего посетить банкиров как можно скорее.

К тому времени как кофе и булочки исчезли, а Джейн сочла Фэрис пристойно одетой в магазинные наряды, уже миновал полдень. Все банки как раз закрылись, так что не оставалось ничего иного, как пойти в ресторан отеля и наконец позавтракать.

Джейн назвала это «провести время с пользой», а Фэрис обрадовалась возможности познакомиться с хорошо организованной роскошью отеля. Напрасно она уснула в поезде. Воспользовавшись этим, Джейн, Рид и Тириан обо всем договорились и действовали так слаженно, что, пока Фэрис везли в отель «Крийон», она чувствовала себя еще одним местом багажа. Она очень мало помнила о прибытии сюда, остались лишь смутные воспоминания об ореховых панелях в коридорах и начищенной до блеска бронзе в лифте. Но запомнившееся ей сияние многочисленных канделябров в холле исчезло. Вместо них там бросались в глаза четыре благородные хрустальные люстры и множество высоких зеркал. Весенние цветы, которые она

мимоходом заметила, роскошь не по сезону, оказались сделанными из воска и размещались в строгой симметрии на истинно парижский манер.

В ресторан — царство нежно-розовых скатертей, затейливых приборов и высокомерных официантов, снующих между столами, — Фэрис вошла вслед за Джейн.

Завтрак продолжался два с половиной часа. Задержавшись еще чуть-чуть, чтобы отведать кофе с профитролями, Фэрис и Джейн наконец отправились по делам в сопровождении Рида и Тириана.

С банком все оказалось просто: именно в нем когда-то хранила свои сбережения мать Фэрис, так что там были рады служить герцогине Галазонской. Ободренная учтивостью сотрудников, Фэрис не торопилась уходить до тех пор, пока подруга не забеспокоилась.

— Да, конечно, — прошипела Джейн, — ты возобновишь свой обычный кредит, как только станешь совершеннолетней. Построишь дороги. И железные дороги. И все, что хочешь. Но помни, модистка не ждет никого.

— Мне так уж необходимо обращаться к мадам Клод? Разве эта одежда не подходит?

Джейн с отчаянием смотрела на нее.

— У тебя когда-нибудь в жизни было хоть одно платье, которое хорошо на тебе сидело? Если бы было, ты бы понимала разницу. Если ваша светлость дала знать о своих пожеланиях, конечно, тогда больше не о чем говорить. Но хотя бы раз остановись и подумай. Ты, пусть и не надолго, приехала в Париж. У тебя, пусть и не надолго, есть много денег. Пока ты здесь, разве тебе не хочется сделать что-то такое, что нельзя делать в других местах?

Фэрис вздохнула.

— Отлично. Едем к мадам Клод.

Проведя час у портнихи, Фэрис была готова покинуть Париж и никогда сюда не возвращаться. Джейн не замечала недовольства подруги. Под опущенной вуалью она бесстыдно пользовалась своим обликом пожилой женщины, говорила на смеси английского с французским, отдавая приказы с самым высокомерным видом. Она полностью погрузилась в обсуждение заказа с мадам Клод и кивала, глядя на платья, которые демонстрировали скучающие модели, снующие в примерочную и обратно.

Фэрис полностью измерили, а затем полностью игнорировали. Когда помощницы принесли рулоны ткани,

которые портниха и Джейн прикладывали к волосам и лицу герцогини, она тщетно попыталась высказать свои пожелания.

— Мне не нужно слишком много, — жалобным голосом произнесла она. — Дорожный костюм и что-нибудь для второй половины дня. Вечернее платье, если ты настаиваешь, Джейн. Тот черный шелк подошел бы.

— Не к твоему цвету лица. Подними слегка подбородок. Так, хорошо. Нет, не двигайся. Пожалуйста, покажите нам еще раз тот фиолетовый шермез, мадам.

Краем глаза Фэрис заметила приближение фиолетового шермеза.

— Это слишком ярко. Мне он ни к чему. Один дорожный костюм. Возможно, он сгодится и в качестве дневного наряда. Одно вечернее платье. Ах, да. Мне еще понадобится костюм для верховой езды. Но это все.

Джейн рассеянно кивнула.

— Конечно, ваша светлость. Я думаю, марокен подойдет для обеденного платья. Этот оттенок сделает ваши глаза более яркими.

— Этот темно-синий подходит, но пурпурный шелк слишком яркий. Я буду похожа на клоуна. И я не хочу ничего из этих прозрачных тканей. — Фэрис отмахнулась от помощницы, стоящей возле нее с отрезом прозрачной ткани ярко-розового цвета.

— Это называется тюль, ваша светлость. Что вы думаете об этом? Можете теперь повернуть голову.

Фэрис повернула голову и с ужасом посмотрела на новую модель.

— Нет. Никогда. Никаких перьев. — Она сошла с возвышения и отмахнулась от последней попытки снять с нее мерку. — Дайте мою накидку. Я ухожу.

Джейн обменялась с мадам Клод снисходительным взглядом, и та жестом попросила подать герцогине накидку. Одетая в перья модель ушла, надув губы. Джейн повернулась к Фэрис, подняв брови.

— Грубить вовсе ни к чему. Тебе просто надо было сказать мне, что ты устала.

Фэрис взяла накидку у помощницы и надела ее привычным движением, шурша тканью.

— Никакого тюля. И розового цвета. И перьев. Вы все время только и говорили о вечерних платьях. Что я надену, когда пойду на улицу дю Соммерар?

— Все улажено. Платье для прогулок. Оно будет сшито из темно-синей саржи, элегантное и скучное. Тебе понравится. Оно

будет готово к следующей пятнице.

Фэрис в отчаянии воздела руки.

— Я не могу ждать до следующей пятницы. Я должна нанести визит Хилариону при первой возможности. Это и есть первая возможность. Ты идешь со мной? Или остаешься заказывать платья?

— Осталось еще обговорить пару деталей, а после этого мне надо отлучиться по своим делам. Оставь мне Рида, он проводит меня обратно в отель.

— Очень хорошо. Я возьму с собой Тириана.

— Отлично. Не думаю, что это окружение ему так уж подходит. — Джейн бросила взгляд в сторону приемной в передней части мастерской.

— Ваши провожатые были заняты нашим угощением, — сказала мадам Клод, — но так как они исчерпали наш запас кофе, их пора занять чем-нибудь полезным. А мы с вами, миледи, можем обсудить еще несколько мелких деталей. — Она улыбнулась Джейн, которая ответила ей столь же любезной улыбкой.

Фэрис отнеслась к их единодушию с внезапным опасением.

— Если вы почти уже закончили, наверное, мне лучше остаться.

— Конечно, если хочешь, — ответила Джейн. Она прищурила глаза. — Интересно, я только что подумала, все же не слишком ли мрачного цвета тот фиолетовый марокен? Можно нам взглянуть на него еще раз?

— Конечно, — тут же ответила мадам Клод. — Одну минутку, и я пошлю кого-нибудь принести еще кофе.

Фэрис подняла руку, поразив саму себя элегантностью новых перчаток.

— В этом нет необходимости. Я тебя покидаю, Джейн. Только помни — всего несколько платьев.

— И костюм для верховой езды.

— Ну да. Мне действительно понадобится новый костюм для верховой езды. Но ничего броского. И никаких перьев.

— Я прекрасно поняла.

Дом номер 24 по улице дю Соммерар, окруженный стенами, был большим зданием с башенками, над его широко раскинувшимися крыльями возвышалась сторожевая башня. В его беспорядочной архитектуре не было ничего от парижской симметрии — стрельчатые окна, острые коньки, шиферная крыша, — но она и не выглядела хаотичной. Стоящий посреди закрытого двора, в тишине, всего в нескольких сотнях ярдов от

шумного бульвара Сен-Мишель, он выглядел изящным. Фэрис вспомнила часовню Гринло. В гармонии этого дома было что-то от той тишины.

— Явно старое здание, — тихо сказала Фэрис.

— По-моему, неподалеку нашли древнеримские развалины, — откликнулся Тириан. — Здесь было сердце Парижа еще в те дни, когда этот город назывался Лютецией.

— Нет, — прошептала Фэрис еще тише. — Я имею в виду — очень старое.

Войдя в дом, герцогиня отдала слуге визитную карточку декана и свою собственную, и тот проводил их в скудно обставленную комнату с панелями из дуба. Слуга вышел, чтобы доложить о гостях мсье Хилариону. Фэрис ходила по комнате, а Тириан стоял у дверей.

— Почему так долго? — спросила она, когда ей надоело изучать узор паркетного пола.

Тириан посмотрел на карманные часы.

— Мы здесь всего двадцать минут. Это не очень долго, учитывая, что надо найти хозяина в доме таких размеров, а потом вернуться назад.

— Может, он забыл, куда нас привел. — Фэрис снова принялась ходить взад-вперед. — Или, может быть, мсье Хилларион не принимает посетителей от декана Гринло.

— Или, может быть, вы нервничаете. — Тириан закрыл крышку часов и убрал их в карман. — И зря.

Фэрис остановилась и одарила его высокомерным взглядом.

— Я буду нервничать, если мне так хочется.

— Конечно, ваша светлость.

Фэрис с глубоким подозрением посмотрела на его серьезное лицо.

— Если вы надо мной смеетесь, прекратите немедленно.

У Тириана был совершенно похоронный вид.

— Конечно, ваша светлость.

Фэрис расхохоталась. Тириан с упреком посмотрел на нее.

— Если вы надо мной смеетесь, ваша светлость… — начал он.

Слуга вернулся, чтобы проводить Фэрис к мсье Хилариону. Тириан пошел с ними, как будто его присутствие подразумевалось само собой.

Интерьер дома даже больше, чем фасад, говорил о количестве веков, которые пережило это здание. Фэрис следовала за слугой по коридорам со сводчатыми потолками, окрашенными в ярко-синий цвет и усыпанными золотыми звездами, по залам, завешанным гобеленами и похожим на поляны в заколдованном лесу, потом вниз по винтовой лестнице из белого камня,

закрученной, как рог единорога.

Несмотря на возраст особняка, атмосфера в нем была свежей, словно здесь только недавно рос настоящий лес. Когда Фэрис спустилась по белой лестнице, она уловила явственный запах сосновых иголок и сырой земли и почувствовала, как у нее защипало в глазах от тоски по дому. У подножия лестницы слуга открыл перед ней дверцу, такую низкую, что девушке пришлось нагнуть голову, чтобы войти. Тириан прошел следом. Пропустив их, слуга закрыл за ними дверь и остался снаружи.

В комнате было темно. Фэрис прислонилась спиной к двери, прикосновение рукава Тириана, стоящего так близко, ее успокаивало. Запах сосны исчез в тот момент, когда закрылась дверь. Вместо него теперь ощущался запах сырого камня и еще какой-то незнакомый аромат, смесь кофе, дыма и пряностей. С легким удивлением Фэрис поняла, что так пахнет от Тириана. Телохранитель сделал шаг в сторону. Под ногами пол был гладким, но не совсем ровным, словно истоптанные ступени в Гринло. Постепенно глаза привыкли к тусклому освещению, и теперь герцогиня могла различить арку в противоположном конце комнаты. За ней горел свет.

— Фэрис Налланин, — произнес голос, похожий на ветер. — Я вас ждал.

Тириан следовал за ней по пятам, пока она пересекала комнату. Фэрис помедлила на площадке еще одного лестничного пролета, он уходил вниз у стены огромного сводчатого помещения. Внизу, на возвышении из резного камня, стояли два стула и лакированный стол с канделябром, в котором горело несколько свечей. Один стул был простым, с прямой спинкой. Второй представлял собой глубокое кресло с подголовником и с обивкой, расшитой золотом так же богато, как гобеленовый лес. И стул, и кресло были пусты.

С возвышения снова раздался голос:

— Не стойте там. Спускайтесь.

Ощущение тишины и покоя все еще не покидало Фэрис, но голос ее встревожил. В тенях от свечей мог таиться любой ужас. Герцогиня подчинилась голосу, радуясь присутствию Тириана.

Когда она остановилась у стола, призрачный собеседник снова заговорил из глубины кресла:

— Долго вы добирались.

Фэрис посмотрела на пустое кресло. На мгновение, при свете свечей, ей показалось, что в гобеленовом лесу шевельнулись вышитые листья. Затем, сначала неотчетливо, но постепенно все более ясно, она различила сидящего в кресле человека.

Он был стар, об этом свидетельствовали его узловатые худые

руки, лежащие на подлокотниках кресла, и сгорбленные плечи, но его глаза остались молодыми и были полны веселья. Фэрис несколько секунд смотрела в его глаза, такие же светлые, как ее собственные, потом произнесла:

— Хиларион.

Старик поднял руку и указал на стул.

— Садитесь. Боюсь, Тириану придется постоять.

Фэрис бросила взгляд на спутника. Он занял свое место у ее стула, на один шаг справа и сзади, и стоял непринужденно. Хотя он казался спокойным, Фэрис заметила, что он упорно отводит глаза от кресла.

— Спасибо, но я тоже предпочитаю постоять. — До нее вдруг дошел скрытый в словах Хилариона смысл. Она резко повернулась к нему: — Это имя вам не называли.

— Мы с Тирианом встречались раньше. — Глаза Хилариона блеснули весельем под упорным взглядом Фэрис. — Я послал его к вашему дяде.

Фэрис задумалась так глубоко, что, сама того не сознавая, опустилась на предложенный Хиларионом стул, причем сделала это с такой грацией, которая порадовала бы даже мадам Брачет.

— Мой дядя знает об этом?

Хиларион сложил руки.

— Кто может сказать? Я сомневаюсь. Тириан был самой подходящей кандидатурой для того, чтобы охранять вас в Гринло. А я хотел, чтобы вас охраняли. Оказалось, что организовать это довольно просто. Ваш дядя любит все усложнять, но и он не может устоять перед очарованием простоты. Как и я.

Фэрис слегка подалась вперед.

— Мне кажется, я знаю, почему дядя хотел нанять мне охрану. Скажите, кто вы и почему декан послала меня к вам. Объясните, почему мною вообще кто-то может интересоваться.

— Хорошо. — Хиларион обхватил ладонью пламя свечи. Свет почти не померк, цветок пламени ясно был виден сквозь его пальцы. — От вашего внимания не ускользнуло, что я не совсем реален.

Фэрис нехотя улыбнулась.

— Не ускользнуло.

— И также не совсем нереален. Вы это заметили?

Фэрис кивнула.

Хиларион казался довольным.

— Это одна из причин, почему вы меня интересуете. Я не скрываюсь намеренно, но для остальных людей я невидим. Тириан, например, никогда меня не видел, хотя мы много раз беседовали.

Фэрис снова взглянула на спутника. Он по-прежнему стоял непринужденно, спокойно глядя куда-то в тень.

— Это правда?

Тириан встретился с ней взглядом. Он смотрел в упор, как тогда, в лазарете. Фэрис попыталась вспомнить, сколько времени прошло с той неловкой беседы, и ахнула от удивления. Вчера. Весь этот ужасный разговор состоялся только вчера. Ей казалось, что она знает Тириана дольше, чем Рида, даже дольше, чем Гэврена.

— Это правда. — Обращаясь к тени, Тириан прибавил: — Должен вам сообщить, что я уже не работаю на вас, господин Хиларион. Вчера я обещал служить Фэрис Налланин. Я перед ней в большом долгу.

— Тогда, разумеется, ты должен вернуть долг. Если ты будешь работать на нее, как работал на меня, она получит хорошего слугу.

— Благодарю вас.

Хиларион продолжал:

— Фэрис, вы обладаете способностями, о которых не подозреваете. Возьмите светильник.

Девушка подняла канделябр. Тени в комнате переместились. Огоньки свечей горели ровно. Фэрис поняла, что они не дают жара, тающего воска, никакого дыма, только чистый золотистый свет. Она крепче сжала канделябр, но рука ее не дрогнула.

— Можете поставить его.

Фэрис с готовностью повиновалась.

— Вы понимаете природу этого света?

— Я понимаю, что это неестественный свет.

— Погасите свечи.

Фэрис резко взглянула на него.

— Зачем?

Хиларион мягко улыбнулся.

— Посмотрим, как вам это удастся.

Фэрис отрицательно помотала головой.

— Почему? Вы боитесь потерпеть неудачу?

— Конечно нет. Но что, если я не смогу снова их зажечь?

— Разумный довод. Только четыре человека в мире могли бы сдвинуть с места этот канделябр. Вы — одна из них. Я второй. Но погасить их не в моих силах. Возможно, вы сумеете. Я рад, что у вас хватило ума не пытаться это сделать. Я не знаю никого и ничего, что могло бы снова зажечь этот свет, если он угаснет. — Руки Хилариона неподвижно лежали на подлокотниках кресла. — Отвечу на ваш первый вопрос: я хотел, чтобы вас охраняли, потому что надеюсь, что вы — хранительница севера, которая

снова появится после долгих лет отсутствия.

Фэрис уставилась на него.

— Отвечу на второй вопрос: я — Хиларион, хранитель запада. Ваш декан послала вас сюда, чтобы узнать, чего требует от вас мир.

Фэрис несколько секунд смотрела на него, потом вскочила и в ярости повернулась к Тириану.

— Поднимите этот подсвечник.

Тириан виновато посмотрел на нее.

— Не думаю, что смогу.

— Попытайтесь.

Рука Тириана прошла сквозь свечу.

— Мне очень жаль. — Он потер ладони, словно у него пальцы застыли от холода.

Фэрис стиснула зубы и снова подняла подсвечник. Хиларион рассмеялся. Она с громким стуком поставила канделябр на место и повернулась к телохранителю.

— Смейтесь, если хотите. Но выслушайте меня. Я знаю, чего требует от меня мир. Я родилась, чтобы править Галазоном, и именно это собираюсь делать. Вам меня не остановить.

— Конечно нет. Ваша преданность Галазону делает вам честь. И все же Галазон — это не весь мир. Позвольте напомнить вам, что если мир придет в запустение, то же самое, несомненно, случится и с вашим родным герцогством. — Хиларион несколько мгновений смотрел на Фэрис. Потом задумчиво продолжил: — Возможно, вы заметили, что наш мир — просто ужасен. Хотя вы очень молоды, и наверное, у вас еще не было возможности разобраться в этом. Позвольте мне заверить вас, что это так. Это один из наименее привлекательных аспектов равновесия мира. Ничто в нем, как бы ни был он прекрасен, не может быть идеально совершенным. К счастью, другая сторона медали — это то, что ничто не может быть и совсем плохим. Если не будет нарушено равновесие.

Фэрис опять повернулась к Тириану.

— Вы его не видите? Скажите честно!

Он озабоченно посмотрел на нее.

— Не вижу. Если вы не хотите слушать, мы пойдем туда, куда вам будет угодно.

Фэрис поколебалась, потом снова села на стул.

— Нет. Я послушаю. — Она неохотно встретилась глазами с Хиларионом. — Если не будет нарушено равновесие. Это звучит так зловеще. А оно нарушается?

— Как раз я — доказательство того, что оно нарушается. — Хиларион опустил взгляд на свои руки. — Я стар, но мне не

позволено умереть, так же как и хранителям востока и юга. Мы должны оставаться на своем посту, собрав все терпение, до тех пор, пока снова не явится хранительница севера.

— Объясните почему.

— Последняя хранительница севера попыталась потворствовать своему капризу. Она попробовала создать нечто идеально совершенное. Тщетная попытка, возможно, хотя все же не такая прискорбная, как если бы она задалась целью создать нечто идеально ужасное. Но в результате своих усилий хранительница погибла сама, к тому же стала причиной того, что возник разлом между этим миром и соседним. С тех пор мы трое трудимся над тем, чтобы эта расщелина росла не так быстро. Пока мы поддерживаем, как можем, сущность этого мира, мы прикованы к своему месту. С каждым днем мы все ближе к миру соседнему и в конце концов станем невидимыми для тех, кого защищаем.

Фэрис вспомнила о пузырьках, поднимающихся в шампанском. Неужели Хиларион — один из таких пузырьков, задержавшихся на дне бокала?

— Так остановитесь. Что произойдет, если вы позволите разлому расти?

— Невежественное дитя, разве вам никогда не преподавали устройство мира?

— Каждое утро в течение прошлого года и еще раньше. Если тот мыльный пузырь, в котором мы живем, сольется с соседним мыльным пузырем, какая в том беда? Если вы говорите о том, что прикованы к этому миру, это значит, что вы хотите перейти в соседний. Ну, мы все туда попадем.

— Сольется, — повторил Хиларион, словно это слово имело привкус, который ему не понравился. — Сольется. Если этот мир сольется с соседним, что случится? От места разлома по направлению к внешней стороне равновесие мира нарушится. Магия из остального мира, которую мы с таким трудом уравновешиваем, уйдет в эту расщелину. Когда магия уходит, равновесие смещается, и обычный хаос и пороки этого мира выходят на первый план. Когда разлом станет достаточно широким, когда беспорядок воцарится везде, вся оставшаяся жизнь ускользнет. Вместо нее наконец установится порядок. Но это будет порядок пустоты. Вся магия, вся растительность, вся жизнь исчезнет. И соседний мир ощутит это, как удар по равновесию, к которому он стремится. И процесс пойдет дальше, во внешние миры.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Фэрис заговорила.

— Устраните разлом.

— Мы пытались, но потерпели неудачу. Хранительница севера его создала, и хранительница севера должна его сомкнуть. Но до сих пор нам приходилось справляться без хранительницы севера.

— Скажите мне, как его сомкнуть.

Хиларион покачал головой.

— Я не могу.

— Как этот разлом возник?

— Последняя хранительница севера пыталась совмещать свою заботу о мире с управлением собственным государством. В своем стремлении к обычной политической власти она игнорировала обязанности хранителя. Затем, чтобы защитить собственные владения, она попыталась охватить своей энергией внешние пределы и создать как бы защитную сферу. Но в итоге возник разлом. Она погибла, ее группировка была свергнута с престола, а ее наследника сослали умирать в море.

Фэрис приоткрыла рот, но ничего не сказала.

— Наверное, было бы отчасти справедливо, если бы хранительница, создавшая разлом, была приговорена к жизни в этом мире. Но вместо нее те, кого она оставила после себя, вынуждены продолжать жить здесь и работать над исправлением ее ошибки.

— Ее имя… — Фэрис еле слышно прошептала эти слова, но Хиларион уловил ее шепот.

— О, вам известно ее имя.

Фэрис долго молча смотрела на него. Когда она заговорила, ее голос был слаб, как шелест.

— Мою бабушку звали Просперианн.

Хиларион кивнул.

— Мой отец умер в море.

— Я знаю.

Фэрис закрыла глаза, и тишина дома сомкнулась вокруг нее. Странное ощущение покоя охватило ее, и ей легче было думать об отце и бабушке как о неких абстракциях. Даже неосязаемость Хилариона становилась закономерной в спокойствии этого места.

— Я не могу этого сделать, — в конце концов грустно сказала девушка. — Я попытаюсь, конечно, но я не умею колдовать.

Хиларион с упреком хмыкнул.

— Вот вам современные методы обучения. Вы прибегли к магии в трех случаях. Ничего впечатляющего, и все же все три случая говорили о ваших больших способностях.

Фэрис уставилась на Хилариона.

— Когда? И откуда вам об этом известно?

— Я ведь хранитель запада. Гринло находится на западе, не

так ли? Пускай я живу здесь, в тишине, но я не совсем удалился от мира.

— Гринло защищен собственными чарами.

— Это так. И эта защита может годами обманывать ваше зрение. Со временем, однако, все должно измениться. — Он бросил взгляд на Тириана. — Вчера вы увидели Тириана превращенным в кота и усилием воли вернули ему его истинный облик. Это был третий раз, когда вы проявили свои способности к магии.

— Третий? А я что-то сделала? Подожгла волосы Менари?

— Нет, это не вы, это она сама. Она намеревалась поджечь ваши волосы, а вы уравновесили ее магию. Сила, которую она применила, обратилась вспять, на нее саму. — Старик нахмурился. — В самом деле, энергии, которую она применила, было достаточно, чтобы сжечь вас дотла. Меня удивляет, что не произошло чего-то гораздо более серьезного. Должно быть, она обладает огромной магической силой.

— Декан сказала, что Менари не прибегала к магии Гринло.

— Нет? Тогда у нее имеются собственные ресурсы.

— Какие?

— Я не могу их определить. Они не относятся к подвластной мне территории. Они не с запада.

— Если возвращение Тириану его облика было третьим случаем, какими были первые два?

— Погодная магия обычно не проходит незамеченной. Год назад вы вызвали снегопад в саду колледжа. Проницательность и воля. Вы предугадали, что должен пойти снег. И вот — снегопад. Это был второй случай.

Фэрис старательно вспоминала.

— Я скучала по дому. Я думала о Галазоне. — Она нахмурилась, глядя на Хилариона. — А первый?

Хиларион улыбнулся.

— Меня бы не удивило, если бы вы стали отрицать первый случай. Он был скромным, как и пристало для новичка. Вы чихнули.

— Прошу прощения?

— Одна из ваших соучениц необдуманно приняла подарок. Уголь, кажется. Полагаю, более явным подарком могло бы быть только отравленное яблоко, но я не понимаю, как это можно было осуществить. Уголь стал причиной неприятного происшествия, как и было задумано. Даже такая грубая уловка могла нанести серьезный вред. К счастью, вы чихнули.

— Я чихнула. Но и только. Как можно чиханием чего-то достичь?

— Оно оказалось бы бесполезным теперь, когда и вы, и молодая женщина из Арависа стали намного сильнее. Но вы обе были начинающими. Могу лишь предположить, что вы уравновесили друг друга.

Фэрис нахмурилась.

— Скажите, откуда вы все это знаете — имена, поступки, намерения…

— Никакое нарушение равновесия на подвластной мне территории от меня не скроется. Чем скорее вы займете свое законное место в качестве хранительницы севера, тем быстрее вы достигнете такой же проницательности.

Фэрис огляделась вокруг с легким отчаянием.

— Я должна сидеть в темноте, чтобы этим заниматься?

— Меня устраивает темнота. — Хиларион посмотрел в тень. — При прямом солнечном свете даже вы не смогли бы меня увидеть, Фэрис. Этот дом меня любит. Время здесь течет не так быстро. Снаружи дни проносятся мимо подобно горному ветру, но эти древние стены не пропускают ветер. Их камни были заложены еще до того, как этот город был просто грязной Лютецией. Город рос вокруг этого дома, камень за камнем, на протяжении веков. Здесь я могу жить спокойно. И здесь, в темноте, моих слуг не беспокоит, что они не могут меня видеть.

— Но разве вам не надоело быть погруженным во тьму?

— Если мое тело истончилось, какая разница, где оно лежит, пока мой мозг все еще исполняет обязанности хранителя? Вам бы надоела темнота, если бы ваш дух мог улететь прочь и бродить в лесах Галазона?

— Я могла бы это делать? — Фэрис казалась встревоженной.

Хиларион рассмеялся.

— Нет. Пока нет. Вероятно, никогда не сможете. Если вы сомкнете разлом, вам это никогда не понадобится, так как когда придет ваш час, вы уйдете, как должно, не испарившись, подобно дыму в солнечном свете.

— Когда придет мой час улетучиться, подобно дыму в каминной трубе, должна ли я перейти в соседний мир?

— Разве этот мир был так добр к вам, что вы отказываетесь его покинуть? — Доброта смягчила насмешку Хилариона, но веселье светилось в долгом взгляде, который он ей послал. — Сомкните этот разлом и пустите меня вперед, я посмотрю.

— Если я сомкну разлом, если я возьму на себя обязанности хранительницы, что будет с Галазоном?

— Галазон останется Галазоном. Если вы восстановите равновесие, почему бы Галазону не процветать вместе с остальным миром?

— Всего лишь? Не больше?

— Не торопитесь, предостерегаю вас. Помните, ничто не бывает совершенным. Такой вот образ мыслей и создал разлом. — Хиларион снял с шеи золотую цепочку, длинную и тонкую, словно прядь волос. На ней висел ключ, сделанный из дымчато-зеленого стекла, похожего на солнечный блик в морской воде. — Возьмите это.

Фэрис заколебалась, но протянула руку. Когда она поднесла ее к свечам, ключ засиял зеленоватым золотом, в стекле виднелось несколько мелких вкраплений, похожих на пузырьки морской пены.

— Что это?

— Просперианстояла у северного якоря, когда творила свое последнее колдовство. Я знаю, что северный якорь находился в тронном зале Палатина в Арависе. Разлом уничтожил якорь. Разрушения могли быть еще большими, я просто этого не знаю. Я никогда не видел этого места. Если у кого-нибудь в то время была хоть капля здравого смысла, зал сейчас надежно закрыт. В таком случае вы должны найти лестницу хранительницы. Это ключ от лестницы — единственный ключ. Берегите его.

Фэрис надела цепочку на шею и сунула ключ за ворот. И ощутила кожей его тепло.

— Где мне найти лестницу хранительницы?

— Увы, я не знаю. Это за границей подвластного мне предела. Тириан, если она потерпит неудачу, я поручаю тебе вернуть мне этот ключ.

Тириан скрестил руки.

— Я больше не состою у вас на службе.

— Знаю. Но мы должны предусмотреть поражение, как и успех. Если ей не удастся сомкнуть разлом, должен будет попытаться кто-нибудь другой.

— Если меня постигнет неудача, обещаю прислать вам ключ. А пока, Тириан, буду вам благодарна если вы будете охранять меня по пути в Аравис. Могу я на вас рассчитывать?

Тириан покраснел.

— Вы можете рассчитывать на меня до моего последнего часа и еще час после него.

Хиларион чуть слышно засмеялся, этот звук был похож на шорох ветра в соснах, и шевельнулся в кресле. Гобеленовый лес дрогнул, будто тихий ветер зашелестел ветвями.

— Хотя здесь время течет более медленно, вы не должны позволять окружающему миру обогнать себя. Мне больше нечего вам сказать. Идите, дитя мое, и помните, чего ждет от вас мир.

Фэрис встала. Листья гобеленового леса снова задрожали, и

Хиларион исчез. Мгновение она стояла, уставившись на пустое кресло. Тириан сошел с возвышения. У начала лестницы он остановился, оглянувшись на нее.

Фэрис перевела взгляд с него на канделябр.

— Я бы хотела оставить его здесь и не трогать. Но если нам понадобится свет, я могу его взять.

— Думаю, мы обойдемся без него. Пойдемте.

Фэрис последовала за телохранителем. В молчании они прошли сквозь сумрак теней к винтовой лестнице, поднялись и вышли из дома Хилариона в холод зимней ночи.

Глава 8
Ваша шляпа тикает

За стенами дома на улице дю Соммерар оказалось темно, ветрено и холодно. Пока Фэрис и Тириан находились в доме, прошел дождь. Мокрые улицы, покрытые пятнами золотистого света там, где фонари отражались в лужах, были почти безлюдными.

Фэрис обрадовалась ветру. После разговора с Хиларионом у нее в голове вихрем роились мысли. Неподвижность была бы для нее невыносимой. И возвращаться сразу же в душную роскошь отеля казалось невозможным. Ветер развевал ее плащ, и это нравилось девушке. Хорошо бы идти против ветра до тех пор, пока не иссякнут силы.

Когда они свернули за угол на бульвар Сен-Жермен, их догнал кеб, запряженный лошадью, единственный вид транспорта на широкой, хорошо освещенной улице. Тириан пристально смотрел на него.

Фэрис дотронулась до рукава спутника.

— Уже поздно, я знаю, и холодно, но мне нужно время, чтобы подумать. Можно, мы пойдем в отель пешком?

— Да, думаю, так и надо сделать. — Он замедлил шаг и позволил экипажу проехать мимо. — Этот же кеб ждал у дверей мадам Клод, когда мы уходили. Я узнал кучера по усам.

Фэрис посмотрела на телохранителя. Его обычное равнодушное спокойствие исчезло. Тириан был в веселом возбуждении, будто ему нравилось бродить в холодной ночи.

— Совпадение, несомненно, — сухо сказала она и зашагала быстрее.

Он без труда догнал ее.

— Конечно. Два человека идут за нами следом. Возможно, это тоже совпадение. — Несмотря на пронизывающий ветер, Тириан расстегнул пальто.

Они шагали дальше, каждый шаг неестественно громко отдавался в ушах Фэрис. Ей не нужно было оглядываться назад, чтобы понять, что Тириан прав насчет идущих следом мужчин. Она почти ощущала их присутствие, как холодок на затылке, который не имел ничего общего с ветром.

Впереди из-за угла показался еще один кеб и двинулся к ним навстречу.

— Кажется, мне все-таки не удастся поразмышлять. — Фэрис надеялась, что ее голос не выдает радости. — Возьмем этот кеб?

— По-моему, не надо. Каковы шансы встретить кеб, запряженный двумя лошадьми с одинаковым белым крапом? Это опять тот усатый, вернулся проверить, может быть, мы уже устали.

— Вот как! — Фэрис с трудом удавалось сохранять веселый тон. — Наверное, те люди у нас за спиной еще не устали?

Тириан оглянулся.

— Вовсе нет. Они нас догоняют. — Откуда-то из-под пальто он достал пистолет и снял его с предохранителя. — Держитесь за моей спиной. Не давайте им затолкать себя в кеб, если сможете. Мне очень не хотелось бы стрелять в лошадь.

На улице позади них послышался шум двигателя, потом появился свет автомобильных фар. Лошадь, запряженная в кеб, нервно вскинула голову при виде надвигающегося автомобиля. Фэрис повернулась к блестящему лимузину «Минерва», который остановился рядом с ними. Задняя дверца распахнулась. Внутри невозможно было что-либо разглядеть.

— Не возражаете, если мы вас подвезем? — весело зазвенел голос Джейн.

Тириан помог Фэрис сесть в машину. Потом заколебался, стоя одной ногой на подножке и глядя назад вдоль улицы.

После зябкого ночного ветра ей показалось, что в лимузине очень тепло. Стараясь расправить плащ и юбки на мягком, обтянутом кожей сиденье, Фэрис невольно подумала, что это похоже на укладку чемодана.

— Дядя Амброуз одолжил мне свой лимузин на вечер, — объяснила Джейн. — Правда, красивый? Мы остановились не на той стороне улицы дю Соммерар. Вы повернули направо, и Чарльзу понадобилось несколько минут, чтобы объехать квартал и догнать вас.

Тириан неохотно сел в машину и захлопнул дверцу.

— Теперь мы не узнаем, кто их послал, до следующей попытки.

— Поезжайте, Чарльз, — приказала Джейн.

Деликатно взревев мотором, лимузин плавно тронулся с места. Со своего сиденья рядом с Чарльзом Рид наблюдал за улицей, которую они покинули.

— Всего двое пеших и один в кебе? Вы уверены, что они знают, кто мы такие?

— Мы? — Тириан вернул пистолет в кобуру и застегнул пальто. — Лучше спросите, знаем ли мы, кто они такие.

— Местная поддержка, как я догадываюсь, — ответил Рид. — Как вы думаете, они заметили, что вы их обнаружили?

— Уж не знаю, могло ли это быть более очевидным, разве что

я бы выстрелил в одного из них.

— Возвращаемся в отель? — спросил Рид у Джейн.

— Можем вернуться, но не хотите ли объехать квартал, поймать одного и держать его на мушке, пока он не расскажет все?

— Нет ни малейшего шанса, что они все еще там, — сказал Тириан.

Рид возразил:

— Давайте все равно попробуем.

Джейн с тревогой взглянула на Фэрис.

— Попробуем?

— Как хотите, — ответила герцогиня.

Она смотрела на проносящиеся мимо пустынные улицы. Джейн, Рид и Тириан обсуждали происшествие, но Фэрис не слушала, рассеянно глядя в ночь и думая о своем дяде.

Если за ней следили от салона мадам Клод до дома Хилариона, вряд ли преследователи — простые грабители. Единственный важный вопрос заключался в том, зачем их наняли: похитить ее или убить на месте. Ей казалось, что вероятнее последнее.

Ночные улицы Парижа небезопасны для всех. Если она станет жертвой преступления, кто этому удивится? Не поэтому ли Бринкер послал за ней? Путешествие по Европе, даже по железной дороге, может быть опасным. Если по пути с племянницей случится несчастье, кто этому удивится? А если она каким-то образом вернется благополучно в Галазон, что тогда? Может быть, несчастный случай на охоте?

Да, но если он хочет ее убить, почему не сделал этого давным-давно? Зачем посылать ее в дорогую школу, выдергивать оттуда прямо перед окончанием, а потом убивать? И к чему нанимать телохранителя, чтобы затруднить задачу себе самому?

Но если не Бринкер, то кто?

На бульваре Сен-Жермен и прилегающих улицах не оказалось никаких кебов, никаких темных личностей.

— Ну, если мы больше ничего не добились, то хотя бы избавились от всех, кто мог за нами следить, — весело сказала Джейн. — Теперь вернемся обратно в отель, Фэрис? Или ты бы хотела совершить поездку в Булонский лес? А может, даже съездить в Фонтенбло? Жаль иметь в своем распоряжении такой великолепный автомобиль и кататься на нем только по городу.

— Зачем кому-то следить за нами? — спросил Рид. — Если еще не весь Париж знает, что герцогиня Галазонская остановилась в отеле «Крийон», это не ваша вина.

— Следует поддерживать определенный статус. Что будем

делать, Фэрис?

Фэрис обдумала варианты.

— Я проголодалась. Среди всего прочего, что нужно делать в Париже и нельзя делать в другом месте, я бы хотела поужинать.

— О, господи, ты не ужинала? Я была уверена, что он угостил тебя. Сейчас уже поздновато для ужина.

— Который час?

— Больше трех ночи. Как по-твоему, почему мы предприняли такие усилия, чтобы приехать за тобой?

— Не удивительно, что на улице был всего один кеб, — сообразила Фэрис и бросила Тириану: — Время там действительно замедляет ход. — Потом повернулась к Джейн. — Где лучше всего поужинать в такой час?

— Назад в отель, Чарльз. Я сейчас сыграю свою знаменитую роль, изображая тетушку Алису — образец титулованной английской леди за границей. Может, тебе и будет неловко, но обещаю, ужин ты получишь.

Джейн сидела у камина в комнате Фэрис и смотрела, как та уплетает мясное ассорти, присланное из ресторана отеля.

— Возможно, я перестаралась, изображая тетушку. Как ты можешь есть почки среди ночи? — Она передернула плечами.

Фэрис отпила вина из бокала.

— Это значит, что ты не хочешь их попробовать?

— Дядя Амброуз угостил меня отличным ужином, спасибо.

— Я не знала, что у тебя в Париже есть дядя. — Фэрис снова сосредоточилась на своей тарелке, на которой лежал последний поджаренный гриб.

— Дядя Амброуз живет здесь уже много лет. Он не такой, как некоторые дядюшки. Париж не оказал на него большого влияния. Он держит английский автомобиль, контрабандой ввозит свои сигареты и сигары во Францию с дипломатической почтой, а на скачках все еще ворчит, что лошадей запускают неправильно. Довольно милый старик.

— Я никогда раньше не ездила в автомобиле. — Фэрис с легким вздохом положила нож и вилку. — Это было очень увлекательно.

— В тот момент ты казалась не слишком увлеченной. Ты даже не особенно интересовалась своими преследователями.

— Я думала. — Фэрис серьезно посмотрела на Джейн. — Ты не спросила меня о Хиларионе.

Джейн подняла брови.

— Я умираю от любопытства, разве не видишь?

— Кажется, мне предстоит спасти мир.

— Господи! У тебя хватит для этого знаний? — сухо спросила Джейн.

Фэрис улыбнулась и откинулась на спинку стула.

— Сомневаюсь. Но кажется, я — хранительница севера.

Остаток ночи Фэрис провела, обсуждая с Джейн все подробности своего визита к Хилариону. Большую часть следующего дня новоявленная хранительница севера проспала, а под вечер встретилась с банкирами и поверенными. Она вернулась в отель как раз в тот момент, когда прибыли первые пакеты от мадам Клод. Джейн разливала чай, пока Фэрис сидела у камина и считала коробки.

Фэрис приняла из рук Джейн чашку.

— Я думала, все это привезут только в пятницу.

Подруга протянула ей тарелку.

— Хочешь сэндвич? Ты выглядела такой разочарованной, что я передоговорилась с мадам Клод. Большая часть заказов будет готова на этой неделе. Все, что не успеют сделать ко времени твоего отъезда в Галазон, пришлют вслед за тобой.

Охваченная внезапным подозрением, Фэрис подняла взгляд.

— И насколько дороже мне это будет стоить?

— Не могу сказать. Думай об этом как об очередной небольшой неприятности для дядюшки Бринкера. Попробуй этот пирог, он очень вкусный.

— Ну хоть приблизительно, — проговорила Фэрис, предварительно набив рот ореховым пирогом. — Прикинь.

— Это деньги твоего дяди. Если бы он когда-нибудь выделял тебе достаточно денег на одежду, в этом не возникло бы необходимости.

— Это деньги не дяди. Это деньги Галазона. Я только сохраняю их.

Джейн закатила глаза.

— Не будь такой отвратительно благородной. Твой народ не захочет видеть тебя в лохмотьях, правда? Ты их представительница, не так ли? Тебе надо поддерживать свой статус.

— Это больше всей годовой ренты. Я не могу просто выбросить такие деньги на ветер.

Джейн явно была уязвлена.

— Ты их не выбрасываешь на ветер. И я тоже. Я подобрала для тебя гардероб, который, вероятно, будет служить тебе до конца твоей смехотворной жизни. Я умудрилась договориться, чтобы большую часть сшили меньше чем за неделю. Я сотворила для тебя чудо, а ты только приказываешь мне оценить, во сколько

обойдется срочный заказ у мадам Клод. Да-да, красней, тебе следует краснеть. И не мешало бы извиниться передо мной.

Джейн отошла от чайного столика и направилась к груде свертков.

— Ты обрадуешься всему этому, когда твой дядя бросит на тебя первый взгляд. Он когда-нибудь видел тебя прилично одетой? Сомневаюсь. Ну, когда ты предстанешь перед ним в этой одежде и с манерами мадам Брачет, он горько пожалеет о том дне, когда послал племянницу в Гринло, это я тебе обещаю. — Она наклонилась ниже, осматривая один из свертков. — Несколько платьев, костюм для верховой езды… Разве это преступление в Галазоне — быть хорошо одетой?

— Я прошу прощения, — скованно произнесла Фэрис. — И очень ценю твою помощь. Я не хотела быть неблагодарной…

— Тихо! — Джейн все еще стояла, склонившись над одной из коробок, серой шляпной картонкой, перевязанной серебряной ленточкой. Девушка склонила голову к плечу и прислушалась. — Немедленно позови сюда Тириана и Рида!

В ее голосе звучала такая тревога, что Фэрис тут же вскочила и без колебаний выбежала из комнаты. Когда она вернулась вместе с Ридом и Тирианом, Джейн все еще стояла в той же позе.

— Вы слышите? — спросила она.

Фэрис, Рид и Тириан покорно напрягли слух. Через мгновение Рид взглянул на Фэрис с большим интересом.

— Ваша шляпа тикает.

— Это не шляпа, — возразила Джейн. — Я еще не заказывала для Фэрис никаких шляп.

— Это бомба? — спросила Фэрис.

— О, наверное, — ответил Рид.

Тириан хладнокровно осматривал коробку.

— Вам придется покинуть здание. Возможно, они на это и рассчитывают, так что будьте начеку, когда выйдете.

— А как же ты? — спросил Рид.

— Попробую ее обезвредить.

Рид недоверчиво смотрел на Тириана.

— Обезвредить? Мы не можем определить, из чего она сделана, как сконструирована, что произойдет, если мы ее передвинем, когда она должна взорваться. Это может произойти, даже если мы всего лишь развяжем ленту.

— Я должен попытаться.

— Каким образом? Я не ношу с собой инструменты. А ты?

В тишине, которая воцарилась вслед за вопросом Рида, тиканье показалось очень громким. Прошла минута, и Джейн глубоко вздохнула.

— Фэрис, тебе лучше уйти. Я не совсем уверена, что сумею это сделать. Один раз я обсуждала, как это делается, с Евой-Марией. Жаль, что нельзя послать за ней, ведь сейчас она работает здесь, в Париже. Но у нас просто нет времени рисковать.

Она вытянула руки над шляпной коробкой, словно грела их над огнем.

— Вы сошли с ума? — забеспокоился Рид. — Держитесь от нее подальше.

Фэрис схватила его за локоть и оттащила в сторону.

— Ты думаешь, она ходила в школу для того, чтобы читать трехтомные романы? Она колдунья Гринло. Замолчи и не мешай ей работать.

Тириан быстро отошел на два шага от Джейн.

— Что вы делаете?

Хотя руки Джейн дрожали, голос ее звучал ровно.

— Никогда не знаешь. Может, это и настоящая шляпа.

Воздух под ее ладонями колебался, как от огня. Серебристая лента зашевелилась. Коробка несколько увеличилась в размерах, словно делая вдох. Запах паленых перьев наполнил комнату. Тиканье прекратилось. Очень медленно Джейн свела вместе открытые ладони, и серая шляпная коробка стала черной. Колдунья сжала ладони. Коробка осталась такой же.

Со вздохом облегчения Джейн опустила руки.

— Получилось. — Она нахмурилась и потерла лоб. — Спасибо, Ева-Мария.

— Что получилось? — недоуменно спросил Рид. — Что это за запах?

Джейн не обратила на него внимания, развязала ленту и сняла с коробки крышку. Внутри, в серой оберточной бумаге, лежала дамская шляпка. Это было сооружение из бархата, тюля, блесток и перьев, похожее на костер среди снега, очень пестрое, с преобладанием красного и золотого. Джейн с благоговением освободила шляпу от серой бумаги и любовалась ею, держа на вытянутых руках.

Тириан прочистил горло.

— Она не была опасной?

Рид кинул на Джейн взгляд, полный изумления.

— Это действительно шляпа?

Фэрис смотрела на шляпу с неприкрытой неприязнью.

— Я не стану ее носить.

Джейн погладила поля.

— Это шляпа, пока я говорю, что это шляпа. — Она взглянула на Фэрис. — Конечно, ты не станешь ее носить. В ней ты будешь похожа на Менари в саду у декана. И она украшена перьями. Я

оставлю ее себе. — Она осторожно уложила шляпу обратно в бумагу и закрыла коробку. Потом глубоко вздохнула, закрыла глаза и нахмурилась. — Кажется, я заработала головную боль.

Фэрис налила подруге чаю.

— Думаю, все это ясно говорит об одном. Мне пора уезжать из Парижа.

В пятницу Фэрис заплатила по счету в отеле и вместе с багажом, который оказался гораздо более внушительным, чем она ожидала, отправилась на Страсбургский вокзал. Там она вместе с Джейн подождала, пока Тириан и Рид убедились в безопасности зарезервированного для нее купе.

Джейн открыла путеводитель.

— Страсбург, Вена, Будапешт — тебе не придется делать пересадку до, э… Порта Ориенталис? Да? Оттуда всего несколько часов езды до Жедесвара. Так это произносится?

Фэрис кивнула.

— Я должна поблагодарить тебя за все, что ты сделала. — Она говорила смущенно. Джейн не понравились бы особые проявления чувств. Фэрис обнаружила, что любые слова вряд ли способны выразить ее благодарность, может быть, поэтому старалась говорить небрежно. — Дядюшка Бринкер, конечно, не будет тебе признателен.

Не поднимая глаз от путеводителя, Джейн продолжала:

— Ненавижу эти иностранные названия с таинственными буквами. Тириан послал телеграмму, чтобы нанять карету с четверкой лошадей в Жедесваре. Затем вы пересечете границу у Тура-Нерва. Оттуда еще день пути до Галазон-Дукиса, а после этого ты благополучно окажешься дома.

Фэрис потянула Джейн в сторону от надвигающейся багажной тележки.

— Когда ты об этом говоришь, все кажется простым.

— У тебя есть Рид и Тириан, чтобы избавить тебя от всех утомительных мелочей. Так что это действительно будет просто. — Джейн закрыла путеводитель. — Ты ведь дашь мне знать, как все получится? — Она рассматривала переплет маленькой толстой книжечки с пристальным интересом.

— Конечно. — Фэрис заколебалась. — Там, в Гринло, вы меня будете помнить, правда?

— О, я думаю, будем. Особенно декан и мадам Виллет.

Наступило неловкое молчание, Фэрис невидящими глазами рассматривала стопку багажных квитанций в руке.

— Когда-нибудь ты должна приехать ко мне в гости.

Джейн широко улыбнулась.

— Очень хорошо. Раз уж ты так любезно меня приглашаешь, я приеду. Я часто думала, что было бы здорово когда-нибудь помочь спасти мир. Вероятно, лучшей возможности мне не представится.

— Что? Ты это серьезно? — Фэрис заморгала, глядя на Джейн с радостным изумлением. — Пойдем. — Она повернулась к билетному киоску. — Пойдем и немедленно все устроим.

Джейн остановила ее.

— Я уже заказала купе рядом с твоим.

Фэрис снова повернулась к ней. Сдерживая восторг, она старалась смотреть на Джейн сердито.

— О, уже заказала, вот как? Это декан приказала тебе присмотреть за мной? Полагаю, она сказала тебе, что Восточный экспресс полон соблазнов, особенно для богатых девиц?

— Мне не нужны приказы декана или чьи-то еще. Я решила поехать с тобой в ту ночь, когда ты встречалась с Хиларионом. И должна сказать, — с упреком добавила Джейн, — меня обидело то, что ты не пригласила меня раньше.

— Ты же должна преподавать в Гринло. Мне никогда и в голову не приходило, что ты захочешь все бросить и поехать.

— Могла, по крайней мере, попросить.

Фэрис покорно опустила голову.

— Я не слишком привыкла просить о чем-то.

Джейн с улыбкой кивнула.

— Я знаю. Это редко дает результаты. Но я думаю, стоит иногда практиковаться в этом, хотя бы для того, чтобы не разучиться.

Фэрис никак не могла уснуть в ту ночь. Она пыталась. Открывала в своем купе окно, закрывала окно — никакой разницы. Слишком часто она ложилась спать поздно и позже обычного вставала, и, наверное, это сбило ее внутренние часы. Или, может быть, виной тому всплеск активности потребовавшийся для отъезда из Парижа. Сюда входили усилия, приложенные для того, чтобы закончить все дела и упаковать все вещи, и не забыть последние газеты и журналы, в которых, вероятно, были новости из Аравиля и Галазона, а также аккуратно подшитую папку с отчетами, одолженную Джейн у человека, назвать которого она отказалась. «В пути тебе вполне хватит времени прочесть их, — весело сказала Джейн. — Не то что перед экзаменом». И все это время Фэрис не могла избавиться от мысли: как бы ни хотелось ей уехать из Франции, она, может быть, больше никогда сюда не вернется.

Она вертелась с боку на бок на своей полке, но не могла

расслабиться и дать ровному ритму поезда убаюкать себя. Вместо того чтобы ее успокоить, этот ритм врывался в ее мысли: «Никогда не вернусь, никогда не вернусь…»

Фэрис сдалась и встала. Пошарив в темноте, она нашла свои лайковые тапочки по запаху, а новый халат из клетчатого шелка на ощупь. Плотно запахнув халат, чтобы прикрыть старую ночную сорочку, пострадавшую от стирки в прачечной колледжа, она открыла дверь купе.

Узкий коридор был пуст, пассажиры первого класса давно улеглись спать. В тусклом свете Фэрис увидела, что дверь соседнего купе открыта. Там дежурил Рид, в соответствии с планом.

Она подошла достаточно близко, чтобы услышать его шепот:

— Что-нибудь нужно? Я могу позвонить проводнику.

Фэрис покачала головой.

— Не могу уснуть.

— Стакан теплого молока? Колоду карт? Пасьянс навевает скуку, как мне говорили.

— Нет, спасибо. Должно быть, я просто нервничаю. — Она посмотрела в пустой коридор. — Я не хотела тебя беспокоить.

— Вы меня не побеспокоили. — Рид закрыл дверь ее купе и жестом пригласил герцогиню к себе. — Выкурите сигарету?

Фэрис села у окна, Рид остался на своем месте у двери. Когда она отказалась от предложенной им сигареты, он спрятал портсигар в карман и сам тоже не закурил. Она ожидала, что он продолжит разговор шепотом, но он ее удивил, погрузившись в настороженное молчание.

В конце концов Фэрис не выдержала.

— Что, по-твоему, нужно Бринкеру? — тихо спросила она, удивив саму себя.

Силуэт Рида едва вырисовывался на фоне тускло освещенного коридора, но пожатие его плеч было выразительным.

— Вы вот-вот достигнете совершеннолетия. Возможно, он наконец примирился с этим и решил вернуть вас домой, на ваше законное место.

— Возможно. — Фэрис показалось, что Рид переигрывает в своем глупом оптимизме, но так как он явно хотел ободрить ее, она оставила сомнения при себе. — Если это так, мне жаль, что он не подождал, пока я закончу колледж.

Рид снова пожал плечами.

— У него могли созреть новые планы. Он женился на предполагаемой наследнице короля Джулиана. Король не может жить вечно. Возможно, по какой-то причине Бринкеру необходимо, чтобы вы находились в Галазоне, в безопасности, а

потом он сможет отстаивать свои интересы в Арависе.

Фэрис тихо рассмеялась.

— Знаешь, у меня только что промелькнула ужасная мысль. До сих пор мне это не приходило в голову, но ведь мы с Менари теперь действительно родственницы!

— Правда? Ну да, верно, если ваш дядя женился на ее сестре, то теперь она приходится вам тетушкой, не так ли? А что такое с этой девушкой? Она красавица, и ей не меньше восемнадцати лет, насколько я могу судить, но, когда она открывает рот, кажется, что ей двенадцать.

— Она привыкла все делать по-своему.

— Ну, это очень поможет ее красоте. Но она должна постараться не разговаривать, как моя маленькая сестренка.

— Если увижу ее в Арависе, я ей так и скажу.

— Вы это серьезно? Вы действительно собираетесь ехать в Аравис?

— Придется.

— Вы больше нужны нам дома, в Галазоне, знаете ли.

У Фэрис сжалось сердце от грусти и сожаления.

— Надеюсь.

— Эти кровожадные аристократы в Аравиле не имеют к нам отношения. Оставайтесь в Галазоне, там очень много дел.

— Я тоже кровожадная аристократка, Рид.

— Но вы — наша кровожадная аристократка. В этом вся разница.

— Спасибо. — Она едва сумела справиться с дрожью в голосе.

Рид хотел что-то прибавить, потом осекся и покачал головой, явно недовольный собой.

— В чем дело?

— Я просто понял, почему никогда не смогу научиться, как Тириан, втираться в доверие к влиятельным людям, вот и все.

— О чем ты говоришь?

— Вы очень хорошо понимаете. Вы можете себе представить беседу, которую вели бы с Тирианом, если бы сейчас дежурил он, а не я? Если бы он не отослал вас сразу же обратно в купе с кружкой теплого молока, которую специально хранил в рукаве как раз для такого случая, он бы говорил о возвышенном и не касался личностей. Он так хорош, как будто вовсе не человек, а создан каким-то мастером-искусником. — Рид снова покачал головой. — А я просто не могу удержаться, чтобы не влезть в чужие дела.

Фэрис обнаружила, что голос снова ей повинуется.

— Ты назвал меня когда-то дурочкой с волосами цвета морковки, помнишь?

Он помедлил перед тем, как ответить.

— Да. Я помню, что сказал это. Но вы немного изменились с тех пор.

— Теперь ты можешь встать на мою сторону? Против самого коварного человека в Галазоне?

На этот раз пауза была более долгой.

— Зачем меня об этом спрашивать? Вы знаете ответ. Вы его знали еще в ту ночь, в «Белом руне».

— Все равно ответь мне.

— Вы сказали, что рыбак рыбака видит издалека. Вы были правы. Ваш дядя мне платит. Но я встану на вашу сторону.

— Я тебе тоже буду платить.

— Хорошо. Но я бы все равно встал на вашу сторону. Вы действительно наша кровожадная аристократка, в конце концов.

— Спасибо, Рид. — Она встала. — Мне лучше заставить себя немного поспать, иначе я и правда буду завтра кровожадной.

— Заставить себя поспать? О, не думайте так об этом. — Рид пропустил ее мимо себя. — Это роскошь, а не обязанность. Знаете, как говорят: «Природа требует пяти часов сна, привычка дает семь, лень берет девять, а баловство — одиннадцать». Постарайтесь побаловать себя.

На следующее утро Джейн убедила Фэрис и Тириана пойти вместе с ней в вагон-ресторан на завтрак.

— Если Риду захочется наверстать упущенный сон, это его дело. Но дядя Амброуз особенно рекомендовал здешние пирожные. Он говорит, что расписание составлено так, что наш экспресс приходит в Вену как раз к тому времени, когда булочник достает из печи первый яблочный штрудель.

Кофе и штрудель — это звучало для Фэрис заманчиво. Хотя даже если бы она так не проголодалась, то, судя по знакомым решительным ноткам в голосе Джейн, вряд ли смогла бы воспротивиться. Она подавила зевок.

— Очень удобно.

— Да, а поскольку еще очень рано, никакой давки не будет.

В роскошном вагоне-ресторане — инкрустированное дерево, хрустальные светильники, потолочные арки — было столько свободного места между изысканно накрытыми столиками, что никакой давки в нем и быть не могло. Свободных столиков оказалось более чем достаточно, и целая вереница официантов проводила Джейн и ее спутников к одному из них.

Тириан, разворачивая салфетку, оглядел других посетителей.

— Никого из знакомых, разве что кто-то постарался замаскироваться.

Джейн, снова принявшая облик пожилой дамы, хотя и без

вуали, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Через мгновение выдохнула и открыла глаза.

— Не здесь. Не сейчас.

Принесли кофе и пирожные. После того как официанты удалились, Джейн положила себе щедрую порцию взбитых сливок и уставилась на Тириана заинтересованным взглядом.

— Я один раз уже спрашивала вас, — сказала она. — Но спрошу опять: кто вы такой?

Фэрис настороженно взглянула на нее. Но не стала вмешиваться. Штрудель из венской кондитерской был еще теплым, а сама Вена уже осталась далеко позади. Фэрис сосредоточилась на крошках, гоняя их по накрахмаленной льняной скатерти.

Тириан безмятежно отпил глоток кофе.

— Вы спрашивали. И я ответил, насколько мне помнится.

— Вы сказали, что наняты дорогим дядюшкой Бринкером, — возразила Джейн. — Но теперь мы знаем, что сначала вы работали на Хилариона. Вы даже не подозреваете, какой притягательностью обладает таинственная личность. Расскажите же нам все, прошу вас.

— Если расскажу, то перестану быть таинственной личностью. — Тириан аккуратно откусил от штруделя. И не уронил ни крошки.

— Как вам это удается? — восхитилась Фэрис.

Тириан не понял:

— Что удается?

Джейн поняла смысл вопроса Фэрис и заговорила раньше, чем та смогла объяснить:

— Все. Вы искусны во всем. Как вам это удается? Где вы учились?

— Нигде. Я получил только то образование, которое моим бедным учителям удалось вбить мне в голову, когда я был еще мальчиком.

— Продолжайте, — настаивала Джейн. — Чем вы занимались, когда покинули своих бедных учителей?

— Я женился. — В голосе Тириана отсутствовало всякое выражение. Телохранитель казался сосредоточенным и, может быть, немного скучающим.

Фэрис рассматривала свою изящную кофейную чашку с тонким золотым ободком по краю. Ничего столь интересного, чтобы можно было разглядывать ее до конца разговора, но герцогиня все равно намеревалась продолжать свое занятие.

Джейн не испытывала ни малейшего смущения.

— Не слишком ли рано?

Тириан секунду смотрел прямо на Джейн. На лице его под учтивым выражением промелькнуло нечто, напоминающее нетерпение или раздражение, и исчезло.

— Мне было пятнадцать лет. Она была старше. Я женился на ней ради денег.

— Продолжайте.

Тириан принялся пить свой кофе.

Фэрис с упреком посмотрела на Джейн.

— Париж полон сенсационной литературы. Если ты боялась, что в путешествии тебе станет скучно, почему не запаслась каким-нибудь романом или хотя бы газетой?

— Если есть сенсация, то это не литература, — ответила Джейн. — Мне надоело просматривать газеты. Они никогда ни о чем не пишут правдиво. Знаешь, я нашла упоминание о нашей любимой соученице Менари. «Фигаро» пишет, что она записалась на следующий семестр в Сорбонну, «дойдя до вершин образования в Гринло». Ну что ж, можно сказать и так. Это гораздо интереснее. А что было потом?

Тириан, казалось, смирился.

— Если мне удастся вас шокировать, вы мне позволите сменить тему? Я вложил все ее деньги в бизнес своей семьи, которая держала овощную и бакалейную лавки. Именно на это и рассчитывала родня, устраивая мой брак. Когда все деньги закончились, жена меня бросила.

— И как долго это продолжалось?

— Тогда мне исполнилось восемнадцать.

Джейн слегка покачала головой.

— Куда же она ушла, без денег?

Улыбка Тириана вышла немного кривой.

— Куда она могла уйти? Она связалась с молодым аристократом. Он относился к ней хорошо, а потом отец его положил на нее глаз и отнесся к ней еще лучше. Еще до конца месяца она стала известна всему городу.

— Наверное, это доставляло вам неудобства.

— Меня никогда не интересовала торговля зеленью. Я решил уехать далеко и найти себе другое занятие.

— И что же вы нашли?

— Моим первым местом стала должность дворецкого, камердинера и доверенного слуги у одного предсказателя, который льстил честолюбцам, стремящимся продвинуться в обществе. Я восполнял нехватку опыта инициативой и энтузиазмом.

— Какого рода были эти предсказания? — поинтересовалась Джейн. — Гадание на кристалле? Карты Таро? Или общение с

духами?

— Средства использовались разные. Для предсказания судьбы мы полагались в основном на сплетни и собственные догадки. Если клиент был скептиком, но достаточно богатым, чтобы усилия того стоили, я проводил маленькое расследование. Детали, знаете ли, придают предсказаниям убедительность.

— Вы использовали магию?

— Подлинная магия слишком дорого стоит для таких, как мы. К тому же моя нанимательница любила, чтобы клиенты возвращались к ней снова. Настоящая магия, по-видимому, заключает в себе слишком много правды. Трудно приобрести постоянных клиентов, если говорить им всю правду без прикрас.

Джейн внимательно посмотрела на него.

— Нанимательница? И вы были дворецким камердинером и доверенным слугой. — Она произнесла слово «камердинер» с легким нажимом.

Тириан доел свой штрудель и ответил ей все тем же невозмутимым взглядом.

— Я восполнял нехватку опыта инициативой и энтузиазмом.

— Именно там вы научились быть циничным. Некоторым это так и не удается.

— О, я рано стал циником. Но именно там я понял, что мне нравится удивлять людей. И еще узнал, что тех, которые хотят быть обманутыми, легко оставить в дураках. Но я приобрел и некоторые практические навыки. Основы, не более того, плюс два важных принципа. Первый: очень немногие делают все как следует. Поэтому всегда есть нужда в человеке, который все делает правильно с первого раза. Этому нельзя научить. У человека или есть эта способность, или нет.

— А у вас есть.

— Думаю, да. — Тириан взглянул на Фэрис. — Второй принцип: мастерство хорошего помощника проявляется в выборе подходящего работодателя.

Фэрис подняла глаза.

— А я подходящий работодатель?

— Вы хотите, чтобы этот допрос продолжался? Хотите услышать новые небылицы о моей дурно проведенной молодости?

— Конечно нет. Если только вы не считаете, что я должна. Существует ли нечто такое, о чем мне следует знать?

Тириан покачал головой.

— Нет. И это объясняет, почему вы — подходящий работодатель. — Он снова повернулся к Джейн. — Я не стану докучать вам новыми байками. В конце концов я стал мастером

на все руки и таинственной личностью, которую вы видите перед собой сегодня. Вы удовлетворены?

— Что стало с вашей женой?

— Три года назад она открыла школу для девочек-сирот, так что, полагаю, у нее все хорошо.

Джейн казалась удивленной.

— Вам это безразлично?

В улыбке Тириана было искреннее веселье.

— Когда мне было восемнадцать, мне было совсем не безразлично. Теперь, когда я изредка ее вспоминаю, могу лишь чувствовать благодарность за то, что мне не пришлось прожить всю жизнь зеленщиком.

Джейн прищурилась.

— Погодите секунду. — Она помолчала, наклонив голову, словно рассматривала крошки от штруделя. — Кто-то только что вошел в дверь позади меня.

Фэрис посмотрела через плечо Джейн.

— Официант. Но не наш.

— Он выглядит совсем как наш, — возразил Тириан.

Джейн подняла нож для масла и посмотрела на отражение.

— Похож, но это не он.

Фэрис искоса взглянула на нее.

— Наш приземистый и темноволосый, а этот светловолосый, и у него обветренные щеки.

Официант подошел к их столику и предложил им кофе, а когда Фэрис, повинуясь взгляду Тириана, кивнула, щедро наполнил ее чашку. Не давая себе труда подойти к другим столикам, официант прошагал по всему вагону и исчез в дальней двери.

Тириан взял чашку Фэрис, понюхал содержимое и протянул ее Джейн.

— Если они за последние несколько минут не заменили венский сорт кофе на миндальный, то, я думаю, его приправили цианистым калием.

— Яд? — изумилась Фэрис.

Джейн взяла чашку, осторожно понюхала.

— Да, в самом деле.

Тириан встал.

— Оставайтесь здесь, — приказал он им и, сунув руку во внутренний карман, вышел из вагона-ресторана через дальнюю дверь.

Джейн поставила чашку.

— Если нанимаешь специалиста, нужно позволить ему делать свою работу.

Фэрис с опаской смотрела на свой отравленный кофе.

— Почему он показался похожим на нашего официанта тебе и Тириану, а мне нет?

Джейн подняла брови.

— Это интересно, правда? Скажи, насколько старой я сегодня выгляжу?

— По крайней мере лет на восемьдесят.

— Ты преувеличиваешь. Но даже в этом случае ты не можешь видеть сквозь мои чары. Но ты смогла увидеть сквозь его магическую личину — если предположить, что он создал ее сам, а не воспользовался помощью своей тетушки.

— Или дядюшки, — мрачно произнесла Фэрис.

Джейн пристально посмотрела на нее, выгнув старушечьи брови.

— Неужели ветер дует оттуда?

Вернулся Тириан, он задержался около их столика только на несколько секунд, чтобы вручить Джейн фуражку из тех, что входили в форменную одежду официантов.

— Я его оставил пока в багажном вагоне. Изучите ее, а я схожу за Ридом. Думаю, ему не захочется такое пропустить.

— Вы оставили его без охраны? — спросила Джейн.

У Тириана был самодовольный вид.

— Думаю, он еще будет нас ждать, когда мы вернемся, чтобы поговорить с ним. — И он прибавил, обращаясь к Фэрис: — Не позволяйте им убирать ваш кофе. Он может пригодиться.

Джейн рассматривала фуражку, потом подняла и осторожно погладила мягкую ткань.

— Здесь что-то есть. — Она провела кончиком пальца изнутри по ободку. — О да. — Она достала тонкую прядь черного конского волоса, длиной почти в ярд. — Вот он. — Она отложила фуражку и расправила прядку на скатерти перед собой. — Определенно, волос иностранный. Вероятно, турецкий. — Она замолчала и осмотрела кончики пальцев своей левой руки, потирая их большим пальцем, будто они прикасались к чему-то горячему.

— Ну? — Фэрис наклонилась ближе, чтобы рассмотреть находку. — Что это?

— Возможно, русский. Что-то в нем есть такое, чего я не могу распознать. — Джейн понюхала пальцы. — Конечно, это всего лишь догадка, но у меня есть предположение, для чего он. Лучше мне увидеть его в действии. Думаю, это магическое приспособление, которое помогает обладателю стать похожим на того, кто надевал эту шапку в последний раз. Вероятно, оно действует на любой предмет одежды. Не могу сказать с

уверенностью, пока не изучу как следует. И даже тогда не наверняка.

Фэрис взяла фуражку.

— Она похожа на настоящую. Ты думаешь, она принадлежала нашему настоящему официанту?

К ним подошли Тириан и Рид. Рид заплатил за еду, а Тириан взял фуражку.

— Кто-то стукнул нашего официанта по голове и запер в шкаф. Он не разглядел того юного шутника, который это сделал. Но считает, что это, наверное, была шутка, потому что не взяли ничего, кроме головного убора. — Рид взглянул в сторону багажного вагона и прибавил: — Наш озорник не захочет с нами разговаривать, а?

У Тириана был суровый вид.

— У него не будет другого выхода.

— Ты можешь заставить его говорить? — спросила Фэрис у подруги.

Джейн покачала головой.

— Против его воли не могу. Но если удастся его отвлечь, чтобы я смогла над ним поработать, а потом заставить сосредоточиться на том, что мы хотим узнать, я, возможно, сумею заставить его думать вслух. Никогда не пробовала, но знаю теорию. Правда, это в случае, если он тот, кем кажется. Если он сам смастерил эту штуковину, он слишком силен для меня. Я не смогу подобраться к его мыслям.

— Не волнуйся. — Фэрис взяла свою чашку и последовала за остальными. — Я отвлеку его внимание.

В багажном вагоне Тириан повел их между грудами сундуков и чемоданов в дальний угол. Там он остановился перед стопкой плетеных бельевых ящиков, куда железнодорожники складывали грязное белье, чтобы отправить в прачечную в конце маршрута. Когда развязали ремни нижнего ящика, их взорам предстал тщательно связанный отравитель Фэрис. Рид направил пистолет на беспомощного узника.

Это был молодой человек плотного телосложения, широкоплечий, с близко посаженными голубыми глазами. Лицо его, и так красное от природы, над белым полотенцем, которым Тириан заткнул ему рот, казалось багровым, составляя разительный контраст со светлыми волосами.

Когда Тириан чуть-чуть ослабил кляп, отравитель тут же выплюнул его.

— Это возмутительно. Я хочу немедленно поговорить с начальником поезда. — Он пытался освободиться от пут так энергично, что ивовая корзина трещала.

Зловещая усмешка Тириана была шедевром мимики.

Краснолицый человек посмотрел мимо Тириана на Фэрис и Джейн.

— Мадам, мадемуазель, я вас умоляю! Этот человек — сумасшедший. Он напал на меня, украл мои бумаги и спрятал меня здесь. Теперь меня держат на мушке. Помогите мне, прошу вас.

Тириан достал официального вида пакет документов.

— Если верить этим бумагам, перед нами Джеймс Хэверфорд, британский подданный, путешествующий по континенту по делам фирмы, головная контора которой находится в Амстердаме. Они торгуют пряностями, и он приехал, чтобы заказать для них паприку. — Он скомкал бумаги и бросил их на пол. — Подделка, конечно.

Молодой человек перешел с французского на английский язык. Он многословно протестовал против обращения, которому подвергся. Обещал подать жалобу властям, написать письмо в «Таймс».

— Тихо. — Фэрис опустилась перед ним на одно колено. — Вы должны успокоиться, мистер Хэверфорд. Не будет никакой пользы для вас, если вы доведете себя до припадка. Заверяю вас, эти люди знают свои обязанности.

— Вы не понимаете, юная леди. Говорю вам, этот человек — опасный безумец… — Несмотря на негодование Хэверфорда, цвет его лица стал почти нормальным.

Фэрис снова перебила его, на сей раз протянув ему свою чашку.

— Успокойтесь, сэр. Вот выпейте кофе. Боюсь, он почти остыл, но вам поможет.

Хэверфорд побледнел. Их взгляды встретились. Глядя ему в лицо, Фэрис почти видела, как за этими голубыми глазами проносится мысль: «Она знает?»

Фэрис мрачно улыбнулась.

— Нет? Вы сейчас не испытываете жажды?

Это стало ответом на вопрос. Он поджал губы и покачал головой.

Фэрис встала и отдала чашку Тириану.

— Подержите это для меня, пожалуйста. И будьте добры, одолжите мне ваш нож. Мне он нужен.

Джейн подошла к Фэрис и встала рядом с ящиком.

— Фэрис, будь добра, позволь действовать Тириану. Ты знаешь, что тебе нельзя брать в руки ничего, что имеет острые края. Это так тебя возбуждает. Я уверена, что это тебе вредно.

Тириан взял чашку и подал Фэрис свой нож. Он старался не

смотреть ей в глаза.

Глаза Хэверфорда широко раскрылись, и он вжался в смятые простыни, лежащие в плетеной коробке, насколько позволяли ему путы.

Фэрис нагнулась и прошептала ему на ухо:

— Вы неверно оценили ситуацию, видите ли. Вы пытались отравить меня. — Взяв его за подбородок, она повернула его лицо так, что ему невольно пришлось смотреть ей в глаза. — Потерпев неудачу, вы попробовали выпутаться, уверенный, что сможете добиться своего освобождения. Теперь вы думаете, что мы хотим узнать, кто вас послал. — Она держала нож так, чтобы он видел его краем глаза. — Вы думаете, что вам ничто не грозит, пока вы владеете информацией, которая нам нужна. — Очень тихо, очень холодно она прошептала: — Вы ошибаетесь.

Хэверфорд вжался глубже в скомканное белье, сверкая белками широко открытых глаз. Фэрис присела возле него.

— Я знаю, кто нанял вас убить меня. Поверьте мне. Он мне за это ответит. Поэтому вы мне совсем не нужны. — Фэрис слегка покачала головой и подняла нож. Она наслаждалась искренностью своего голоса и, не удержавшись, прибавила: — Вы ошиблись насчет того, кто опасный безумец.

Глаза Хэверфорда закатились под лоб и закрылись, он обмяк на постельном белье.

— Я его держу. — В голосе Джейн звучало торжество. — Говори!

Глаза Хэверфорда остались закрытыми, но он начал бормотать:

— Я пропал. Покойник. Я никогда не увижу ни пенни своих денег. Проклятая ведьма, мне следовало это знать. Будь проклят этот Копенгаген, он мне наврал. Непыльная работенка, говорит, со всеми удобствами, говорит. Проезд в первом классе и специальное средство, которое обеспечит клиент. Непыльная работенка! Это точно! Только она для идиотов непыльная!

— Специальное средство, которое обеспечит клиент, — очень мягко подсказала Джейн.

— Проезд первым классом в никуда, и все ради чего? Ради какого-то черномазого, который имел глупость поверить этому ублюдку Копенгагену. Он и у собственных слуг выманит пятаки, которые кладут на глаза покойникам.

— Этот ублюдок Копенгаген, — шепнула Джейн.

Тириан и Рид были шокированы. Фэрис опустила глаза и прикусила губу, чтобы сдержать улыбку.

— Ублюдок Копенгаген, он сказал, что это будет легкая работа. Это все, что ему известно. Это все, что он знает. Он

увидит, что все не так, когда встретит поезд. Надеюсь, ведьма за него тоже возьмется. Почему она не выпила этот чертов кофе? Таких женщин, как она, нужно убивать, как бешеных собак. — Голос Хэверфорда оборвался.

— Когда Копенгаген будет встречать поезд? — настаивала Джейн.

— Копенгаген встретит поезд. — Губы Хэверфорда скривились. Он глубоко вздохнул и заерзал на белье, словно человек, который во сне ищет прохладный уголок подушки.

— Встретит поезд где? — Тихий голос Джейн звучал напряженно.

— Чертов Порта Ориенталис… — Голос Хэверфорда перешел в храп. Его голова упала на грудь, и он погрузился в глубокий сон.

Несколько секунд они молча смотрели на пленника. Затем Фэрис протянула нож Тириану. Рид спрятал пистолет. А Джейн обхватила голову руками и прислонилась к плетеному ящику.

— О боже, — проговорила она.

Фэрис прикоснулась к ее плечу.

— В чем дело?

— У меня голова раскалывается. В теории ничего об этом не сказано. Я почти ничего не вижу…

— Я здесь закончу. Как только освобожусь, приду в ваше купе, и мы все обсудим. — Тириан заткнул Хэверфорду рот кляпом и начал застегивать ремни на плетеном ящике.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил Рид.

— Собираюсь проследить, чтобы он никого не побеспокоил до тех пор, пока не прибудет в прачечную в Константинополе.

Глава 9
Шилинг

Полка Джейн уже была сложена на день. Пока Фэрис сидела вместе с подругой в своем купе, Рид снова разложил диван, превратив его в постель. Потом, пока укладывали Джейн, напоив чаем от головной боли и задернув шторы из Дамаска, он удалился к себе в купе.

К тому моменту, как Фэрис пришла к ним, Тириан уже ждал ее вместе с Ридом.

— Она уснула, — сообщила им Фэрис, усаживаясь в кресло, оставленное ей Ридом. — Сказала, что уверена в своей способности поддерживать стабильное состояние… э… шляпы, но выбилась из сил. И еще в данный момент она не может изменить свою внешность.

— Если она все же ослабит власть над этой, э… шляпой, — весело ответил Рид, — стук из багажного вагона даст нам знать.

— Сколько ей понадобится времени, чтобы восстановить силы? — поинтересовался Тириан.

— Она не знает. Говорит, что никогда не пробовала такого делать.

— Ну а сколько мы можем позволить ей отдыхать? — спросил Рид. — Нам придется покинуть поезд до того, как мы прибудем в Порта Ориенталис, не так ли?

Фэрис задумалась.

— Если только мы не поедем дальше и потом не вернемся в Галазон каким-то другим путем.

— Думаю, нам следует держаться как можно дальше от Порта Ориенталис, — мрачно произнес Тириан. — Я понятия не имею, тот ли это человек, но шесть лет назад я уже сталкивался с неким типом, который называл себя Копенгагеном, и не имею не малейшего желания встретиться с ним снова.

— Он знаком с этой частью света? Он знает о том, каким маршрутом мы можем добираться, если сойдем с поезда раньше? — спросила Фэрис.

— Какое это имеет значение? — с отвращением скривился Рид. — Он должен знать конечный пункт нашего путешествия. Если мы не сойдем с поезда в Порта Ориенталис, то он может отправиться прямо в Галазон-Дукис и ждать нашего появления там.

— Если мы сойдем с поезда в Павлове, то можем сесть на ближайший пароход, идущий вверх по реке Белой, и таким

образом пересечь границу, — предложила Фэрис.

— Только если нам очень повезет, — возразил Рид. — Этот пароход никогда не ходил чаще одного раза в неделю. Мы можем сойти в Ислете и поехать по дороге на Хейдок.

Фэрис нахмурилась.

— Тогда уж мы точно далеко не уедем, на нас нападет банда головорезов-хейдокеров. И в любом случае нам не проехать в карете через перевал. Можем попробовать через Эпону. Если сумеем погрузиться на баржу, идущую вниз по Лиде, то в конце концов попадем в Галазон.

— Вот именно, в конце концов. Зачем давать Копенгагену возможность добраться до Галазон-Дукиса раньше нас?

— Могут быть и другие, — заметил Тириан. — Копенгаген никогда не работал в одиночку. Хотя он обычно выбирает лучших помощников, чем этот Хэверфорд.

— Значит, мы вполне можем попасть в ловушку, — сказал Рид. — Веселая перспектива.

— И нельзя исключать возможность, что Хэверфорда к нам подослали нарочно, — прибавил Тириан.

Фэрис сжала пальцами виски.

— Теперь у меня начинает болеть голова.

— У меня тоже. Так что ты предлагаешь? — спросил Рид у Тириана.

— Ничего. Вы знаете эти места. Я согласен, мы должны как можно быстрее попасть в Галазон-Дукис.

Рид задумался.

— Самый быстрый путь — это пересечь Хейдок от Ислета до Пакрина и двинуться по Элвошской дороге в Галазон-Дукис. Тогда нам не придется преодолевать перевал в горах. Мы можем переправиться у Элы, почти сразу же.

— Если Копенгаген поедет по самой прямой дороге из Порта Ориенталис в Галазон-Дукис, он приедет туда с другой стороны. Мы избежим риска, что наши пути пересекутся, — прибавила Фэрис.

— Конечно, это зависит от того, какой вид транспорта мы найдем в Ислете, — продолжал Рид. — Если нельзя будет попасть на дилижанс, попытаемся нанять экипаж.

— А как насчет хейдокеров? — спросила Фэрис.

Рид и Тириан обменялись задумчивыми взглядами.

— Я думаю, — медленно произнес Тириан, — вы можете предоставить их нам.

— Если мы с ними не справимся, — прибавил Рид, — то вы предложите им кофе.

Джейн не понравилось изменение их планов. Но к тому моменту, как у нее немного прошла головная боль и она могла интересоваться происходящим вокруг, осталось слишком мало времени на возражения. Поэтому она последовала примеру Фэрис и попыталась уложить минимальный запас одежды в небольшую сумку и подготовить остальной багаж, который будет продолжать путь без нее.

— Мой новый парчовый халат — я не могу его бросить.

Фэрис, уже давно закончившая возиться с вещами, в который раз повторила:

— Уложи его в большой чемодан, запри чемодан на замок и проверь, прочно ли держится бирка. Его доставят вместе с остальными вещами. С ним все будет в порядке.

— Мое льняное платье для прогулок, оно мне может понадобиться… — Джейн ухитрилась сложить платье и затолкать его вместе с другими необходимыми вещами в самый маленький из чемоданов. — Ну вот, теперь он не закрывается.

— Упакуй его вместе с остальными вещами.

— Мне его не вынуть.

Фэрис извлекла смятое платье для прогулок из пасти чемодана.

— Ты уверена, что твоей шляпе ничего не грозит, если ты оставишь ее в поезде? Я хочу сказать, она не взорвется или еще что-нибудь?

Джейн прижала руку ко лбу.

— Моя шляпа! О, я должна и шляпу тоже оставить?

— Тебе мало того, что и так нужно тащить в руках? — Пока Джейн отвлеклась, Фэрис ухитрилась закрыть раздутый чемодан и запереть его. — Если только твоим чарам не нужно, чтобы ты была рядом.

— Это шляпа, пока я говорю, что это шляпа, — мрачно ответила Джейн. — С ней ничего не сделается и без меня. Как я уложу все остальное обратно в чемоданы до прибытия в Ислет?

— Почему бы тебе не подождать у меня в купе, пока я закончу с твоими вещами? Это не отнимет много времени.

— Ты же не умеешь правильно складывать вещи. Все помнется.

— Когда будешь распаковывать, тебе все равно придется отдать их, чтобы отутюжили.

— О боже. Наверное, да. — Джейн в отчаянии оглядела беспорядок в купе. — Это какой-то кошмар. Я не могу позволить тебе мучиться вместо меня. Мне придется сделать это самой.

Фэрис вывела ее из купе.

— Вот Рид. Пусть он даст тебе сигарету или еще что-нибудь.

Я все доделаю.

Рид вытянул шею, глядя на разбросанные вещи.

— Вы еще не готовы?

Вместо ответа Фэрис закрыла дверь купе.

В воскресенье на рассвете, за полчаса до прибытия в Хадфилд, поезд сделал короткую остановку в Ислете, процветающем городке у подножия Элы. С минимумом багажа, тайком, Фэрис и ее компания спешно покинули поезд. Они час прождали в холодной гостинице возле железнодорожной станции, затем, под руководством Тириана, заняли места в местном дилижансе, легком экипаже прочной, хотя и примитивной конструкции. К тому моменту как солнце поднялось высоко, они уже тряслись по ухабистой дороге на Пакрин.

После Восточного экспресса езда в дилижансе показалась Фэрис мучительно медленной. В нем было еще два пассажира: пожилой грузный мужчина, все время нервно выглядывавший из окна, и сурового вида матрона, которая вязала с точностью механизма, не отрывая неодобрительного взгляда от Фэрис и Джейн. Джейн, с опущенной вуалью, прямой спиной и скромно сложенными руками в перчатках, отвечала ей таким же взглядом, явно решив не разговаривать и не моргать на протяжении всего путешествия.

Фэрис некоторое время старалась определить, что вяжет матрона, потом принялась смотреть в окно на проплывающую местность (сплошь каменистую, непригодную для посева), время от времени поглядывая на небо и пытаясь угадать, разгонит тучи или нет. (Вероятно, нет.) Но неизбежно возвращалась мыслями к своей главной проблеме — Бринкеру.

О том, что сделает Копенгаген, когда поезд прибудет в Порта Ориенталис без них, она предоставила беспокоиться Риду и Тириану. В конце концов, этот таинственный человек представлял для них профессиональный интерес. Если он захочет преследовать их до Галазона, он так и сделает. Они будут строить свои планы соответственно.

С другой стороны, о Бринкере следовало заботиться ей самой. Даже если он не связан с Копенгагеном и Хэверфордом (а Фэрис пришлось согласиться: нет уверенности в том, что он — клиент Копенгагена, о, это было бы слишком просто) все равно он был именно ее проблемой.

Что она ему скажет об Арависе? «Привет, дядя, я еду в Аравис по неотложному делу. Ах, разве я не говорила? Я — хранительница севера». Ему это понравится. Она ясно представила себе ошеломленное выражение его лица, как будто

она вдруг заговорила по-персидски, а он слишком вежлив, чтобы указать ей на это. Именно такое выражение было бы у него на лице, если бы она спросила: «Ты заплатил кому-то, чтобы меня убили, дядя?»

Он бы слегка наклонил голову к плечу, словно поражаясь, какое богатое воображение у молодых людей. Как этот легкий наклон головы ее раздражал! Она бы тогда потеряла терпение, как бывало всегда, и прибавила так злорадно, как только могла: «Это очень дорого стоило?»

И любой, оказавшийся в комнате в этот момент, был бы шокирован ее дерзостью. Тогда Бринкер смог бы отослать ее прочь и без помех осуществлять свои планы, как поступал всегда. И как будет поступать всегда. Что изменится, в конце концов, в тот день, когда Фэрис достигнет совершеннолетия? Станет ли он вдруг слушать ее, когда она с ним заговорит? Как по волшебству, согласится с ней, после того как много лет слушал ее со скучающим видом?

Бринкер держит Галазон в кулаке. Он добровольно не откажется от своего влияния. Единственной силой, когда-либо противостоящей ему, было общество землевладельцев под названием «Герцогская курия» и бывшие советники матери Фэрис, выбранные не только из класса землевладельцев, но со всего Галазона. Семена реформ скрываются там, думала Фэрис. Древнюю курию можно возродить, так что на основе этой полуразвалившейся палаты лордов вкупе с новомодными советниками когда-нибудь удастся создать в Галазоне нечто, напоминающее палату общин. Это будет сложно, конечно, даже без вмешательства Бринкера. Если она могла бы представить эти перемены как возрождение древней традиции, тогда, возможно, их приняли бы. Но, пожалуй, Бринкеру гораздо легче будет преподнести ее идеи как социалистические взгляды студентки, которая слишком долго была вдали от дома.

В каком-то смысле Бринкер уже согласился с ней начет потенциальной силы курии и советников. Курия так его беспокоила, что он ее распустил. Советников он вообще игнорировал много лет. Удастся ли найти кого-нибудь из них? Будут ли они доверять ей, как доверяли ее матери? И что сделает Бринкер, если будут?

«Что сделает Бринкер, — неожиданно пришло в голову Фэрис, — если Копенгаген действительно будет преследовать меня до Галазона?» Если верить словам Хэверфорда, а Фэрис полагалась на мастерство Джейн и считала, что им можно верить, Копенгаген знает, кто его клиент. Предположим, Копенгаген попадет в ее руки. Она достаточно доверяла Тириану и Риду,

чтобы считать это возможным. Что удастся сделать, если она получит показания Копенгагена, компрометирующие Бринкера? Как поступит Бринкер? Как она хочет, чтобы он поступил?

Погрузившись в более приятные раздумья, Фэрис расслабилась. Мерное покачивание кареты ее убаюкивало. Мысль «никогда не вернусь» исчезла окончательно, ее прогнал медленный темп их движения. Фэрис уснула.

В половине шестого в тот вечер она очнулась от беспокойного сна и увидела нахмуренное лицо Джейн. После Оратса они остались единственными пассажирами в дилижансе. Рид и Тириан сидели снаружи. Несмотря на относительное уединение, Джейн по-прежнему не поднимала вуаль, и от этого ее хмурое лицо внушало еще большую тревогу. Фэрис огляделась, моргая.

— Что-то не так? У тебя опять разболелась голова?

— Да. И ничего удивительного. Эта дорога ужасна. У меня как будто шея отрывается от плеч. Как ты можешь спать?

Фэрис подавила зевок.

— Я просто дала отдых глазам. — Она выглянула в окно. — Уже темно? Ну хоть небо очистилось. Который час? И где мы вообще?

Джейн вручила Фэрис свой путеводитель.

— Я не знаю, и мне все равно. Один сосновый лес похож на другой. Ты знала, что дороги будут такими ужасными?

— Хочешь выпить чаю? — Фэрис подышала на ладони, чтобы хоть немного согреть их.

— Никакого чая не будет, пока не приедем в Ругер, и не говори ничего утешительного насчет ожидающих нас плотной еды и мягких постелей, потому что меня нельзя утешить. Мне плохо, и если бы ты не стремилась так домой, тебе бы тоже было плохо.

— Это не намного хуже, чем путешествие в частном экипаже из Жедесвара. И дождя, похоже, не будет. Только подумай, какими бы стали дороги в дождь.

— А пока мы путешествуем по Руритании[11] с расческой и носовым платком, в то время как все наши вещи лежат в Порта Ориенталис и гниют в какой-нибудь грязной дыре для невостребованного багажа.

— К чемоданам привязаны бирки. Служащие поезда отошлют все в Галазон-Чейз. Мы можем приехать в Ругер как раз к ужину. И я сразу закажу для тебя еще травяного чая от головной боли.

— Чая? — Джейн возмутилась. — Хотя бы бренди. А лучше коньяка.

Дилижанс резко дернулся, потом раздался треск. На мгновение подруги ошеломленно замолчали, потом Фэрис

удалось отлепиться от Джейн. Карета остановилась. Когда Фэрис взялась за ручку двери, она распахнулась, и ворвался порыв холодного воздуха. Тириан, едва различимый при свете звезд, без шляпы, со своим маленьким пистолетом в руке, осведомился:

— Вы не пострадали?

— Я — нет, — ответила Фэрис. — А ты, Джейн?

— Коньяк был бы гораздо лучше. — Голос Джейн звучал очень сердито. — Я в порядке. — Она осторожно встала с пола и с негодованием прибавила: — Я вся в какой-то трухе!

— Что случилось? — спросила Фэрис.

— Поперек дороги лежит дерево. Кучер свалился с козел. Думаю, постромка порвалась. Рид держит лошадей. Оставайтесь на месте.

Фэрис спустила ногу, чтобы вылезти из кареты.

— Мы поможем. Я могу подержать лошадей.

Тириан не сдвинулся с места.

— В этом нет необходимости.

Медленно, стараясь рассмотреть выражение лица телохранителя, Фэрис села на место.

— Спасибо, ваша светлость.

Дверь закрылась, и Тириан исчез.

Удивленная Джейн прекратила отряхивать юбки.

— Что с вами обоими случилось? Конечно, мы должны помочь. И так можем проторчать тут всю ночь.

— Хейдок не слишком цивилизованное место. — Фэрис нахмурилась. — В этих лесах, по слухам, полно всяких разбойников.

— Очень мило!

Вечер еще не перешел в ночь, но над головой уже сверкали огромные звезды, горящие ледяным бело-голубым светом в безупречно ясном небе. Ветерок не шевелил ветви сосен. Кучеру, громко требующему сливовицы, помогли подняться. Лошадей успокоили. Зажгли лампы на карете. Они еле мерцали, но Тириан все же взялся чинить при их свете порванную упряжь.

— Это очень большая сосна, — заметила Джейн мрачным тоном. — Они даже не пытались сдвинуть ее с места.

— Сомневаюсь, что им это удастся. Как твоя голова? Ты могла бы превратить во что-нибудь это дерево, как ты считаешь?

В голосе Джейн звучало сомнение.

— Возможно.

— Если не сможешь, нам придется развернуть карету и ехать обратно.

— О боже. Куда обратно?

— Туда, где мы в последний раз меняли лошадей.

— Там была только конюшня, в которой стояли шесть лошадей. Мы не можем там ночевать.

— Я рекомендую спать в карете, по правде говоря. Насекомые.

Джейн прикоснулась к рукаву Фэрис.

— Тихо! Смотри.

Фэрис посмотрела. Тириан, Рид и кучер уже повернули головы в ту сторону. Из темноты возле упавшей сосны возник огонек, маленький и золотистый, как светлячок.

— Привет! — послышался из темноты мужской голос. — У вас проблемы?

Свет описал быструю дугу и вернулся на место. Говоривший подошел ближе. Это был худощавый мужчина, две патронные ленты крест-накрест обхватили его грудь. Широкие поля шляпы скрывали лицо. Светилась его сигарета. Он медленно выдохнул дым, разглядывая кучера, Тириана и Рида.

— Похоже, вам требуется помощь.

— Справимся сами, но все равно спасибо, — приветливо отозвался Рид.

— Думаете? — Незнакомец осмотрел упавшую сосну. — А мне кажется, вам нужно сдвинуть это дерево. — Судя по голосу, он был молод. — Если вы дадите мне пятьсот динаров, я расчищу для вас дорогу.

— В одиночку? — поинтересовался Тириан.

Мужчина бросил сигарету и затоптал огонек.

Через несколько мгновений вспыхнуло тридцать спичек, и тридцать мужчин закурили сигареты в темноте вокруг кареты.

— Конечно нет. Пусть лучше будет тысяча динаров.

Рид и Тириан не ответили. Кучер застонал.

Сидящая в карете Джейн подняла вуаль.

— У меня все еще болит голова, но напугать этих бандитов не составит труда.

— Нет, погоди минутку. — В памяти Фэрис шевельнулись воспоминания о далеких летних днях.

— Полторы тысячи динаров, — произнес мужчина.

Фэрис напряженно прислушивалась.

— Я знаю этот голос.

— Пока мы ждем, цена растет. Кто знает, как решат поступить Рид и Тириан?

— Две тысячи динаров — это меньше ста фунтов стерлингов. И я беспокоюсь именно о Риде и Тириане. Я знаю этого парня. — Фэрис вышла из кареты.

Джейн поднял глаза к небу, опустила вуаль и последовала за ней.

— Две тысячи динаров.

— По рукам, — крикнула Фэрис.

Рид и Тириан повернули к ней одинаково огорченные лица, когда она подошла и встала рядом с ними в круг света.

— Вы поторопились, — огрызнулся Рид.

Тириан ничего не сказал, но на его лице появилось красноречивое выражение отвращения.

— Кто это? — с удивлением спросил незнакомец после паузы.

— Я заплачу вам две тысячи динаров за то, чтобы вы помогли нам ехать дальше, — продолжала Фэрис. — Но сначала скажи мне, что заставило Уорена Вудровела покинуть Шилинг, перейти границу и грабить честных путников.

— Кто смеет называть меня грабителем? — Молодой человек шагнул вперед и уставился на нее. — Говори.

— Я, — ответила Фэрис.

— Я мог бы придумать еще несколько слов, которыми мне хочется тебя назвать, — пробормотал Рид, но смолк, когда Тириан взглянул на него.

— Значит, ты теперь не куришь отцовские сигары? — продолжала Фэрис.

Молодой человек прищурился и смотрел на герцогиню, не веря своим глазам.

— Не может быть! Фэрис?

— Рада встрече, Уорен.

Уорен Вудровел сделал три шага к ней, но Рид преградил ему путь. Вудровел остановился и поднял руку, чтобы успокоить насторожившихся сообщников.

— Прости, Фэрис. Я никак не мог предположить, что мы столкнемся именно с тобой.

Девушка подошла к Тириану.

— Прощаю, если ты объяснишь это дурное любительское представление.

Вудровел с изумлением смотрел на нее.

— Сколько мы не виделись? Ты так разодета, что я просто чудом узнал твой длинный нос. Ты вернулась домой насовсем?

— Сначала расскажи мне о вашем промысле.

Вудровел прочистил горло.

— Да. — Он на мгновение замялся, потом посмотрел прямо в глаза Фэрис. — Это из-за налогов. У нас мало надежды выплатить их, так сейчас идут дела, и поскольку твой дядя установил штраф за задержку, ну… — Он замолчал и задумчиво закурил еще одну сигарету, потом прибавил: — Ну, вот мы и здесь.

Фэрис помрачнела.

— Ты, кажется, хорошо натренировался. И после этого ты

думаешь, я поверю, будто твои люди не актеры-любители? Вы часто это проделываете?

— Вовсе нет. Дилижанс проезжает тут всего три раза в неделю. И мы не каждый раз его останавливаем. Потом, он может вообще не приехать. Но в этом квартале мы немного запоздали, убирали урожай и все такое. А дерево все еще выглядит довольно свежим, поэтому мы решили попытать удачу.

— В этом квартале? Шилинг платит налоги после того, как овцы заканчивают ягниться, а не в середине зимы.

Вудровел сделался суровым.

— В этом году Шилинг платит каждый квартал — как и весь Галазон.

Фэрис нахмурилась.

— По чьему распоряжению?

У нее за спиной Джейн быстро прошептала:

— Спокойнее.

— Приказ лорда Бринкера, — ответил Вудровел. Увидев выражение ее лица, он широко улыбнулся: — Ты изменилась не так сильно, как я думал.

Фэрис глубоко вздохнула.

— Рид, отдай Уорену его деньги. Если у тебя не хватит динаров, дай ему марки, или франки, или флорины, что хочешь. У меня есть неотложное дело к моему дяде. Уорен, уберите эту сосну и дайте нам проехать.

— Погодите, парни. Пока не трогайте. — Вудровел покачал головой. — Я бы тебе не советовал, Фэрис. — Так как она насторожилась, он поднял руку. — Не надо на меня злиться. Не забывай, мы не первые люди в Хейдоке, которые хотят получить немного денег.

— И что? Весь Галазон стал воровать?

— Вовсе нет. Но это всегда была славная бандитская страна. Если ты проедешь еще с десяток миль, можешь повстречать и профессиональных грабителей. Они тебе не понравятся. Они не так хорошо воспитаны, как мы. — Очень старательно и с бесконечным самодовольством Вудровел выпустил три идеальных колечка дыма.

— Есть дорога лучше? — спросила Фэрис.

Вудровел любовался последним колечком дыма. Когда оно растаяло, он задумчиво произнес:

— Не для кареты или повозки. Но для верховых, которые спешат…

— Я спешу.

— А ты умеешь ездить верхом? — Вудровел посмотрел на ее спутников. — А… старшая дама умеет?

— Мы умеем, — ответила Джейн.

Удивленный ее молодым голосом, Вудровел пристально посмотрел на нее.

— В таком костюме? — вежливо спросил он.

— Нам нужны четыре лошади, — сказала Фэрис. — Моей дуэнье и мне нужна одежда для верховой езды — самая обычная. Ты можешь достать все это? И проводника?

Вудровел самодовольно ухмыльнулся.

— Думаю, я могу достать то, о чем ты просишь. Конечно, лошади, одежда, проводник и вооруженное сопровождение — потому что я не могу допустить, чтобы ты пострадала от местных грабителей, — я думаю, за все это придется немного заплатить.

Фэрис улыбнулась.

— Скажем, две тысячи динаров, Уорен?

— По рукам. — Вудровел плюнул на ладонь и протянул ей руку.

Фэрис стянула перчатку, тоже плюнула на ладонь и крепко сжала его руку. Они несколько минут стояли, не разжимая рук и глядя друг на друга с большим удовлетворением.

— За две тысячи динаров, — сухо сказал Тириан, — вы возьмете на себя труд вместе со своими людьми проследить, чтобы экипаж и кучер благополучно добрались до Ругера?

Вудровел махнул рукой с сигаретой, и его люди принялись расчищать дорогу.

— Будет сделано.

Он улыбнулся и выпустил еще одно колечко дыма.

Джейн была довольна сделкой до тех пор, пока не увидела одежду для верховой езды, разложенную на сиденьях дилижанса. Она задохнулась, а когда к ней вернулся дар речи, с возмущением спросила:

— Что это такое?

Фэрис озабоченно посмотрела на нее.

— Это сорочка, куртка и брюки. Жаль, что Уорен не достал для нас головных уборов, но у них нет лишних.

— Брюки мешком, — пробормотала Джейн. — По крайней мере они должны быть ярко-зелеными, не так ли?

— Очень мешковатые брюки, признаю. Ты смеешься над нашей национальной одеждой?

— Нет, конечно нет. — Джейн взяла себя в руки. — Я так и знала, что мне нужно взять с собой костюм для верховой езды.

— Сегодня он был бы бесполезен. У них нет дамских седел.

— Но я не могу надеть эти вещи.

— Они почти чистые.

— Фэрис, это мужская одежда. Я не могу ее надеть. И ты тоже не можешь.

— Джейн, это рабочая одежда. Знаешь ли, ночная поездка верхом через границу, да еще с Уореном и его командой, — это работа.

— Я не могу.

— Почему?

— О господи, ну, во-первых, я — англичанка.

— Розалинда была англичанкой, и она одевалась как мужчина. Виола[12] была англичанкой, и она тоже одевалась как мужчина…

— Виола не была англичанкой, а переодеваться мужчиной неприлично, и эта одежда нелепа.

— Тогда вылезай и дай мне спокойно переодеться.

Через короткое время Фэрис и Джейн, обе в просторных национальных галазонских костюмах, присоединились к остальным. Вудровел выделил четверых мужчин для сопровождения кучера в дилижансе. Их лошадей отдали Фэрис и ее спутникам. Эти кони были крепкими животными, обросшими густой зимней шерстью, неподкованными и почти не объезженными. Седла оказались маленькими и плоскими, на каждом вместо подкладки лежала овечья шкура, а самодельные поводья представляли собой просто недоуздок, несколько веревочных петель.

При первом взгляде на лошадей Джейн резко остановилась и покачала головой. Она набросила свою собственную накидку поверх одолженной одежды, и капюшон скрывал выражение ее лица.

— Ты уверена, что справишься? — спросила Фэрис.

— Когда мне было четыре года, я училась ездить верхом на очень похожем животном. Только покажи мне, с какой стороны у него перед.

Фэрис проснулась в лучшей комнате для гостей в Шилинге. Она сразу же вспомнила, где находится и почему она здесь, — все нетренированные мышцы ее тела вступили в сговор и напомнили ей об этом. «Жизнь студента, — размышляла она, — настолько же вредна для тела, насколько полезна для ума». Проведя всего лишь ночь и утро в седле, она чувствовала себя так, словно ее тысячу лет били палками. Ну, может, пятьсот лет. Она явно пробыла вдали от Галазона слишком долго. Фэрис потянулась, тихо застонала и с ужасом вспомнила о Джейн. Ее охватили дурные предчувствия.

Джейн рассердилась из-за необходимости надеть жалкую

одежду, которую только и смог дать им Уорен. Правда, она уже была раздражена, еще до того, как рассердилась, еще до той сосны, с тех самых пор, как они сошли с поезда. После долгой скачки ночью, быстрой езды утром, после вечера и ночи, проведенных в продуваемых сквозняками помещениях Шилинга, наверняка Джейн еще больше злится и потеряла способность рассуждать здраво. Фэрис поморщилась. Не такого приема она хотела для подруги в Галазоне.

Фэрис закрыла глаза. Дорога через сосновый бор оказалась ужасной. Темнота, спешка, необходимость соблюдать тишину — все это делало путешествие бесконечным. Тревогу Фэрис усиливал ее собственный беспричинный страх: ей казалось, что за ней все еще гонятся. И все же, даже если дядя и желал ей зла, их никто не преследовал. Копенгаген и его предполагаемые сообщники вряд ли огорчатся, упустив ее в поезде, так как очень хорошо знают, куда она направляется. И если даже кто-то гнался за ней в этом черном лесу, эти люди посланы каким-то другим врагом. Не так ли? Это должно было ее успокоить, если бы она обладала способностью мыслить здраво. В темноте, при скачке верхом, логика от нее ускользала.

На рассвете, когда облака на востоке зарозовели, они подъехали к реке, в предрассветном полумраке кажущейся коричневой, как темное пиво. Лошадей пустили вброд, и Уорен тихо сказал Фэрис:

— Ну вот, только ступишь на тот берег — и ты дома. Это Эльвош.

Вода была ледяной, брюки промокли до колен, но Фэрис этого не почувствовала. Когда ее лошадь выбралась на другой берег, она почувствовала одновременно и усталость, и радость. Отъехав на несколько шагов от брода, герцогиня спешилась и опустилась на одно колено на коричневый дерн. Ей хотелось упасть ничком и вдыхать аромат земли Галазона. Холод, неудобство и понимание того, как абсурдно она выглядит, удержали ее. Вместо этого она на мгновение склонила голову, словно молилась. На самом деле она не думала о молитвах. Просто ее сердце переполнял благоговейный восторг из-за того, что она снова дома, в Галазоне.

— Все в порядке, ваша светлость? — Подъехавший Тириан натянул поводья и с беспокойством смотрел на нее сверху вниз.

Фэрис кивнула и попыталась встать. На это ушло больше времени, чем она полагала.

Уорен подъехал и спешился, не глядя бросил повод Тириану и внезапно упал на колени перед Фэрис, держа широкополую шляпу в руке.

— Вы слишком долго не возвращались, моя сеньора, — тихо произнес он. — Добро пожаловать домой, в Галазон.

Потеряв дар речи, Фэрис смотрела на его взлохмаченную черноволосую голову. «Моя сеньора?» Неужели Уорен тоже читал трехтомные романы? Ее мать была сеньорой для мужчин и женщин, которые помнили дни ее ссылки. Она никогда не надеялась сама услышать эти слова, и меньше всего от своего старого товарища по играм.

Рид спешился и отдал поводья Джейн, а потом опустился на колено рядом с Уореном и склонил голову перед Фэрис. Когда он встал, у него был смущенный вид. В тусклом свете трудно было сказать с уверенностью, но Фэрис показалось, что он покраснел.

По одному и по двое, переправившись через брод, люди Вудровела спешивались перед герцогиней. Большинство ограничивались неловким поклоном. Несколько человек преклонили перед ней колени. Все они тут же снова вскочили на коней и сидели, наблюдая за предводителем с безопасного расстояния.

Хорошо понимая их интерес и забавляясь явной неловкостью Фэрис, Вудровел нарочно медленно вставал и надевал свою шляпу.

Обрадованная возможностью немножко прийти в себя, Фэрис старалась найти какие-нибудь подходящие слова. К тому времени как он нахлобучил свою шляпу с полями под нужным залихватским углом, она уже смогла улыбнуться ему и весело сказать:

— Ссылка вдали от друзей — это настоящая ссылка. Спасибо, Уорен. — Она оглядела его людей. — Спасибо вам всем за гостеприимство. — Она повернулась к Риду: — И тебе спасибо. Это было долгое путешествие. Можешь меня подсадить?

Рид помог ей сесть в седло. Подобрав поводья, Фэрис с вызовом посмотрела на Джейн и Тириана.

Телохранитель выглядел таким же хладнокровным и не склонным к общению, как всегда. Джейн была бледнее обычного, но больше ничем не выдавала свою усталость. С откинутым капюшоном и лишь немного растрепанная, несмотря на трудный путь, она какое-то мгновение в упор смотрела на Фэрис. Потом, без всякой насмешки, с уважением слегка склонила голову.

Снова лишившись дара речи, Фэрис лишь кивнула в ответ.

— Поехали, — позвал Уорен. — Опоздаем к завтраку.

Несмотря на мокрую одежду и усталость коней, путешествие по горам до Шилинга было чудесным. Погода стояла мягкая для этого времени года, иногда даже проглядывало солнце. Фэрис была не в силах тревожиться о разбойниках, советниках или

дядях. Усталость не позволяла ей думать ни о чем, кроме дороги впереди и коня под ней. А еще приходилось прилагать усилия, чтобы не отставать от Уорена, который не испытывал таких трудностей: ведь это были его владения, и местность он изучил досконально.

Горы были точно такими, какими она помнила их с детства: выщипанная почти до корней трава на пастбищах, пятна вереска, ракитника и папоротника. Время от времени дорогу пересекали ручьи, бурые от торфа, которые стекали с крутых склонов, похожие на узкие лестничные пролеты. Иногда путникам попадались заболоченные участки, и приходилось выбирать обходной путь по торфу, который пружинил под копытами лошадей, как матрас. Преодолевая каждый очередной ручей, каждое болотце, Фэрис чувствовала, как у нее улучшается настроение. Все еще здесь. Все сохранилось.

Шилинг оставил все свои дела и приветствовал ее возвращение домой. Собаки лаяли, куры разбегались, все бросили привычные дневные занятия при их появлении. Конюхи и служанки собрались на открытом дворе перед старым низким особняком. Светловолосая девушка в коричневом платье, с пылающими от волнения щеками, выбежала из дома, выкрикивая имя Уорена. Вудровел спрыгнул с коня и заключил девушку в объятия.

Фэрис с легкой грустью смотрела на эту парочку. Герцогиня спешилась, как и остальные, и даже не заметила, как один из конюхов увел ее лошадь.

— Вот, Флавия, — сказал Вудровел светловолосой девушке и повернулся, продолжая обнимать ее за плечи. — Я привез тебе гостей к завтраку. — Он улыбнулся Фэрис. — Ваша светлость, позвольте представить вам мою жену Флавию. — Он нежно сжал плечи девушки. — Герцогиня Галазонская вернулась домой.

Флавия смотрела на Фэрис большими карими глазами.

— Прошу прощения, ваша светлость, — произнесла она после секундного колебания. — Добро пожаловать в Шилинг. — Она неуверенно заглянула в улыбающееся лицо мужа, потом снова посмотрела на Фэрис. — Вы позавтракаете с нами? Только у нас всего лишь оладьи, — извиняющимся тоном прибавила она.

Фэрис несколько секунд смотрела на Флавию. Она боялась заговорить, боялась, что у нее сорвется голос. Она быстро заморгала, чтобы не дать пролиться слезам, которые вдруг наполнили ее глаза.

Озадаченная молчанием гостьи, возможно подозревая ее в невежливости, Флавия покраснела.

Она бросила взгляд на мужа, который продолжал улыбаться.

— Благодарю вас, — наконец проговорила Фэрис дрогнувшим голосом, — я лучше буду есть оладьи в Галазоне, чем трюфели в Париже.

Флавия расплылась в улыбке, освободилась от объятий мужа и поманила Фэрис рукой.

— У нас к ним еще сироп из барбариса.

Фэрис представила своих спутников, а потом, когда они переступили порог дома, услышала шепот Джейн:

— Тебе легко от них отрекаться. Ты никогда не ела трюфелей в Париже. А я ела.

Морщась при мысли о том, какое впечатление могло сложиться у Джейн о Галазоне, Фэрис поднялась, умылась и оделась. В дополнение к одежде, которую продал ей в лесу, Уорен подыскал ей в Шилинге еще кое-что: пару сапог, лишь чуть-чуть великоватых для нее, перчатки, длинные, почти до локтя. Нашлось и кое-какое оружие: старый, но действующий револьвер и пояс, за который его можно засунуть. Герцогиня оставила перчатки и заряженный револьвер в комнате и открыла дверь.

Коридор у лучшей комнаты для гостей был почти такой же ширины и длины, как галерея в Галазон-Чейзе, но в нем отсутствовали портреты, ковры и мебель. Он служил лишь для того, чтобы соединять многочисленные комнаты. Действительно, та комната, где поселили Фэрис, была почти единственной гостевой спальней, так как, хотя в Шилинге имелся еще десяток подобных помещений, там насчитывалось всего несколько пристойных кроватей.

Тишина в доме, даже вернее, чем бледный утренний свет, подсказала Фэрис, что еще очень рано. Двигаясь как можно тише, она пересекла коридор и остановилась у двери напротив, прислушиваясь. Изнутри доносилось едва слышное пение Джейн. Фэрис поскреблась в дверь.

Джейн выглядела безупречно элегантно в чужой одежде и поношенных сапогах до колен, гармошкой собирающихся в голенище. Она впустила Фэрис во вторую комнату для гостей, чуть победнее апартаментов герцогини.

— А я надеялась, что это принесли утренний чай.

— Как правило, мы не готовим утренний чай в Галазоне, — с сожалением сказала Фэрис. — Если хочешь, я пошлю за ним. Как твоя голова?

— Совсем не болит, лекарства Флавии помогли. Ладно, обойдусь без чая. Подожду завтрака. Как ты думаешь, снова будут оладьи?

— Возможно. Прекрасные сапоги.

Фэрис села на стул у окна и выглянула во двор. Внизу начали появляться слуги и конюхи. Дневные заботы только начинались.

Джейн с большим удовлетворением разглядывала свои ноги.

— Правда? Флавия мне их одолжила. У нас одинаковый размер, правда, удачно? Почему ты мне не сказала, что все ваши дворяне так одеваются? Я бы не чувствовала себя таким пугалом.

— Ну, Уорен и Флавия не совсем те, кого вы англичане, считаете дворянами, — ответила Фэрис. — Они крестьяне. — Она скрестила ноги и мрачно уставилась на носки своих сапог. — Я пришла извиниться.

— За что? — удивилась Джейн.

— За дилижанс, — ответила Фэрис, по-прежнему не поднимая глаз. — За то, что заставила тебя бросить багаж. За сосну. За то, что тебе пришлось ехать через границу в темноте…

— В маскарадном костюме, — весело прибавила Джейн. — За то, что я промочила ноги в ледяной речке. За оладьи на завтрак, галеты на обед и блинчики на ужин. За то, что позволила Флавии Вудровел вылечить мою головную боль чаем из барбариса… Я тебя поняла. Очень хорошо. Принимаю твои извинения. А теперь расскажи все. Уорен Вудровел был твоей детской любовью, как я понимаю?

Фэрис с удивлением смотрела на Джейн.

— Что с тобой случилось? В дилижансе ты была злая, как черт. Как сто чертей.

— Не пытайся сменить тему. Что ты сделала с тем карманным ножом, который он тебе подарил? Он все еще у тебя, перевязанный ленточкой? Или лежит с засушенным цветком? «Последняя летняя роза, одна расцвела…»

— На тебя так подействовала головная боль? — поинтересовалась Фэрис. — Наверняка Флавия знает какое-нибудь домашнее средство, которое вернет ее обратно. По крайней мере пока у тебя болела голова, ты не интересовалась этим… моим детством.

— О, хорошо. Моя очередь просить прощения. Я немного рассердилась в дилижансе, признаю. Мне не нравится путешествовать налегке. И почему в путеводителе не упоминается о том, что в Галазоне все едят оладьи на завтрак, обед и ужин?

— Принимаю твои извинения, — ответила Фэрис. — Это моего дядю надо благодарить за бесконечные оладьи. Когда я в последний раз здесь останавливалась, Шилинг благоденствовал, как и все в Галазоне.

Джейн сухо сказала:

— С большим нетерпением жду встречи с твоим дядей.

После завтрака, который действительно состоял из оладий, Вудровел предложил Фэрис и ее спутникам своих людей в качестве сопровождающих.

— Это им на благо, — сказала Флавия. — Они так скучают, когда приходится оставаться дома и соблюдать приличия, а еще слишком рано опять посылать их через границу.

— Только подумай, насколько прибавит тебе веса вооруженный эскорт, — прошептала Джейн.

— У меня уже есть эскорт, — тихо ответила Фэрис.

— Вы знаете местность, — обратился Тириан к Уорену. — Нам необходимо усиленное сопровождение?

— Если вы имеете в виду соседей, хейдокеров то они нас не трогают, — ответил Уорен. — Но если хотите ехать с провожатым, я вам его предоставлю.

Фэрис сказала:

— Если и есть такое место на земле, где мне не нужен провожатый, то это здесь. Сколько раз мы гоняли скот по этой дороге, когда были детьми, Уорен?

Вудровел криво усмехнулся.

— В два раза меньше, чем падали с деревьев, и в два раза больше, чем подворачивали лодыжки.

— Даже когда мне очень хотелось вернуться в Галазон-Чейз, мне всегда было очень жалко уезжать из Шилинга. Спасибо вам всем за то, что вы для нас сделали.

Судя по лицу Уорена, он преисполнился самодовольства.

— Не стоит благодарности, Фэрис. — Флавия кивнула в знак согласия. — Добро пожаловать домой.

Фэрис и ее спутники под низким серым небом выехали из Шилинга и двинулись по узкой дороге на восток. На лужах в колеях лежал тонкий черный лед, и на грязи блестели пятна инея. По обе стороны от дороги тянулись бурые пастбища, не считая редких пятен низких кустарников с голыми ветвями.

— Стада пасутся здесь все лето, — сообщила подруге Фэрис. Она махнула рукой в сторону горных вершин, виднеющихся впереди. — Осенью мы перегоняем скот назад в долины. Это проезжий тракт. Если придерживаться его, за два дня доберемся до Галазон-Чейза.

Джейн внимательно посмотрела на вершины гор. Некоторые более высокие казались присыпанными сахаром.

— А если нет? — спросила она. — Вообще-то я с подозрением отношусь к коротким путям.

— Пастушья тропа, по которой гонят скот, короче. Но если хочешь, мы поедем по этой.

— Как далеко до Галазон-Чейза по пастушьей тропе? —

поинтересовалась Джейн.

— Тридцать пять миль, — ответила Фэрис. — Можем успеть к ужину.

— А оладьи будут?

— Если дядя дома, могу обещать, что оладий точно не будет.

— А если его там нет?

— Тогда я буду очень удивлена.

Пастушья тропа была для Фэрис любимым путем домой, потому что можно было быстро спуститься с гор к лесу. В десяти милях от Шилинга тракт по-прежнему тянулся вдоль гряды на юго-восток, а тропа изгибалась, поворачивала прямо на восток и вела в долину, поросшую соснами. Став узкой тропинкой, она шла через сосны до мелкого ручья, который вытекал из-подо льда и вновь уходил под лед.

На протяжении пяти миль Фэрис и ее спутники следовали на восток вдоль ручья. Когда он обогнул подножие горы и повернул на север, путники покинули его и двинулись на восток по другой долине, на этот раз поросшей дубами и орешником. От этого места пастушья тропа стала более заметной, она превратилась в широкую лесную дорогу, хорошо утоптанную, засыпанную песком и опавшей листвой. Кружево голых веток почти скрывало серое небо над головой. По обеим сторонам тянулись заросли шиповника и ежевики, столь густые, что ни один путешественник не свернул бы с дороги по своей воле.

В тишине леса Фэрис чувствовала, как в душе ее воцаряется спокойствие. Неудобство, которое она ощущала в седле первые несколько миль, исчезло. «Даже без проводника Джейн могла бы не опасаться короткого пути, — думала герцогиня. — На этой дороге невозможно заблудиться».

Тириан и Рид, как всегда бдительные, ехали рядом с ней, и Фэрис не беспокоило, что они могут что-то увидеть или услышать. Она чувствовала, что ни один сучок не шевельнется в лесу сегодня без ее ведома. С каждым шагом, приближающим ее к Галазон-Чейзу, ее спокойствие росло. Она ощущала, как все вокруг смягчается, становится приглушенным, как сами деревья. Единственное усилие, которого требовало это путешествие, — сохранять медленный и ровный шаг. Ее подмывало пустить лошадь вскачь, все быстрее и быстрее, пока не покажется Галазон-Чейз. Но Фэрис сдерживала лошадь и, когда не была слишком занята созерцанием окружающей красоты, удивлялась собственному здравомыслию.

В полдень, в том месте, где тропа спустилась с берега к броду

через маленькую речку, они остановились, чтобы дать отдохнуть лошадям и подкрепиться провизией, которой снабдил их Вудровел.

Когда Джейн развернула свой сверток и нашла там только хлеб и сыр, она казалась разочарованной.

— А оладьи?

Тириан тем временем поил лошадей. Заложив руки за голову, Фэрис смотрела на узоры ветвей на фоне хмурого неба. Рид вытянул перед собой ноги и открыл свой сверток.

— Вот чего мне будет недоставать после окончания этой службы. Еды. Я не такой уж любитель оладий, но еда в этой поездке была очень хорошая.

— Что вы будете делать, когда ваша служба закончится? — спросила Джейн.

Рид задумался.

— Возьмусь за другую. А потом за следующую. И так далее. Пока лорд Бринкер не выплатит мне достаточно денег, чтобы я мог выкупить свое поместье.

Джейн уставилась на него и закашлялась, поперхнувшись.

— У вас есть поместье? — спросила она, когда снова обрела дар речи.

Рил улыбнулся и передал ей бутылку с вином.

— Ферма. Возможно, мы, Риды, не лучшие из фермеров, но возмещаем недостатки своим упрямством. — Он машинально ломал хлеб на кусочки, пока подбирал слова. — Мои родители разорились, когда мне было четырнадцать лет. Лорд Бринкер купил их закладную и позволил им арендовать у него эту ферму. Я поступил к нему на службу, когда мне было шестнадцать. Я думал, будет логично выкупить наш дом и все хозяйство на деньги, которые я у него заработаю.

— А что вы о нем думаете? Судя по рассказам Фэрис, это настоящий людоед.

Рид переложил кусочки хлеба на ткани.

— Моя бабушка посадила в саду за домом айву. Такие деревья трудно выращивать в Галазоне. Но у бабушки был дар, и наша айва прижилась. В ту весну, когда мы разорились, она цвела просто изумительно. Бабушка очень ею гордилась. Это должен был быть самый чудесный урожай, который мы когда-либо снимали. Потом приехал лорд Бринкер посмотреть, стоит ли наша ферма того, чтобы с ней возиться. — Рид перекладывал кусочки хлеба осторожно, как шахматист переставляет фигуры, с одного края тряпочки на другой. — Он прошелся по ферме, по дому, по коровнику, всюду. Когда он выходил из сада, я услышал, как он сказал судебному приставу: «Я ее беру. Эта ферма стоит

своих денег, один сад их стоит. О, и пришлите мне домой эти цветки айвы, они красивые». — И пристав сорвал с дерева все цветы до единого. Они начали вянуть сразу, уже когда он их паковал.

Джейн широко раскрыла глаза.

— Но ведь это была ошибка пристава, это он сорвал все цветы.

— Я думаю, пристав очень хорошо понял приказ, — возразила Фэрис. Она села и взяла у Джейн бутылку с вином. — Радуйтесь, что дядя удовольствовался цветами. Он мог запросто приказать срубить дерево. — Она сделала глоток, отдала назад бутылку, открыла свой пакет с хлебом и сыром и начала сосредоточенно есть.

— Но почему? — просила Джейн.

— Это в его духе, — ответил Рид.

Фэрис посмотрела на Рида.

— Выскажу догадку: это было напоминание. Он хотел, чтобы ваша семья помнила, что теперь все принадлежит ему.

Лицо Рида исказилось.

— Вряд ли мы могли об этом забыть.

Тириан привел назад лошадей и с помощью Рида привязал их. Когда он закончил есть и допил ту малую толику вина, которую ему оставили, он поставил локти на колени и сказал:

— В этом лесу никого кроме нас нет.

— Мне он нравится, — отозвалась Джейн. — Приятное разнообразие после вчерашней ночи.

— Здесь нет никаких разбойников, — заметил Рид.

— Да, — согласился Тириан. — Никаких охотников. Никакой дичи. Ничего, собственно говоря, кроме деревьев. Здесь всегда так тихо?

— Такое время года, — пожал плечами Рид.

— Вы знаете, он прав, — сказала Джейн. — Я не видела и не слышала за весь день даже ворон.

— Здесь нет опасности. Мы одни, вот и все.

Голос Фэрис звучал так, словно она извинялась. Она снова устремила взор на ветки над головой. Беседа продолжалась без нее, пока она смотрела на темнеющее небо. Тишина леса все еще была с ней, внушая стойкое спокойствие. Даже напоминание Рида о характере дяди почти не встревожило девушку. В душе ее росло убеждение, что та тишина, которую отметил Тириан, была причиной ее собственного умиротворения. Она не могла объяснить, каким образом, даже самой себе. Невозможно произнести вслух: «О да. В лесу сегодня так тихо, не так ли? Просто Галазон приветствует мое возвращение домой».

Невозможно произнести это перед Джейн и Ридом.

А Тириану, вероятно, такое утверждение понравится. Он сам здравомыслящий и компетентный человек и предполагает здравомыслие и компетентность в других. Такая позиция вселяет в душу спокойствие.

Поднялся северный ветер, и деревья зашумели, словно буруны у дальнего берега.

Был уже вечер, когда Фэрис вывела своих спутников из лесов Галазон-Чейза. Вот и родная долина, обширные заливные луга спускаются к реке. Там, за каменным мостом, дорога поднималась и исчезала из виду за холмом. Еще чуть-чуть — и покажутся ворота и изящные новые пристройки дома, по которому она так скучала. Шахматная ладья, возвышающаяся над долиной, прочная башня, которая сотни лет служила оплотом ее семье, пока родные не могли позволить себе роскошь изящества и комфорта, — вот что было для Фэрис символом Галазона.

Герцогиня любовалась пейзажем так долго, что Джейн подъехала ближе и спросила совершенно невинным тоном:

— Мы заблудились?

— Нет, мы дома, — ответила Фэрис с таким счастливым выражением лица, что Джейн больше ничего не сказала.

Когда они ехали по мосту, притихшие от усталости, северный ветер усилился и пошел снег.

Во дворе Фэрис и ее спутники отдали лошадей слугам, которые почти не обратили внимания на прибытие гостей. Фэрис пристально вглядывалась, но не видела среди них знакомых лиц. И никто из слуг ее не узнал.

— Где лорд Бринкер? — спросила она у ближайшего к двери слуги.

Этот человек уделял ей внимание ровно столько времени, сколько потребовалось ему, чтобы осмотреть ее грязные сапоги, пистолет за поясом и растрепанные волосы.

— Я не знаю, дома ли лорд Бринкер, — ответил он очень вежливо. — Я спрошу.

— Сделай это, пожалуйста, — с такой же учтивостью сказала Фэрис. — Если он дома, попроси его прийти ко мне в библиотеку. Если там еще не горит камин, будь добр, распорядись, чтобы его зажгли. И позаботься о том, чтобы нам принесли чай.

Словно не веря собственным ушам, слуга застыл в неподвижности, а Фэрис прошла мимо него в дом. Джейн и Тириан без колебаний последовали за ней.

Рид не стал так спешить. Он остановился на пороге,

оглянулся на оторопевшего слугу и широко улыбнулся.

— Если кто-нибудь помнит, где хранится герцогское знамя, вам лучше найти его и послать кого-нибудь поднять его, — посоветовал он. — Герцогиня Галазонская вернулась домой.

Глава 10
Мы сожалеем о Красавчике принце Чарли

Фэрис повела своих спутников через большой зал, весь увешанный оружием. Как раз в этот момент слуги занимались тем, что переписывали его и сметали пыль под надзором сутулого человека, ученого по виду. Давно пора было составить каталог на коллекцию. Девушка нырнула в проход, ведущий к картинной галерее. После Шилинга галерея казалась загроможденной мебелью, так как вдоль стен под фамильными портретами в золоченых рамах через равные промежутки стояли столы и кресла.

Фэрис прошла половину галереи, прежде чем поверила, что она действительно дома. Все сначала казалось ей чужим — потолки высокие, но не настолько, как она помнила. Освещение было другим, и свет косо падал в окна, явно меньшие, чем она представляла. Даже сама картинная галерея казалась не особенно длинной после коридоров Гринло.

Она так ждала этого мгновения и теперь с удивлением обнаружила, что радость по поводу приезда домой приглушила жгучее чувство собственничества, которое она ожидала испытать. Все-таки это ее дом. Не дяди, даже не матери — ее собственный. Но хотя она по-прежнему высоко ценила его, теперь он был для нее чем-то вроде кабинета номер пять в Гринло. Как и та любимая комната, этот дом принадлежал ей, и она должна была с толком им воспользоваться, а потом вручить его следующему после нее владельцу.

А кто будет следующим? Ей вспомнились шуточки Джейн. В душе Фэрис знала, что говорила правду тогда, в летний день в Гринло, когда сказала подруге, что она не из тех, кто выходит замуж. Из чтения трехтомных романов она извлекла абстрактную идею о том, что, возможно, у нее есть где-то на свете пара, как есть пара у перчатки. Мысль о браке по сравнению с этим была неприятно конкретной. Брак с кем? На свете миллионы людей. Каковы шансы найти свою пару среди этой толпы? А потом создать такие условия, которые позволили бы жениться? И все эти усилия только для того, чтобы обеспечить заботу о доме в обозримом будущем? В лучшем случае это слишком рискованная игра, чтобы делать ставку.

То, как Флавия Вудровел обрадовалась возвращению Уорена, на мгновение пробудило в душе Фэрис тоску. Но ведь дружба с Уореном Вудровелом не была похожа на то, что описывалось в

романах Джейн. Она не могла вообразить себя на месте Флавии, вынужденной оставаться дома и сходить с ума от волнения, в то время пока он промышляет за границей.

Скорее уж она отправилась бы грабить путников, а ее теоретический супруг остался бы дома и разбирался со сборщиками налогов.

Фэрис подошла к лестнице и услышала неподалеку громкие голоса. Кто-то схватил ее за руку.

— Ну-ка, ты, стой! — крикнул Гэврен прямо ей в ухо.

Пораженная герцогиня отвела взгляд от его руки на своем рукаве и посмотрела ему в глаза.

Гэврен в ужасе отпустил ее.

— Ваша светлость! Мне сказали, что кто-то ворвался в дом, требуя лорда Бринкера. Простите меня… Они утверждали, что это какая-то разбойница в грязных сапогах.

На первый взгляд ей показалось, что Гэврен как-то съежился. Потом Фэрис осознала, что он почти такой же, как всегда. Это она выросла, поэтому слуга кажется меньше ростом. Волосы его теперь стали полностью серебряными, а глаза остались такими же, какими она их помнила.

С неодобрением оглядев ее, он прибавил:

— Я вижу, сапоги ваши действительно грязные. И вообще у вас такой вид, словно вы заблудились и попали в коровник. Что случилось?

Как приятно услышать знакомый ворчливый тон! Фэрис почему-то захотелось смеяться, и она, чтобы скрыть свое веселье, пожала плечами и неопределенно махнула рукой.

— О, чепуха. Снег идет.

Гэврен с осуждением покачал головой.

— Разве для этого я отправил вас через полмира в Гринло? Значит, вы вернулись домой еще большей разбойницей, чем уехали? Тамошняя еда пошла вам на пользу, как я погляжу. Вы очень вытянулись.

Фэрис улыбнулась ему. Под ее заинтересованным взглядом он покраснел до корней волос.

— Простите меня, ваша светлость. Ваше возвращение так на меня подействовало. Я прошу у вас прощения.

— Ерунда. Послушай, Гэврен. — Фэрис наклонилась поближе и прошептала: — Думаю, очень скоро нам нанесет визит зловещий незнакомец. Мне сейчас пришло в голову, что он, возможно, даже опередил нас. Пускай Рид и Тириан тебе его опишут. Лучше Тириан.

— У нас здесь нет зловещих незнакомцев. Кто он такой? Что в нем такого страшного?

— Его называют Копенгагеном, и кто-то нанял его, чтобы убить меня. Думаю, он попытается это сделать, если только проберется сюда вслед за мной. Дай всем знать, хорошо? Я хочу его поймать, он мне нужен живой и лишенный возможности причинить вред. Ясно?

Гэврен кивнул, широко раскрыв глаза. Фэрис ободряюще похлопала его по руке и ушла, провожаемая его взглядом. Все же очень приятно вернуться домой.

Войдя в библиотеку, Фэрис остановилась у самой двери и уставилась на лежащий на полу незнакомый восточный ковер. Он был огромен и такого качества, что все остальное в комнате выглядело довольно убогим. Фэрис была рада, что никто, кроме ее спутников, не увидит, как она снимает сапоги, чтобы пройти по ковру к камину. Едва она нагнулась, с ближайшего к камину кресла поднялась светловолосая женщина.

— Неужели я должна и здесь терпеть сквозняки? — грозно начала она, потом осеклась и резко спросила: — Кто вы и как смеете врываться сюда без разрешения?

Фэрис выпрямилась.

— А вы кто такая?

Женщина поднялась во весь свой небольшой рост с таким негодованием, что от ее тщательно уложенной короны золотистых волос, казалось, с треском посыпались искры. Она кинулась к шнурку звонка и дернула за него, потом заговорила, сверкая глазами:

— Убирайтесь вон. И не забудьте поплотнее закрыть за собой дверь.

— Я уже послала за дядей. Было бы невежливо уйти до его прихода. А вы, должно быть, Агнес Паганель. Вы мне очень напоминаете вашу сестру.

Женщина молча смотрела на Фэрис враждебным взглядом. За спинами Джейн, Тириана и Рида в дверном проеме появился слуга. Спутники Фэрис посторонились, и он вошел, вкатив перед собой тяжело нагруженную тележку с чайными принадлежностями.

— Отлично. — Фэрис рассматривала ковер. — Теперь мне нужен только рожок для обуви. Принесите, пожалуйста, рожок.

Слуга вышел раньше, чем женщина успела отпустить шнурок и заговорить. Щеки ее горели, но голос звучал спокойно.

— Вы могли бы известить нас о том, что едете домой.

— Зачем, если Бринкер послал за мной? — удивилась Фэрис. — Откуда взялся этот ковер?

Взгляд серых глаз стал ледяным.

— Он мой. А что?

— Просто интересно. Он красивый.

Фэрис и Агнес настороженно смотрели друг на друга. Пока обе обдумывали, какой следующий вопрос задать друг другу, вошел Бринкер Налланин. Он был высоким и стройным, с аккуратной черной бородкой. Правда, сейчас волосы его растрепал ветер, щеки порозовели от холода, и выглядел он, пожалуй, ненамного старше Фэрис.

— Я просто ушам своим не поверил, когда мне сказали. — Его голос был очень низким, словно принадлежал другому человеку, гораздо более крупному. — Добро пожаловать домой, Фэрис.

Фэрис повернулась к нему и с радостью увидела, что теперь она выше его на два дюйма.

— Здравствуй, дядя. Чай стынет.

Бринкер не обратил внимания на ее дерзость и с безукоризненной вежливостью представил ей свою жену. Фэрис воспользовалась рожком для обуви и представила своих спутников без особых церемоний.

Поприветствовав Джейн, Бринкер обратился к Риду:

— Я очень благодарен вам за то, что вы проявили терпение во время нашего воссоединения. Если вы подождете меня в русской комнате, я через несколько минут приду к вам, чтобы заплатить по счету.

Потом он повернулся к Тириану.

— Возникло недоразумение? Я послал чек на ваш адрес в Гринло. — Он окинул Тириана мрачным взглядом и поднял брови. — Почему вы здесь?

Фэрис пристально посмотрела на дядю, потом бросила взгляд на Тириана, который казался еще более бесстрастным, чем обычно. Поездка верхом плохо сказалась на нем: одежда измялась, под глазами залегли тени, а щеки поросли щетиной. Его шляпа давно потерялась, а светлые волосы он не успел причесать.

— Я теперь на службе у самой герцогини, — объяснил он. — Я уже оставил службу у вас, когда согласился сопровождать ее светлость. Я не считаю себя ничем вам обязанным, милорд. — Он поколебался, потом прибавил: — Все равно и раньше в Гринло я был не нужен. Ее светлость — очень способная девушка.

После паузы, которая ясно давала понять, что дядюшка все же не понимает, что здесь делает Тириан и какие такие способности имеет племянница, Бринкер слегка наклонил голову и загадочно произнес:

— Да, конечно. — Он еще несколько секунд пристально

смотрел на Тириана, потом снова повернулся к Фэрис.

— Ты, наверное, захочешь занять свою прежнюю комнату. Мы можем разместить Джейн в китайской комнате, если не возражаешь. — Он улыбнулся Джейн. — Она совсем рядом с комнатой Фэрис, а из окна там открывается очень красивый вид. Отправить туда ваш багаж?

Джейн ослепительно улыбнулась ему в ответ.

— Пока нет. Возможно, через несколько дней.

Пока Бринкер и Агнес моргали, глядя на Джейн, Фэрис придвинула кресло ближе к камину и уселась.

— Чай и правда стынет. Вы не нальете нам чаю, тетя? Тириан, если вы с Ридом любезно согласитесь составить нам компанию, мы можем попить чаю без церемоний. Что касается комнат, я займу комнату королевы Матильды. Когда мы здесь закончим, пожалуйста, отдай нужные распоряжения. — Она вытянула ноги в носках к огню и прибавила: — Мой дядя Бринкер прав насчет вида, но должна тебя предупредить, Джейн, эту комнату точнее назвать красной китайской комнатой.

— О боже. — Джейн взяла у Агнес протянутую ей чашку чая. — А она недалеко от комнаты королевы Матильды?

Агнес с ледяной любезностью налила чаю всем четверым прибывшим. Бринкер одобрительно кивнул жене. Она ответила ему немигающим взглядом широко раскрытых глаз, в которых ясно читалось раздражение.

— Нет, не совсем.

Фэрис жевала миндальное печенье и мечтательно смотрела в огонь. Тишина леса все еще не покидала ее, помогая герцогине игнорировать других присутствующих в комнате людей, их слова, их взгляды, ощутимые подводные течения вокруг нее. Она сосредоточилась на самой комнате, которая дарила ощущение спокойной приветливости, такое же утешение, как тепло от камина и аромат чая.

— Комната королевы Матильды, — обратился Бринкер к Джейн после того, как долго, с легким недоумением смотрел на Фэрис, — находится в главной башне. Там нет ни отопления, ни водопровода. Она совершенно непригодна для жилья. — Озадаченный, он снова повернулся к племяннице; — Я думал, ты предпочтешь свою прежнюю комнату.

Фэрис рассеянно рассматривала ковер. С того места, где стояло кресло, узор меньше напоминал решетку, а больше был похож на лиственный лес.

— Моя прежняя комната, — ответила она, поднимая глаза на дядю, — занята. — Увидев непонимающий взгляд Бринкера, она прибавила: — Вашей дочерью.

— Мы не предлагали вам вернуться в детскую. — Агнес снова налила Фэрис чаю. — Хотя это может быть очень хорошей идеей, — тихо прибавила она, будто бы про себя.

— Ни в коем случае, — возразил Бринкер. — Я говорил о розовой комнате.

— Я займу комнату королевы Матильды. — Фэрис взяла еще одно миндальное печенье. — Или комнаты моей матери, если они свободны.

— Мне очень жаль, но они заняты, — ответил Бринкер. — Я бы хотел, чтобы ты хоть раз подумала о других людях. Тебе заблагорассудилось спать в комнатах королевы Матильды, очень хорошо. И все же подумай о той работе, которую придется проделать слугам.

— Кто занял комнаты моей матери?

— Разумеется, мы, — резко ответила Агнес. Она явно была сильно раздражена. — Вы собираетесь съесть все миндальное печенье?

— Возможно. Если съем, позвольте мне только напомнить вам, что это мое миндальное печенье, — сказала Фэрис куда мягче, чем намеревалась. Определенно, на нее что-то оказывало сильное успокаивающее действие.

Агнес поставила чайник на поднос.

— Вы научились так вести себя в Гринло?

— Да. — Фэрис виновато взглянула на Джейн. — Когда-то я могла бы повести себя в подобной ситуации совсем по-другому. Например, могла бы напомнить присутствующим, что здесь вообще все принадлежит мне.

Фэрис хорошо понимала, что поведение ее не слишком достойно, но она так же отчетливо осознавала, что это доставляет ей слишком большое удовольствие, и поэтому не могла остановиться. Так необычно было находиться в одной комнате с Бринкером и не выходить из себя, что это приводило ее в восторг.

— Еще нет, — возразила Агнес. — Еще не ваше.

— Если не мое, то и не ваше.

— Кроме ковра, — пробормотала Джейн в чашку с чаем.

— Через несколько месяцев все будет твоим, — сказал Бринкер Фэрис. — Надеюсь, ты убедишься, что я был мудрым управляющим.

— Ох, дядя, я тоже на это надеюсь. Я тоже на это надеюсь.

Агнес повела Джейн, чтобы показать, где можно умыться и причесаться. Тириан вместе с Ридом пошли посмотреть, как идет подготовка комнаты королевы Матильды. А Фэрис повернулась к Бринкеру.

— Теперь расскажи, зачем ты послал за мной.

Бринкер встал и начал ходить по комнате, заложив руки за спину.

— Мне с опозданием пришло в голову, что после этого вызова ты заявишь, будто я не дал тебе доучиться в школе последний семестр. Надеюсь, ты не пыталась убедить себя, что я приказал тебе прервать обучение.

— Чтобы я оставила Гринло по такому пустячному поводу, как срочный вызов из дома? Не говори глупости.

Бринкер перестал ходить и с неприязнью посмотрел на нее.

— Я задаю себе вопрос, разумно ли было посылать за тобой. Я разработал план, который возможно, поможет нам завоевать независимость от Аравиля раз и навсегда. Теперь, когда ты здесь я вижу, как мало образование повлияло на твое поведение, и сомневаюсь, подходишь ли ты для этой роли. Боюсь, я вызвал тебя напрасно.

— Я так и подозревала. — Фэрис мрачно улыбнулась. — У тебя был план. Просто в него не входило мое возвращение.

Бринкер снова пристально посмотрел на нее, немного озадаченный.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Конечно, не понимаешь. — Фэрис вытащила из-за пояса револьвер и с любовью его оглядела. — Ты никогда не думал о более прямых методах? Я думала. — Бринкер пытался что-то сказать, но она подняла руку и остановила его. — Нет-нет. Не трудись повторять. Ты не понимаешь, что я имею в виду. — Она тщательно прицелилась в дядю. — Меня учили никогда не целиться, если я не собираюсь пустить оружие в ход.

— Этому ты научилась в Гринло? Ты меня удивляешь, — сердито произнес Бринкер.

Фэрис посмотрела на него почти ласковым взглядом, чем поразила сама себя.

— Я на это надеялась. Давай попробуем еще раз. Зачем ты послал за мной? Если не скажешь мне, я буду вынуждена сделать поспешный вывод.

— Мне не нравится твой тон. Но ты совершила долгое путешествие, и я полагаю, на это нужно сделать скидку. Поездки и меня самого часто делают раздражительным. Хорошо. Прямо скажем, отношения между Галазоном и Аравилем изменились после моей женитьбы.

Фэрис усмехнулась. Прежде чем она успела заговорить, Бринкер прибавил:

— Думаю, тебе следует воздержаться от дальнейших, несомненно, грубых замечаний, которые готовы сорваться у тебя с

языка.

Фэрис перестала улыбаться.

— Отношения улучшились до такой степени, что Аравис согласился принять дипломатическую миссию из Галазона.

Фэрис удивленно смотрела на дядю. Бринкер выглядел очень довольным.

— Вот именно. Страны не принимают послов от собственных провинций. Само существование такого посольства подразумевает признание Галазона суверенным государством. — Он сделал паузу. Фэрис продолжала смотреть на него в упор. Он воспользовался ее молчанием и прибавил строго: — Я подумал, что ты очевидный кандидат на этот пост. Теперь ясно, что я ошибся.

Фэрис нахмурилась.

— Если Галазон суверенное государство, то я — его правитель. Почему это я являюсь очевидным кандидатом?

— А кого еще я могу послать? Какого-нибудь фермера? Ты получила соответствующее образование. — Бринкер осекся. — То есть ты должна была получить соответствующее образование. Если нет, просто так и скажи. Кажется, ты не многому научилась в колледже, если скачешь верхом, одетая как разбойник, и размахиваешь пистолетом, чтобы добиться своего.

— Почему бы тебе самому не поехать?

Ее вопрос так удивил его, что он улыбнулся.

— И ты мне достаточно доверяешь, чтобы послать туда?

Фэрис улыбнулась в ответ.

— Конечно нет.

— Я так и думал. А теперь убери, пожалуйста, эту штуку. Она мне действует на нервы.

— Сомневаюсь. Во всяком случае, она и должна действовать тебе на нервы. Если я поеду в Аравис и если мне удастся сойти за посла от Галазона, что тогда?

Бринкер поднял руки.

— Кто знает? Я вынужден положиться на твой ум и такт. Договор? Торговое соглашение? Возможно, ты добьешься субсидий?

— Восхитительные перспективы, все вместе и каждая в отдельности. — Фэрис задумчиво прищурилась и несколько секунд молча смотрела на Бринкера.

— А зачем тебе деньги?

Бринкер казался сбитым с толку.

— Деньги?

— Деньги от налогов. — Фэрис очень осторожно помахала револьвером. — Расскажи мне об увеличении налогов.

— Не говори глупости. Я считаю, что очень терпимо относился к полетам твоей фантазии. Теперь они меня утомили. — Бринкер повернулся к двери. — Тебе явно необходимо отдохнуть и прийти в себя после тяжелого путешествия. Мы обсудим это снова, более спокойно, когда у тебя будет время обдумать положение.

— Расскажи мне.

Бринкер остановился, взявшись за дверную ручку.

— Ты ведь не думаешь всерьез, что я поверю, будто ты выстрелишь в меня? — У него был озадаченный вид.

Фэрис встала, револьвер не дрогнул в ее руке.

— Выстрелю, не сомневайся.

— Прямо здесь? — Бринкер неодобрительно посмотрел на нее. — Несомненно, все очень изменилось с тех пор, как меня отправляли в школу. Ну, если ты собираешься застрелить собственного дядю в своей собственной библиотеке, то приступай.

Фэрис прицелилась в место между носком левого сапога дяди и краем ковра. Это пространство было не меньше игральной карты.

— Наверное, нужно винить твою мать за то, что она настаивала на выборе одного из учебных заведений во Франции. Всех остальных вполне устраивала Вена.

Фэрис нажала на курок. Оглушительно прогремел выстрел. Бринкер не шевельнулся и не заговорил, рассматривая белую борозду, появившуюся перед ним в деревянном полу. Запах пороха наполнил комнату. Фэрис прицелилась в ручку двери.

— А теперь, — сказала она слишком громко, потому что у нее звенело в ушах и она себя плохо слышала, — предлагаю тебе убрать руку, пока я не выстрелила еще раз. Или просто скажи мне сейчас же, зачем тебе нужны деньги.

Не успел Бринкер ответить, как ручка повернулась и в комнату ворвался Тириан, выставив вперед пистолет. За ним следовали Рид и Джейн. При виде выражения на лице Фэрис все трое резко остановились.

Толчок двери послал Бринкера почти на середину ковра, но он не потерял равновесия. Дядюшка повернулся к Фэрис под взглядами вошедших людей.

— Если ты закончила, то мне надо заняться делами перед тем, как переодеться к обеду. Во Франции тоже переодеваются к обеду, не так ли?

Он явно был невысокого мнения о костюме Фэрис. Бринкер с вызывающим видом прошел мимо ее спутников и, выйдя из комнаты, захлопнул за собой дверь.

Фэрис поставила пистолет на предохранитель и снова сунула его за пояс, затем повернулась к Джейн.

— Прошу прощения. Я неверно рассчитала.

— Уверена, у тебя были на то причины.

— Собственно говоря, да. — Фэрис мрачно посмотрела на своих спутников. — Бринкер говорит, что вызвал меня домой, потому что хочет, чтобы я поехала в Аравиль как представитель Галазона. Он сказал: «Отношения настолько улучшились, что Аравис согласился принять дипломатическую миссию от Галазона».

— Как это интересно, — заметила Джейн. — И как удобно.

Рид казался сбитым с толку.

— И поэтому вы хотели его застрелить?

— Я хотела получить больше информации. Но не удалось. — Фэрис тряхнула головой. — Придется попытаться еще раз, после обеда. — Она оглядела себя. — Есть шанс привести себя в порядок в комнате королевы Матильды?

— Ваша комната еще не готова, — сообщил Тириан. — Думаю, вам лучше пока остаться здесь.

— Гэврен приказал развести огонь в камине, и дымоход должен прочиститься, так как тяга хорошая, — сказал Рид. — Там есть комод, и принесут пару стульев. Парни суетились, как муравьи, поднимая кровать по частям.

Джейн посмотрела на дырку от пули в полу.

— Поторопите их слегка. Фэрис может показать мне дом, пока готовят комнату, но не позволяйте им возиться всю ночь.

Рид вышел. Когда Фэрис и Джейн покинули библиотеку, Тириан отправился их сопровождать.

Фэрис не спрашивала почему: она понимала, что он останется с ней до тех пор, пока она не удалится в свою комнату, которую можно охранять снаружи. Он считал своим долгом оберегать ее умело и незаметно, даже в ее собственном доме. Фэрис неопределенно махнула рукой, охватив этим жестом ряды золоченых рам.

— Картинная галерея. Предки. Как скучно. — Она подошла к лестнице. — Я представлю им вас в другой раз.

— Боже мой! — произнесла Джейн. — Какие глаза! Кто это?

— О, это великий дядюшка Лудовик. Этот был что надо. Его двуручный меч висит внизу, в оружейном зале. Видишь рукоять над его плечом на портрете? Этот меч должен быть, по крайней мере, длиной с его рост. Доспехи его обычно тоже стояли здесь. Наверное, их куда-то запрятали.

— Он долго жил? У него вид грозный, как у заправского

вояки. Смотри, какой воинственный подбородок!

— Умер в постели в преклонном возрасте. Говорят, он убил сто человек до того, как ему исполнилось тридцать лет, так что, возможно, ты права насчет его грозного вида. Но он был солдатом, и большинство его жертв тоже.

— Не той же армии, надеюсь.

— К счастью, нет. Он жил еще в те времена, когда существовало королевство Лидия, хотя уже на последнем дыхании. Старый король умер, предприняли слабую попытку посадить на трон хейдокера, но это, к счастью, не удалось, и Лидия разделилась на четыре герцогства: Галазон, Аравиль, Хейдок и Сенедвайн. Лудовик в конце концов стал правителем Галазона. Это его вполне устраивало.

Пока они шли вдоль галереи, Джейн рассматривала портреты. Она больше ни о ком не спрашивала, просто пристально изучала лица и иногда отпускала замечания.

— У того бородка твоего дяди. Вон его нос. А вот опять его бородка.

Фэрис рассеянно кивала, но ничего не говорила, пока они не подошли к маленькому полотну у подножия лестницы — написанному маслом портрету строго одетой женщины с широко расставленными карими глазами и внушительным подбородком.

— Это моя мать.

Джейн несколько секунд молча рассматривала картину, затем повернулась к Фэрис.

— Так вот почему твой дядя носит бороду. Ему воинственный подбородок не достался.

Фэрис прошла к каменной лестнице.

— Ты уже видела свою спальню? Хорошо, я поведу тебя в другую сторону. Эта комната называется флорентийской, из-за ковра цвета шпината, как я всегда подозревала.

Экскурсия продолжалась до тех пор, пока Рид не нагнал их у дверей в оружейный зал.

— Комната королевы Матильды вас ждет, — сообщил он Фэрис. — Гэврен не мог выбрать между соломенным матрасом и пуховой периной, поэтому постелил и то и другое. Для завершения работы мне положено найти горошину и сунуть в самый низ.

— Вы очень добры, — сказала Джейн. — А мы почти закончили. Я прослушала рассказ о Лидии, Сенедвайне и всех тех местах, которых нет в моем путеводителе. Вы даже не представляете себе, как я запуталась. Фэрис сказала, что на западной стене оружейной комнаты есть карта. Мне необходимо на нее взглянуть, иначе у меня в голове ничего не уложится.

— Это просто, — сказал Рид, открывая перед ними дверь. — Лидия была похожа на руку, которая вытаскивает пробку из бутылки. Аравиль — это дно бутылки, а Галазон — пробка.

— Чепуха, — возмутилась Фэрис.

— Ничего подобного, ведь похожа же Италия на сапог, — возразил Рид.

Он провел их мимо составителя каталога, вся команда которого теперь состояла из горничной с метелкой, к фреске на оштукатуренной стене, изображающей карту.

— Вот. Что я вам говорил?

В дальнюю дверь зала вошел Бринкер.

— Если ты закончила развлекать друзей, — крикнул он, — то мы хотели бы знать, в котором часу подавать обед.

Фэрис отвернулась от карты.

— А в котором часу его подали бы, если бы меня не вызвали домой из Гринло? — спросила она.

Строго говоря, решать такие вещи входило в обязанности Агнес, как наверняка и было до возвращения Фэрис. Но если новоявленная мачеха выбрала такой способ выразить свое негодование, Фэрис с удовольствием ей подыграет. Она может позаботиться о том, чтобы с прислугой обращались так, как с ней обращались во времена ее матери. Кто знает, что Агнес считает подобающим?

Джейн и Рид изучали карту, а Тириан повернулся и смотрел, как Бринкер идет по залу к Фэрис. Горничная взяла у составителя каталога ножны, держа наготове метелку.

А составитель поднял двуручный меч, длиной почти с его рост.

Фэрис, увидев занесенное оружие, успела только подумать: «Это же меч дяди Лудовика!» и еще: «Копенгаген».

Кто-то ее оттолкнул. «Тириан?» Она начала падать вперед. Ее глаза были прикованы к блестящей стали, и она поняла, что находится на траектории удара. Фэрис вытянула вперед руки, чтобы смягчить падение. Не успела она коснуться пола, как раздался оглушительный выстрел. «Тириан?» Она ударилась об пол, перекатилась и увидела телохранителя, который только доставал пистолет.

В ушах у Фэрис звенело, она подняла глаза. В противоположном конце зала Бринкер прятал пистолет. Между ними на полу растянулся сутулый человек. Часть головы у него была напрочь снесена. Это Фэрис успела заметить, потом красные брызги повсюду. Двуручный меч лежал на полу рядом. Вероятно, он загремел, когда упал на каменные плиты, но она была слишком ошеломлена и не расслышала. Она уставилась на меч,

боясь смотреть куда-либо еще. Полированный стальной клинок был единственной неокровавленной вещью в поле ее зрения.

Способность слышать вернулась к Фэрис, когда герцогиня все еще стояла на полу на четвереньках. Сначала она слабо различала звуки и была бы даже рада совсем ничего не слышать. Горничная истерически визжала. Джейн и Рид, удостоверившись, что Фэрис не ранена, пытались успокоить служанку.

— С тобой все в порядке, дорогая моя? — спросил у нее Бринкер.

Он поднял двуручный меч, внимательно его осмотрел и вложил назад в ножны. Его голос был таким спокойным, словно он спрашивал ее о погоде.

Медленно Фэрис подняла взгляд на его лицо. Он ответил ей пристальным взглядом. «Если это ты нанял Копенгагена, то теперь он не представляет для тебя угрозы», — подумала герцогиня. Вслух она сказала:

— Со мной все в порядке. — Попыталась встать, увидела крохотные красные брызги на своих руках и замерла, глядя на них.

— Вы имеете привычку носить с собой оружие в собственном доме? — спросил Тириан. Фэрис едва узнала его холодный голос.

— Приобрел с тех пор, как моя дорогая племянница приобрела привычку стрелять в меня. — Бринкер секунду помолчал, склонил голову к плечу, потом прибавил: — Вижу, вы тоже носите оружие. Любопытно. До сегодняшнего дня это был мирный дом.

— Пока не явился этот человек, — возразил Тириан. — Как долго он пробыл здесь?

— Пару дней. Мне нужен был помощник, чтобы составить список коллекции. Он казался опытным в этом деле. — Бринкер оборвал сам себя. — Дорогая, ты уверена, что с тобой все в порядке?

Фэрис была уверена, что с ней совсем не все в порядке. Ее ладони стали липкими и более холодными, чем пол под ногами. В желудке начались спазмы. С равнодушным смирением она поняла, что вопрос не в том, стошнит ли ее, а в том, когда именно. Скоро. Она проклинала себя за каждое миндальное печенье. Очень скоро. Почти сразу же.

Тириан оказался рядом с ней, его небритое лицо было полно заботы. Она встретилась с ним глазами, на мгновение удивилась мешкам под его глазами и поняла, что он протягивает ей шлем.

— О, благодарю.

Она взяла у него шлем и увидела свои руки, забрызганные

кровью и дрожащие. И тогда скорчившуюся у ног дяди герцогиню позорно стошнило, а Тириан заботливо поддерживал ей голову.

Тириан проводил ее в комнату королевы Матильды, больше Фэрис ничего не помнила. Она сидела в кресле, которое он придвинул к разожженному камину, и дрожала. Безмятежная часть ее рассудка, та часть, которая помогала ей прожить весь этот день, напомнила ей, что надо успокоить горничных, присмотреть за тем, чтобы позаботились об убитом, удостовериться, что Джейн накормили и устроили так, как требует ее статус.

Вместо этого Фэрис скорчилась у огня, обхватив голову руками и опираясь локтями о колени. Она сознавала, что Тириан находится с ней в комнате, двигаясь решительно и целеустремленно. Ее пустой желудок терзали спазмы. Она еще ниже наклонила голову к коленям и пробормотала:

— Не оставляйте меня.

— Конечно, не оставлю. — В тоне Тириана теперь не осталось холодности, еще недавно поразившей Фэрис в момент разговора телохранителя с Бринкером. Даже не верилось, что голос принадлежит тому же человеку. Он подошел к ней, держа таз с водой и полотенце на сгибе локтя. — Вот. Позвольте мне вымыть вам руки.

Вода оказалась теплой. Полотенце было прозрачным от ветхости, мягким, как его голос.

— Гэврен стоит на страже у лестницы. Рид его сменит. За вашей дверью все время будут наблюдать. Если Копенгаген оставил здесь кого-то, чтобы вам навредить, мы его остановим.

Фэрис позволила ему вытереть свои руки, но, когда он попытался убрать полотенце, она удержала его. Тириан нагнулся ближе.

— Все в порядке. — Его голубые глаза смотрели спокойно. Он промокнул ей лоб влажной тканью. — Нет, не шевелитесь. Вот. Теперь все.

Фэрис прикоснулась ко лбу холодными пальцами.

— У меня и на лице тоже кровь? — Ее руки снова затряслись.

— Нет. — Он убрал полотенце. — Теперь вы в безопасности.

Фэрис очень не понравилось, как у нее дрожит голос.

— Вы уверены?

Тириан кивнул. Он выглядел очень усталым.

— Вы в полной безопасности.

Фэрис хотела бы слышать эти слова так часто, чтобы они ей надоели, но не получалось. Каждый раз, когда она закрывала глаза, она видела этого мертвеца, у которого вместо лба осталось

кровавое месиво. Она все еще чувствовала себя больной. У нее болело горло, во рту был горький привкус. Ей хотелось обнять Тириана и заплакать. Здесь никто не увидит, если она это сделает. Ничто не остановит ее. Кроме Тириана. И ее самой.

— Простите. — Она слабо рассмеялась и потерла лоб. — Через минуту мне станет лучше.

Тириан по-прежнему пристально следил за ней.

— Теперь вы в безопасности, — повторил он.

Фэрис поняла, что он говорит так не только для того, чтобы ее успокоить, но и для того, чтобы убедить себя.

— Да. Теперь я в безопасности. Вы здесь, и со мной все в порядке.

Тириан нахмурился.

— Я допустил ошибку. Если бы у вашего дяди не было пистолета, Копенгаген убил бы вас. — Он вздрогнул совсем незаметно, но стоял так близко к Фэрис, что его дрожь передалась ей. — Простите меня.

— Конечно, — прошептала Фэрис, сама себя не слыша. — Я видела его, когда приехала, и больше о нем не думала. Мне нужно было спросить у Гэврена, когда он здесь появился…

— Это было моей обязанностью. — Тириан снова вздрогнул. Он медленно отошел от нее, словно только сейчас осознал, насколько они приблизились друг к другу. — Мне очень жаль. Наверное, я кажусь вам странным. Может быть, я все еще не до конца опомнился после приключения с Менари.

— Разве декан не сделала что-то… — Фэрис смолкла. Ей не удавалось подобрать дипломатичные выражения, и она боялась оскорбить его.

— О да. Но вы… — Тириан осекся и начал снова: — Я помню все неотчетливо, но мне кажется, что я обязан вам жизнью. Моей мужской сутью. Всем. — Он помолчал. В установившейся тишине говорил только огонь: приглушенно шипел и потрескивал. — Я обязан вам многим. Когда я увидел, что происходит, меня охватило отчаяние. — Он замолчал и очень тихо рассмеялся. — Как-то у меня плохо получается. Слов не подобрать. — Он начал с нарочитой тщательностью складывать полотенце. — Если вы позовете, Гэврен вас услышит. Когда его дежурство закончится, он постучит в вашу дверь, чтобы дать вам знать, что Рид занял его место. Вы должны позволить одному из нас прийти за вами утром. Не спускайтесь к завтраку, пока мы не появимся.

Фэрис кивнула.

— Теперь я в полной безопасности.

Тириан снова вздрогнул и смял испачканное кровью полотенце.

— Да. Я обещаю.

Комната королевы Матильды была большой, но с одним окном, представляющим собой узкую щель в толстой каменной стене. Из него открывался вид лишь на верхушки деревьев, и то если высунуть голову из этой щели и вытянуть шею. Даже в самую солнечную погоду в комнате стоял полумрак. Ранним утром следующего дня, когда пришла Джейн со стайкой надежных слуг, в комнате было почти совсем темно, ее освещали только угасающие в камине угли.

Джейн подняла лампу повыше и осмотрела пространство комнаты. Изогнутые стены башни были абсолютно голыми, так что даже оконное стекло казалось украшением. Из мебели наличествовали лишь потрепанный дубовый сундук, щедро отделанный резьбой с изображением колосьев пшеницы, желудей и яблок, и еще кровать — стопка матрасов на каркасе из полированного розового дерева, простые и аккуратные очертания которого напоминали сани.

— Так я и думала, — загадочно произнесла Джейн.

Фэрис натянула одеяло до подбородка.

— Что ты имеешь в виду?

Она чувствовала себя совершенно беззащитной. Сброшенная вечером одежда лежала грудой на полу рядом. Больше ей надеть было нечего, так как она понятия не имела, что стало с ее чемоданом. При мысли о том, что придется снова облачаться в эти запачканные кровью, грязные тряпки, ее затошнило.

Джейн тем временем руководила слугами, которые внесли мебель, лампы и нечто похожее на поднос с завтраком.

— Рид ничего не сказал насчет умывальника, письменного стола и необходимого освещения. Ты не обедала, что не удивительно. А твой чемодан по ошибке прислали ко мне в комнату. Я бы поразилась, застав тебя хотя бы с причесанными волосами.

Фэрис съежилась под одеялом, пока Джейн отдавала распоряжения слугам. К тому моменту, когда она закончила, комната уже не выглядела удручающе пустынной и неуютной. В камине возродился к жизни огонь, а рядом поставили маленький прочный столик с завтраком на подносе. У узкого окна обосновался письменный стол и подходящий к нему стул с вышитой подушкой. Светильников было достаточно, чтобы читать. Появился умывальник с тазом, мылом, полотенцами и кувшином с горячей водой. Нашлись и лишние подушки. В изножье кровати положили свернутый темный халат, а на маленьком коврике рядом поставили шлепанцы. Принесли ее

чемодан. Фэрис начало казаться, что она все же когда-нибудь встанет с постели.

Джейн закрыла дверь за последним слугой и повернулась к Фэрис.

— Это халат твоего дяди. Надеюсь, ты не возражаешь. Я пробралась к нему, пока Тириан и Бринкер поучали друг друга насчет мер безопасности. Все слуги суетились вокруг, стараясь следить, но не слишком явно, так что пришлось на них прикрикнуть. Я бы спросила позволения у леди Бринкер, но она заперлась в своем будуаре и не выходит. — Джейн потрогала темный шелк. — Он себе не отказывает в роскоши. Там было по халату на каждый день недели. — Она бросила Фэрис подушку. — Садись, чтобы я могла поставить поднос с завтраком. Чай, наверное, уже совсем остыл, но все равно пойдет тебе на пользу.

Фэрис с благодарностью выпила еле теплый чай. Она думала, что ей удалось поставить чашку на блюдце, не слишком громко стукнув ею, но Джейн проницательно посмотрела на нее и налила ей еще чаю, не дожидаясь просьбы. Выпив его, Фэрис обхватила двумя руками пустую чашку и тихо сказала:

— Спасибо тебе за все.

— Мне это доставило удовольствие. — Серые глаза Джейн блестели. — Ты даже не представляешь себе, какое удовольствие. И это помогло мне не думать о покойном Копенгагене. Считай, что я рассчиталась с тобой за то, что ты закончила укладывать за меня вещи в поезде.

— Так это действительно был Копенгаген? — спросила Фэрис. — Не какой-то ни в чем не повинный ученый, которому просто захотелось показать мне меч?

— Что за ужасная мысль. Нет, это был Копенгаген. Тириан опознал тело по форме ушей, как ни странно. Он допрашивает остальных слуг, чтобы выяснить, нет ли среди них сообщников преступника. Не волнуйся, даже если и есть, у них мало шансов подобраться к тебе. Рид сказал мне, здесь есть цистерна для дождевой воды, которую Гэврен предусмотрительно наполнил. Запас оружия в доме, как всегда, достаточный, и надежные люди посменно сторожат лестницу. И все же благодаря этим допросам Тириану есть чем заняться, кроме бросания злобных взглядов в сторону твоего дяди. Он свалится от усталости через несколько часов. Рид и Гэврен даже заключили пари. Гэврен говорит, что он не продержится до одиннадцати, а Рид называет полдень.

— Они свалятся раньше, чем он, по-моему. — Фэрис оглядела поднос с завтраком и приподняла крышку с блюда.

— Что это?

— Яичница-глазунья. Мне почему-то показалось, что тебе не захочется оладий.

Осторожно попробовав блюдо, Фэрис с удивлением обнаружила, что проголодалась.

— Очень вкусно. А что делает дядя Бринкер?

Джейн ответила сухо:

— Именно то, что и следовало ожидать, принимая во внимание, что его жена заперлась в своем будуаре, а слуг допрашивают, выявляя участников неудавшегося покушения. Он отправился на охоту.

Фэрис уставилась на нее.

— Что? Охота на лис? Не может быть. Земля проморожена и покрыта снегом.

— Не на лис. На вальдшнепов. Он ушел пешком уже давно, взяв с собой только егеря и слугу, чтобы нести ружья. Возможно, он просто хочет кого-нибудь убить, чтобы дать выход своим чувствам.

— Придется спросить об этом Гэврена. Послушай, если ты сегодня выкроишь несколько свободных минут, взгляни, пожалуйста, на ковер в библиотеке. Что-то есть в нем странное. Я не могу выразить это словами. Мне приходилось слишком многое обдумывать, когда мы были вчера в библиотеке, и я не сумела как следует его рассмотреть. Он мне что-то напоминает, вот в чем дело.

Джейн удивленно вскинула брови.

— Я рада, что ты об этом заговорила. Да, я согласна, есть в нем нечто любопытное. Не магия. По крайней мере, мне так не кажется. Но я хотела бы его рассмотреть. Пойду прямо сейчас.

Фэрис доела яйца.

— Встретимся там? Боюсь, мне потребуется некоторое время, чтобы привести себя в порядок. — Она приподняла локон спутанных волос и без восторга оглядела его. — Может, лучше отрезать их, а не расчесывать?

Джейн взяла поднос.

— Не торопись. Я попрошу Тириана прислать тебе провожатых. Договоримся об условном стуке? Или о пароле? Как тебе это: «О, вещая моя душа! Мой дядя!»?[13]

Накануне Джейн отдала дорожный костюм герцогини в надежные руки дочери Гэврена, которая славилась умением выводить пятна. Его принесли все еще влажным, но вполне пригодным к носке как раз тогда, когда Фэрис заканчивала закалывать волосы. Девушка надела его, радуясь, что ей не придется снова прикасаться к своей одежде для верховой езды.

Сам Тириан пришел проводить ее в библиотеку. Он не воспользовался паролем Джейн, а просто окликнул ее по имени. Когда Фэрис открыла дверь, она настолько была поражена его усталым, серовато-бледным лицом, что не удержалась от восклицания:

— Что случилось?

Тириан слегка удивился.

— Ничего. Мы позаботились о том, чтобы ничего не случилось. Могу вас заверить, что вы можете спокойно ходить по собственному дому. По крайней мере до библиотеки.

Фэрис положила ладонь на его рукав, когда он собрался уйти.

— Пойдите и отдохните, — сказала она ему.

— Сначала мне надо сделать пару более важных дел, — запротестовал он.

Фэрис его не отпускала.

— Не согласна. Мне от вас, полумертвого от усталости, толку мало. Между прочим, Рид и Гэврен заключили пари, как долго вы еще сможете продержаться.

Что-то блеснуло в усталых голубых глазах. Хотя Тириан не улыбнулся, но явно немного развеселился.

— Я знаю. Джейн сделала ставку вместо меня, и я собираюсь выиграть.

Фэрис покачала головой и отпустила его.

— Ну и глупо. Не умрите от переутомления. Мне без вас не обойтись.

В первый раз с момента их приезда в Галазон-Чейз Тириан выглядел довольным собой.

— Я знаю.

Джейн закончила осмотр ковра и подняла голову. Она провела обследование быстро, но достаточно тщательно, поэтому оно отняло довольно много времени.

— Здесь что-то есть, — сказала она Фэрис, — но такое неотчетливое, что я не уверена, что дело в ковре. Причина может быть в другом.

Пока Фэрис наблюдала за действиями Джейн, жизнь дома постепенно возвращалась в нормальное русло. В девять часов Бринкер вернулся с охоты на птичек. В десять Агнес вышла из своего будуара и взяла на себя труд послать слугу в библиотеку с сообщением, что ленч будет подан ровно в час. В одиннадцать часов Гэврен проиграл пари и ушел спать, по дороге заглянув в библиотеку, чтобы сообщить Фэрис, что он отдал работнику приказ назавтра заделать дырку от пули в полу.

Фэрис сидела у камина и молча смотрела на Джейн. Все то

спокойствие, которое она вчера получала от этой комнаты, теперь исчезло. Даже узор ковра казался другим, не таким, какой она помнила, он гораздо меньше напоминал листву и был больше геометрическим.

Джейн закончила осмотр комнаты и вернулась к ковру. Она легла в центре его и провела ладонями по ворсу. Через пару секунд села и потерла ладони друг о друга.

— Теперь в этом ковре нет ничего магического, ничего такого, что я могу почувствовать. Разве что слабый аромат, словно он находился рядом с магией, возможно давным-давно. — Она осмотрела кончики пальцев. — Больше ничего не могу здесь проверить. Послать кусочек в Гринло?

Фэрис усмехнулась.

— Ты объяснишь это дорогой тетушке Агнес?

— Конечно нет. Я знаю границы своих возможностей.

— Поэтому оставим его в покое, может, я потом вспомню, что он мне напоминает.

Дверь открылась, и в библиотеку осторожно заглянул Рид.

— Прибыл багаж, ваша светлость. Мы проверили его: там нет ни адских машин, ни яда. Хотите осмотреть его сами или приказать отнести вещи в ваши комнаты?

Лицо Джейн посветлело от облегчения.

— Багаж! С ним все в порядке?

— Кажется, да. И все на месте.

— Это чудо, — заметила Джейн.

Фэрис и Джейн пошли с Ридом. Чудо было сложено у подножия каменной лестницы, окруженное лужицами тающего снега.

Джейн осмотрела багаж и согласилась с Ридом и Тирианом, что он кажется неповрежденным.

— Пусть его отнесут наверх, — велела Фэрис. — И не надо распаковывать вещи до конца.

Где-то часы пробили двенадцать. Рид с отчаянием посмотрел на Тириана и получил в ответ безмятежный взгляд.

Джейн взглянула на Рида и подняла бровь. А потом сказала:

— Вещи можно либо распаковать, либо нет. Промежуточной стадии не бывает. — Она протянула руку, и Рид неохотно отдал ей маленький столбик монет. Джейн взяла деньги, а Рид удалился, судорожно зевая.

— Ну, зато между Галазоном и Арависом полно промежуточных земель, — сквозь зубы процедила Фэрис, — и мы можем очень скоро на них оказаться.

Джейн и Тириан смотрели вслед Риду. Когда он скрылся из виду, Тириан протянул руку, Джейн положила монеты ему на

ладонь, и они с ехидным удовлетворением улыбнулись друг другу.

Фэрис занялась примеркой нарядов. Качество платьев поражало ее даже больше, чем их количество. Она довольно долго сидела на коврике у камина, глядя в огонь и обдумывая выбор, который появился у нее благодаря вкусу и старанию Джейн. Затем остановилась на шерстяном платье цвета зеленого мха с одним рядом черепаховых пуговиц от затылка до подола. Когда она натянула его через голову, мягкая ткань без труда скользнула на место. Фэрис выпрямилась и сделала несколько пробных шагов. Манжеты, подол, горловина — все идеально. Когда она начала долгую борьбу с пуговицами и застегнула их, даже те, что между лопатками, то поняла, что догадки Джейн были верны: никогда прежде она не носила одежду, сшитую по ее меркам.

Фэрис вошла к остальным в восточную гостиную и убедилась, что они уже некоторое время ждут ее. Джейн в платье, которого Фэрис никогда раньше не видела, из бледно-лилового шелка, нежного, как крыло бабочки, оживленно болтала с Бринкером. Дядя в равной степени уделял внимание как беседе с Джейн, так и кормилице, которая принесла Агнес тщательно завернутый сверток из фланели. Сверток шевелился, и Фэрис поняла, что ей предстоит познакомиться со своей кузиной Просперианой.

Бринкер поднял взгляд, когда она вошла, и его темные глаза широко раскрылись. Через секунду он пробормотал:

— Ты больше не нуждаешься в оружии?

— Думаешь, я не смогу защититься от младенца? — парировала Фэрис почти рассеянно.

Она осторожно приблизилась к кормилице. Внутри свертка оказался крупный пухлый младенец с большими круглыми карими глазами. Фэрис удивило и вызвало легкое раздражение то, что пушок на голове ребенка был оранжевым и не очень отличался от цвета ее собственных волос. Она смотрела на малышку, а Просперианна смотрела на нее. Фэрис рассматривала личико новорожденной, пока та не покраснела и не разразилась яростными воплями. Агнес сделала едва заметный жест, и кормилица вместе с младенцем удалилась в детскую. Когда дверь закрылась, в гостиной воцарилась странная тишина.

— Очаровательная малышка. — К собственному изумлению, Фэрис обнаружила, что говорит искренне.

Агнес тем не менее посмотрела на Фэрис с неприязнью, но Бринкер кивнул.

— У нее наш семейный характер. — Он улыбнулся племяннице, его лицо выражало редкостную теплоту.

Фэрис бросила взгляд на Агнес.

— Какой именно семьи?

Агнес проигнорировала ее и дернула за шнурок звонка.

— Я думаю, ленч подан.

За столом Агнес не склонна была разговаривать с кем бы то ни было. Бринкер только с интересом наблюдал за Фэрис. Джейн взялась поддерживать общую беседу с оживлением, которого не проявляла после отъезда из Парижа. Она упорно обращалась к лорду и леди Бринкер по именам, как и они к ней с момента ее приезда. Она призналась всем сидящим за столом, что китайская комната не кажется ей такой уж нестерпимо красной. Она говорила о погоде, архитектуре Галазон-Чейза и романах Марии Корелли.[14]

Фэрис слушала, несколько подавленная подобным воодушевлением. Она знала, что Джейн не считает романы Марии Корелли социальной сатирой, и гадала, насколько искренни остальные высказывания подруги. В любом случае, кажется, установка мебели в комнате королевы Матильды и возвращение багажа чудесным образом подняли настроение Джейн.

Покончив с отбивной, Бринкер поддержал разговор. Заглянув в свой экземпляр «Книги пэров» Бэрка, он узнал все о семье Джейн. Теперь он хотел все узнать о самой Джейн. Она кратко просветила его, а потом перевела разговор на Налланинов.

— Фэрис пыталась мне объяснить, но я просто не способна была понять. Сама семья такая маленькая, но всякий раз, когда речь заходит о Налланинах, возникает впечатление, что это целое племя. Такое, как скифы.

— Скорее это клан. В каком-то смысле все, рожденные в Галазоне, являются членами нашей семьи. Если говорить совсем просто, мы — голова клана, а все остальные семьи — просто члены клана.

— Очень похоже на шотландские племена в вашей собственной стране, — вяло произнесла Агнес. — Те, у кого только одна корова или коза, считают тех, у кого скота много, своим дворянством.

Фэрис попыталась вернуть вчерашнее ощущение спокойствия, но ей это не удалось. Ее обычное раздражение против дяди вернулось в полной мере, и еще осталось много для тети.

— Ничего подобного, совсем непохоже. В Шотландии, в неспокойные времена, те, у кого только одна корова или коза, обращались к лордам, а те оставляли их умирать от голода. Мы должны следовать лучшим примерам.

— Это был просто вопрос экономики, — мягко поправил ее

Бринкер. — Нет места для дома с одной коровой, когда овцам нужны пастбища.

— Это был просто вопрос жадности. — Фэрис сердито посмотрела на дядю.

— Возможно, это не слишком удачная аналогия, — рискнула высказаться Джейн. — Кланы Шотландии разнообразны и враждуют между собой. Здесь же только один клан.

Казалось, Агнес совсем заскучала.

— Вам виднее, конечно. Я не знакома ни с теми, ни с другими.

— Как давно вы приехали сюда из Аравиля? — вежливо спросила Джейн.

— Мне кажется, целую вечность тому назад, — ответила Агнес. — Бринкер прибыл в Аравис, чтобы познакомиться со мной перед тем, как мой отец даст согласие на наш брак. Я часто думаю, что лучше мне было приехать в Галазон-Чейз. Гораздо важнее знакомства с женихом знакомство с его домом.

Фэрис уставилась на Агнес, прищурившись от раздражения. Это ее дом, а не Бринкера. Ну что ж, приятно будет отослать тетушку назад в Аравис. Она пожелала Бринкеру получить удовольствие от своего тестя.

Джейн перевела взгляд с серебра на буфете на люстру над головой, потом на ромбовидные окна и заснеженный сад за ними.

— Дом просто великолепен.

Агнес проследила за взглядом Джейн.

— Здесь какой-то нелепый климат. — Она вздохнула. — Мой отец хотел как лучше. Он считал, что его долг вызвать Бринкера ко мне.

Джейн кивнула с сочувствием.

— У меня тоже есть отец. И у него иногда возникают любопытные идеи насчет долга перед семьей. Что хуже — вдобавок у него рождаются любопытные идеи насчет моего долга.

— Ах, да, — сказал Бринкер, словно внезапно вспомнил что-то, — ваш долг. Конечно, сейчас не такое время года, когда вы можете оставить свои обязанности в Гринло. Я понимаю, что привело сюда Фэрис и ее слугу. Но вам-то зачем это понадобилось?

Такая грубость даже Агнес заставила уставиться на него. Фэрис, оторопев, застыла. Однако Джейн ответила на вызывающий взгляд Бринкера с невозмутимым добродушием.

— Если быть абсолютно честной?

— Конечно.

Джейн понизила голос.

— Красавчик принц Чарли.[15] — Она насладилась долгим

мгновением растерянного молчания, потом продолжала: — Некогда мы, англичане, проявили здравый смысл и воспротивились тому, чтобы посадить на трон Красавчика принца Чарли. Триумф логики, но какой ценой? Мы с тех пор всегда мыслим очень здраво. — Бринкер попытался что-то сказать, но Джейн широко улыбнулась и махнула рукой, призывая его к молчанию. — Буду честной. Мы сожалеем о Красавчике принце Чарли. Весьма сожалеем. И хотим искупить свое неуместное здравомыслие. Поэтому ищем троны и людей, которых можно на них посадить. Игра в возведение на трон королей в глухих уголках света стала английским видом спорта. Когда герцогиня пригласила меня посетить ее дом, я не смогла отказаться. Я чувствовала, что мой патриотический долг — принять приглашение.

Казалось, Бринкера это позабавило.

— Не надеетесь же вы и здесь заняться возведением на трон королей?

Джейн рассмеялась вместе с ним.

— Я лишь успела распаковать вещи. Дайте мне побольше времени изучить обстановку, прежде чем отдаться своему увлечению.

Явно сильно встревоженная, Агнес смотрела на Бринкера, но обращалась к Джейн:

— Должна вам напомнить, что единственный король здесь — мой отец. У него уже есть трон. Единственный имеющийся здесь трон.

— Тогда я должен найти для нашей гостьи какое-то другое развлечение, — поспешно вставил Бринкер.

— Это будет нетрудно, — заметила Фэрис. — Ты ведь хорошо играешь в игры, дядя?

— А меня так легко развлечь, — весело подхватила Джейн. — Я знала, что мне здесь понравится.

Глава 11
Своевременный снег

— Интересная вещичка, — сказала Джейн, — но я не могу определить, как она, черт подери, работает.

Обед уже давно закончился. Джейн и Фэрис сидели одни в библиотеке. Фэрис пыталась выяснить, изучая бумаги матери, кто из ее советников: а) может захотеть стать советником герцогини Галазонской, и б) еще жив. Джейн тем временем рассматривала заколдованный конский волос, который она достала из шляпы Хэверфорда. Обе устали, но ни одна не хотела ложиться спать. Огонь в камине был слишком притягателен, чтобы отойти от него.

— Интересно, что ты могла видеть истинный облик Хэверфорда, а для Тириана и меня он так убедительно выглядел официантом. Почему?

Фэрис отложила свои бумаги.

— Можно мне взглянуть?

Джейн вручила ей конский волос. Фэрис поднесла его к камину, чтобы рассмотреть, а Джейн вытянулась на ковре перед камином, подпирая подбородок ладонями.

— Замечательная штучка. Давай держать ее под рукой на тот случай, если нам понадобится представить Агнес в виде человеческого существа.

— Ты думаешь, это может быть нечто вроде твоей вуали?

— Моя вуаль — это просто вуаль. Самое сложное делаю я. А это нечто очень простое, по-моему. Только оно настолько простое, что я никак не могу понять.

Фэрис пропустила блестящий черный волос сквозь пальцы.

— Твоя вуаль действует на меня. — Она подняла волос вверх и внимательно его осмотрела. Блестящая поверхность слегка отражала свет огня, переливаясь, как черные перья скворца. — А это нет.

— Магия Гринло. Ты видела птицу, когда я заколдовала ту пробку от шампанского. Ты видела шляпу, когда я изменила бомбу. Ты видела мое постаревшее лицо, когда я надевала вуаль.

— Значит, это не магия Гринло.

Джейн покачала головой.

Фэрис вернула Джейн магический предмет, и она осторожно спрятала его. Потом неуверенно сказала:

— Я немного устала тогда. И не совсем ясно соображала. Но в то утро в саду декана Тириан выглядел для меня котом. Было ли

это магией Гринло?

— Кто может это знать, когда здесь замешана Менари? Но, в конце концов, дело не в том, как он выглядел. Он и был котом.

Воцарилось долгое молчание.

— Если он выглядел для тебя котом, как ты узнала, что это Тириан? — спросила Джейн.

— Я поняла, когда увидела его глаза.

Джейн встала с ковра и села в кресло с подголовником напротив Фэрис. С подозрением глядя на восточный ковер, она спросила:

— Как ты узнала, что в этом ковре есть нечто любопытное?

Фэрис тоже посмотрела на ковер.

— Я не уверена.

— Ты просто знаешь?

Фэрис покачала головой.

— Он меняется. Иногда узор выглядит геометрическим. Иногда напоминает сад или лес.

— Как он выглядит сейчас?

— Как ступеньки лестницы. Аккуратные ряды таких лепешек… ну, похожих на слоновьи следы, только они обрамляют ступеньки лестницы.

На лице Джейн отразилось облегчение.

— И я это вижу. Ты видишь, как он меняется? Он двигается?

— Нет. Я отвожу взгляд, и иногда, когда снова смотрю на него, он уже другой. Вот и все.

— Ну, если снова заметишь изменения, скажи мне, хорошо?

— Конечно. Вчера он был похож на решетку.

— На решетку. Чудесно.

Подруги снова мрачно уставились на огонь.

Снег шел всю ночь и весь следующий день.

А еще через день, когда Бринкер уговорил Фэрис нанести вместе с ним давно запланированный визит в богадельню в Хоуле, снега на земле оказалось столько, что понадобились сани. В санях было место только для двоих, и это почему-то успокоило Фэрис. Она сообщила своим спутникам об этом плане за чаем в библиотеке.

— Чепуха, — ответила она на их протесты. — Он собирается этим визитом показать всей стране, что я жива и здорова. Едва ли он строит планы убить меня во время демонстрации нашей взаимной доброй воли.

Рид с подозрением посмотрел на Фэрис.

— Очень хорошо. Предположим, именно поэтому он организовал это посещение. Почему вам обязательно надо

соглашаться с его планом?

— По той же причине. Чтобы доказать, что я его не убью. Пока, во всяком случае.

— Я думаю, разумной предосторожностью будет обеспечить вам охрану, — сказал Тириан.

Фэрис рассмеялась.

— До богадельни и обратно? До Хоула ехать не больше часа.

— Вы думаете, залог вашей безопасности в том, что ваш дядя готов ехать с вами вдвоем, — заявил Тириан.

— Если рядом не будет никого, на кого можно свалить вину, я уверена, дядюшка Бринкер будет осмотрительным.

— Но что, если к вам неожиданно кто-нибудь присоединится? — спросила Джейн. — Предположим, он передаст тебя каким-нибудь своим сообщникам — скажем, дровосеку, который уведет тебя и глубину леса…

— Я оставлю след из крошек.

— Обычно ты так и поступаешь, — пробормотала Джейн.

— Тихо вы. Я еду. Мне надо задать Бринкеру пару вопросов, и завтра как раз представится возможность сделать это без помех.

Джейн начала считать вопросы, загибая пальцы.

— Нанял ли он Копенгагена и других? Зачем он вызвал тебя домой из Гринло? Ты поедешь в Аравис в качестве посла или чтобы осуществить какой-то тайный план? Зачем он душит галазонцев налогами? — Она сменила руку. — Как это ему пришло в голову жениться на Агнес…

— Мне кажется, это вполне очевидно, — прервала ее тираду Фэрис. — Агнес — первая претендентка на трон, а Просперианн — вторая, бедная малютка.

— Честолюбие — это еще не все. Представь себе, каково провести жизнь с Агнес. Это все равно что получить в наставницы Менари. — Брови Джейн взлетели вверх. — Меня только что осенила ужасная мысль. Представь себе, что Менари умела бы лучше притворяться. Что, если бы она осталась в Гринло учительницей? Или стала бы наставницей? — Джейн поежилась. — Подумай о бедных студентках.

Все четверо вздрогнули, даже Тириан.

После задумчивого молчания Джейн разлила чай.

— Поразмыслив, я поняла, что это нам не грозило. Дело не в том, кем ты станешь. Дело в том, кто ты есть.

— Рожденная царствовать? — с горечью спросила Фэрис. — Вот уж без этого я могла бы обойтись. — Она сделала глоток чая и прибавила: — Представьте себе следующих хранителей запада, востока и юга. Вы считаете, они с нетерпением ждут, пока я сомкну разлом, чтобы они могли занять место прежних

хранителей?

Джейн откашлялась:

— Декан рассказывала мне об этом. Насколько я понимаю, они не подозревают о грядущей ответственности. Никто не знает, кто они, кроме, возможно, Хилариона и двух других хранителей. У меня такое впечатление, что для них будет неприятной неожиданностью, когда прежние хранители уйдут.

— Бедняги, — произнесла Фэрис с чувством.

— Их ждет прозрение, — сказал Тириан. — Если возложенная на тебя ответственность дает силы для выполнения новых обязанностей, то наверняка долг хранителя должен пробудить такое чувство ответственности, чтобы заслужить новую жизнь. Перерождение.

Фэрис мрачно посмотрела на него.

— Вы в это верите? Именно поэтому вы так преданы своему долгу и обязательствам?

— Раб долга, — пробормотала Джейн.

— Нет, — не согласился Тириан. — Думаю, в моем случае это просто тщеславие.

Утро следующего дня выдалось ясное и холодное. Фэрис надела шерстяное платье и упаковалась в такое количество пальто и шалей, что их хватило бы для набивки матраса. Она взяла муфту, чтобы согреть руки, и сделала тюрбан из шарфа на голове, но Бринкер заставил ее снять это украшение.

— Можешь взять себе все коврики в карете, — сказал он, тщательно закутывая ее колени, — но ты не должна закрывать голову. Как тебя узнают, не видя твоих рыжих волос?

Фэрис размотала шарф и повязала его вокруг шеи.

— Это правда. Поехали.

Бринкер взмахнул кнутом, сани, запряженные парой гнедых, тронулись. Домик привратника остался позади, и лошади пустились быстрой рысью по дороге вдоль Эльвоша. Бринкер умело правил, хотя взятый им темп был слишком быстрым для дороги в таком состоянии. Фэрис удобно откинулась на спинку мягкого сиденья, поглядывая на небо голубовато-стального цвета. Было еще так рано, что деревья отбрасывали длинные тени, ложащиеся на снег косыми синими полосами. Полозья саней слабо пели, скользя по снегу, а сбруя гнедых непрерывно звенела. Фэрис улыбнулась и начала вынимать шпильки из волос.

Бринкер бросил на нее взгляд, слегка встревожившись.

— Что ты делаешь?

Фэрис сунула шпильки в карман, локоны ее рассыпались беспорядочными волнами. Она тряхнула головой и

почувствовала, как ветер развевает волосы, словно знамя.

— У меня мерзнут уши, — объяснила она.

Бринкер подал ей свою шляпу.

— Вот, надень.

Фэрис рассмеялась и покачала головой.

— Спасибо, не надо. Мне нравится так. Любой сможет узнать меня издалека. — Она хотела прибавить: «Любой с заряженным ружьем, например», но сдержалась. Потом будет много времени для расспросов и обвинений.

Впереди показались первые строения Галазон-Дукиса. На взгляд неопытного человека, приезд гостей не привлек внимания. Несколько человек, которых они видели, проезжая через деревню, не прерывали своих дел. Единственный знак того, что их узнали, подал кузнец, который поднял взгляд от наковальни и небрежно махнул им рукой.

Фэрис улыбнулась и приветственно подняла руку. Кузнец ухмыльнулся в ответ и вернулся к работе. Бринкер щелкнул в воздухе кнутом и искусно вернул кончик ремня назад. Сани устремились вперед.

— Мне кажется, все прошло хорошо, — сказал Бринкер, когда последний дом Галазон-Дукиса скрылся из вида.

— Очень хорошо, — согласилась Фэрис, опытным взглядом заметившая, как шевелились занавески, когда они проезжали, как поворачивались головы и вытягивались шеи. Та поднятая рука была равносильна овации.

Точно так же они миновали остальные деревни. В богадельне все прошло еще лучше. Люди, с которыми беседовала Фэрис, когда в полдень села с ними за стол, казалось, больше старались убедить герцогиню, как она была не права в своем решении покинуть Галазон, даже на несколько лет, чем подсказать ей, какие добрые дела она могла бы для них сделать.

— Это климат, — сказал ей один человек. — Мы все живем долго и в добром здравии, и причиной тому здешний климат. Больше нигде вам не будет так хорошо.

— Она родилась здесь, как и мы, — заметил другой, — поэтому разумно, чтобы она осталась здесь, если хочет прожить так же долго.

— Я действительно скучала по Галазону, — подтвердила Фэрис. — И очень рада, что вернулась домой. А теперь скажите, вам здесь что-нибудь нужно? Ну же, говорите откровенно. Еда всегда такая хорошая? Ночью достаточно тепло?

— Тут климат суровый, и ничего не поделаешь. Зато там, где зимы холодные, люди живут дольше.

— Хорошо сохраняются на холоде, хотите вы сказать. Так что

жить здесь имеет смысл, не так ли?

— Лучше оставайтесь здесь, где ваше законное место, молодая леди.

И это была самая длинная беседа Фэрис.

Возвращаясь в санях в Галазон-Чейз, Фэрис с радостью оглядывалась вокруг. После многих пасмурных дней небо приобрело чудесный голубой цвет. Она провела слишком много времени в тускло освещенной комнате королевы Матильды, и теперь снежный наст на заливных лугах ослеплял ее ярким блеском.

Фэрис взглянула на Бринкера и обнаружила нечто удивительное. Он, злобный дядюшка, смотрел на луга и леса с такой же полуулыбкой, которая была характерна для ее матери. Так же, очень похоже улыбалась она сама в подобные моменты. Он наслаждался погодой и пейзажем, конечно, но за этой улыбкой скрывалось нечто большее. Нечто, весьма напоминающее нежность. Кажется, даже дядя Бринкер по-своему любит Галазон.

Повинуясь порыву, Фэрис спросила:

— Что будет с Галазоном?

Казалось, Бринкер смутился. Он слегка наклонил голову и с любопытством посмотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказала. Что будет с Галазоном?

— Не знаю. Я скажу тебе, если хочешь, что будет, на мой взгляд. — После задумчивого молчания Бринкер продолжал, не отрывая глаз от бегущих гнедых: — Я думаю, принимая во внимание твой возраст и опыт, что из тебя получится отличный посол. Ты вернешься из Аравиля после достижения совершеннолетия, как только позволят тебе обязанности. Я не могу точно сказать, сколько автономии получит Галазон от Аравиля. Многое зависит от того, чего ты добьешься как посол. Неважно. Ты будешь править мудро и успешно. Ты выйдешь замуж, и у тебя будут дети, и они тоже будут править мудро и успешно.

— А ты? Когда я достигну совершеннолетия, что будет с тобой?

Бринкер тихо вздохнул.

— Я много лет трудился на благо Галазона от твоего имени. Мне не жаль ни времени, ни усилий, не думай. Но я с нетерпением жду возможности поработать на себя. Когда Галазон станет твоим, я получу свободу и обращу свой взгляд к более широким горизонтам.

— Что ты имеешь в виду?

Бринкер загадочно улыбнулся.

Фэрис несколько мгновений смотрела на него заинтересованно и с подозрением, потом сделала вывод:

— Аравис. Ты нацелился на трон.

— Этот трон не свободен.

Несмотря на слова, улыбка Бринкера подтвердила все подозрения Фэрис.

— Ты увезешь жену и дочь в Аравис и будешь ждать, когда умрет Джулиан. Принц-консорт… звучит очень внушительно. Или ты потребуешь другой титул? Нечто более впечатляющее?

Бринкер только улыбался.

Фэрис прищурилась. Если его честолюбие простирается за пределы Галазона, возможно, у него нет явных причин устранять ее.

— Ты кому-то заплатил, чтобы убить меня, дядя?

Реакция Бринкера вызвала у нее раздражение, как она и предвидела. Он загадочно посмотрел на нее, слегка наклонив голову.

— Зачем мне это?

— Ради Галазона.

— Знаешь, меня удивила твоя реакция в тот день. После некоторых размышлений мне пришло в голову, что ты могла заподозрить меня в злом умысле. Но зачем мне платить кому-то, чтобы тебя убили, если я мог уже давно сам это сделать? А если я заплатил наемному убийце, скажи на милость, зачем я стал бы ему мешать, когда он уже почти добился успеха?

— Ты все еще не сказал, что не делал этого.

Они приближались к деревне, но Бринкер на секунду отвел взгляд от дороги и посмотрел племяннице в глаза. Он выглядел серьезным, и тон его был искренним.

— Я этого не делал. Я бы не стал этого делать. И не стану. Ты мне нужна, Фэрис. Поверь хотя бы в это, если не можешь доверять мне во всем.

Фэрис не опустила глаза.

— Зачем ты посылаешь меня в Аравис?

Бринкер снова занялся лошадьми.

— Я тебе уже объяснил. А ты скажи мне вот что: почему ты так покорно согласилась?

Фэрис разглядывала дома, мимо которых они проезжали, и отвечала на приветствия.

— Это мой долг. Так же как моим долгом было вернуться, когда ты вызвал меня из Гринло.

Бринкер тихо рассмеялся.

— Да, конечно. Ты очень серьезно относишься к своим

обязанностям, когда тебе это нравится. А вот когда я послал тебя в Гринло, ты не была столь послушна.

— Я не хотела уезжать из Галазона.

— Это уж точно.

Они уже выехали из деревни. Фэрис нахмурилась.

— Почему ты послал меня туда? Я не перестаю удивляться. Если только для того, чтобы от меня избавиться, так есть много школ с пансионом, — почему в Гринло?

— Твоя мать ясно выразила свою волю.

— Подобная мелочь не остановила бы тебя.

— Это сделали бы твои опекуны. Банкиры могут быть такими неуступчивыми. Нет, возможно, ты права. Наверное, настоящей причиной была твоя реакция. Эта перспектива тебя встревожила и рассердила. И мне доставило удовольствие обеспечить твое поступление туда. Хотя, признаю, я был несколько разочарован, что ты не нашла какого-то способа сорвать мои планы и вернуться домой. Я с нетерпением ждал твоего возвращения.

— Мне ясно дали понять, что твои усилия «обеспечить мое поступление» не имели отношения к тому, что меня приняли. Они намеревались вернуть тебе деньги с язвительным письмом.

— Я не получал ни денег, ни письма.

— Деньги были оставлены на тот случай, если возникнет задержка с платой за обучение.

Что-то в тоне племянницы заставило Бринкера быстро взглянуть на нее.

— Это было твое предложение?

Фэрис кивнула.

— Как предусмотрительно. Дай подумать. Насколько я помню, последние деньги за обучение без задержки переслали в Гринло. Поэтому у тебя на счете должны были оставаться значительные средства, когда ты уехала. Что стало с этими деньгами?

Фэрис мечтательно произнесла:

— В наше время путешествие обходится так дорого. — Она подумала о Джейн и прибавила: — Ты даже не представляешь себе.

Бринкер был само добродушие.

— Ты их потратила. Конечно. И ты приняла к себе на службу эту иностранку. Ты увидишь, что подобная роскошь обходится дороже, чем тебе кажется.

Фэрис хотелось резко ответить дяде на это провокационное заявление, но она не закончила свои расспросы. Неизвестно, удастся ли ей еще поговорить с ним так откровенно. Она сделала усилие и продолжала мечтательным тоном:

— Ты известный транжира и прекрасно разбираешься во всех видах роскошеств, как мне кажется. Какое именно излишество вынудило тебя так увеличить налоги? Я надеюсь увидеть, куда могли уйти деньги. Не на мост или дорогу, и даже не на богадельню, которой я не помню.

— Ты же не ждешь, чтобы я здесь начал объяснять тебе всякие специальные мелочи.

— Почему бы и нет? Насколько они специальные? Неужели тетя Агнес так дорого обходится?

— Я надеялся, что обучение в колледже Гринло избавит тебя от этой вульгарной дотошности.

— Напротив, там ее всячески поощряли. Ну же, дядя! Еще есть время до того, как мы приедем в Галазон-Дукис. Расскажи мне.

— Нет никакой необходимости все время задавать вопросы.

— Нет, есть, потому что ты не отвечаешь.

— Этого ответа тебе достаточно. Удовольствуйся им.

— Отсутствием ответа? Ну, по крайней мере, это честно. Я тебя вознагражу.

— Придержишь язычок?

— Ни за что. Задам тебе новый вопрос.

Бринкер вздохнул.

— Задавай, если хочется. Я отвечу, если смогу и если ты ответишь на мой вопрос.

Фэрис обдумала его предложение и согласилась.

— Тогда скажи мне, откуда взялся ковер в библиотеке.

Этот вопрос так поразил Бринкера, что он рассмеялся.

— На этот вопрос ответить просто. Он прибыл вместе с остальными вещами моей жены. Теперь моя очередь.

— Еще нет. Откуда он прибыл?

— Из Арависа. Из дворца. Он очень дорогой, собственно говоря. Это была одна из немногих вещей, которую удалось спасти во время пожара в тронном зале.

— Какого пожара?

— Какого пожара? Ну, большого пожара. Того, который уничтожил тронный зал и погубил твою бабушку. Тот пожар чуть не сжег весь Аравис. Тебя в колледже совсем ничему не учили?

Молчание Фэрис продолжалось, пока они не подъехали к Галазон-Дукису. Там она стала отвечать на приветствия с подобающей долей интереса и узнавания.

Деревня осталась позади. До домика привратника в Галазоне оставалось меньше мили, и Бринкер спросил:

— Теперь моя очередь?

Фэрис посмотрела на него с подозрением. В его голосе

слышалось веселье, которое ей не понравилось.

— Я могу воспользоваться твоим собственным ответом.

— Ничего не ответишь? Это справедливо. Я сделаю собственные выводы. Разгадай для меня вот какую загадку, Фэрис. В чем ты больше всего похожа на свою мать? В неизменной преданности своему долгу? Или в неизменной преданности слуге-любовнику?

Фэрис заморгала. На этот раз не обращать внимания на провокацию было невозможно. В каком-то уголке ее сознания сохранилось достаточно самообладания, чтобы обдумать возможность не потерять выдержку. Нет. Такой вопрос не заслуживал сколько-нибудь вежливого ответа. А любая реакция, кроме той, которую Бринкер ожидает — возмущение, — вызовет у него подозрение, что он случайно затронул какую-то ее тайну.

Бринкер крепко сжимал в руках поводья и кнут. Он ожидал всплеска гнева, это было очевидно по тому, как он придержал коней, на случай если Фэрис в ярости закричит на него. Его горящие любопытством глаза ясно свидетельствовали, что он ожидает от нее крика.

Фэрис снова моргнула и хриплым голосом произнесла:

— Ни в том, ни в другом. Я больше всего похожа на мать в этом. — И не успел он освободиться от поводьев и кнута, как Фэрис отбросила муфту и дала дядюшке кулаком в глаз.

Его руки разжались, и она вырвала у него кнут. Он был слишком длинным, чтобы пользоваться им на короткой дистанции, но ей удалось напугать одного из гнедых. Это заставило Бринкера снова ухватить поводья, и она получила возможность сильно ткнуть его под ребра кнутовищем, дядя задохнулся и потерял равновесие, выпустил поводья, и сани слетели на обочину. Фэрис ногой отбросила коврик, подоткнутый вокруг ее коленей. Если сани перевернутся, ей придется прыгать.

В начале поездки гнедые, отдохнувшие и накормленные, могли бы понести. Теперь же, хоть их и встревожило плохое поведение возницы, они ровно скакали по хорошо знакомой дороге к манящему их стойлу.

Полминуты Фэрис молча боролась с Бринкером. У него было преимущество в силе, но не в решительности. Он получил тот ответ, которого хотел, и наслаждался им. Даже сражаясь с ней, он не мог удержаться от смеха. Он только хотел, чтобы ее негодование немного утихло, настолько, чтобы он смог благополучно довезти ее до дома. Она, с другой стороны, хотела только вытолкнуть его из саней, с глаз долой. Ею двигала ярость.

Она нанесла удачный удар, и Бринкер выпал в снег. Фэрис подобрала поводья, но вместо того, чтобы успокоить коней,

погнала их вперед. Когда она оглянулась через плечо, Бринкер уже поднялся на ноги, все еще смеясь, и отряхивал снег со своей накидки с капюшоном. Потом нагнулся за упавшей шляпой.

Дорога делала поворот. Дядюшка остался позади, ему предстояло добираться домой пешком.

Фэрис позволила гнедым наслаждаться скачкой еще четверть мили, потом придержала их. Не годится возвращаться домой на запыхавшихся и взмыленных лошадях.

На конюшне Фэрис передала гнедых старшему конюху и приказала оседлать свежего мерина. Она несколько мгновений с грустью думала о костюме для верховой езды из Шилинга, потом велела дать ей дамское седло. Шерстяное платье не было амазонкой, но оно вполне подойдет. Она была еще слишком разгневана, чтобы задерживаться из-за подобных пустяков.

— И пошлите кого-нибудь по дороге вдоль Элвоша с конем для моего дяди. — Конюшие переглянулись и бросились выполнять ее приказ. Старший из них осмелился спросить:

— Что-то случилось? По лошадям этого не скажешь.

Фэрис сверкнула улыбкой, и он замолчал.

— Сегодня такой чудесный день. Дядя сказал, что хочет пройтись пешком, но я уверена, что к этому моменту он уже передумал.

Ей привели лошадь, поджарую серую кобылу, и старший конюх подсадил герцогиню в седло. Она, как могла, расправила юбки и накидку, понимая, что выглядит нелепо.

— По тропе на мост Спинни можно проехать? — Она отдала старшему конюху последнюю шаль и шарф.

Он уверенно принял их.

— Да. Сегодня утром по ней доставили почту.

— Хорошо. Я вернусь через час или немного позже.

Фэрис проехала несколько миль, стараясь унять ярость. Хорошо утоптанная тропа привела ее в горы к югу от поместья. Ветер толкал ее в спину, развевал волосы, и они лезли в глаза. Небо впереди все еще оставалось чистым, но с севера наползали тучи. Она подъехала к дороге и повернула в сторону моста Спинни.

Девушка пыталась найти успокоение в пустынности покрытых снегом гор и лугов. Удовольствие от пейзажа, солнечного света, чистого неба исчезло. Ей хотелось хотя бы отчасти вернуть себе то состояние безмятежности, которое так радовало ее сегодня утром. Она смотрела в небесную голубизну на юге, отгоняя от себя все мысли. Но ей это не удалось. В конце концов ее злость на

Бринкера перегорела и уже не отвлекала ее от злости на саму себя.

Она снова позволила ему это сделать. Несмотря на решимость использовать поездку, чтобы расспросить его, она позволила ему поменяться с ней местами. Проявить свой гнев означало дать ему в руки оружие, такое же реальное, как кинжал или меч. Как она сможет снова встретиться с дядей, зная, что сама его вооружила?

И почему она позволила ему это сделать? Что он сказал, чтобы задеть ее за живое? Упоминание старых лживых слухов насчет матери — ей следовало уже привыкнуть к таким нападкам. Упоминание о Тириане — что в нем могло ее так рассердить? Или она оскорбилась за Тириана? Не было ли зерна правды в словах Бринкера?

Слуга. Любовник. Она не знала, какое из этих слов более абсурдно. Произнесенные вместе, они были настолько далеки от правды, что ей следовало бы посмеяться. И все же этими словами Бринкер добился своей цели. Они положили конец ее вопросам.

Фэрис покачала головой и снова рассмеялась. Она сегодня сослужила дяде хорошую службу. Большей услугой было бы только сломать себе шею по дороге или дуться на холоде до тех пор, пока не простудилась. Она остановилась у каменной арки моста Спинни и неподвижно сидела в седле, слушая ветер и пытаясь вспомнить, когда в последний раз могла свободно ездить верхом одна. Ни разу со времени отъезда в Гринло. Уже много лет.

Ветер донес до Фэрис топот копыт другого всадника. Она оглянулась и увидела Тириана, который гнал к ней коня ровным аллюром. Руки у нее невольно дернулись, и ее кобыла вскинула голову в знак протеста. Фэрис подавила желание ускакать прочь во весь опор. Ее свобода кончилась. Она уже не одна. Удрать от Тириана было так же невозможно, как сбежать от собственной тени. Вообще глупо было выезжать без него. Она взяла себя в руки и повернула лошадь назад.

Здравые мысли обитали в ее голове ровно столько, сколько понадобилось, чтобы преодолеть расстояние между ними.

Приблизившись к Тириану, Фэрис резко спросила:

— Вы собираетесь преследовать меня до конца моей жизни?

— Возможно. — Телохранитель не выказал ни удивления, ни раздражения ее грубостью. Вместо этого, когда она снова собиралась заговорить, он протянул ей перчатки, которые были на ней во время поездки из Шилинга.

Фэрис почувствовала, как что-то дрогнуло в сердце. Несомненно, удивление. И благодарность. Но и нечто большее,

что она не посмела обдумывать, чтобы дать этому название. Она молча взяла перчатки, надела их и поблагодарила Тириана сдержанным кивком. Ее кобыла сделала несколько шагов в сторону, разрываясь между нежеланием двигаться против поднявшегося ветра и стремлением вернуться на конюшню. Фэрис послала ее вперед.

Тириан ничего не сказал. Он просто развернул коня и последовал за герцогиней на почтительном расстоянии.

Фэрис натянула поводья.

— Поезжайте рядом. Я хочу с вами поговорить. — Тириан подчинился, но несколько минут Фэрис молчала. Наконец, с большой неохотой, она спросила: — Что обо мне говорят?

— Кто, ваша светлость?

— Не надо, не надо так официально. Что говорят слуги?

— Ничего.

На севере небо стало сплошь серым и казалось таким низким, что до него можно дотронуться. Они вынуждены были ехать против ветра. Фэрис чувствовала, как краснеет лицо, и не могла решить, от чего больше — от холода или от смущения. Она спросила:

— Совсем ничего? Никаких слухов?

— Я здесь чужой. Рид мог бы больше сообщить вам. Они с ним чувствуют себя свободно. Он с ними болтает.

Его легкомысленный тон вызвал у Фэрис раздражение.

— Я бы хотела получить сведения у человека, который слушает, а не у того, кто болтает. Вы не слышали никаких сплетен?

— Ничего, что стоило бы пересказывать.

— Я вам приказываю их пересказать.

Лицо Тириана стало покорным.

— Хорошо. Совсем недавно я слышал, что вы задушили своего дядю и вышвырнули его из саней. Потом вернули сани и коней на конюшню в хорошем состоянии и отправились проветриться на прогулку верхом. Уехали, не переодеваясь в костюм для верховой езды и даже не подумав спросить пару перчаток.

Так как Фэрис ничего не сказала, Тириан продолжал:

— Я думаю, именно это, а не забота о вашей безопасности, заставило меня последовать за вами.

Фэрис посмотрела на него.

— Чтобы привезти мне пару перчаток?

— Я подумал, что-то случилось. — Он ждал от нее возражений. Так как их не последовало, он слегка улыбнулся. — Наверное, я ошибался.

Фэрис прищурилась от ветра.

— Значит, они думают, что я пыталась задушить дядю. А они знают почему?

— Им это неважно. Их больше заботит то, почему вы этого до сих пор не сделали. А почему вы пытались его задушить?

— Я не пыталась его задушить. Я просто вытолкнула его из саней. Давайте перейдем к другим сплетням, не таким угрожающе свежим. Что они говорят о моей тете?

— Она прекрасная леди, для иностранки. Ей не нравится Галазон, и она была бы счастлива жить в Арависе. В Галазоне тоже были бы счастливы, если бы она жила в Арависе. Она решила, что ее дочь когда-нибудь будет править Галазоном, даже если ей придется убить вас ради этой цели. Говорят, она пыталась сделать это в первую ночь в библиотеке, но вы на нее чихнули, и пуля прошла мимо.

Фэрис крепче сжала поводья.

— А что они говорят обо мне?

— Мы снова вернулись к этому? Вы — правительница. Они винят Гринло в тех переменах, которые замечают в вас.

— Например?

— Вы выросли. Носите красивую одежду. Ведете себя в соответствии с этикетом. — Тириан откашлялся и прибавил: — Сегодняшний день многим принесет облегчение.

— А что говорят о моих спутниках?

— Джейн — леди, и они это понимают. Не представляю, что они думают о Риде или обо мне. Почему вы спрашиваете?

Фэрис чувствовала комок в горле от того, что собиралась сказать, но все же вытолкнула наружу слова:

— Вы всегда рядом со мной.

— Это так.

Фэрис посмотрела на него.

— Почему?

Тириан ответил ей безмятежным взглядом.

— Вы знаете почему.

Его хладнокровие успокоило Фэрис.

— Я знаю, вы обещали поехать со мной в Аравис, чтобы отплатить мне за то, что я помогла вам вернуть ваш облик.

Тириан широко открыл глаза:

— Потеря облика была наименьшим злом.

Фэрис видела, как по лицу Тириана пробежала тень воспоминаний, полных страха, вины и боли, и подумала о том, что же именно произошло в тот последний вечер в Гринло. Тириан смотрел мимо нее, как будто назад, в ту ночь.

После долгого молчания он продолжал:

— Я должен был поблагодарить вас сразу, как только немного пришел в себя. Я перед вами в долгу. Думаю, я мог бы оказаться в вашей власти в той же степени, что и во власти Менари. Но вы меня освободили. — Он поколебался. — Декан вызвала меня, и ей удалось восстановить мой расстроенный рассудок. Тогда я понял, за что взялся, когда пообещал сопровождать вас. — Он улыбнулся. — Поэтому можете ехать в Париж, или в Аравис, или на край света. Я последую за вами.

Фэрис неуверенно рассмеялась.

— Не породит ли это сплетни?

— Вас это беспокоит? Если вы всадите дядюшке пулю между его глаз-бусинок, люди скажут, что вы всего лишь слегка пошутили. Не думайте о сплетнях.

— Здравый совет. — Фэрис упрятала подбородок в воротник и пожалела, что не взяла с собой шарф. От ветра на глазах у нее выступили слезы, и ей трудно было разглядеть дорогу впереди. — Постараюсь им воспользоваться.

К тому времени, когда они въехали во двор Галазон-Чейза, тучи уже совсем затянули небо. Ветер усилился и стал резким, что обещало новый снегопад. По приказу Фэрис Тириан оставил ее во дворе у конюшни. Девушке не хотелось возвращаться в дом, несмотря на холод. Она отвела лошадей в стойла, села на перевернутое ведро и стала смотреть на работу конюхов, растирая застывшие пальцы. Яркий румянец постепенно исчез с ее лица.

В конюшне было тепло, запах лошадей, сена и кожи чудесным образом успокаивал, здесь чувствовался порядок, не зависящий от времени. Лошади в стойлах жевали корм, иногда переминались с ноги на ногу, фыркали в свои ведра с водой и вздыхали от удовольствия. Сливаясь вместе, все эти звуки переставали быть звуками и становились просто умиротворяющим фоном. В первый раз после того, как Фэрис покинула дом Хилариона, она вновь ощутила покой.

Девушка наслаждалась мирной обстановкой, и ей наконец удалось ни о чем не думать. Она оставалась там еще долго после того, как последнюю лошадь начистили до блеска. Потом, слегка дрожа, встала и заставила себя выйти наружу.

Было всего четыре часа, когда герцогиня умылась, переоделась и была готова спуститься к чаю, но при взгляде в окно комнаты королевы Матильды ей показалось, что уже вечер.

Ветер выл так, будто старался поднять бурю, разносил снег по двору и угрожающе бормотал за окнами. На башенной лестнице кружились множество маленьких вихрей, ледяные

сквозняки шевелили юбки Фэрис, когда она спускалась вниз.

Фэрис решила, что погода вполне соответствует ее настроению. Ей было бы гораздо легче бегать по двору и грохотать оконными рамами, чем спокойно сидеть за чашкой чаю, словно ее ничто не тревожит.

Фэрис присоединилась к Джейн, Агнес и Бринкеру за чаем в гостиной, радуясь, что лицо горит от холода и никто не заметил, как она покраснела, здороваясь с дядюшкой. Он проводил ее к креслу у камина, пряча иронию под маской учтивости, и осведомился о здоровье.

Фэрис вежливо ответила и задала ему тот же вопрос. Она пристально посмотрела на его глаз, но не увидела никаких следов своего удара.

— Надеюсь, ты получил удовольствие от прогулки до дома сегодня днем.

Бринкер посмотрел на нее с откровенной насмешкой.

— Получил. Ничто так не проясняет мысли, как ходьба быстрым шагом по свежему воздуху. — Он оглянулся, чтобы удостовериться, что Агнес и Джейн слушают. — На меня снизошло вдохновение.

— Хлеб, масло? — Агнес протянула тарелку.

Бринкер осторожно взял у нее тарелку. Когда она вопросительно посмотрела на него, он повторил:

— Вдохновение, дорогая. — И улыбнулся ей. — Мы поедем в Аравис.

Жена не улыбнулась ему в ответ.

— Не дразни меня возможностью поехать домой, прошу тебя. Я так мечтаю покинуть это промерзшее место, что с радостью прошла бы пешком вдвое большее расстояние.

— Я говорю совершенно серьезно. — Бринкер протянул Фэрис бутерброды. — Твои верительные грамоты прибудут сюда со дня на день. Я никогда не считал правильным посылать тебя в Аравис без присмотра. Пока я… гулял сегодня днем, мне пришло в голову, что нам следует тебя сопровождать. Заодно можно будет представить Просперианам ее дедушке.

— Это такая честь для нее, — пробормотала Джейн в свою чашку, в то время как Агнес разразилась восклицаниями, выражая восторженное удивление и благодарность.

— А кто присмотрит за Галазоном, если мы оба уедем? — спросила Фэрис.

— С Галазоном ничего не случится, пока вас не будет, — сказала Агнес. — Сейчас достаточно холодно, и он прекрасно сохранится.

— Лорд Сифорт проявил прекрасные способности

управляющего, пока я находился в Арависе, добиваясь руки моей жены.

Фэрис нахмурилась.

— Лорд Сифорт. Это тот, который выгородил триста акров речного дна для овец?

На лице Бринкера отразилось страдание.

— Возможно. Я не знаю, что он считает хорошим пастбищем. Но ему можно доверять. Налоги, которые он собирает, будут в целости и сохранности. Чего нельзя сказать о большинстве твоих знакомых. Молодой Вудровел заезжал сюда сегодня днем. Жаль, что тебя не оказалось дома.

— Уорен? Приезжал сюда? А он не сказал зачем?

— Конечно сказал. — Наслаждаясь ее нетерпением, Бринкер сперва допил свой чай и только потом продолжил: — Он приезжал в Галазон-Дукис платить налоги и сказал, что раз уж он был так близко, то решил заглянуть сюда по дороге домой — посмотреть, не удалось ли тебе меня прикончить, как он выразился.

— Жаль, что я с ним не встретилась.

— Я ему сказал, что ты будешь жалеть. Но он не захотел остаться. Я приглашал его, но он сказал, что ему нужно вернуться домой. Без сомнения, он понял, что его визит был преждевременным. Не переживай, может, он еще вернется.

Фэрис посмотрела ему в глаза.

— Может быть. Уорен иногда проявляет редкую проницательность.

— Я бы сказала, что он редко проявляет проницательность, — заметила Агнес.

Не успев сдержаться, Фэрис бросила:

— Вам ли об этом судить?

Тут же, испугавшись своей неспособности держать себя в руках, она отступила за барьер этикета и во время чаепития делала упор на учтивость. Она пустила в ход все искусство хороших манер, которое вложила в нее мадам Брачет. Когда чай наконец был выпит, она приняла предложение Джейн пройтись по галерее. Она даже оживленно рассказывала о портретах, пока они не остались одни в дальнем конце большого зала. Тут Джейн схватила ее за руку.

— Теперь нас никто не слышит. Можно рассказать все. Что, черт подери, произошло сегодня днем?

Фэрис вырвала руку и потерла запястье.

— Мы с Бринкером немного поспорили, вот и все.

— Я слышала другое.

— А что ты слышала?

— Что Бринкер пытался столкнуть тебя с саней, а ты его за это удавила.

— Кто тебе такое сказал?

— Горничная, которая принесла мне горячую воду.

— Ты помнишь, как ее зовут? — спросила Фэрис. — У нее ярко-синие глаза? Это Исмена, племянница Гэврена.

— Перестань. Я не желаю отвлекаться на племянниц. Я хочу знать, что произошло.

Фэрис мучительно покраснела.

— Он меня разозлил, и я вышла из себя. Потом я поехала покататься верхом, чтобы прийти в себя. Вот и все.

— Ты не могла бы рассказать поподробнее?

Фэрис тихим голосом представила Джейн полный отчет о том, что они с Бринкером сказали друг другу. Когда она замолчала, то заметила, что Джейн хмурится.

— Тебе никак нельзя было обойтись без рукоприкладства? Не могла просто прикинуться, будто не понимаешь, что он имеет в виду?

— А что он имел в виду?

— Да, именно так.

Фэрис заморгала.

— О чем ты говоришь?

Джейн несколько секунд внимательно смотрела на нее.

— Думаю, нам лучше вернуться в гробницу королевы Матильды. Не хочу, чтобы нас подслушали.

Фэрис позволила Джейн проводить себя по продуваемой сквозняком лестнице в свою комнату. Джейн заперла дверь и заткнула замочную скважину, потом подвела Фэрис к креслу у письменного стола. Пока подруга мешала кочергой угли, Фэрис смотрела на аккуратно подшитый доклад, лежащий на стопке книг на столе. Очевидно, Джейн распаковала вещи.

— Бринкер сказал, что мои верительные грамоты должны доставить со дня на день. Ты готова поехать в Аравис, когда они прибудут? И кстати, как нам сомкнуть разлом, если Бринкер настаивает на том, чтобы сопровождать нас?

— Не меняй тему разговора. — Джейн положила кочергу и встала спиной к камину. Голос ее звучал резко. — Мне следовало спросить у тебя об этом давно, так как я здесь от имени декана. Это совершенно не мое дело, конечно, но ты знаешь, что это важно, иначе я бы не спрашивала.

Фэрис кивнула.

Трудно было сказать с уверенностью, так как Джейн стояла спиной к огню и лицо ее было скрыто в тени, но казалось, она ждет с нетерпением. После долгой паузы она прибавила:

— Я не скажу ни одной живой душе, ты знаешь.

— О чем ты говоришь? — снова спросила Фэрис, но не успела договорить, как почувствовала, что предательский румянец снова разгорается на щеках. Даже при свете камина было ясно видно ее смущение.

Джейн погрозила ей кулаком.

— Негодяйка, ты все время знала, что я хочу сказать, и собиралась мучить меня до тех пор, пока я не произнесу это вслух. И не смей спрашивать: «Что произнесешь вслух?», иначе я тебя поколочу.

— Хорошо. Но не пытайся меня убедить, что декан попросила бы у меня объяснений насчет моего… моего слуги-любовника.

— Ей бы не пришлось спрашивать. Она могла бы узнать все, просто глядя на тебя. А я не могу.

Фэрис встала и заходила по комнате.

— Как ты можешь, если я сама понятия об этом не имею? — Она покачала головой. — Если бы ты спросила меня утром, я бы не знала, о чем ты говоришь. Но когда он привез мне мои перчатки сегодня днем, я наконец поняла. Господи, я такая тупая. А Бринкер совершенно прав. Тириан мой слуга. И он женат. Как я могу даже думать о чем-то таком?

Джейн села за письменный стол и смотрела, как Фэрис беспокойно мечется перед камином.

— Прекрати. В конце концов, мне не нужен ответ. Твое поведение ясно говорит обо всем. — Она прибавила шепотом: — Интересно, не похожа ли я сейчас на декана?

— Что мне делать? — Джейн не успела ничего сказать, как Фэрис в отчаянии подняла руки и ответила на свой собственный вопрос: — Что я говорю? Я хорошо знаю, что мне делать. Буду делать вид, что ничего не изменилось. Я не стану обращать на это внимания. Ничего не произошло. Со мной все в порядке. Все в порядке.

— Именно это я и собиралась сказать.

— Что мне делать, Джейн?

Джейн покачала головой.

— Подождать и посмотреть.

Буран продолжался всю ночь и почти весь следующий день. Потом снегопад стих, ветер превратился из холодного в ужасно холодный и оставался таким два дня. Когда погода смягчилась, все вокруг застыло в белом молчании, только снежные сугробы, источенные ветром, отбрасывали синие тени. Еще один день царила тишина. Затем ветер вернулся, на этот раз с юга, снег медленно растаял на бурых полях, и богато разодетый гонец

появился у ворот Галазон-Чейза. Король Джулиан прислал герцогине Галазонской ее верительные грамоты и составленное в теплых выражениях приглашение явиться к нему в Аравиль.

Книга третья
ХРАНИТЕЛЬНИЦА СЕВЕРА

Глава 12
Аравис

В следующие пять дней Фэрис была всем недовольна. Ей пришлось укладывать вещи, что было утомительно, затем смотреть, как укладывает вещи Джейн, что было еще невыносимее. Она расставалась с Галазоном, но не с Бринкером. Она ехала в Аравис, куда ее послал Хиларион, чтобы попытаться сделать то, к чему она даже не знала, как подступиться.

Чтобы добраться до Арависа, им пришлось ехать в карете до Уэкса, потом плыть по Лиде на речном пароходе до Шене и, наконец, снова пересаживаться в карету. Еда была плохая. Постели, когда им удавалось найти придорожную гостиницу, отвечающую высоким стандартам Бринкера, оказывались сырыми. Ни еда, ни постель не заботили особенно Фэрис, чего нельзя было сказать об Агнес.

Когда высокогорные луга и густые леса Галазона остались позади, горизонт стал ниже, а небо, казалось, открылось и распахнулось вширь. Возле Уэкса местность сделалась совсем плоской. Фэрис охватило дурное предчувствие, которое все время усиливалось, и она никак не могла разумными доводами избавиться от этого настроения. Плохо уже то, что пришлось уехать из Галазона, но сменить привычный пейзаж на однообразные долины реки Лиды было еще хуже.

По мере их продвижения на юг от снега не осталось и следа. Голые деревья сохранили только малую часть своей золотистой листвы, но трава по-прежнему зеленела. Фэрис не оставляло чувство, что они совершенно неестественным образом двигаются назад во времени.

Ей с трудом удалось спрятать свою тревогу за Тириана поглубже, чтобы она им обоим не мешала. Тириан, уверяла она себя, обещал поехать с ней в Аравис, чтобы она могла сомкнуть разлом. Безумием было думать о чем-нибудь, кроме этого. Нет никаких причин считать, что мотивы могли быть другими.

Обязанности Тириана в дороге не позволяли им видеться больше минуты, и Фэрис невольно чувствовала облегчение. Она полностью доверяла этому человеку в смысле соблюдения приличий, но опасалась за себя и боялась, что Агнес — или, еще хуже, Бринкер — могут заметить, как она впадает в приступы застенчивости.

Бринкер и Агнес ехали вместе в первой карете. Новорожденная и ее няньки во второй. Джейн и Фэрис

находились в третьей, а остальная свита, в том числе слуги и багаж, за которыми надзирали Рид и Тириан, замыкали кортеж.

Подготовка к поездке отняла у Фэрис много времени. Несмотря на благие намерения, она пока не успела прочесть аккуратно подшитый доклад Джейн. Она уложила его вместе с личными вещами, но все не находила времени заглянуть в текст, пока поездка почти не подошла к концу. И даже тогда сделала это в качестве самозащиты.

Джейн прилежно изучала свой путеводитель с того момента, как села в карету на последнем этапе пути. Перед этим ей пришлось выдержать путешествие на пароходе по реке. Несмотря на спокойное плавание по необычно тихим для этого времени года водам, Джейн сильно страдала от близости к воде. Это было свойственно всем колдуньям Гринло. Лишь после высадки в Шене к Джейн полностью вернулось хорошее настроение.

Фэрис, напротив, пыталась скрыть свое дурное расположение духа, которое все усиливалось с каждой милей, приближавшей ее к Аравису. Хотя плоский ландшафт сменился каменистыми склонами холмов, чувство незащищенности осталось. Пытаясь досадить Джейн, она достала ее доклад и сделала вид, будто сосредоточилась на нем под мерное покачивание кареты.

— Как ты сказала, откуда этот доклад?

— Я не говорила. — Джейн перевернула страницу и прочитала вслух из путеводителя: — «Аравис, столица Аравиля и один из самых красивых и романтичных городов в Европе, красиво раскинулся на нескольких холмах, разделенных оврагами, к югу от бухты Шене, очаровательный вид на которую открывается с высоких мест города». Занимательно, — заметила она. — «Основными политическими партиями Аравиля являются роялисты, консервативные роялисты, монархисты и либеральные радикалы. Королевские министры избираются коалицией первых двух партий. Последние две партии образуют неустойчивую оппозиционную группировку».

Фэрис поднесла страницу доклада к окну кареты и прищурилась.

— Британский водяной знак. Но доклад к тебе попал в Париже. Странно.

— Тебе полагается читать его, а не оценивать.

— Очень хорошо. «Монархическая партия, в частности, носит название, которое вводит в заблуждение, так как часть ее членов не признает дом Паганелей и отрицает их право на престол. Не являясь новейшей партией, она проявляет активность только в последние четыре года. Радикальные монархисты считают, что необходима реформа, крайне необходима. Эти экстремисты,

которые предпочитают сложные пароли и условные знаки, могут стать в будущем подрывными элементами. Их партийный гимн „Песня Тома из Бедлама“[16] запрещена королевским указом».

— Как интересно. Позволь мне сообщить тебе, что «население, не считая Шене, составляет на тысяча девятьсот восьмой год триста пятьдесят тысяч пятьсот человек. В Арависе размещаются административные и судебные власти Аравиля, и он славится отличными школами и университетом».

— Чепуха. «Члены монархической партии в большинстве своем молоды и необразованны. Лидер партии, Иштван Грэлент, — недавний выпускник Арависского университета. Надежные источники сообщают, что этому человеку приписывают авторство популярных песен, повествующих о современных похождениях Тома из Бедлама, очевидно, навеянных партийным гимном. Слухи о переводе средств на счета монархической партии финансовыми кругами Австрии не удалось подтвердить, но нельзя и опровергнуть». — Фэрис прекратила читать вслух, но увлеченно перевернула страницу.

Джейн неумолимо продолжала:

— «Окрестности Арависа очень красивы и интересны с исторической точки зрения для проведения экскурсий. Королевский замок в Севенфолде — одна из самых больших достопримечательностей».

— Ох, Джейн, прекрати.

— «Невозможно найти более прекрасное и гармоничное сочетание искусства и природы среди городов мира, и даже сооружения, не отличающиеся красотой сами по себе, в основном удачно вписываются в окружающий пейзаж. Иностранцу рекомендуется начать знакомство с „Современными Афинами“ с их общего обзора из замка или с холма Артегал».

— Послушай, я откладываю доклад. И не буду больше читать, если ты тоже прекратишь.

Джейн была полна решимости.

— «Неподалеку от центра города и между главными улицами и замком находится красивое место под названием „Сады Монтлере“. В центре их находится маленькое, но живописное естественное озеро, украшенное фонтанами, вода для которых подается из сложных резервуаров — триумфа техники, — выдолбленных в живом камне у подножия замковой скалы. К северу от Садов Монтлере…» — Ты что-то сказала? — Джейн подняла взгляд. — Что-то не так? У тебя жуткий вид. Тебя тошнит?

Фэрис, с отчаянием на лице, лишь покачала головой. Наставница излагала историю, в которой Галазон и Аравиль были

неразрывно связаны. И герцогиня только сейчас поняла, как мало знает она об Арависе. Сухие факты туманили ей мозги. Даже многолюдная, шумная, дурно пахнущая пристань, которую они покинули в Шене, стала эфемерной, как только Джейн прочла вслух ее название. Герцогиня тихо застонала.

— Что я делаю? Я ничего не знаю о протоколе. Я ничего не знаю о резервуарах. Я ничего не знаю о монархистах или о консервативных роялистах.

Джейн несколько секунд пристально смотрела на Фэрис, потом захлопнула красный путеводитель и порылась в глубине своего саквояжа. Она достала плоскую серебряную флягу и, вытащив пробку, подала ее подруге.

— Выпей это.

Фэрис с недоверием посмотрела на маленькую фляжку.

— Бренди не поможет.

— Это коньяк, и он решит твою проблему. У тебя боязнь аудитории, вот что. Позволь мне напомнить, что тебе ничего не нужно знать о протоколе. Для этого есть я. И о резервуарах тоже, для этого есть путеводитель. Что касается монархистов… — Джейн щелкнула пальцами. — Они сами могут о себе позаботиться.

Фэрис осторожно сделала глоток. Джейн протянула руку.

— Достаточно. Оставь немного на случай страха перед премьерой.

Фэрис вернула ей фляжку.

— Спасибо. Думаю, мне станет еще лучше, если я больше ничего не услышу о прекрасных пейзажах.

Джейн закрыла флягу и спрятала ее.

— Слишком поздно. Мы приближаемся к одному из них. — Она кивнула на окно.

Фэрис повернулась, чтобы взглянуть. Их путь лежал южнее Шене среди серых каменистых холмов, потом на восток, вдоль края гряды. Теперь с правой стороны от кареты они видели, как склоны переходят в долину, где разбросаны дома, а вдали снова поднимается скалистая гряда, голая и неровная, словно хребет дракона.

Линия этой гряды поднималась, опускалась и снова поднималась, словно повторяя очертания туловища дракона. Этот силуэт был знаком Фэрис по первым школьным книгам. На таком расстоянии она не могла различить вершину последней возвышенности, ее скрывали облака или дым. Но из тех же книг она знала, что дальний кряж, усеянный чешуйками крыш и бороздками улиц, и есть Аравис. Голову дракона венчал замок, который дал городу его прежнее название — «Аравис-Палатин».

Джейн и Фэрис молча созерцали пейзаж, пока дорога опять не повернула на юг и из окна кареты им оказались видны только деревья, дома и безликие ограды садов.

— Совершенно очаровательно. Если бы день был более ясным, мы смогли бы разглядеть отсюда сам замок. — Джейн потянулась за путеводителем, но, заметив умоляющий взгляд Фэрис, отдернула руку. — Надеюсь, мы скоро его увидим.

— С близкого расстояния.

Фэрис закрыла глаза. Ей очень хотелось выпить чашечку кофе.

Дорога привела их в долину, потом на мост, после этого, перейдя в улицу, — в тесно застроенное домами пространство. Постепенно здания все больше сближались друг с другом, пока не столкнулись и не побежали ровными рядами, прижавшись лицом к плечу и глядя окнами на улицу.

Фэрис с неприязнью смотрела на эту тесную симметрию. Дорога снова пошла в гору, влилась в городские ворота, а затем поднялась к подножию холма. Здесь улицы были узкими и кривыми. Местами строения срастались над головой, образуя своеобразные туннели для пешеходов.

Некоторые проходы представляли собой не более чем лестничный пролет, соединяющий две улицы. Некоторые были достаточно большими, чтобы заслужить табличку с названием улицы на стене. Фэрис смаковала названия: тупик Белой Лошади, Якорный тупик, Охотничий рынок.

Главная улица (Замковая, как гласила табличка) шла то вверх, то вниз вдоль хребта дракона через город. И так достаточно широкая, у холки дракона она становилась еще просторнее, переходила в Эспланаду и, полукругом огибая шею дракона, вела к воротам замка.

Герцогиня и ее кортеж так далеко не заехали. Где-то между лопатками дракона их кареты остановились перед внушительным фасадом гостиницы «Метрополь».

Джейн опустила вуаль и взяла сумку. Фэрис сидела неподвижно, снова закрыв глаза.

— Еще коньяка?

— Кофе, — жалобно попросила Фэрис.

— Скоро, я обещаю. Но тебе придется войти внутрь.

Фэрис вздохнула и открыла глаза.

— Вы, англичане, такие строгие.

Дверь кареты открылась, и к ним подсел Рид.

— Небольшая задержка. — В ответ на вопросительные взгляды он объяснил: — Планы изменились. Владелец гостиницы должен перераспределить свободные номера, чтобы разместить

лорда и леди Бринкер. Они будут жить в вашем номере, Фэрис. Потерпите чуть-чуть. Они прилагают все усилия, чтобы разместить вас.

Джейн удивилась.

— Почему Бринкеры не могут остановиться в замке, как планировали?

— Официальная причина — лорд Бринкер решил, что не может позволить племяннице жить одной в гостинице, даже в первоклассной. Он должен остаться, чтобы придать Фэрис больше значительности. Посольство — это территория Галазона, даже если это всего лишь номер в гостинице. Он здесь, чтобы усилить это впечатление.

— А настоящая причина? — спросила Фэрис.

Рид ухмыльнулся.

— Я могу дать вам совершенно точный ответ, так как подслушал обрывки спора. Леди Бринкер пришло в голову, что она не хочет, чтобы ее новорожденная дочь жила в замке. Она прикажет отвезти ее туда, когда наступит подходящий момент показать ее королю. Но сама она там не станет жить и не позволит жить ребенку, ни при каких обстоятельствах.

— Почему? — спросила Фэрис.

— Как я понял, это вредно для детей. Я не все услышал и не уловил доводы. Что-то связанное с ее младшей сестрой.

На лице Джейн появилась озабоченность.

— Менари ведь здесь нет?

— Боже, нет. По крайней мере, я так не думаю. Но спрошу, если хотите.

Фэрис подняла брови.

— Кого спросишь?

— О, просто поспрашиваю людей. — Рид открыл дверцу кареты и приготовился выйти. — Это единственный способ что-то выяснить, знаете ли. Даже Тириан иногда снисходит до этого.

Номер, отведенный Фэрис, был огромным. Чтобы обеспечить безопасность герцогини, Тириану и Риду пришлось потрудиться. Несмотря на то что Агнес поселилась первой, Джейн быстро усмирила выбитых из колеи служащих гостиницы, и ее багаж был внесен.

Не вполне понимая, как это получилось, Фэрис обнаружила, что ей нечего делать, кроме как сидеть в удобном кресле у окна. Некоторое время она невидящими глазами смотрела на оживленное движение по эспланаде. Затем пошел не утихающий дождь, смешанный со снегом, который, несомненно, в Галазоне выпал бы только в виде снега.

Она наблюдала, как улица пустеет. Этот настойчивый дождь, который вымыл канавы и мостовые дочиста, в Арависе можно было считать самым суровым проявлением зимы. Он окрасил каменные стены домов в черный цвет и отполировал шиферные крыши так, что они заблестели.

Ветер швырял дождь в стекла, и эспланада стала просто бесформенным серым пятном под таким же серым небом.

Фэрис задремала. Ей снилось, что она стоит на лестничной площадке. Освещение было слабым, и она не могла определить, где находится. Только знала, что ей нужно спуститься вниз, но боялась. Безопаснее было бы подняться наверх, но ей этого делать не следовало. Она в нерешительности застыла на площадке.

— Проснись. Это всего лишь сон, каким бы он ни был. Проснись. — Джейн отпустила ее плечо и отступила назад. — Мне на секунду показалось, что у тебя сердечный приступ. Что тебе снилось, скажи, пожалуйста?

— Ничего. Ничего не снилось. — Фэрис встала и оглядела номер, где чудом воцарился порядок и желанный покой. — Что ты сделала?

Дневной свет погас. Сумерки превратили окно в темное зеркало. Джейн задернула бархатные шторы. У нее был довольный вид.

— Совсем немного. Приятно наконец посидеть спокойно, правда? Никаких карет, пароходов, поездов.

Фэрис кивнула. Этот номер был вторым из лучших в гостинице и сильно отличался от ее комнат в отеле «Крийон». Более просторный, хотя и не с такими высокими потолками, и наполовину пустой. Мебель из темного дуба, в отличие от утонченной парижской, казалась слишком массивной и мрачной, вместо картин в инкрустированных золотом рамах, удобных кресел — прочные стулья и пушистые ковры. У Фэрис появилось ощущение, словно она перешла от шампанского во льду к холодному пиву из погреба, и ее слегка удивило, что она так радуется этой перемене.

— Дождь кончился. Ты должна чувствовать себя лучше.

Фэрис слегка нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду? Я чувствую себя прекрасно.

— Я имею в виду не здоровье, а твое настроение. Думаю, оно снова дало о себе знать. — Видя, что Фэрис явно ничего не понимает, она пояснила: — Помнишь, Хиларион сказал, что ты вызвала снегопад в Гринло?

Фэрис кивнула.

— Ну, разве это совпадение, что та плохая погода, которая была в Галазон-Чейзе, началась немедленно после того, как

Бринкер тебя расстроил? И разве это совпадение, что сегодня начался дождь после того, как ты начала нервничать?

— Сейчас зима, Джейн. Зимой часто идет снег. Если не снег, то дождь. У тебя разыгралось воображение.

— Ты действительно чувствуешь себя лучше. Так я и знала. О, не трудись спорить. Ну, я устроила кое-что, надеюсь, тебя это развеселит.

— Разлом исчез сам, пока я спала, и мы можем ехать домой.

— Не совсем, — уступила Джейн. — Наверное, в Арависе есть подходящие места, где можно пообедать, но у меня не было времени выяснить адреса. Вместо этого я договорилась, чтобы нам накрыли стол здесь. У нас будет важный гость — он путешествует инкогнито, — которому удобнее поговорить с нами наедине.

— Насколько важный? Это не король?

— О господи, нет. Король прочно обосновался в своем загородном доме. Но этого человека, поверь мне, ты будешь рада повидать. — С этими словами Джейн подошла к двери и открыла ее. В комнату вошла улыбающаяся Ева-Мария.

Фэрис вскочила ей навстречу.

— Ты здесь?! Каким образом? Почему ты не вернулась в Париж, чтобы усердно трудиться на благо правительства?

Ясные голубые глаза Евы-Марии весело засияли.

— Потому что в последние две недели я усердно трудилась здесь. Вчера закончила. Теперь учти, это между нами. Я уеду домой утром. Основную часть пути предстоит ехать поездом, но сначала мне придется успеть на один из этих маленьких разболтанных пароходиков до Варны. Я прихожу в ужас от этого путешествия. Меня на воде так тошнит. Что вы здесь делаете? Последнее, что я слышала, — это что ты наконец задала Менари взбучку, а декан выставила вас обеих. Дело того стоило?

— О, конечно. Джейн, ты гений, стол уже накрыли. Как тебе это удается?

Беседа за ужином была веселой и интересной. Ева-Мария рассказывала об Одиль, которая недавно работала вместе с ней в Рокамадуре. При этом она четыре раза уклонялась от ответа на вопросы о своих делах. Фэрис и Джейн честно поведали о своих приключениях и спросили у Евы-Марии совета. Та все больше и больше оживлялась. Наконец, за кофе и коньяком, она сдалась.

— Все это совершенно по секрету, имейте в виду.

Джейн и Фэрис с готовностью согласились.

— Правительство послало меня сюда в качестве услуги Аравилю. Они довольно часто сотрудничают с королевской семьей по тем или иным вопросам. Когда король сказал, что ему

нужен, э… технический советник, мои работодатели рады были ему помочь.

— Какого сорта совет хотел получить король от колдуньи Гринло? — удивилась Джейн. — Магический?

— Что-то вроде этого, — ответила Ева-Мария. — Полагаю, вы слышали о садах в Севенфолде?

— Севенфолд? Это загородный королевский дом? — спросила Фэрис.

— Можно назвать и так, — сухо сказала Джейн. — Если верить моему путеводителю, этот дом в три раза больше Галазон-Чейза. Сады проектировал Ле Нотр,[17] и их, по крайней мере, дважды восстанавливали до былого великолепия. Две реки повернули в новое русло, чтобы хорошо заиграли фонтаны. Можно назвать его загородным домом.

Ева-Мария снисходительно кивнула.

— Это не Воле-Виконт,[18] но, полагаю, он довольно величествен, это очевидно. Не самая лучшая работа Ле Нотра. Я должна была, в частности, оценить лабиринт и всю остальную территорию и выяснить, все ли работает по-прежнему хорошо.

Джейн вертела в пальцах бокал коньяка.

— Позволь мне догадаться. Усилия Ле Нотра в Версале и Кенсингтонских садах были не единственными его попытками вторгнуться в область нашей компетенции.

Ева-Мария кивнула.

— Как ты красиво выразилась.

— Погоди. Ты хотела сказать, что Версаль и Кенсингтонские сады заколдованы?

— О да. И если его гения проектировщика оказывалось недостаточно, Ле Нотр был талантливым магом, в чисто экспериментальной области. Он сделал кое-что очень интересное и в Тюильри тоже, — ответила Ева-Мария. — Я думаю, Воле-Виконт — его лучшее произведение, хотя, должна сознаться, там у него было больше материала для работы. Правда, идеальное место. И хороший заказчик тоже немаловажен.

— Как заколдован Версаль?

Ева-Мария слегка нахмурилась, силясь подобрать простые слова для технических объяснений.

— Все работы Ле Нотра были вариациями на одни и те же темы: гармония пропорции, игра с перспективой, ощущение времени. Ему особенно удавалось вызывать негативную реакцию на время и ощущение течения времени.

— Посетители его садов не хотят из них уходить, — объяснила Джейн.

— Ну, да, хотя это несколько прямолинейно, — сказала Ева-

Мария. — Он так идеально уравновесил свои сады в нескольких местах, что теоретически возможно видеть сквозь время. Я, правда, никогда не говорила ни с кем, испытавшим это на себе, но мне рассказывали, будто пропорции соблюдены настолько точно, что в Версале сто лет назад можно было встретить самого Ле Нотра, который вышел подышать воздухом через столетие после своей смерти.

Фэрис недоверчиво перевела взгляд с Евы-Марии на Джейн.

— Вы шутите.

— Я сказала — теоретически. — Ева-Мария улыбнулась. — Дело в том, что сады растут. Постепенно перспектива меняется, пропорции меняются. Теперь можно увидеть его шагающим по щиколотку в земле. Или услышать его, но не увидеть. И чудесно то, что даже если бы сам Ле Нотр был действительно там, он бы не захотел уходить.

— Даже через сто лет? — спросила Фэрис, подумав о Хиларионе.

— Ты не почувствовала бы этих ста лет. Ты бы стерла ноги до крови и не заметила этого, пока не ушла бы оттуда, — сказала Ева-Мария. — Но вот что действительно представляет интерес в Севенфолде — так это лабиринт.

— Лабиринт? Как Хэмптон-Корт? — спросила Джейн.

— Он больше похож на лабиринты Тройтауна в Англии, построенные из покрытых дерном валов. Его схема очень напоминает узор из камней, выложенный на полу Шартрского собора. Ле Нотр отчасти достигал желаемого эффекта при помощи кустарников, в этом здешний лабиринт похож на Хэмптон-Корт. Но он называется лабиринтом и, хотя это не лучшее произведение Ле Нотра, все же производит впечатление.

— Значит, он выдержал твою проверку? — спросила Джейн.

— Мне пришлось сделать некоторые небольшие поправки, как хотел король.

Фэрис усмехнулась.

— Не говори мне, что он вызвал колдунью Гринло из самого Парижа, чтобы подстричь свои кустарники. Как это похоже на Паганеля.

Но Ева-Мария осталась серьезной.

— Я всего лишь восстановила лабиринт в его первоначальном рабочем состоянии. Пропорции изменились, но теперь он почти такой, каким его задумал создатель. — Она поколебалась. — Это не моя тайна, и я не могу ее раскрыть, вы понимаете? И все же я нарушу оказанное мне доверие и расскажу вам вот о чем. Если будете в гостях у короля в Севенфолде, не входите в лабиринт. Потому что, если войдете, вы не выйдете оттуда, пока король

этого не пожелает.

На следующее утро Бринкер пригласил Фэрис к завтраку. Она приняла приглашение, хотя и не без подозрений, и после отъезда Евы-Марии прошла в роскошный номер, который занимали дядюшка с Агнес. Агнес плохо себя чувствовала и не вышла, поэтому Фэрис осталась наедине с Бринкером.

— Не правда ли, это проявление храбрости с моей стороны — принимать тебя без телохранителя? — заметил Бринкер, когда Фэрис подали еду. — Но я всегда славился храбростью.

— Ты не дождешься от меня извинений, поэтому оставь свои намеки. Во всяком случае, я ничуть не жалею, что сделала это. Ты меня спровоцировал.

— Знаю. Конечно, по моим представлениям, это не сулит ничего хорошего твоей карьере дипломата.

— И хорошо, если так. Моя карьера резко оборвется, как только я достигну совершеннолетия. Осталось три недели.

— Двадцать дней.

— Значит, ты тоже считаешь дни. Я тронута.

— Я с нетерпением жду этого дня. Поверь мне. А пока я очень хочу, чтобы ты как можно лучше выступила в роли посла Галазона. Ты планируешь уйти в отставку, достигнув совершеннолетия, независимо от того, как пойдут переговоры?

— Конечно нет. Но ты всерьез предполагаешь, что состоятся какие-то переговоры? Я даже не могу их начать, пока не вручу свои верительные грамоты, а король прячется где-то за пределами города.

— Я получил известие. Он возвращается завтра. После этого ты можешь сделать перед ним реверанс, когда я устрою тебе аудиенцию.

— Реверанс — не самое главное.

— Разумеется. — Казалось, Бринкера осенила неожиданная идея. — Не будешь ли ты чувствовать себя более уверенно, если тебя кто-нибудь потренирует? Я мог бы убедить Агнес кого-нибудь порекомендовать.

— Спасибо, не надо. Если я покажусь идиоткой, пусть это будет моей собственной виной.

Бринкер покровительственно улыбнулся ей.

— Восхитительная философия для человека, не занимающего государственный пост. Став совершеннолетней, я думаю, ты убедишься, что удобнее свалить вину на как можно большее число людей.

Фэрис язвительно улыбнулась в ответ.

— Какая в этом необходимость, пока у меня есть ты, чтобы

сваливать вину на тебя?

Назначенный для аудиенции день был солнечным, даже для Аравиля, и теплым не по сезону. К полудню Фэрис уже так нервничала, что не могла говорить. Она даже не способна была возразить, когда Джейн отобрала шерстяное платье, которое подруга выбрала, и заставила ее надеть строгий черный костюм. Джейн сделала вид, что не замечает тревоги герцогини.

— Я знаю, что ты не любишь носить красное. — Джейн застегнула красную перевязь на плече и на бедре у Фэрис. — Но эта перевязь выглядит слишком официально. Как жаль, что у тебя нет орденов, чтобы на нее приколоть. Вот, возьми перчатки. — Она отступила назад и полюбовалась переливами ткани. — Теперь шляпа, вот так. Очень мило.

Фэрис нашла зеркало и настороженно рассматривала свое отражение. Что ж, если не обращать внимания на то, как душит этот высокий белый воротник, костюм очень даже ничего. Хорошо хоть, с трудом, но удается сглотнуть.

— Ты уверена, что надо это надевать, когда вручаешь королю верительные грамоты?

Джейн кивнула.

— Женского эквивалента визитки не существует, к сожалению. Но могло быть и хуже. Представь себе шелковые чулки и атласные бриджи до колен. — Она подала Фэрис кожаную папку с ее верительными грамотами. — Национальный костюм тоже считается допустимым. Я так и вижу, как ты входишь к королю в сапогах и широких штанах, с пистолетом за поясом. — Она предостерегающе подняла руку, прежде чем Фэрис успела ответить. — Я знаю, тебе бы это понравилось, правда? Ну, уже слишком поздно. Ты готова.

Внизу на эспланаде ожидали дворцовая карета и эскорт под суровым надзором церемониймейстера, чтобы доставить посла из гостиницы в замок. Фэрис уселась в карету и сосредоточилась на том, чтобы не выпустить из рук свою папку, пока они медленно, с грохотом катили по улице.

Так как она была одна, в карете оставалось много свободного места. Хотя плюшевая обивка выцвела и истерлась, а вышитые золотом листья несколько поблекли, все было безупречно чистым и внутри и снаружи. Узкое сиденье оказалось твердым, как деревянная скамья, хотя местами его кожаная обивка слегка потрескалась и можно было видеть набивку из конского волоса. «Интересно, — подумала Фэрис, — все ли королевские экипажи такие изношенные? Или посла Галазона не сочли столь важной персоной, чтобы предоставить один из лучших?»

С прямой спиной, высоко поднятой головой, бледным лицом и влажными ладонями, одинокая Фэрис въехала в этой потрепанной роскоши в парадный двор замка. Карета остановилась. Гвардейцы взяли на караул, а военный оркестр сыграл «Да здравствует королева Матильда».

Это зрелище должно было произвести впечатление. И могло произвести, если бы Фэрис так не нервничала. Она была твердо намерена выполнить свою задачу: вручить королю верительные грамоты, не поставив в неловкое положение никого, особенно себя. Она с нетерпением ждала, когда слуги откроют дверцы кареты и помогут ей выйти. Ей хотелось поскорее покончить со всем этим. Такая мелочь, как военный оркестр, играющий древний гимн Лидии, не должна была отвлекать ее от предстоящего ритуала.

Фэрис перешла вслед за церемониймейстером, мужчиной с толстой шеей и очень красными ушами, из парадного двора в огромный зал и остановилась около лестницы, так идеально украшенной, будто она вышла из рук кондитера, и такой огромной, как из ночного кошмара.

У начала лестницы второй церемониймейстер принял Фэрис у первого. Он повел ее в торжественной тишине вверх по блестящим мраморным ступеням. Пол был скользким, и Фэрис опасалась упасть. Она как зачарованная не сводила взгляда с толстой шеи впереди идущего распорядителя и поднялась наверх без приключений.

На лестничной площадке произошла следующая передача Фэрис «по эстафете» — уже главному церемониймейстеру. Тот был обладателем длинной гривы черных волос, спускавшейся гораздо ниже воротника, поэтому не удалось определить, толстая у него шея или нет. Он провел герцогиню по длинной галерее, вдоль которой выстроились придворные.

В самом конце галереи стоял управляющий дворцом, совершенно лысый и с довольно желтым лицом. Он прошел впереди Фэрис в приемные покои короля и объявил:

— Ваше величество, прибыла ее превосходительство Фэрис Налланин, чрезвычайный и полномочный посол Галазона.

Король ответил любезным кивком.

— Добрый день. — Его голос звучал не слишком громко, но был странно пронзительным, такой слышен даже на большом расстоянии.

Фэрис без смущения разглядывала его. Джулиан Паганель, король Аравиля, был мужчиной за пятьдесят, может быть, на дюйм ниже ростом, чем она сама, но гораздо более массивным, с бочкообразной грудью. Зато благодаря гордо выпрямленной

спине жесткий воротник выглядел на нем как нельзя лучше. Наряд его величества мог бы показаться обычным для утра, если бы не вычурный сюртук — длинная визитка из переливчатого синего бархата. Фэрис могла только гадать, что сказала бы Джейн насчет этого костюма.

Синий цвет не шел королю. Широкое лицо Джулиана было покрыто красными пятнами, как у человека, который пьет много кларета и портвейна. Его волосы, когда-то блестящие и черные, теперь посеребрила седина. Темно-синие глаза проницательно смотрели на посла.

Фэрис приготовила под руководством Джейн обязательную речь насчет отношений между Галазоном и Аравилем, составленную из туманных фраз, но крайне учтивую. Теперь герцогиня набрала воздуха, чтобы начать.

Но король не дал ей возможности сказать ни слова. Он пошел по залу навстречу гостье.

— Добро пожаловать в Аравис, Фэрис Налланин. Надеюсь, вам у нас понравится.

Фэрис слишком нервничала, чтобы удержаться от вопроса:

— Почему?

Король казался удивленным.

— Потому что Аравиль может быть очень приятным местом. Возможно, он не похож на то, к чему вы привыкли, но мы думаем, для вас здесь найдется много развлечений.

Он улыбнулся Фэрис, однако ей показалось, что она заметила в его глазах настороженность. Он казался чем-то озабоченным, несмотря на всю его дружескую неофициальность.

Фэрис чудом удалось сдержаться, чтобы не ответить сердито: «Я сюда приехала не для того, чтобы развлекаться». Вместо этого она сказала:

— Я знаю, что вы лучше всех понимаете, сколько дел я оставила дома. Пока я смогу служить Галазону, я с удовольствием останусь здесь.

— Пускай Галазон и не ближайший наш сосед, он самый ценный для нас. Мы надеемся, что сможем сотрудничать с вами, как Галазон и Аравиль.

«Мы надеемся на большее», — подумала Фэрис.

— Я с радостью буду работать на благо Галазона.

Король рассмеялся. И хотя губы его были неприятно обвисшими, смех получился заразительным.

— Такое рвение. Но мы все же хотим развлечь вас. И имеем на это право, или хотя бы право попробовать.

Фэрис с опозданием вспомнила о папке под мышкой.

— Могу ли я? — Повинуясь кивку короля, она вручила ему

свои верительные грамоты.

Король принял их, даже не взглянув. Он не сводил глаз с Фэрис.

— Теперь вас внесут в список, и вы сможете трудиться столько, сколько пожелаете, если работа доставляет вам удовольствие. Вы должны нанести визиты другим послам как можно скорее. Сделайте это до Двенадцатой ночи.[19] Именно в этот день мы устраиваем новогодний бал-маскарад и приглашаем всех дипломатов. Даже ваш дядя будет присутствовать, если Агнес ему позволит. Там вас непременно должны развлечь.

— Кажется, мне нужно спешить.

Король снова улыбнулся и вызвал главного церемониймейстера. Идя за провожатым через ледяное совершенство дворцовых покоев, Фэрис с огорчением вспомнила, что забыла произнести свою речь.

Фэрис не могла отделаться от неприятного чувства досады в течение следующих пяти дней, хотя они были до предела заполнены светскими визитами и выслушиванием комплиментов. Даже самые несимпатичные из послов совсем не походили на разгневанную мадам Брачет. Фэрис быстро заняла подобающее ей положение в обществе, хотя у нее часто возникало ощущение, что она встала на то место, где кто-то уже стоит.

Как обнаружила Фэрис, благодаря то ли ее собственным усилиям, то ли стараниям Бринкера дипломатические круги Арависа с готовностью приняли ее. Уже через два дня почти каждое приглашение сулило ей встречу с королем. На официальных обедах, на музыкальных вечерах, в театре — она видела его повсюду. Он был неизменно любезен, твердо вознамерившись добиться того, чтобы она получила удовольствие от пребывания в Арависе, и его интерес к ней больше, чем что-либо другое, обеспечивал успех герцогини в обществе. Фэрис положилась на уроки мадам Брачет и гениальность Джейн Брейлсфорд в подборе нарядов. Но хотя она вела себя правильно, все же не могла избавиться от ощущения, что во внимании к ней короля кроется нечто большее, чем простая учтивость. Это ее смущало. С другой стороны, почти все в Арависе ее смущало.

Аравис был гораздо меньше Парижа и гораздо больше Гринло, и он казался ей очень странным. Узкие улицы и высокие стены закрывали большую часть неба, и поэтому в нем было трудно находить дорогу. Днем и ночью стоял шум, даже на эспланаде. Кое-где улицы становились очень грязными, и ужасный запах было трудно вынести даже во время зимнего холода. В другое время года специально обученные люди открывали таинственные цистерны под городом и промывали

водой сточные канавы, которые на несколько часов становились чистыми.

Фэрис восхитилась водопроводом, который увидела в Арависе, смирилась с путаницей незнакомых улиц, раскинувшихся ниже эспланады, и притерпелась к шуму. Но она никак не могла свыкнуться с самим замком.

Он поднимался над городом, несокрушимый на вид, как горный утес. Но горные утесы не имеют окон, прорубленных в сплошной скале. Горные утесы не бывают всегда окружены кольцом тумана у самой вершины, вне зависимости от погоды. Горные утесы не рождают ощущения, будто глаза видят больше, чем есть на самом деле.

А у Фэрис возникало именно такое ощущение всякий раз, когда она долго смотрела в сторону замка. Ей казалось, что выше нескольких нижних уровней замка ничего нет. Все эти крыши, дымовые трубы, крепостные стены и сторожевые башни — лишь игра ее воображения. Если она смотрела краем глаза, они оставались на месте, но все равно не убеждали.

Фэрис обсуждала свои впечатления с Джейн и больше ни с кем. Джейн нашла их интересными и высказана предположение, что всему виной может быть разлом. Фэрис же списывала такие видения на усталость, а еще это было как-то связано со снами, приходившими к ней каждую ночь.

Она всегда видела сны. Когда она жила в Гринло, ей снился исключительно Галазон, и она почти забыла, что может сниться что-то другое. Но в Арависе она вместо Галазона неизменно видела во сне замок.

Ночь за ночью она проходила по его залам к началу белой лестницы, ведущей в приемные покои короля. Иногда она шла пешком. Иногда ехала в дворцовой карете на жестком сиденье. Иногда — в крытой двуколке, обычно сидя рядом с Тирианом, а один раз без сопровождения, но с ощущением грозящей гибели.

Ночь за ночью она шагала по залам, увешанным синими с золотом коврами, и оказывалась в бесконечных извилистых переходах, которые вели ее туда, куда она идти не хотела. В этих снах у нее возникало ощущение, что переходы проложены по какой-то определенной схеме, но она никак не могла ее разгадать. Отчаявшись, она поворачивала и возвращалась назад, останавливалась у пересечения коридоров и напряженно пыталась вспомнить эту схему, которая все время была где-то рядом, и с уверенностью каждого спящего знала, что видела ее полностью не так давно. И все же она не могла никуда попасть и лишь глубже погружалась в неразбериху, которую сотворила. И радовалась пробуждению.

Джейн воспринимала сложности дипломатического протокола в Арависе как приятное разнообразие после необходимости отдавать приказы гостиничным служащим. Она сопровождала Фэрис на те светские приемы, где обязательно было присутствие дуэньи. Так как Фэрис была лет на двадцать моложе самого молодого посла и лет на сорок моложе большинства остальных, она считала компанию Джейн совершенно необходимой. Но иногда все же приходилось выезжать в одиночку, как в том случае, когда испанский посол пригласил всех дипломатов на охоту.

— Я объяснила, что не держу здесь лошадей, — сказала Фэрис подруге поздно вечером накануне охоты. — Он обещал мне коня из собственной конюшни. Там будет весь дипломатический корпус. И сам король должен быть. Они явно большие приятели. Испанский посол живет в загородном доме почти рядом с ним. Как бы мне повежливее отказаться?

— Я думала, тебе нравится охота.

— Нравится. Но не тогда, когда мне жалко лисицу. Я думаю, это приглашение из того же источника, что и ложа австрийского посольства в опере, куда совершенно случайно заглянул король, и музыкальный вечер в датском посольстве, где король наговорил комплиментов жене посла и попросил ее спеть галазонские баллады. К счастью, она их не знала. Есть довольно много баллад, в которых упоминается Аравиль, и почти все они крайне оскорбительны.

— Ты могла бы заболеть. Дай подумать. Есть несколько недомоганий, которые никогда не подводят. Как насчет старого доброго приступа радикулита?

— Как быстро я смогу поправиться? Бал Двенадцатой ночи меньше чем через неделю. Смогу ли я танцевать так скоро после приступа радикулита?

— Значит, не радикулит. — Джейн задумалась. — И все же жаль будет там не появиться, по крайней мере. Тебе так идет костюм для верховой езды. Почему бы тебе просто не упасть у первой же изгороди?

Фэрис опустилась на кресло у окна.

— А потом?

— О господи. Думаю, его величество героически тебя спасет. — Джейн рассеянно нахмурилась, глядя в камин. — Он и правда так ужасен?

Фэрис устало потерла лоб.

— Нет. Возможно, нет. Но у него слишком красные губы, а нижняя губа к тому же отвисла. И я слегка опасаюсь, как бы он не довел себя на охоте до сердечного приступа.

Ранним утром следующего дня Фэрис выехала на охоту вместе с остальными приглашенными. Чистое небо над головой обещало холодный и ясный день, хотя над землей еще висела дымка. Было слишком туманно, чтобы ясно видеть, и слишком холодно, чтобы стремиться к общению, но Фэрис изо всех сил старалась казаться любезной. Перспектива охотиться в чужой стране, сидя на незнакомой лошади, угнетала Фэрис, и то, как хорошо смотрится на ней новый костюм для верховой езды, не могло ее ободрить.

Она знала, что к ее наружности нельзя придраться: ни к надетому слегка набок высокому цилиндру с кокетливой вуалью из тюля, ни к сеточке для волос, в которую были уложены ее непокорные локоны, ни к перчаткам из юфти, ни к начищенным до блеска сапожкам. Дамское седло все-таки выгодно подчеркивает красивую внешность. Если надо спешить, садись верхом, так надежнее. Но если хочешь пленить чье-либо воображение — дамское седло незаменимо.

Испанский посол, очевидно, решил, что она должна украшать собой их кортеж, так как предоставил самого крупного коня, на которого ей когда-либо доводилось садиться, — превосходного гнедого мерина с шеей, изогнутой как у карусельной лошадки. Он был таким огромным, что, возможно, Фэрис на нем выглядела даже хрупкой.

— Триумф эстетики, — пробормотала она, а гнедой топнул копытом и закусил удила.

— Прошу прощения? — Всадница рядом с ней оказалась американкой, женой датского посла. — Вы что-то сказали? — Она была слишком поглощена непослушанием своей собственной лошади, чтобы обратить внимание на высказывания Фэрис.

— Прекрасное утро, я сказала.

— Прекрасное, чтобы спать. И все же это лучше, чем стрелять. Если мы будем двигаться, то не замерзнем.

Беседуя, они выехали вслед за остальными охотниками со двора «Крейла», необычайно уродливого загородного посольского особняка. Далеко впереди бежала стая охотничьих собак под присмотром егерей. Позади вели запасных коней, и среди слуг были Рид и Тириан, к тайному облегчению Фэрис.

— Вы часто здесь охотитесь? — спросила Фэрис, надеясь получить совет по поводу местности.

Жена посла грациозно дернула плечиком.

— Я собираюсь следовать за остальными до первой аллеи, а там внезапно обнаружу, что бедное животное немного захромало. Я вернусь раньше, чем уберут тарелки после завтрака.

Послышался знакомый голос, низкий, как фагот, но при этом пронзительный, как гобой.

— Мы передадим вашему мужу эти слова. — К ним сзади подъехал король. Его костюм для охоты можно было назвать почти идеальным. Почти. Обычные темно-желтый жилет и красный сюртук сменились нарядом бутылочно-зеленого цвета. Ткань жилета напомнила Фэрис внутреннюю обивку дворцовой кареты, еще не выцветшую от времени.

— Вы его не удивите, — заметила жена посла.

— А вы его не станете тревожить, мы надеемся. В конце концов, мы здесь для того, чтобы получать удовольствие. Мы будем сопровождать вас и юную Фэрис. Никогда не помешает иметь преданного кавалера, который будет открывать перед вами ворота. И позовет на помощь, если нужно.

Фэрис пристально посмотрела на него, но предпочла утаить свое мнение по этому поводу. Вслух она спросила лишь:

— Какова здесь местность?

— Красивые высокие холмы. Охота должна быть отличной, если собаки найдут дичь.

— Что здесь растет? — спросила Фэрис. — Поля сейчас под паром, или нам надо быть осторожными, чтобы не затоптать пашню?

Король казался удивленным.

— Мы приехали охотиться, а не заниматься сельским хозяйством. — Увидев внезапно изменившееся выражение лица Фэрис, он прибавил извиняющимся тоном: — Нам следовало сказать, что мы здесь для того, чтобы получать удовольствие от охоты. И мы знаем, что получим его в вашем обществе. Не беспокойтесь о том, что пропустите добычу. Мы просто приложим все усилия, чтобы развлечься вместе.

«Значит, приложим все усилия?» Фэрис смотрела в промежуток между ушами своего гнедого и пыталась сохранить вежливое выражение лица.

«Если позволят лисица, собаки и кони, я сделаю все возможное, чтобы ты оказался в канаве, король, которому на все наплевать. Будешь знать, как опекать меня!» Гнев смыл ее беспокойство, и впервые после приезда в Аравиль герцогиня почувствовала себя совершенно самой собой, свободной и разгневанной.

— Вы часто охотитесь? — К собственному удивлению, ее голос звучал вполне любезно.

— Несколько последних сезонов — не слишком часто, но выбираемся, когда можем. Врачи говорят, свежий воздух нам полезен.

Они достигли леса, где скрывались лисы, и придержали коней. Егеря осторожно погнали собак в глубь. Другие всадники рассредоточились вдоль опушки. Позиции были выбраны отчасти в соответствии с охотничьим этикетом, а отчасти в соответствии со стратегией, так как хорошая стартовая позиция могла оказаться решающей для погони. Кажется, на сей раз протокол и титулы не имели значения.

Фэрис позволила королю выбрать себе место и остановила гнедого рядом с ним. Она почти привыкла к чужому дамскому седлу. Гнедой был покладистым, и она уже воспринимала ритм его движения позвоночником и запястьями.

— Мы стараемся выезжать на охоту два-три раза в неделю в сезон, — продолжал беседу король. — Это, во-первых, хороший предлог игнорировать утомительные аудиенции. А во-вторых, интерес правителя к спорту производит хорошее впечатление на подданных.

— Вот речь истинного короля, — пробормотала Фэрис.

К счастью, ее слова потонули в сигнале охотничьего рожка. Собаки громко залаяли вразнобой, и этот галдеж невольно напомнил Фэрис крики пролетающих диких гусей.

— Ушла! — взвизгнула жена посла.

— Оставайтесь рядом с нами, — сказал король Фэрис. — Мы проследим, чтобы с вами ничего не случилось.

Презрительно прищурившись, Фэрис пришпорила гнедого и оставила позади их обоих. Пора, в конце концов, показать, на что она способна.

Фэрис понеслась по полю, через каменистый выгон рядом с лесом и влетела в распахнутые ворота. За ней скакали другие всадники, поэтому она оставила ворота открытыми. За ними лежало еще одно пастбище, потом, отделенное каменной стеной, следующее пастбище. Фэрис подождала своей очереди, и гнедой легко перенес ее через преграду. Далеко впереди она видела стаю гончих, казавшихся ярко-белыми на фоне бурой травы. Гончие неслись впереди охотников. Лисы пока нигде не мелькали.

Грохот копыт и свист ветра в ушах не могли заглушить дикий лай собачьей стаи. Возбужденная скачкой, Фэрис забыла обо всех неприятностях. Она была одна, и она была свободна.

В дальнем конце последнего пастбища виднелась очередная каменная стена, немного выше первой. Лошади охотников прыгнули через нее. Фэрис послала гнедого за ними, и он с легкостью преодолел барьер. В течение следующих пятнадцати минут ее конь настигал загонщиков с такой быстротой, что Фэрис слегка его придержала. Не годится скакать впереди всей

компании.

Гнедой слушался ее, пока они не достигли первого высокого берега. Здесь он перестал обращать внимание на желание наездницы выбрать более легкий путь. Он просто перемахнул через самую высокую точку с легкостью оленя и понесся к узкой дороге внизу, вызывая у Фэрис ощущение, будто ее грациозным пинком спустили с лестницы. Она взяла себя в руки и позволила коню догонять охотников, если уж ему так хочется. Бросив взгляд назад, она увидела, что все остальные тоже взбираются по склону. Короля среди сутолоки она не заметила.

Собаки вели ее за собой по дороге и через поле, где были посажены репа и брюква. Фэрис, с ее любовью к земледелию, не могла скакать прямо по полю и принудила гнедого обогнуть его и присоединиться к преследователям на другой стороне. Остальные охотники проскакали прямиком по посевам. Фэрис презрительно усмехнулась и дала гнедому самому выбрать аллюр.

Двадцать минут спустя ее конь спустился еще с одного крутого берега и переправился через мутный поток. Утренний туман по-прежнему висел в неглубокой долине, где протекал ручей. Фэрис пришлось часто моргать, чтобы выбрать лучшую дорогу вверх по противоположному склону.

Выбравшись из тумана, она натянула поводья. Охотников не было видно, зато было слышно. Собаки лаяли впереди, немного левее. По плеску она определила, что не все смогли пересечь ручей так же аккуратно, как ее гнедой. Фэрис ехидно улыбнулась.

Впереди широко раскинулись уходящие вдаль луга. Фэрис пришла к выводу, что охотники, которые только что скакали по посевам, конечно же, проедут прямо по ухоженной траве. Она по звуку прикинула местонахождение стаи и послала гнедого за ней.

Поднявшись на холм, Фэрис увидела слева, у ручья, охотников, а справа — ту самую реку, в которую впадал ручей. Прямо же перед ней, в центре математически правильно разбитого сада, возвышался особняк из красного кирпича под шиферной крышей, напоминающей серо-голубую чешую.

Фэрис посмотрела на сад и поморщилась при мысли об уроне, который нанесут ему охотники. Сад был разделен гармоничной сетью изгородей из бирючины, вдали просматривались аллея статуй и фонтан. В самом центре естественные изгороди переходили в нагромождение стен, которое образовывало лабиринт. Фэрис вспомнила предостережение Евы-Марии, так как перед ней, несомненно, был Севенфолд.

Гончие громко лаяли, чуя близкую добычу. На краю сада они остановились. Егеря изо всех сил старались собрать стаю. Но из

каждого куста — казалось, из каждой тени — выбегали лисы. Не одна, не дюжина, а тридцать или сорок лисиц.

Собаки обезумели, каждая бросилась в погоню за своей лисой и совершенно не обращала внимания на егерей. Егеря с руганью бежали следом, свистели и кричали. Остальных охотников встревожило внезапное появление и столь же внезапное исчезновение лис. Их кони тоже понеслись в разные стороны. Фэрис твердой рукой удерживала на месте своего гнедого и наблюдала за царящим хаосом.

Через несколько минут сад оказался в полном ее распоряжении. От охотников остался только замирающий топот копыт в тумане за ручьем. Фэрис не пришло в голову повернуть коня и последовать за ними.

Внезапно девушка застыла на месте. Здесь было нечто большее, чем лисы. Она смотрела на симметричный сад так же пристально, как охотники раньше осматривали лесную чащу: ей показалось, что план этого сада был именно тем, что возникал в ее снах. Если бы она могла пройти по нему наяву, возможно, избавилась бы от навязчивых сновидений.

Шли минуты. Гнедой вскинул голову, уздечка звякнула. Фэрис успокоил этот тихий звук в царящей здесь полной тишине. Не слышно было ни журчания фонтана, ни плеска ручья. Она послала гнедого шагом по направлению к дому. Кроме медленного, ровного стука его копыт, не слышно было никаких звуков.

Спустившись в сад, Фэрис почувствовала, как туман сомкнулся вокруг нее. Он был холодным, и ей показалось, что в нем ощущается слабый едкий запах, неприятно напоминающий запах земли в лисьей норе. К тому моменту, когда она подъехала к лабиринту, аллея статуй уже почти растворилась в белом мареве. Как исчезли все звуки, кроме стука копыт, так же исчезло из вида все, кроме стен из бирючины.

С высоты седла Фэрис видела свой путь через лабиринт, но весь остальной мир исчез. Гнедой поворачивал и возвращался назад по своим следам, когда того требовал маршрут. В центре лабиринта, где проход расширялся, конь остановился.

Не чувствуя удивления, которое посещало ее во сне, Фэрис узнала девушку, которая, закутавшись в накидку с капюшоном, ждала ее в центре лабиринта. Эта стройная девушка небольшого роста откинула капюшон и насмешливо улыбнулась Фэрис.

— Значит, слухи все-таки оказались правдой. Я думала, это невозможно. Ты приехала искать свою судьбу в Аравиль, — произнесла Менари Паганель.

Фэрис удерживала гнедого на месте. Она не хотела отступать

и не могла ехать вперед. Разве только затоптать Менари. Часть ее сознания была занята расчетами, насколько она бы выиграла, если бы сделала это.

— Вижу, тебе по-прежнему нравятся сады, — заметила Фэрис.

Менари пристально смотрела на герцогиню. Слабая морщинка появилась у нее между бровями, словно она подозревала в словах тайный смысл.

— О да, больше всего прочего. Почти. Если ты приехала со светским визитом, то слезай с коня. Мы прогуляемся вместе, я покажу тебе мой сад.

— Нет, благодарю. Я останусь на коне. — Фэрис внимательно посмотрела на Менари и поняла, что та носит парик. Он был прекрасно изготовлен и очень натурален. Фэрис, не искушенная в таких вещах, никогда бы не догадалась о парике, если бы он был сделан под цвет собственных русых волос Менари. Но он имел рыжий оттенок, очень близкий к тону волос самой Фэрис. Она спросила себя, не является ли это завуалированным оскорблением, и поскольку смутно чувствовала себя оскорбленной, то решила, что так оно и есть.

— Это твой сад? Вообще-то я думаю, что он принадлежит твоему отцу. Это ведь Севенфолд, не так ли?

— Да. Отец решил, что я должна им владеть. Он хочет как-то вознаградить меня за то, что отозвал из Парижа. Ведь я прекрасно проводила там время. Устраивала кое-какие дела. Ты не встречала нанятых мною людей? Они должны были нанести тебе визит. Наверное, ты покинула Париж раньше, чем они смогли это сделать.

Усилием воли Фэрис сдержала дрожь в руках. Она хотела сжать кулаки, но опасалась встревожить гнедого.

— Не знаю, встречала я их или нет. Кто они такие?

Невозможно было ошибиться: Менари обрадовалась при виде смущения Фэрис.

— О, я не знаю их имен. Я имела дело с агентством. Все, что им нужно, — это точное описание и много наличных. Я дала им кое-какие полезные приспособления, но, очевидно, они не сумели правильно ими воспользоваться.

Фэрис казалось, что она сидит неподвижно, но гнедой беспокойно переступил с ноги на ногу.

— Нечто вроде конского волоса?

— Это выглядело как конский волос. Так и знала, что мне следует взять все в свои руки. Придется потребовать деньги назад, раз мое поручение не выполнили. — Произнося это, Менари улыбалась Фэрис снизу вверх и особо подчеркнула последние слова.

Фэрис рассмеялась, и гнедой слегка вздрогнул. Менари шире раскрыла глаза, перестав улыбаться.

Наконец Фэрис, отсмеявшись, смогла заговорить.

— Один из твоих наемников больше никогда ничего не сможет выполнить. Знаешь почему? Из-за моего дяди.

Глаза Менари были полны раздражения.

— Над чем ты смеешься? При чем тут твой дядя?

Фэрис покачала головой.

— Ничего. Ничего. — Ей удалось подавить новый приступ смеха.

Маленький лисенок, ярко-рыжий, как дворовый кот, проскользнул сквозь живую изгородь и уселся у ног Менари, весело пыхтя. Она нагнулась и почесала его за ухом. Он уронил несколько жестких шерстинок на подол черной накидки Менари. Фэрис с недоверием смотрела на него. Он выглядел как лисенок.

Менари заметила взгляд Фэрис и презрительно изогнула губы. Потом опустилась на колени и нагнула голову, словно слушала лисенка.

— Все благополучно спрятались в норы, а собаки остались вынюхивать? Отлично. Я знаю один курятник неподалеку отсюда. А, ты о нем слышал? Очень хорошо. Скажи им, что тебя прислала я.

Лисенок убежал, улыбка на его мордочке была почти человеческой. Менари встала.

— А кто тебя сюда прислал, интересно?

— Никто.

— Декан Гринло? — размышляла Менари. — Нет, мы с ней договорились…

— Я сама нашла дорогу.

Казалось, Менари потеряла терпение.

— Ты не могла.

В раздражении Фэрис пожала плечами.

— Если ты настаиваешь.

Менари казалась крайне рассерженной.

— Тогда почему ты здесь?

После нескольких секунд размышления, в течение которых Фэрис решила, что честность не может ей навредить, она ответила:

— Из любопытства.

Как только произнесла это слово, она поняла что совершила ошибку. Глаза Менари широко раскрылись, она отшатнулась, словно ее ударили.

— Тогда пойдем смотреть на львов, если тебе нравится наблюдать за теми, кого заперли. — Она сделала грациозный шаг

к гнедому, положила ладонь на его шею и прошипела ему в ухо одно слово.

Конь взвился на дыбы, словно вспугнутый фазан. Фэрис прилагала все усилия, чтобы удержаться в седле, уже не опасаясь затоптать Менари. Но каким-то образом, когда гнедой опустился на все четыре копыта, Менари уже не было на его пути. Ничего, кроме стен лабиринта из бирючины, не препятствовало эффектному прыжку. Фэрис крепко держалась в седле, она твердо решила, что должна выжить, побывав в лабиринте Ле Нотра.

Гнедой проехался боком сначала по одной стене растительного коридора, потом по другой, пока скакал к выходу. За пределами лабиринта туман слегка рассеялся, и они смогли не налетать на статуи. Конь перепрыгнул через фонтан так легко, будто это было водное препятствие на спортивных соревнованиях, и без видимых усилий преодолел ограду из кованого железа. После этого ему оставалось лишь переправиться через ручей, взобраться на берег и со всех ног ускакать прочь от Севенфолда.

Глава 13
Двенадцатая ночь

Когда Фэрис вернулась в «Метрополь», Джейн там не было. К моменту ее прихода герцогиня уже переоделась в свое любимое шерстяное платье и нервно мерила шагами комнату. Она рассказала новости Риду и Тириану по дороге назад в Аравис, и теперь, пока они пытались узнать, что делает Менари в Севенфолде, ей ничего другого не оставалось, как ждать Джейн.

Джейн вошла в номер, сосредоточенно расстегивая пуговки на перчатках, за ней следовал один из слуг Бринкера, который нес охапку свертков странной формы. При виде выражения лица Фэрис подруга остановилась:

— Что случилось?

Фэрис начала было отвечать, но осеклась, глядя на сопровождающего Джейн слугу.

— Положите все на стол, — сказала ему Джейн, — и можете идти.

Когда парень послушно повернулся к двери, Фэрис жестом остановила его.

— Как только Рид и Тириан вернутся, попросите их прийти ко мне сюда.

Сопровождающий кивнул и вышел. Когда они остались одни, Фэрис продолжила:

— Я встретила в Севенфолде Менари. Она наняла Копенгагена и остальных, чтобы убить меня. Не дядя Бринкер. Все-таки это был не дядя Бринкер.

— О господи! — Джейн уронила перчатки. Какое-то мгновение она смотрела на Фэрис, потом, придя в себя, подняла их. — Кто тебе это сказал?

— Она сама.

— Менари? — Джейн нахмурилась. — И где именно в Севенфолде вы встретились?

— В лабиринте. — Фэрис снова зашагала по комнате. — Ты понимаешь, что это значит? Он спас мне жизнь.

— Что ты делала в лабиринте Севенфолда? Ты сказала, что тебе придется поехать на охоту вместе с испанским послом.

— О, посол! Они с королем действительно закадычные друзья. Вероятно, поэтому он выбрал загородный дом так близко от Севенфолда. Во всяком случае, я была на охоте. Менари не потеряла интереса к животным. Она вступила в сговор с сотней лис, не меньше, и я не думаю, что собаки или егеря когда-нибудь

после этого оправятся. — Фэрис поколебалась. — Мне кажется, это были лисы.

Джейн искоса взглянула на нее.

— Настоящие лисы. Не моряки или еще кто-нибудь.

— Да постой ты хоть минутку. Перестань отвлекать меня лисами и отвечай. Что ты делала в Севенфолде?

Фэрис остановилась.

— Именно там проходила охота. Это недалеко от «Крейла». Когда остальные охотники… гм… рассеялись, я поехала вперед.

— Что на тебя нашло? Ты заблудилась? Разве ты не помнишь, что говорила Ева-Мария?

— Я очень хорошо помнила, что говорила Ева-Мария. Король даже не знал, что я была там. А если бы и знал, не думаю, что захотел бы оставить меня в лабиринте.

— Ох, Фэрис, подумай хорошенько. Что ты мне все время говорила о его старческой галантности?

Фэрис улыбнулась.

— Он действительно старый. Ты и правда думаешь, что его величеству нравится ловить девушек в саду, как паук ловит мух? Даже будь у него подобные наклонности, как насчет его достоинства? Он слишком полон сознания собственной значительности, чтобы прибегать к таким средствам.

— Тогда почему он приложил столько усилий, чтобы вернуть лабиринт в рабочее состояние?

— Он подарил его Менари, будто она и без того не наделала бед.

Фэрис заставила Джейн сесть, потом подробно рассказала о своем разговоре с Менари.

Джейн прищурилась.

— Я этому не верю. Если Менари только что получила в подарок любимый загородный дом короля, почему она не занята переездом или муштрой слуг? Почему она была в лабиринте, а не в другом месте, и общалась с диким животным, от которого можно запросто нахватать блох? И почему, если она действительно теперь владеет этим поместьем, она была в таком плохом настроении?

— Ну, — Фэрис виновато потупилась, — там же была я.

— Да, была. И она ничего не предприняла, хотя и хвасталась, что пыталась организовать твое убийство. Какая сдержанность. Совсем не похоже на Менари, правда?

— Она все же сказала что-то такое, что взбудоражило моего коня.

— Я ожидала от Менари чего-то более решительного, если это было в ее силах, — непонятно возразила Джейн.

— А это в ее силах? Разве декан об этом не позаботилась?

— Когда декан исключила Менари, она отобрала у нее магическую силу, которую та приобрела в Гринло. И все же подумай, как легко Поганка нарушала правила, даже внутри охранной зоны колледжа, — Джейн покачала головой. — Декан мне говорила, что до конца вашего первого учебного года, когда ты осталась на лето, а Менари уехала, она считала, что Паганель и есть та, кого ждет Хиларион. У нее большой потенциал, считала декан. И ту магию, которую она с собой привезла, она, вероятно, сохранила. — Джейн помолчала, как будто отмеривала слова, подобно лекарству. — Если даже декан Гринло не уверена, что способна сотворить Менари, пользуясь своей магией, что, по-твоему, думает о ее поведении отец?

— Значит, он подарил ей загородный дом, чтобы она была при деле и не мешала ему?

Джейн снова покачала головой.

— Думаю, она солгала и он вовсе не дарил ей Севенфолд. Он отдал ее Севенфолду. Может быть, она там под арестом.

— Зачем ему пытаться посадить в тюрьму собственную дочь? А если она так сильна, как он может быть уверен в успехе?

— Если бы ты пыталась править страной, ты бы хотела, чтобы Менари оставалась на свободе и превращала людей в животных?

— Тогда зачем он вызвал ее домой из Парижа?

— А ты бы предпочла, чтобы она там гуляла на свободе? И он принял меры, чтобы быть уверенным: она заперта надежно. Он послал за Евой-Марией.

— Но добился ли он успеха? Достаточно ли прочен лабиринт, чтобы удержать там Менари? Ле Нотр уже давно мертв.

— Но ведь она там?

— Зачем все-таки ему нужно держать ее там? — продолжала недоумевать Фэрис. — Он ее отец. Она должна поступать так, как он ей велит.

— Неужели? — цинично усмехнулась Джейн. — А ты поступаешь так, как велит Бринкер?

Стук в дверь прервал их.

Вошли Рид и Тириан, оба явно в хорошем настроении. Рид все еще был в костюме для верховой езды, как того требовали его обязанности слуги на охоте. Тириан снова облачился в обычную черную одежду.

— Заприте дверь, — велела им Фэрис. — Узнали что-нибудь полезное? Кажется, Джейн поняла, почему Менари торчит в Севенфолде. А я бы пока хотела выяснить, что думает Менари о цели моего приезда сюда. К сожалению, помочь вам ничем не могу: должна ехать на ужин к датскому послу.

Она осеклась и попыталась не выдать удивления, когда Тириан вдруг откашлялся, явно собираясь заговорить.

— Я сумел навести кое-какие справки, — начал он. Всегда сдержанный, после их приезда в Аравиль телохранитель стал совсем молчаливым. Любое его высказывание превращалось в событие. — По приказу короля Менари вызвали из Парижа. Она прибыла в Аравиль в один день с нами. Король принял ее в загородной резиденции. Неофициально она там до сих пор и находится под домашним арестом. Официально же она должна вернуться из Гринло только в конце семестра, после летнего солнцестояния, когда ей положено закончить школу.

— Домашний арест? — Рид покачал головой. — Наверное, она слишком весело проводила время в Париже. Я слышал, что частенько от нее приходили телеграммы с требованием денег.

— Если ее будут держать от нас подальше, пока не минет Двенадцатая ночь, то нам не придется менять план, — сказала Джейн.

— Вы думаете, домашний арест в Севенфолде не позволит ей помешать нам? — спросил Тириан.

— В деле «Ева-Мария и Андре Ле Нотр против Менари Паганель» я всегда поставлю на Еву-Марию и Андре Ле Нотра, — ответила Джейн.

— Но готовы ли мы к Двенадцатой ночи? — спросил Рид. — У нас не слишком удачный план, правда? Подменить одну даму другой, и пусть все гости смотрят на Джейн и думают, что смотрят на Фэрис. Я договорился о костюмах, как мне велели. Но мы ведь пока даже не знаем точно, где находится разлом.

Джейн выбрала из груды свертков на столе рядом с ней один, в котором оказался цилиндр длиной с ее руку, аккуратно завернутый в оберточную бумагу.

— Вот мелочь, которая может нам пригодиться.

Она развернула бумагу, отодвинула в сторону лампу, чтобы освободить место на столе, и отложила цилиндр. На бумаге была нарисована красочная карта Арависа, над которым возвышался замок. А на полях размещались подробно выполненные планы каждого из уровней замка.

— Я изучала маленькую карту-раскладушку в моем путеводителе, пока у меня в глазах не зарябило. Эта карта поможет нам гораздо больше.

Фэрис уставилась на карту, потом на Джейн.

— Где ты ее достала?

— Карту? — Джейн виновато улыбнулась. — Я давно хотела тебе рассказать. Когда дядя Амброуз услышал, что я собираюсь посетить Аравис, он попросил меня выполнить пару поручений,

пока я там буду. Чтобы убедиться, что все пройдет гладко, он свел меня кое с кем в Арависе. Эта карта от них. Кажется, они очень рады быть полезными.

Фэрис медленно кивнула.

— Ах, да. Твой дядя, который ввозит контрабандой табак через дипломатическую почту. Дядя Амброуз не имеет, случайно, отношения к дипломатическому корпусу? Пли к аккуратно подшитому докладу о политическом климате в Аравиле?

Джейн напустила на себя скромный вид.

— Это сэр Амброуз Хей, посол Британии во Франции, — счел нужным сообщить герцогине Тириан. Увидев изумленное лицо Джейн, он прибавил: — Я навел кое-какие справки, пока мы жили в Париже.

Фэрис холодно спросила:

— Поэтому ты так стремилась поехать вместе со мной ко мне домой?

— О, не сердись. Я бы поехала с тобой в любом случае. Собственно говоря, я не делала совершенно ничего такого, чего не сделала, если бы дяди Амброуза не существовало. Но иметь здесь друзей действительно полезно.

И какие же поручения ты для него выполняешь?

— Гавань Шене очень глубокая, и на всем побережье нет лучше места для заправки флота топливом. А с тех пор как Паганели заняли трон в Аравиле, они относятся к нам не так дружелюбно, как к туркам и персам.

— Значит, вы шпионка, — заключил Рид.

Джейн с негодованием выпрямилась.

— Вовсе нет. Я здесь для того, чтобы помочь Фэрис. — Внезапно ее негодование улетучилось, голос стал бесстрастным, а лицо равнодушным. — Хотя в случае спорного наследования, как мне сказали, британское правительство готово проявить щедрость по отношению к законному наследнику.

— При условии, что законный наследник проявит щедрость к ним, — закончила Фэрис. — Ох, Джейн.

Подруга-наставница по-прежнему бесстрастно смотрела на нее.

Фэрис вздохнула.

— Ты ведь понимаешь, правда, что я не распоряжаюсь Шене? Если бы у Галазона нашлись гавани глубиной пятьдесят футов, то британский флот мог бы заходить в любую из них. Но у Галазона их нет. А у меня есть только Галазон.

Джейн, казалось, почувствовала облегчение.

— Вообще-то я это заметила. Как ни люблю я дядю Амброуза, до гавани мне нет дела. А вот до разлома — есть. Я здесь, чтобы

помочь тебе, если смогу. Ты собираешься взглянуть на карту или нет?

Все четверо склонились над бумагой.

— Это копия оригинала конца восемнадцатого века, принадлежащего Британскому музею. Я хотела найти точный план этажей, составленный задолго до того, как образовался разлом.

— Вот тронный зал, — сказала Фэрис, рассматривая карту. — Не вижу ничего, что называлось бы «лестницей хранительницы». Ты уверена, что этажей не больше?

— Я бы сказала — меньше, — ответила Джейн, — хотя может оказаться, что некоторые пропали в разломе.

— Должно быть, примерно здесь сейчас находятся львы, — заметил Рид, постучав указательным пальцем по изображению замка.

— Львы? — повернулась к нему Фэрис. — Там действительно есть львы?

— О да. Можно сказать, сторожевые львы. Некоторые части замка разрушены. Люди забредают в старые покои и подворачивают ноги. Стражники не слишком заботились о заблудившихся посетителях, поэтому несколько лет назад кого-то осенила светлая мысль. Они выписали львят, вырастили их и поселили в опасных зонах.

— Замечательный способ отпугнуть людей, — сухо заметила Фэрис, — и очень подходит для Паганелей. А я подумала, что львы — это полет фантазии Менари.

— Но ничего не получилось, продолжал Рид. Люди не перестали приходить. Теперь они шли посмотреть на львов с безопасного расстояния.

Джейн подняла глаза от карты, чуть не мурлыча от удовольствия.

— Ваш указательный палец уперся точно в тронный зал, Рид. Как интересно.

Рид пристальнее посмотрел на карту.

— Действительно.

Тириан снова откашлялся.

— Итак, мы с Ридом должны проникнуть без приглашения на бал-маскарад, Джейн выдаст себя за Фэрис, а мы с Ридом будем сопровождать Фэрис в комнату, которой не существовало шестьдесят лет, и нам придется пробираться мимо львиного прайда.

Рид выглядел озабоченным.

— Не слишком удачный план, не так ли?

— Львы могут несколько осложнить положение, —

согласилась Джейн. — Но я все равно уже позаботилась о приглашениях: друзья дяди Амброуза в здешнем британском посольстве обещали достать хотя бы одно. Полезно иметь подлинное приглашение, чтобы на основе его изготовить подделки.

— Мне еще предстоит придумать предлог, чтобы уйти с бала, когда ты обезвредишь львов.

Джейн безмятежно улыбнулась.

— Это должно быть просто. Может же у тебя возникнуть прихоть взглянуть на них — с безопасного расстояния.

Фэрис сделала вид, что рассматривает карту. Она была совсем не в восторге от плана. Она предложила его в тот день, когда ей принесли приглашение. Но никому до сих пор не пришло в голову ничего лучшего, а до шестого января осталось всего четыре дня. Если они не смогут осуществить свой план, им просто придется придумать другой.

Если даже Джейн сможет контролировать львов, ей еще нужно будет изображать Фэрис. Если и это удастся и Фэрис свободно найдет дорогу в тронный зал, — или к остаткам тронного зала, — тогда она и будет думать, что делать с разломом. Джейн считала, что Фэрис как хранительница интуитивно поймет, как ликвидировать разлом. Но Фэрис не верила в эту теорию. Факт оставался фактом: ее обязанностью было найти разлом и сомкнуть его. Если она потерпит неудачу… Девушка напомнила себе, что ей надо очень много сделать и есть о чем беспокоиться еще до того, как она попытается справиться с разломом.

Когда Фэрис вышла из задумчивости и подняла глаза от карты, она встретилась взглядом с Тирианом. Он пристально наблюдал за ней, и его, по-видимому, беспокоило то, что он видел.

— Лучше было бы найти лестницу хранительницы и подойти к разлому, как предлагал Хиларион. Эта лестница может быть нанесена на карту, но не обозначена.

Джейн высокомерно посмотрела на него.

— Пожалуйста, обыщите всю карту. Но я думаю, что справлюсь с несколькими львами.

— В тебе говорит тщеславие? — осведомилась Фэрис.

— Мадам Брачет говорила нам, что нельзя подавлять в себе тщеславие, пока мы полностью его не осознаем. Я всегда полностью его осознавала, но никогда не способна была подавить его.

— Мадам Брачет покачала бы головой и сказала: «Суета сует, все суета. Какую выгоду получает человек от всех своих трудов

под солнцем?»

Джейн снова безмятежно улыбнулась.

— А теперь, поскольку я крайне тщеславна, я закончу цитату для тебя: «Одно поколение уходит, другое поколение приходит, но земля существует вечно». И поэтому, смею утверждать, тщеславие тоже вечно.

В тот вечер на званом ужине Фэрис вспомнила слова Джейн. Вслед за ними в ее памяти внезапно возник образ Хилариона, терпеливо ждущего в тишине подземелья под Парижем, пока сменяются поколения. Она даже расхотела есть икру. Если ей не удастся выполнить свой долг, сколько еще ему придется ждать? А если удастся, что тогда?

Фэрис с усилием взяла себя в руки и включилась в разговор за столом. Образ Хилариона не покидал ее весь вечер.

В ту ночь Фэрис снова приснился сон, но не о замке. Она снова очутилась в лабиринте Севенфолда и ехала верхом на коне в осязаемой, как туман, тишине, которая со всех сторон окружала сад. Стены из кустов образовывали повороты и возвращались назад, она не узнавала план лабиринта. Во сне она понимала, что они ведут ее в центр, и боялась того, что там увидит.

Последний поворот. Лабиринт закончился. Фэрис оказалась в его центре. Менари там не было. Вместо нее на траве распростерся Тириан, обнаженный, как тогда, в саду у декана.

Фэрис проснулась.

Она лежала в темноте и тишине, тяжело дыша, в поту, и ждала, когда сердце перестанет колотиться о ребра. Фэрис попыталась объяснить себе этот сон. То, что ей приснился лабиринт, — вполне естественно, так как она побывала там утром. И совершенно неожиданно встретила там Менари. Поэтому еще более естественно, что ей приснился тот последний раз, когда она встретила Менари в саду. Следовательно, вполне логично, что ей приснился Тириан таким, каким он был в том саду.

Если рассуждать логически, следовало ожидать, что ей приснится Тириан. Фэрис вытерла лоб уголком простыни. Она не разговаривала с телохранителем наедине со дня прогулки в санях вместе с Бринкером. После приезда в Аравиль она его почти не видела. Разговор у карты был самым тесным контактом с ним после ссоры с Бринкером, которая заставила ее осознать, насколько неуместны ее чувства к Тириану. Конечно, он приснился ей в эту ночь. Это совершенно естественно.

На следующий день Фэрис пригласила Бринкера на завтрак. Он с интересом посмотрел на нее через стол и спросил:

— Какие очередные хитрые планы ты строишь? За этим неожиданным гостеприимством что-то кроется.

— Почему? Ты же приглашал меня на завтрак.

— Не без некоторой опаски.

Фэрис допила кофе и собралась с духом.

— Дело в том, что я хочу перед тобой извиниться.

Бринкер вытаращил глаза.

— Прошу прощения. Должно быть, я не расслышал. Мне показалось, будто ты сказала…

— Я думала, ты нанял людей, чтобы убить меня. Я ошибалась. Извини, что я тебя подозревала.

— Ах да, ты уже об этом упоминала. Я же тебе говорил, что ты ошибаешься. Насколько я понимаю, ты наконец мне поверила. Какие доказательства ты обнаружила?

— Не могу тебе сказать.

— Да? Какая жалость. Наверное, они очень веские. Ну, я принимаю твои извинения, дорогая. Надеюсь, в дальнейшем ты не будешь так поспешно ставить под сомнение мотивы моих поступков. Хотя боюсь, что будешь.

— Я тоже так думаю. Нелегко изменить привычки всей жизни.

— Наверное. Между прочим, полагаю, эти веские доказательства означают, что твоей жизни больше не грозит опасность?

— В данный момент — нет. Насколько мне известно.

— Хорошо. Было бы жалко, если бы что-то случилось с тобой сейчас, знаешь ли. Тот день в оружейном зале меня очень напугал.

— Ты спас мне жизнь. Я тебе благодарна.

Бринкер отмахнулся.

— Не думай об этом. Фактически это я тебе благодарен. Происшествие навело меня на мысль о бале-маскараде Двенадцатой ночи. Я ненавижу маскарады, но к этому буду готов. Как только Агнес напомнила мне, что мы попадем сюда к Двенадцатой ночи, я сразу понял, что нужно с собой взять.

Бринкер не уточнил выбор костюма и до конца завтрака выглядел очень загадочным.

Джейн тщательно изучила магический конский волос, но не сумела больше ничего о нем узнать. Поэтому на всякий случай настояла, чтобы его уничтожили.

Тириан не обнаружил на карте замка больше ни одной

лестницы, кроме отмеченных четырнадцати. Наведенные им справки показали, что всеми ими продолжали пользоваться для хозяйственных нужд. Рид узнал, что еще до появления львов немногие добровольно отваживались заходить в зону между разломом и обитаемой частью замка.

Львы, которых регулярно кормили, были не столько сдерживающим фактором, сколько украшением. Заброшенные помещения с разрушенными стенами и битым кирпичом и без них отпугивали людей, но осторожный человек мог пройти туда беспрепятственно.

Двенадцатая ночь наконец-то наступила. Бринкер и Агнес рано уехали на бал, закутавшись с головы до ног, чтобы спрятать костюмы.

Когда Фэрис вышла из своей комнаты, она увидела, что остальные уже готовы и ждут ее в передней комнате. Джейн в красной пелерине и простом, но дорогом красном платье изображала пожилую Красную Шапочку, очень ухоженную, несмотря на шляпу (или, может быть, благодаря ей), похожую на костер зимой, которую она во что бы то ни стало пожелала надеть. Ее кавалер Тириан, в безукоризненном вечернем наряде, надел маску в виде головы волка, которая сделала его совершенно неузнаваемым. Рид казался больше всех довольным своим костюмом: атласный фрак и бриджи, напудренный парик, черная треуголка, полумаска и накидка с капюшоном — точная копия вельможи восемнадцатого века, вплоть до тонкой шпаги у бедра.

Фэрис надела свое парижское вечернее платье. Оно было облегающего покроя по последней моде, из атласа, то ли черного, то ли темно-синего, то ли одновременно обоих этих цветов. Вышитый серыми, белыми и серебряными нитками узор вился от подола, изображая то ли пионы и ветки дерева, то ли клубы и струйки дыма. Пышные рукава из какой-то воздушной черной ткани очень красиво развевались.

Из-за своего большого роста Фэрис не решилась сделать высокую прическу. Ее волосы были заплетены в косу и уложены в корону под тонкой черной вуалью, окутывающей ее от макушки до пят. Несмотря на великолепный наряд, а возможно, из-за него, Фэрис была сердита.

— Я выгляжу словно артистка бродячей труппы, которая ставит «Волшебную флейту», — мрачно заметила она, хмуро глядя в зеркало.

— Ничего подобного. — Голос Джейн звучал резко. Она пыталась смотреть на себя через плечо Фэрис. Ее шляпа-костер

чуть-чуть сдвинулась набок. Она умело перекололa булавки. — Ты выглядишь так, как следует.

— Там будет, по крайней мере, дюжина дам в костюме Ночи, — предсказала Фэрис. — Все подумают, что я одна из них. Мне следовало надеть твою шляпу и нарядиться Закатом.

— Если все присутствующие дамы нарядятся в костюм Ночи, — терпеливо сказала Джейн, — все равно твое платье будет гораздо лучше, чем у них. Ты изображаешь Дым. Если по твоему платью это недостаточно ясно видно, чтобы удовлетворить остальных гостей, то я разрешаю тебе закурить сигару.

— Королева мечей.[20] — Рид обнажил свою шпагу и протянул ей рукоятью вперед. — Не желаете принять мою шпагу на этот вечер?

Фэрис улыбнулась ему.

— Не искушайте ее. — Джейн повесила на руку корзинку. — Она найдет ей применение.

— Знаю. О, я знаю. — Рид улыбнулся в ответ и вложил шпагу в ножны.

Тириан ничего не сказал.

Во дворе замка лакеи сбились с ног, опуская ступеньки карет, открывая дверцы и провожая гостей в дом, чтобы препоручить заботам церемониймейстеров. Фэрис и ее спутники предъявили свои приглашения, одно настоящее, остальные поддельные, и вошли. После трудного восхождения на самый верх беломраморной лестницы они остановились перед главным церемониймейстером, который объявил их персонажей со спокойным достоинством, в котором слышалось скучающее равнодушие.

— Дым. Маркиз Карабас. Красная Шапочка. Волк.

Бальный зал с его шахматным полом из черно-белого мрамора был огромным и заполненным почти наполовину. В дальнем конце зала, на фоне занавеса из небесно-голубого бархата, расположился оркестр. Несколько золоченых стульев с правой стороны уже были заняты гостями, которые, очевидно, считали, что им необходимо беречь силы, чтобы выдержать праздник до конца. Уже разносили шампанское. В центре зала вальсировали пятьдесят пар, и все равно помещение еще не совсем прогрелось. По краям сновали официанты, предлагая подносы, полные пирожков с паштетом из крабов и омаров, для подкрепления тех, кто уже выбился из сил.

Фэрис сделала первые шаги по залу, радуясь возможности опереться кончиками пальцев на атласный рукав Рида. За ней шли Джейн с Тирианом. За их спинами главный

церемониймейстер продолжал объявлять:

— Мария, королева Шотландии. Волшебник. Время. Коломбина. Арлекин. Ночь. Лоэнгрин.

Несмотря на большое количество гостей и на роскошь разнообразных костюмов, Фэрис и ее спутники привлекли к себе внимание. Особенный интерес вызвал костюм Фэрис.

— Король должен быть где-то здесь, — прошептала Джейн. — Он обязан приветствовать своих гостей.

— Карл Великий, — объявил церемониймейстер.

— Вон он, — тихо сказала Фэрис. — Святой Франциск Ассизский в бархатном кафтане. Кто с ним беседует? Александр Великий?

— Наверняка Юлий Цезарь, — ответила Джейн. — Я отказываюсь верить в то, что у Александра Великого были такие длинные и тонкие руки.

Во время процедуры представлений, на которой Рида и Тириана выдали за сотрудников британского консульства, Фэрис узнала, что Джейн, как обычно, была права: это действительно оказался Юлий Цезарь.

Король не проявил интереса к спутникам Фэрис, но его реакция на костюм самой Фэрис была явно враждебной до тех пор, пока ему не объяснили, что она изображает Дым.

Голос короля звучал холодно.

— О, в самом деле? Мы сначала подумали, что вы предпочли историческую личность. Дым. Как оригинально.

Фэрис была озадачена.

— Какую историческую личность?

— Жанну Д'Арк, — высказала предположение Джейн. — Считается, что у нее были рыжие волосы. Хотя я никогда не слышала, чтобы ей приписывали высокий рост.

— Это наша ошибка. — Король слегка оттаял. — Мы ни на секунду не подумали, что посол Галазона оделась Жанной Д'Арк. Однако существовала одна рыжеволосая женщина, тесно связанная с историей этого самого здания. Она была необычайно высокого роста. Боюсь, мы пришли к ложному выводу.

Фэрис выпрямилась во весь рост.

— Если вы думаете, что я считаю мою бабушку Просперианподходящим персонажем для маскарада, наряду с Коломбиной и Арлекином, то вы ошибаетесь.

— Приносим наши извинения. Мы, признаться, испытываем облегчение от того, что вы не хотели напомнить нам о женщине, которая чуть не сожгла дотла весь этот замок. Но нашу ошибку можно понять. Ваш дядя не видит ничего плохого в том, чтобы нарядиться в дальнего родственника. Его объявили как Лудовика

Налланина, герцога Галазонского. Наша дочь, конечно, — Святая Агнес.

Фэрис проследила за взглядом короля и увидела Бринкера, который стоял в доспехах дядюшки Лудовика, с большим мечом за спиной, рядом с Агнес, похожей на раннехристианскую мученицу.

— Может быть, мой дядя с подозрением относится к толпе.

— Саладин, — объявил главный церемониймейстер. — Элеонора Аквитанская.

— Мы подаем пример, которому надо следовать. — Король с явным удовольствием оглядел свой костюм. При этом Фэрис поняла, что маленькая птичка, сидящая у него на плече, — это чучело жаворонка, крепко пришпиленное к бархату. Она подавила дрожь отвращения.

— Нам хотелось явиться в несколько необычном костюме, — продолжал король, слегка поддергивая шелковый веревочный пояс. — В нем к тому же довольно удобно. Важное преимущество в таких случаях. — У него было даже более красное лицо, чем обычно. Казалось, он начал праздновать гораздо раньше остальных гостей. И еще ему, по-видимому, было сложно разглядеть ее лицо сквозь вуаль, так как он не отрывал от нее глаз под тяжелыми веками.

Когда оркестр заиграл следующий танец, Джейн и Тириан ускользнули прочь. Фэрис снова положила кончики пальцев на рукав Рида. Ей не хотелось, чтобы ее оставили наедине с королем.

— Вы все знаете о подобных развлечениях.

— Я никогда прежде не бывала на маскараде.

— А нам они очень нравятся. Гораздо приятнее, чем обычные развлечения, если умеешь выбрать правильный костюм.

— Насколько я понимаю, никаких власяниц? — весело спросил Рид.

Очень осторожно, не сводя глаз с короля, Фэрис наступила Риду на ногу.

Его величество сделал вид, что не замечает присутствия Рида.

— Вы ведь оставите для нас все вальсы, не так ли? — Он проворно сделал пометку в танцевальной карточке Фэрис. — Нам надо поздороваться еще с дюжиной гостей, но потом мы принадлежим вам. Целиком и полностью.

Фэрис осторожно пнула Рида в лодыжку, и они вместе двинулись к центру шахматной доски. Фэрис не успела заговорить, как Рид повел ее в польке, которая только что началась.

— Вы ведь не отдадите ему все вальсы? У него могут

родиться неправильные мысли.

— День и Ночь! — выкрикнул главный церемониймейстер.

— Обсуждение его выбора… власяницы тоже может вызвать у него неправильные мысли. Как ты посмел об этом заговорить?

Рид ухмыльнулся ей.

— А вы как смеете? Дамы так не разговаривают.

Он был совершенно прав. Фэрис прикусила язычок и сосредоточилась на танцевальных па. Рид был искусным танцором, он кружил ее грациозно и искрометно.

Когда полька закончилась, испанский посол ангажировал ее на галоп. Рид уступил ему герцогиню в ответ на его настойчивые просьбы и нашел другую партнершу — Коломбину. Фэрис была довольна и немного удивлена непринужденным поведением Рида в обществе. «Если только он не обсуждает с ней детали костюма», — подумала она.

— Томас из Бедлама, — объявил главный церемониймейстер, и на этот раз в его голосе не слышалось скучающего безразличия. Испанский посол вывел Фэрис из толпы танцующих, чтобы они оба могли хорошо рассмотреть нового гостя. Многие пары последовали его примеру.

Фэрис не видела ничего необычного во вновь прибывшем человеке. Это был стройный молодой человек в вечернем костюме из превосходной ткани и прекрасно скроенном. Казалось, что он не надел никакого маскарадного костюма. И он, по-видимому, не замечал интереса к себе других гостей. Окинув небрежным взглядом огромный зал, вошедший направился к королю.

Испанский посол пришел в негодование.

— Какая самонадеянность!

— Почему? Потому что забыл надеть костюм?

— Иштван Грэлент из хорошей семьи. Он получил отличное образование и не может сослаться на невежество. Его присутствие здесь сегодня — просто наглость.

— Почему?

— Его не приглашали. — Испанский посол замер. — А теперь этот нахальный щенок нанес его величеству прямое оскорбление. Он прошел мимо короля, словно не заметил его. Просто возмутительно.

Молодой человек действительно прошел мимо короля Джулиана, не взглянув на него. Казалось, его гораздо больше интересовало шампанское, чем неприветливый хозяин. Фэрис невольно восхитилась той грациозной непринужденностью, с которой он проигнорировал вызванный его появлением переполох.

— Такое часто случается?

— Конечно нет. Несомненно, его величество прикажет немедленно выдворить наглеца.

Однако король тем временем слушал Юлия Цезаря, который что-то шептал ему на ухо. Через мгновение Джулиан кивнул. Потом поймал взгляд главного церемониймейстера и отрицательно покачал головой. Распорядитель заметно расслабился и взмахом руки отослал стражников, которых уже подозвал к себе. Король что-то сказал Юлию Цезарю, и тот быстро удалился, явно испытывая облегчение.

Не замечая всего этого, Грэлент взял бокал шампанского и начал спокойно озираться вокруг в поисках ближайшего подноса с пирожками.

Испанского посла изумила терпимость короля.

— Наверное, его величество предпочитает не тревожить приглашенных гостей, привлекая лишнее внимание к молодому человеку, — высказала предположение Фэрис. — Если мы проигнорируем его, может, он уйдет.

— Он в некотором роде политическая фигура, — согласился испанский посол. — Думаю, со стороны его величества мудро не давать сторонникам Грэлента повод считать, что их лидера преследуют. Хотя тюрьма была бы для него самым лучшим местом.

— Для молодого человека из хорошей семьи, получившего отличное образование? Не может быть!

— Пускай вас не вводит в заблуждение его приличное поведение сегодня вечером. Хоть он и объявляет себя лидером политической фракции, факты говорят о том, что он попросту бандит. Его сторонники принадлежат к самым сомнительным кругам Арависа: мелкие торговцы, студенты, даже нищие. Они немногим лучше шайки разбойников.

— Как любопытно. Они называют себя монархистами?

— Они могут называть себя христианскими демократами или как угодно. Название не меняет того факта, что они — самые отъявленные радикалы. Революционеры, которые тщатся восстановить одряхлевший продажный режим.

— Какой именно режим? — сухо осведомилась Фэрис.

Испанский посол внезапно вспомнил, с кем разговаривает. Он все еще пытался исправить свой дипломатический промах, когда оркестр закончил играть галоп.

После галопа настала очередь вальса. Король все еще приветствовал прибывающих гостей, но Фэрис не осталась без партнера, так как рядом с ней возник Тириан. Его учтивость не уступала невообразимой галантности испанского посла.

Фэрис вложила пальцы в руку Тириана, радуясь, что перчатки

скрывают влажность ее ладоней. Его прикосновение к ее талии было почти невесомым. Она постаралась не вцепиться нервно в его плечо.

Сначала они танцевали молча. Тириан был не таким искусным танцором, как Рид. Фэрис этому обрадовалась. Она не чувствовала себя готовой к показательным выступлениям. Прикосновение телохранителя так ее смущало, что она с трудом могла вспомнить движения танца.

— Я не вижу Джейн.

— Она ушла, чтобы заняться львами. Как только закончится этот танец, я проверю, как ее успехи. Когда все будет готово, я вернусь и подам вам сигнал.

— Шампанское.

— Да. Жаль, что у этой маски такие маленькие отверстия для глаз. Вас плохо видно.

Фэрис посмотрела вперед, куда они уверенно двигались в танце.

— Если вы плохо видите, как вы танцуете?

— Нет, не смотрите туда. — В приглушенном голосе Тириана звучала явственная командирская нотка. Когда удивленная Фэрис взглянула на его маску, он продолжал уже мягче: — Если мы будем смотреть, куда двигаемся, другие танцоры не уступят нам дорогу. А так они чувствуют наши намерения и дают нам пройти, не сознавая, что делают это.

— Значит, мы можем танцевать куда хотим, пока не выдаем своей слепоты. Это понятно. Я не стану смотреть вперед.

— Я тоже. — Тириан ответил так тихо, что она едва расслышала его слова.

Впервые в жизни Фэрис оказалась взрослой девушкой среди взрослых людей, которые собрались, чтобы повеселиться. Она, к своему изумлению, открыла, что на нее с удовольствием обращают внимание. И поэтому, несмотря на предстоящую ей сложную миссию, обнаружила, что ей нравится присутствовать на балу. Музыка увлекала ее от одного партнера к другому, и она танцевала, не глядя вперед.

Король заявил свои права на четвертый вальс. Не успела Фэрис согласиться, как услышала рядом с собой голос молодого человека.

— Прошу прощения, ваше величество, — произнес Иштван Грэлент у нее над ухом. — Умоляю, позвольте безумцу выразить вам свое почтение. — Он отвесил низкий грациозный поклон. Потом выпрямился и посмотрел ей в глаза. Фэрис увидела, что он, по крайней мере, на дюйм или два выше ее. Она уже так давно не смотрела ни на кого снизу вверх, что это ощущение ее

испугало.

Стоящий рядом с ней король поднял руку. Со всех сторон к ним начали стягиваться стражники. Грэлент с интересом следил за их приближением.

— Вы собираетесь вышвырнуть меня сейчас? Я все гадал, когда вы это сделаете.

— Если вы дадите нам хоть малейший повод, молодой человек, то окажетесь в тюремной камере.

Темные глаза Грэлента вспыхнули.

— Моим славным безумным парням это не понравилось бы, а? Полагаю, мне следует вести себя хорошо.

Фэрис повернулась к королю.

— Можно я задам ему вопрос, перед тем как стражники уведут его?

— Конечно, — ответил король. Грэленту он сказал: — Если вы позволите себе хоть малейшую дерзость по отношению к этой даме, то мы с большим удовольствием заставим вас пожалеть об этом.

Грэлент склонил голову.

— Я бы никогда не позволил себе дерзости по отношению к моему истинному монарху — в буквальном или в переносном смысле.

Пока король это переваривал, Фэрис спросила:

— Почему вы выбрали английскую песню в качестве гимна вашей партии? Разве в Аравиле нет подходящих песен?

Казалось, Грэлент обрадовался вопросу.

— Том из Бедлама, ваше величество, фигура универсальная. Нам просто повезло, что мы узнали английский вариант этой песни от ученых, которые приехали собирать наш фольклор. Как это справедливо, что мы получили одну из их песен в обмен на множество наших.

Стражники окружили Грэлента. По знаку короля его увели; при этом он умудрился еще раз низко поклониться Фэрис.

Король остановил одного из стражников.

— Иди и скажи музыкантам, что мы хотим еще один вальс. Этот они уже почти доиграли.

Несмотря на свой костюм, во время танца он выглядел внушительно. Фэрис сделала ему комплимент.

— Не всякий монарх может рискнуть щеголять простотой, — ответил король самодовольно. — Представьте себе германского кайзера на маскараде. Он оделся бы самим собой, и ему не пришлось бы наряжаться для этого. Эти мундиры похожи на костюмы из настоящей комической оперы.

Фэрис не совсем понимала, чем отличается ярко-голубая

визитка Джулиана от костюмов из настоящей комической оперы, но ответила как можно дипломатичнее.

— И все же в Арависе существует великое множество разных мундиров, и, я прошу прощения, некоторые из них словно взяты из реквизита настоящей комической оперы. Например, дворцовая стража. Что это за штука у них на шлеме? Похоже на швабру.

— Это совсем другое дело. Военные добиваются единообразия в одежде. Король должен носить то, что ему нравится. Нас беспокоит, что так много правителей не способны думать ни о чем более приятном, чем военный мундир.

— А вам нравится клятва Святого Франциска жить в нищете? Тогда вы действительно редкий правитель.

Король покровительственным тоном произнес:

— Это же маскарад. Неужели ваш костюм означает, что вы были бы рады закончить свою жизнь, как струйка дыма?

— Это другое. И я не король. Я не претендую на право носить то, что мне захочется.

Кажется, Джулиан не заметил насмешки в голосе Фэрис. Он крепче обнял ее и закружил в танце, наилучшим образом демонстрируя ее платье.

— Вы могли бы, если бы пожелали.

Фэрис обдумала его тон, выражение лица и глаз и решила, что он выпил больше, чем ей казалось.

— Но я не могу.

Король еще крепче прижал ее к себе.

— Вы могли бы. — Он закружил ее под музыку все быстрее.

Фэрис точно следовала его движениям, решив ничем не выдавать, что поняла его намек. Кружение в вальсе требовало сосредоточенности, и она отдала этому все свое внимание. Пускай кружит ее до рассвета. Если она не будет слишком любезна с ним, может, он в конце концов обидится и уйдет.

— Вы покраснели. Смущены?

Король в последний раз закружил ее под финальные аккорды вальса, и оркестр закончил играть. Его голос прозвучал достаточно громко, и головы окружающих повернулись к ним.

— Ничего подобного. — Фэрис потребовалось призвать на помощь все навыки, полученные у мадам Брачет, чтобы не опустить в замешательстве взгляд на кончики своих туфель.

— Значит, вы разрумянились от жары. — Он взял ее под руку. — Пойдемте, вы сядете и переведете дух. Мы знаем идеальное место. Мы уже показывали вам библиотеку? Нет? Пойдемте туда. Там очень тихо.

— Мне не нужно переводить дух, большое спасибо.

— Это вам необходимо, вы разрумянились больше, чем

обычно. Давайте подумаем. Придумал. Мы выйдем подышать воздухом.

— Мне не нужно дышать воздухом.

— Нет, нужно. У нас здесь удивительный воздух. — Король повернулся к лестнице, крепко держа под руку Фэрис. — Пойдемте, посмотрим на львов.

Фэрис хотела было отказаться, но тут через плечо короля увидела Тириана. Он держал полный бокал шампанского, бесполезный в руках человека, который не снял маску. Значит, пора. Долг зовет.

Фэрис посмотрела в темно-синие глаза короля, под которыми набухли мешки.

— Конечно, — ответила она с ледяным спокойствием, которому зааплодировала бы сама мадам Брачет, — давайте пойдем и посмотрим на львов.

Глава 14
Край света

Королю было несложно ускользнуть с собственного бала. Он провел Фэрис через примыкающую к бальному залу комнату, где на столах, накрытых льняными скатертями, стояли серебряные подносы с пирожками. Потом они пошли по прилегающему коридору и без помех добрались до верхних этажей замка, до руин, охраняемых львами.

Для нервов Фэрис это путешествие стало большим испытанием. Она хорошо изучила поэтажный план и понимала, куда они двигаются, но никак не могла определить, где находится Джейн и что она делает.

Тириан, разумеется, тоже где-то недалеко, готовый отреагировать на малейшую опасность. Но что насчет Рида? Он все еще танцует с Коломбиной? Или вышел вслед за ней из зала? Можно ли положиться на то, что он будет ждать приказа Фэрис, а не выскочит из-за какого-нибудь гобелена и не вмешается? И как лучше поступить с королем? Позволить Джейн прибегнуть к магии, если у нее еще остались на то силы после львов? Или позволить Тириану разобраться с ним? А может, взять его с собой к разлому?

В дополнение к этим заботам Фэрис отвлекал маршрут, которым они шли. Король вел ее по лестницам и коридорам, которые напоминали ей мучившие ее сны. Запутанные переходы казались бесконечными.

— Далеко еще?

— О, совсем близко. Вы ведь не устали?

— Конечно нет.

— И не боитесь?

— Конечно нет.

— Советую все же быть настороже. Как бы хорошо их ни кормили, они все-таки львы. Рабы своей природы, как и люди.

Фэрис сомневалась в том, что кто-то мог быть полным рабом своей природы, если не считать Бринкера. Но решила, что лучше не обсуждать это с королем. Вместо этого она спросила:

— Зачем львы?

— Вы хотите сказать, зачем держать львов? Исключительно для того, чтобы уберечь от беды посетителей развалин, уверяю вас. После пожара в тронном зале в тысяча восемьсот сорок восьмом году верхние этажи замка остались разрушенными. Там можно нечаянно пострадать. Львы не дают людям свободно

бродить по руинам. — Король понизил голос до гнусавого шепота. — Нас никто не потревожит.

Фэрис ответила с нарочито веселым, хоть и сдержанным интересом в голосе:

— Почему бы вместо этого просто не отремонтировать помещения?

— Вы видите, где раньше были окна? Арки сделаны из нового кирпича. Мы восстановили большую часть разрушенной верхней части замка.

— Но почему бы не отремонтировать сам тронный зал?

— Простите за откровенность, ваша бабушка произвела плохое впечатление на тех, кто ее знал. Мысль о возможности пользоваться залом, где она встретила свой печальный конец, наполняет нас отвращением. И даже если бы мы этого захотели, а мы не хотим, вряд ли можно найти людей, согласившихся бы заняться ремонтом.

— Очаровательно. Вы мне покажете это место, правда?

— Мы не можем. Вспомните о львах.

Фэрис не пришлось изображать разочарование.

— О, конечно. — Она прошла вместе с королем вверх по крутой лестнице в узкий коридор. Освещенный лампами, он продувался струей свежего воздуха, очень приятной после долгого пути. — Кто-то оставил дверь открытой?

Удивленный король пристально посмотрел на нее.

— Мы стараемся держать двери запертыми в этой части замка.

— Конечно. Как это глупо с моей стороны.

После резкого поворота коридор закончился у массивной двери. Когда король нагнулся, чтобы ее отпереть, Фэрис рассмотрела кирпичную кладку. Вокруг двери сохранились остатки гораздо более крупной арки, теперь тщательно заложенной. Герцогиня с трудом сглотнула.

Король обернулся.

— Странно, она не заперта. Кто-то проявил небрежность.

Фэрис подумала о том, пришлось ли Джейн повозиться с этим замком. Или его открыл для нее Тириан?

Король распахнул дверь. За ней царила темнота. Струя холодного воздуха превратилась в ветер. Фэрис почувствовала, как зашевелилась вуаль и затрепетали рукава. Король перешагнул через порог.

— Света нет? — спросила Фэрис, следуя за ним.

— Нам он ни к чему.

За дверью небо было черным, а земля белой. Над головой висел лунный серп, затмевая почти все звезды. Под ногами груды

битого кирпича отбрасывали тени в лунном свете.

— Ох, — произнесла Фэрис так тихо, что дыхание даже не шевельнуло вуаль.

За обширным пространством битого кирпича и камня она увидела белые стены, поднимающиеся из середины развалин, — безупречно прекрасную башню, идеальную, как рог единорога. На глазах у Фэрис блеск башни померк, словно луна зашла за гряду облаков. Через мгновение перед ними не осталось ничего, кроме ровного пространства футов сорока-пятидесяти в поперечнике, усыпанного обломками кирпича и камня, которое заканчивалось пропастью, обрывающейся на тысячу футов вниз, к путанице городских улиц. За пропастью виднелась россыпь огоньков на совершенно темном фоне, напоминающая росу на паутине.

— Ох, — снова произнесла она и вышла вперед, на лунный свет.

— Помните о львах, — сказал у нее за спиной король.

Фэрис быстро оглянулась, но ничего не увидела.

— Где?

— Они где-то здесь. — Он взял ее под локоть, словно для того, чтобы поддержать. — Здесь сегодня ночью красиво, правда?

— Очень красиво. — Фэрис подошла к краю пропасти и остановилась, любуясь зрелищем. Россыпь огней горела на городских улицах внизу, можно было различить сияние газовых фонарей вдоль эспланады, отблеск костров Двенадцатой ночи на крутых, извилистых улицах бедняцкого квартала.

— Слишком красиво. — Король потянул Фэрис от края пропасти и заключил в объятия. — Мы привели вас сюда в том числе и затем, чтобы показать все это. И заверить вас в том, что с нами вы в полной безопасности.

— Разве в этом были какие-то сомнения?

— Мы хотим извиниться перед вами за те неудобства, которые причинила вам наша младшая дочь. Менари относится к вам с некоторой враждебностью.

— Вы говорите о вашем письме к декану?

Сначала король казался озадаченным.

— О нашем письме? Ах, это! Разумеется, и за это тоже. Когда мы получили от Менари сообщение, что ей нужно больше денег, так как она стала жертвой шантажа, нам следовало помнить о ее живом воображении.

Любопытство удержало Фэрис от замечания по поводу такого определения поведения Менари.

— За это тоже? А за что еще?

— Менари потратила довольно много времени, отрывая его от учебы, на то, чтобы нанять некую парижскую фирму, которая

должна была выполнить ее поручение, — начал король, его величественный голос далеко разносился среди руин.

«Поручение прикончить меня», — сообразила Фэрис.

Король продолжал:

— Когда мы об этом узнали, то воспротивились. Поручение было отменено. Мы начали юридические процедуры, чтобы вернуть назад деньги. Мы серьезно поговорили с Менари. Она будет слишком занята своей учебой в Сорбонне и больше вас не побеспокоит. Мы решили извиниться перед вами. Надеемся, вы считаете нас своим другом. Своим преданным другом.

Сердце Фэрис упало. Король еще крепче сжал ее плечи. Она резко вздрогнула.

— Это был лев?

Король лишь теснее прижал ее к себе.

— Пусть только посмеют нас побеспокоить. Мы бросим вызов чему угодно, когда вы рядом с нами. Нет, не надо дрожать. Мы вас защитим. Только дайте нам это право.

Фэрис не дрожала. Ее всю трясло от смеха и ярости. Она отстранилась.

— Кто-то идет.

Она выдавала желаемое за действительное.

— Мы совершенно одни. — Король легонько погладил ее по плечу. — Мы уже обсудили все с вашим дядей, разумеется. Тем не менее мы не настолько еще стары, чтобы не понимать, как вы можете посмотреть на это. Вы молоды. Мы знаем, каково это — быть молодым. Вы заставили нас вспомнить…

Джулиан замолчал и зевнул. Затем совершенно внезапно, без предупреждения, сел на пол, уткнулся головой в колени и замер в таком положении.

Фэрис склонилась над ним. Его глаза были закрыты. Он дышал глубоко и спокойно. У нее чуть голова не закружилась от облегчения.

— Ты не представляешь себе, как трудно колдовать в таком месте. — Джейн наклонилась к королю рядом с Фэрис. — С ним все в порядке. Извини, что опоздала.

Фэрис выпрямилась и начала снимать вуаль.

— Слава богу, что ты его остановила. Хотя жаль, что ты не явилась до того, как он сделал мне предложение.

— Я тогда еще не закончила со львами, — Джейн сняла свою алую пелерину и отложила ее в сторону, затем начала снимать шляпку. — Погрузить их в сон нетрудно. Проблема в том, чтобы они оставались спящими. Как раз тогда, когда я овладела ситуацией, еще что-то вылетело ко мне из разлома, и все пришлось начинать сначала.

Фэрис отколола свою вуаль и отдала ее Джейн. Джейн накинула ее на себя и начала приспосабливать на место.

— Пользоваться магией так близко от разлома — все равно что закуривать сигарету, стоя в ведре с керосином.

— Звучит неприятно, — заметил Рид. Тириан нетерпеливо протиснулся мимо него и встал рядом с Джейн и Фэрис. Он снял свою волчью голову и положил ее рядом со шляпой Джейн. Рид нехотя подошел ближе, опасливо косясь на край пропасти.

— Мне остаться здесь и охранять короля?

— О, я оставлю его при себе, — ответила Джейн. Ее голос стал немного ниже, чем обычно, яснее и мягче. Она казалась выше ростом, гораздо выше, чем прежде, и этот рост сделал ее грациозную фигурку неуклюжей. Под вуалью алое ее платье стало черным и покрылось черными вышитыми узорами. В лунном свете вся вышивка казалась серебряной, а из-за вуали все серебро выглядело тусклым. — Но мне придется вскоре разбудить и его, и львов. Я не могу одновременно держать их крепко спящими и управлять вуалью. По крайней мере здесь.

— Обещай мне, что бы ни случилось, ты не будешь танцевать с дядюшкой Бринкером.

— Нам надо идти. — Тириан наблюдал за Фэрис. При лунном свете ей казалось, что он все еще в маске.

Рид тревожно огляделся кругом.

— Идти куда?

— К башне.

Фэрис достала ключ от лестницы хранительницы и сняла его с шеи. При свете луны зеленоватое стекло в ее руке казалось темным. Она крепко сжала ключ и направилась к тому месту, где только что была башня. Если там есть дверь, то она должна найти ее.

— Если не смогу справиться со всей магией, то постараюсь подать тебе сигнал раньше, чем проснутся львы. — Джейн нагнулась и дотронулась до плеча короля. Он встал, не открывая глаз, и позволил ей увести себя. Дверь за ними закрылась почти бесшумно.

Лунный свет на неровном полу был таким ярким, что отбрасывал тени. Когда Фэрис шла к центру развалин, башня медленно возвращалась, и от этого тени вокруг нее двигались. И все же она не видела ни белых стен, ни окружающей темноты.

Ее внимание было приковано к участку пола перед ней, где свет и тень складывались в нечто такое, чего она никогда раньше не видела. Черно-серебряный узор завораживал ее, иногда он был похож на шелковистую игру света на воде, иногда — на вышивку ее платья, иногда — на звезды над Гринло в ночь ее дежурства.

Фэрис не могла понять сути происходящего, но знала, что есть определенный смысл в этих скользящих контрастах. Они напоминали ей лабиринт в Севенфолде. Или игру цвета на перышке скворца. Или узор на ковре в библиотеке Галазон-Чейза. Она неуверенно шла по этому узору, выискивая некий центр, который не могла распознать.

Рисунок изменился. Фэрис почувствовала, как что-то вырвалось на свободу и проплыло мимо нее. Глядя на меркнущие контрастные блики, она поняла, что башня снова исчезла. А остатки узора в последний раз сдвинулись и превратились в сияние газовых фонарей и костров на темных улицах внизу. Она стояла на краю пропасти. С двух сторон от нее замерли Рид и Тириан, готовые оттащить ее назад. Фэрис заморгала, словно пробуждаясь ото сна, оглянулась на них и произнесла дрожащим голосом:

— Я не могу это сделать. Не могу даже найти дорогу к разлому.

— Хорошо, — сказал Рид. — Значит, мы можем ехать домой.

— Отойдите, — попросил Тириан. — Отойдите от края.

Когда они передвинулись в более безопасное место, шляпа Джейн взорвалась. Взрыв сбил их с ног, ненадолго оглушил, присыпал песком и камушками, но больше ничем не навредил. Фэрис выплюнула песок и потерла ушибленное колено.

— Мне кажется, я что-то вырвала из разлома.

— Джейн сказала, что подаст нам сигнал, — напомнил Рид. — Думаю, она перестаралась.

— Назад, к двери, — позвал Тириан.

Они добрались до дверей раньше, чем заметили какие-либо признаки присутствия львов, но, когда Рид закрыл дверь, Фэрис оглянулась назад в темноту и заметила сверкающие глаза. Потом троица бросилась бежать по коридору со всех ног.

На бегу они пытались быстро отряхнуться и почистить друг друга, чтобы убрать с волос и одежды хотя бы часть пыли. Извилистые переходы казались бесконечными. Узор из света и тени все еще стоял у Фэрис перед глазами. Она плохо определяла расстояние и задевала плечом за углы. Рид и Тириан сбавили темп, чтобы она не отставала от них.

Наконец, в комнате рядом с бальным залом, где на столах, накрытых белыми скатертями, стояли огромные подносы с пирожками, начиненными крабами и омарами, они остановились, чтобы прийти в себя.

— Я войду первым, — сказал Рид, поправляя кружево на манжетах. — Я один еще в маскарадном костюме.

— У тебя три минуты, чтобы ее найти, — предупредил

Тириан. — Не больше. Если не вернешься, уйдем без тебя.

Рид усмехнулся, низко поклонился Фэрис и исчез за дверью.

В буфетной было тихо и на удивление пустынно, учитывая отличное качество выставленной еды. Фэрис не слышала оркестра, но ей показалось, что из бального зала доносятся голоса. Она не могла разобрать слов, что приводило ее в бешенство. С Джейн или без нее, Рид вернется через три минуты.

Фэрис пыталась не обращать внимания на усиливающееся чувство страха. Джейн обещала подать сигнал. Но ее любимая шляпа? Джейн прекрасно знала, что Фэрис и остальные могли стоять прямо рядом с ней в тот момент, когда эта штука взорвалась. И перед самым взрывом возникло это тошнотворно медленное смещение узора, когда что-то промелькнуло мимо Фэрис. Мимо нее, но не мимо Джейн? Наверняка три минуты не могут длиться так долго. Где Рид? Фэрис заметалась по комнате.

Тириан, заметила она краем глаза, развернул белую салфетку и аккуратно перекинул ее через руку. За его спокойным выражением лица угадывалось то яростное веселье, которое охватило его на бульваре Сен-Жермен. На глазах у Фэрис он слегка передвигал на столе серебряные подносы с таким видом, словно всю жизнь посвятил изучению того, как правильно подавать пирожки с крабами. В конце концов он выбрал поднос и легко поднял его. И вежливо кивнул Фэрис.

— Прошло три минуты. Я отправляюсь на разведку. Если не вернусь еще через минуту, уходите без нас.

Фэрис пыталась что-то сказать, но он поднял руку и остановил ее.

— Считайте до шестидесяти. Потом уходите. — Тириан резко повернулся и ловко двинулся к бальному залу, высоко подняв поднос с пирожками.

Фэрис снова заметалась по комнате.

Не успела она досчитать до двадцати, как Тириан вернулся с нетронутыми закусками.

— Нам надо уходить. — Только его широко раскрытые голубые глаза выдавали волнение. — К Джейн вернулся ее обычный облик. Я думаю, король хочет узнать, только ли она морочила ему голову, выдавая себя за тебя, или виноваты вы обе… — Он умолк.

Высоко подняв голову, расправив присыпанные пылью плечи, Фэрис прошла мимо него в бальный зал. Тириан вздохнул с отчаянием и бросился бежать в противоположном направлении так быстро, как позволял ему поднос с крабовыми пирожками.

В бальном зале гости столпились перед оркестром и смотрели во все глаза, но не музыканты вызвали их интерес. На

небольшом пятачке в центре толпы стоял король и кричал кому-то, глядя себе под ноги:

— Мы спрашиваем еще раз. Где Фэрис Налланин?

Если ответ и прозвучал, его не было слышно из-за толпы зрителей в маскарадных костюмах.

Фэрис успела преодолеть большую часть шахматной доски, пока кто-то заметил ее присутствие. Подойдя к толпе, она заколебалась, жалея, что при ней нет шпаги Рида. Она протискивалась сквозь толпу, работая локтями и непрерывно повторяя:

— Прошу прощения. Извините. Мне очень жаль.

Кольцо зрителей расступилось, поднялся ропот. Фэрис невольно уловила несколько слов. Одно было «ведьма», другое — «незаконнорожденная». Она поморщилась. Шепот превратился в гул, и толпа перед ней растаяла. Девушка очутилась внутри небольшого свободного пространства.

Король был багровым от ярости. Выпрямившись во весь рост, он представлял собой внушительную фигуру, несмотря на будничный костюм. Фэрис заметила, что на его плече уже нет чучела жаворонка, и невольно обрадовалась.

Джейн лежала у ног короля, крепко прижав ладони к вискам, ее юное лицо выглядело пепельно-серым под смятой вуалью, которая теперь стала обычной тканью. Рид, опустившись рядом с ней на колени, прислонил ее голову к своему плечу. Он походил бы на живое воплощение галантности восемнадцатого века, но его внимание было приковано не к Джейн, а к королю. Вид у него был встревоженный.

Рядом с ними стояли два стражника, увенчанные пышным гребнем-шваброй. Гости, которых они растолкали, чтобы подойти к королю, до сих пор ворчали. По другую сторону этого пространства вышли вперед посол Британии и ее супруг, словно собираясь протестовать. Рядом с ними виднелся Бринкер, обнимавший за плечи Агнес.

Фэрис вышла на середину круга и почувствовала у себя за спиной кольцо зрителей. Она собралась с духом и оглянулась. Тириана нигде не было видно. Фэрис опустилась на колени рядом с Джейн и спросила как можно спокойнее:

— Что с тобой?

Все смотрели на нее. На секунду в огромном зале исчезли все звуки, не слышалось ни шепота, ни шороха ткани.

Фэрис говорила нарочито небрежным тоном:

— Джейн, ты себя хорошо чувствуешь?

Джейн прищурилась, глядя на подругу так, словно у нее болели глаза от света. Она не отнимала пальцев ото лба.

Костяшки пальцев побелели. Она ответила почти шепотом:

— Все мои сигареты погасли одновременно. Извини.

Раздался громкий и холодный голос короля:

— Итак, вы признаетесь, что знаете друг друга?

Фэрис посмотрела на него.

— Вы меня искали?

— Стража, арестуйте этих женщин.

— И в чем же нас обвиняют?

— В государственной измене, — просто-таки выплюнул Джулиан, глядя на Джейн. — Она использовала против нас магию. Несомненно, вы бы и сами это сделали, если бы имели способности. Вместо этого вы натравили ее на меня. Вы вступили в заговор против нашей личности.

Фэрис окинула короля ледяным взглядом.

— Возможно, — тихо произнесла она, — вы приняли меня за одну из своих подданных. Но я — посол Галазона. И пользуюсь дипломатической неприкосновенностью. Как и мои спутники.

Губы короля скривились.

— Вы никакой не посол. Ваш дядя не смог придумать лучшей приманки, чтобы выманить вас из Галазона. С таким же основанием вы могли бы назвать себя послом от фермы. По крайней мере, это звучит правдоподобно.

Шепот вокруг них перерос в ропот.

Голос Фэрис оставался спокойным.

— Вы думаете, я приехала в Аравис, не посмотрев на свои верительные грамоты? Какими бы ни были ваши намерения, моя миссия посла имеет законную силу. — Она бросила взгляд на Бринкера, который отвел глаза.

Король вдруг рассмеялся.

— Чего вы не можете сказать о себе.

Фэрис охватило раздражение. Это чувство было ей знакомо. Она обрадовалась ему, как освобождению от других забот.

— Старая шутка старого человека. Признаюсь, мне она нравится больше, чем ваши пошлые ухаживания.

Король с грозным спокойствием посмотрел на Фэрис, потом на стражников.

— Мы отдали вам приказ. Почему вы его не выполняете?

— Возможно, из-за протокола, — произнесла посол Британии с ледяной учтивостью. — Венский конгресс установил определенные принципы дипломатических отношений. Вы не можете все их нарушить ради мимолетного каприза.

— Очень хорошо, если мы должны продолжать этот фарс, то отзываем верительные грамоты этого посла. Стража, выполняйте приказ.

Стражники двинулись вперед, Фэрис встала и повернулась к послу Британии. Повысив голос, чтобы перекрыть нарастающий шум толпы, она сказала:

— Леди Брейлсфорд — подданная Британии. Ваше превосходительство, я надеюсь, вы проследите, чтобы ей не причинили вреда.

В противоположной двери зала появились новые стражники. При их приближении толпа зрителей начала таять.

Посол Британии коротко кивнула Фэрис. Ближайшие стражники заколебались при виде неодобрения на ее лице.

— Я приму меры, — пообещала она.

Суровое выражение ее лица почему-то успокоило Фэрис.

— Рид, оставайся с ней. — Рид кивнул и помог Джейн подняться. Королю Фэрис крикнула: — Где вы держите арестованных вами послов? В лабиринте Севенфолда, вместе с Менари?

Все в зале замерли. Во внезапно наступившей тишине король подошел ближе к Фэрис, дрожа от еле сдерживаемых чувств. Он протянул руку и очень нежно провел кончиками пальцев по ее губам. Когда он заговорил, его голос донесся до самых дальних уголков бального зала.

— У вас красивый ротик, когда он закрыт. Если бы вы держали его на замке, мы могли бы очень хорошо поладить. Но в данном случае даже ваше приданое не может вас извинить.

Несколько мгновений Фэрис смотрела ему в лицо. Потом взглянула мимо короля на Бринкера. Ее рот приоткрылся, но она не сразу нашла слова.

— Значит, вот для чего повысили налоги.

На этот раз Бринкер не отвел глаза.

— Тебе требовалось большое приданое, чтобы компенсировать твою репутацию. Ты сама виновата, а не я. Я только выполнял свой долг.

— Ты ограбил Галазон, чтобы продать меня. — Ее глаза сверкнули. — Жаль, что я не убила тебя, когда была возможность.

Бринкер улыбнулся.

— Ради родственных чувств приходится рисковать. Это роскошь, которую я редко себе позволяю.

Стоящая рядом с Бринкером Агнес закричала и вытянула руку. Это был прекрасный, пронзительный, оперный вопль, который завершился словом «Лев!» Все невольно посмотрели в указанную сторону. И тишина в комнате взорвалась криками.

На мгновение толпа расступилась, и Фэрис смогла бросить взгляд в буфетную. На покрытом скатертью столе среди разгромленных серебряных подносов стояла львица. Она была

целиком поглощена пирожками с крабами и омарами.

Агнес продолжала вопить. Кто-то оттолкнул Фэрис в сторону. Она удержалась на ногах и увидела, что Рид и Джейн почти добрались до двери. Король, не обращая внимания на панику, поспешно шел к ним. Посол Британии быстро перехватила его.

Толпа снова сомкнулась вокруг Фэрис, она обернулась и оказалась лицом к лицу с Бринкером. Она прыгнула на него и схватила за левый наручник доспехов.

— Ты!

Бринкер отпрянул, вырвал руку и повернулся, чтобы удрать.

Фэрис не успела погнаться за ним, как кто-то сзади схватил ее за локоть. Она почувствовала на щеке теплое дыхание Тириана.

— Сюда. — Он снова потащил ее в толпу.

С сожалением Фэрис позволила дядюшке скрыться. Ей потребовалось все проворство, чтобы не отставать от Тириана, который прокладывал путь сквозь толпу испуганных гостей. Они добрались до ближайшей черной лестницы, и телохранитель открыл дверь. Прошмыгнув мимо него, а потом вниз по лестнице, Фэрис почувствовала, как ее охватила странная беспечность.

Несмотря на то что ей не удалось найти способ подобраться к разлому, несмотря на предательство дяди и сложное положение, в которое попали ее друзья, Фэрис была рада покончить с маскарадом. Чувства вины и страха померкли перед восторгом свободы. Высоко подняв юбки, забыв обо всех приличиях, герцогиня бежала за Тирианом по коридору к следующей из четырнадцати неназванных лестниц.

Они подбежали к запертой двери. Тириан достал отмычку и воспользовался ею с легкостью, говорившей о длительной практике.

— Как вам удалось уговорить львов прийти к нам на выручку?

Тириан поднял глаза от замка.

— Я всего лишь раздавил ногой несколько крабовых пирожков на полу на каждом повороте — и оставил дверь открытой. — Замок тихо щелкнул, и дверь распахнулась. — Вот так. — Он улыбнулся.

Фэрис улыбнулась в ответ. Маленький пузырек радостного возбуждения притаился в ее горле. Из-за него ей стало трудно дышать.

— Производит впечатление.

Тириан, казалось, был очень доволен ею, самим собой и миром в целом. Он смотрел ей прямо в глаза, и Фэрис осмелела.

— Спасибо, что спасли меня.

— Рад услужить. Можно требовать награду?

Фэрис почувствовала, что задыхается.

— Конечно.

Тириан наклонился ближе и прошептал:

— Скажите мне, куда мы идем.

Фэрис заморгала.

— Прочь отсюда.

— Да, а потом?

Фэрис почувствовала, что пузырек восторга растет, она едва могла справиться со своим голосом.

— Не имею ни малейшего представления.

Тириан рассмеялся.

— Удачно. Пока не будем смотреть вперед, с нами все будет в порядке. — Он протянул руку. — Могу я пригласить вас на этот танец?

— Конечно. — Фэрис вложила руку в его ладонь. — Но я думаю, пусть лучше это будет галоп.

Весь остаток ночи шел дождь. Фэрис и Тириан едва успели выйти на улицу, как начался ливень.

Через несколько секунд расшитый шелк платья Фэрис прилип к ее телу и стал таким же красивым, как джутовый мешок, но гораздо менее удобным. Прядки волос, все еще заплетенных в косу и уложенных в корону, выбились и падали на глаза и на шею сзади. Когда она смогла уделить внимание коленям и локтям, то почувствовала, что на них расцветают синяки. Этим украшением она была обязана падению после взрыва шляпы Джейн.

Она подозревала, что Тириану ничуть не лучше. Его вечерний костюм промок насквозь, пропитанные водой туфли хлюпали на ходу. Неприятная ночь для прогулок под открытым небом.

В первый час после того, как Фэрис с Тирианом удрали из замка, они пытались добраться до Британского посольства. Имело смысл поискать там Джейн и Рида, а также убежища. Но король слишком быстро выслал отряды на их поиски. Беглецы обнаружили, что улицы вокруг посольства кишат стражниками короля, и не захотели рисковать. На обратном пути Тириан повел Фэрис в беднейший квартал города, где улочки были крутыми и узкими, а иногда соединялись переходами не шире обычной лестницы.

Фэрис следовала за Тирианом по улицам, где уже давно догорели костры Двенадцатой ночи, а из сточных канав смылись следы пепла. Несмотря на странно выглядящие, бесформенные наряды герцогини и ее телохранителя, немногие обитатели этого лабиринта обратили внимание на их появление. Никто их не

трогал.

Несмотря на все неудобства, Фэрис по-прежнему ощущала эту странную беззаботность, которая охватила ее в начале бегства. Она была свободна. Это почему-то успокаивало. Тириан с полной уверенностью двигался по лабиринту улиц, словно руководствовался каким-то внутренним компасом.

Дождь прекратился. Даже в запутанном квартале ниже эспланады ночь уступала место рассвету. Окна открывались, хозяйки уже развесили белье, и оно слабо раскачивалось на веревках, натянутых над скользкими булыжниками мостовой. Пока что народу на улицах было мало. Город никогда не замолкал, но этим утром в Арависе было так тихо, как только могло быть.

Фэрис чувствовала себя почти в безопасности, пока за углом впереди не послышался топот марширующих ног. Не замедляя шага, Тириан оглянулся на спутницу. Света было уже достаточно, чтобы Фэрис увидела мрачное выражение его лица. Оба понимали, что преследователи уже недалеко. Они оказались между двух поисковых отрядов.

Пустившись бегом вслед за Тирианом, Фэрис окинула взглядом пустую улицу. Двери, ворота, окна — все закрыто, спрятаться некуда.

Потом она увидела запертые железные ворота у входа в один из узких проулков, соединяющих две улицы. В тот же момент их увидел и Тириан. Не обменявшись ни единым словом, они вместе кинулись в ту сторону. Ожидая, когда телохранитель откроет замок, Фэрис заметила название улицы на стене рядом с воротами: тупик Край света.

Фэрис тронула Тириана за рукав.

— Вы мне когда-то говорили, что последуете за мной на край света, — прошептала она. — Вот ваш шанс.

Тириан прочел табличку и мягко улыбнулся.

— Вперед. Я часто гадал, на что он похож.

В рассветный час тупик Край света казался слишком темным. Он пропах сыростью, старостью и грязью. В нем было так же холодно, как и на улицах, но хотя бы не чувствовалось ветра. Ноги скользили по истертым, скользким камням дороги, которая сначала полого поднималась вверх, потом круто спускалась вниз с холма.

Спуск продолжался, становясь все круче; наконец проулок перешел в кривые ступеньки. Фэрис крепко держалась за рукав Тириана. Он уверенно вел ее вниз по лестнице. Один раз она споткнулась, и он обхватил ее рукой за талию. У нее перехватило

дыхание, и она обрадовалась темноте, почувствовав, как вспыхнули щеки.

Пройдя еще немного, они остановились, напрягая зрение в поисках хотя бы лучика света, который бы убедил их, что они двигаются не к центру земли. Фэрис поймала себя на том, что думает о Хиларионе, обитающем в одиночестве в темноте под своим домом.

— Надеюсь, спускаться нам недолго, — прошептала она. — Наверное, мы уже совсем близко от трехголового пса.

— Слушайте.

В отдалении Фэрис уловила звук, который напомнил ей шелест ветра в верхушках деревьев Галазон-Чейза или звук текущей воды.

— Водопад?

— Нет. Шаги. Кто-то идет за нами.

— Да, армия королевских стражников. — Фэрис напряженно прислушалась. Тириан был прав. Кто-то медленно приближался к ним сзади и был уже недалеко.

Оказавшись футах в десяти от них, невидимый преследователь остановился. Мужской голос спросил:

— Вы собираетесь остановиться там?

Фэрис очень хотелось зажечь свет. Словно в ответ на ее мысль подошедший отодвинул заслонку на фонаре, и она увидела мужчину, который его держал. Он был низеньким и лысоватым, но с неопрятной щетиной на подбородке и щеках. Темные, близко посаженные глаза горели любопытством. Одежда его выглядела поношенной, но довольно чистой. Он держал пистолет дулом вниз и рассматривал Фэрис и Тириана так же пристально, как они его. Если он и заметил пистолет в руке Тириана, то не подал виду.

После долгого молчаливого разглядывания этот человек снова заговорил.

— Вы глухие?

Фэрис посмотрела на Тириана. Он бесстрастно рассматривал незнакомца.

— Мы совершенно промокли, — в конце концов произнес он. — А вы почему нет?

— Я привратник, вот почему. А кто вы такие, что ухитрились проскользнуть мимо меня и вторглись сюда, закапали весь пол и еще задаете мне вопросы?

— Мы не хотели быть невежливыми. Я вас не видела, когда мы вошли. Где вы были?

— Но я вас видел, юная леди. И я видел, как вы обошлись с замком, молодой сэр. Вы открыли его так быстро, что я подумал,

что у вас есть ключ. Но если у вас есть ключ и вы знаете дорогу, то почему у вас нет фонаря? Зачем вы крадетесь на цыпочках и шепчетесь? И вот я здесь, по-прежнему в недоумении. — Он направил пистолет на Фэрис. — Вы должны объясниться. А вы, молодой сэр, не должны целиться в меня из своего пистолета.

— Целиться в человека невежливо, — мягко сказала Фэрис Тириану. Он опустил оружие, но не стал убирать его. Фэрис улыбнулась привратнику. — Мне очень жаль, что мы вас напугали. Мы заблудились. Вы можете нам сказать, где мы?

— Вы прочли табличку. Я слышал. — Привратник нехотя улыбнулся ей в ответ, опуская свой пистолет. — Наверное, веселая была у вас вечеринка.

— Действительно, — грустно пробормотала Фэрис. — По-своему она была веселой.

— Скажите мне, кто вы, иначе я отошлю вас обратно. Я думаю, вам это не понравится.

Тириан пожал плечами.

— Эта дама — инкогнито, кто я — и вовсе не имеет значения.

Улыбка привратника стала шире. Он начал тихо напевать что-то, потом запел громче:

— «На бой я иду с темным рыцарем призраков зла и порока…»

Под влиянием порыва Фэрис, не задумываясь, подхватила:

— «Десять лиг за край белого света, не так уж это далеко».

Привратник расплылся в улыбке.

— Вы мне нравитесь, юная леди. Я позволю вам выбрать, хотя редко это делаю. Хотите вернуться назад? Или зайдете к нам в гости?

— Как я могу выбрать, куда мне хочется идти, если я не знаю, где я?

— Ну, вы кажетесь такой умной юной леди, я думал, вы догадались. Вы в десяти лигах за краем белого света. — При свете затененного фонаря привратник двинулся дальше по переулку. — Пойдемте. С нами вы будете в безопасности.

На мгновение Фэрис заколебалась. Тириан стоял рядом с ней неподвижно, охваченный подозрением.

— Вы не думаете, что они перестали нас искать?

Тириан сделал долгий выдох.

— Нет.

— Считаете, нам следует вернуться?

После долгой паузы телохранитель неохотно ответил:

— Нет.

— Значит, мы можем здесь остаться?

Тириан вздохнул.

— Этому вас научили в вашем колледже?

Фэрис взяла его под руку, и они двинулись вслед за прыгающим фонарем привратника.

— Отчасти.

Привратник вел их по разветвляющимся переходам. Фэрис надеялась, что им не придется шагать еще десять лиг. Они с Тирианом были голодны, у них болели ноги. Ее мокрые юбки стали тяжелыми, и она никак не могла унять дрожь.

Пока они шли, звук падающей воды становился все громче, пока их переулок не пересекся под прямым углом с другим. Здесь привратник остановился на мгновение, глядя на бегущую мимо воду, но это был не водопад, вода стекала вниз по лестнице. Фэрис заметила перила в дальнем конце потока. Хотя они потеряли цвет и были покрыты пятнами, все же показались ей очень похожими на резную балюстраду мраморной лестницы замка.

Привратник с одобрением заметил ее интерес.

Он заговорил громко, чтобы перекрыть шум бегущей воды.

— Воды слишком много. Дожди не прекращаются все последние недели. Пришлось открыть люки одного из резервуаров над нами. — Высоко подняв фонарь, он вошел в поток. — Ступайте осторожнее.

Фэрис с ужасом смотрела на него. Тириан вошел в воду и протянул ей руку.

— Есть только одно утешение: больше промокнуть мы уже не можем.

Осторожно шагнув вслед за ним в стремительно несущуюся воду, Фэрис ахнула и вздрогнула от холода.

— Зато можем замерзнуть. Мы всегда можем замерзнуть еще больше.

Ушедший далеко вперед привратник остановился, чтобы подбодрить их. Он махал фонарем и звал, но шум воды заглушал его слова.

Ступеньки были крутыми и очень скользкими. Ледяная вода била по ногам, и они уже начали неметь. Фэрис знала, что Тириан по-прежнему ведет ее, но уже не ощущала его руку, сжимающую ее ладонь. Хотелось дойти до каменной балюстрады и ухватиться за нее.

Следующая ступенька оказалась расколотой. Нога девушки встретила пустоту, и она потеряла равновесие. Запутавшись в мокрых шелковых юбках, Фэрис упала и увлекла за собой Тириана.

Когда она полностью скрылась под водой, ее последней

связной мыслью была мысль о Хиларионе.

Глава 15
Мечты безумные сердца

Фэрис проснулась и почувствовала боль. Она лежала на чем-то твердом, плоском и холодном. С усилием поднеся руку к груди, она с облегчением убедилась, что стеклянный ключ на месте. Зато на ней не было обуви и перчаток, а маскарадный костюм высох и задубел.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, что свет в комнате исходит от серебряных канделябров. Их было два, они стояли в головах и в ногах ее ложа. Фэрис приподнялась на локтях и огляделась. Твердая поверхность оказалась гладкой крышкой обеденного стола из красного дерева, длинного, широкого и тщательно отполированного. Низкий барьер вокруг нее образовали стулья, задвинутые под стол. Стулья были отполированы так же тщательно, как и канделябры, и крышка стола.

Потолок был так высок, что свет уходил ввысь и там терялся, а само помещение оставалось погруженным в полумрак. Можно было с трудом различить, что пол покрыт слоем грязи, давно высохшей и потрескавшейся. Только ведущая к двери дорожка следов свидетельствовала о том, что комнату кто-то посещал. В остальной ее части корка грязи, возможно, осталась со времен потопа.

Фэрис соскользнула со стола. На мгновение в глазах потемнело, и она почувствовала, как предательски дрожат колени. Герцогиня вцепилась в край столешницы. Через секунду пелена перед глазами развеялась. С отвращением слыша потрескивание засохшей грязи под своими босыми ногами, девушка, пошатываясь, подошла к двери и подергала ее.

Заперта. Она нехотя побрела назад к столу. Стулья казались неудобными, и мысль о том, чтобы снова потревожить засохшую грязь, двигая их, ей не понравилась. Она села на крышку стола и постаралась спрятать босые ноги под подол изорванных юбок, чтобы согреть их.

Снова прикоснувшись к корсажу платья, Фэрис нащупала там стеклянный ключ. Она несколько успокоилась и стала рассматривать канделябры.

Если предположить, что свечи были новыми, когда канделябры поставили рядом с ней, — тогда она пробыла здесь несколько часов. Только ничто не доказывало, что они были новыми, как и то, что пробыли здесь столько же времени, сколько

и она. Можно ли надеяться, что кто-нибудь придет за ней раньше, чем свет погаснет? Из предосторожности Фэрис потушила все свечи, кроме одной, и решила зажигать их по очереди. Правда, теперь ей нужно не спать и следить, чтобы свеча не погасла, но никогда еще сон не был от нее так далеко.

И вообще Фэрис чувствовала себя ужасно. Голова болела, хотелось есть и пить. Она поела до того, как начала одеваться на бал, и ей казалось, что с тех пор прошло лет сто. Ее локти и колени покрылись синяками во время ночных приключений, и все конечности затекли, что невозможно было объяснить одним только сном на твердой столешнице.

Внезапно она поняла, что в ее волосах нет шпилек и они расчесаны. Она осмотрела поверхность стола и убедилась, что блеск его не потускнел, — значит, ее волосы и платье высохли еще до того, как она попала сюда. Один этот факт тревожил ее больше, чем все остальное вместе взятое.

Она подумывала о том, не закричать ли ей, но вскоре откинула эту мысль. Если Тириан так близко, что сможет услышать ее крик сквозь запертую дверь, то он наверняка уже предпринимает что-то для освобождения своей подопечной. А все остальные, заинтересованные в ее пробуждении, тоже могут оказаться достаточно близко, чтобы услышать крик. Ей не хотелось привлекать их внимание.

Фэрис смотрела, как стекает свечной воск, и думала о книгах, которые читала в Гринло. Как-то ей попалась сказка о Великом Крике, с помощью которого можно было открыть любой замок в королевстве. Джейн однажды летом попробовала так крикнуть, но не достигла успеха, и настояла, чтобы подруга тоже попробовала. Фэрис не проявила больших способностей к Великому Крику, как и к другим разновидностям преднамеренной магии. Кажется, ей удается только магия случайная, такая, которая меняет положение в худшую сторону.

Проницательность, сказал ей Хиларион, и воля. Фэрис задумчиво уставилась на дверной замок. Она понимает, что дверь заперта. «Отопрись, — подумала она. — Откройся. Выпусти меня! Мне не нравится это место. Отопрись!»

Засов шевельнулся. Фэрис почувствовала, как забилось сердце. Дверь медленно открылась внутрь. Затем пленница заметила, что за дверную ручку кто-то держится, подняла взгляд и увидела стройного молодого человека, который смотрел на нее.

— О, отлично. Вы проснулись. — Иштван Грэлент вошел в комнату, грациозно и совершенно бесшумно ступая по растрескавшейся грязи. Он сменил свой вечерний наряд на простую одежду, оставив лишь безупречно белую полотняную

сорочку и сапоги, когда-то хорошие, но теперь заплатанные во многих местах. — Надеюсь, вы хорошо спали.

Фэрис смотрела на него и думала, какие вопросы ему задать. «Где Тириан? Где я нахожусь? Почему ГРЯЗЬ?»

Вместо этого она устало произнесла:

— Доброе утро. Полагаю, сейчас все еще утро?

Грэлент улыбнулся ей и принялся зажигать все свечи.

— Боюсь, снова утро. Сейчас семь часов. Так рано являться, конечно, неучтиво, но я подумал, что вы, возможно, захотите позавтракать. — Он протянул Фэрис руку. — Хотите?

Она заколебалась, потом вложила свою руку в его ладонь и соскользнула со стола.

— Если вы укладываете своих гостей спать в столовой, то завтрак, должно быть, накрываете в спальне.

Он вручил ей один канделябр, а другой взял сам.

— Действительно, это так. Вы легко поняли наши безумные методы, отдаю вам должное. Вы многого здесь добьетесь.

— Здесь, — повторила Фэрис. Она не пошла вслед за ним к двери, но он не отпускал ее руку и вынужденно обернулся к ней. На его вопросительный взгляд она ответила таким же. — Где это?

— В десяти лигах за краем белого света, ваша светлость. Не так уж это далеко.

— Спасибо, что на этот раз потрудились правильно произнести мой титул.

Он улыбнулся хищной, но совершенно очаровательной улыбкой.

— Я называл вас «ваше величество» намеренно, а не по ошибке. И мы, монархисты, собираемся снова называть вас так.

Завтрак действительно был накрыт в комнате, напоминающей спальню. Что касается дверей, стен и окон, это помещение оказалось похожим на то, в котором Фэрис проснулась. Но здесь вдобавок присутствовала кровать под балдахином. У стены стоял письменный стол, заваленный грудой книг и бумаг, а в центре — стол обеденный, накрытый на двоих. На полу девушка заметила ковер, необычайно напоминающий ковер в библиотеке в Галазоне.

Грэлент взял у Фэрис канделябр и поставил рядом со своим на стол.

Герцогиня с недоверием рассматривала кровать.

— Впервые в жизни вижу спальню с такой узкой постелью.

Иштван Грэлент усадил ее за стол и сел на стул напротив.

— Приношу извинения за то, что вам пришлось провести ночь в столовой. Кажется, вы не заметили этого неудобства.

Потребовалось время, чтобы подготовить для вас эту спальню. — Он подал ей свежие булочки и черный кофе, потом налил себе. — Некоторые мои бумаги еще здесь. Надеюсь, вы не возражаете.

Фэрис попробовала кофе. Он был крепким и чудесно горячим. Она так обрадовалась теплу, что ей пришлось закрыть глаза, чтобы скрыть свои чувства.

— Где Тириан? — спросила она, когда снова смогла заговорить.

— Тириан? Кто такой Тириан? — удивился Грэлент.

— Мой спутник.

— Ах, да. — Грэлент сделал глоток кофе. — Мы отослали его обратно.

Фэрис разломила пополам свою булочку и посмотрела на куски. Это была прекрасная сдоба, совсем недавно из печи, и от нее все еще шел пар. Но не опасно ли ее есть? Она подумала о еде, описанной в книгах Гринло. Например, гранаты. Ну, если она не съест хоть что-нибудь, то не сможет уйти отсюда. Ноги не унесут ее далеко в нынешнем состоянии. Она проглотила булочку в четыре приема.

Грэлент подал ей следующую.

— Ему, кажется, не терпелось вернуться к вашим друзьям. Возможно, он хотел обеспечить подкрепление. Коня из тумана, копье как огонь. И тому подобное.

Фэрис прикончила вторую булочку и выпила еще кофе.

— Когда он ушел?

Грэлент снова наполнил ее чашку.

— Как только убедился, что вы здесь, с нами, в безопасности. Еще булочку?

Фэрис кивнула. Если бы Тириану предоставили выбор, он остался бы с ней до тех пор, пока она проснется. Только по ее приказу он бы покинул ее, а возможно, не подчинился бы и ему. Итак, он или пленник, как и она в этой хорошо обставленной тюрьме, или мертв. Фэрис размышляла, доедая завтрак. Если он в плену, ей просто придется найти его и освободить. Если мертв… Она снова закрыла глаза.

— Вы всегда так молчаливы?

Фэрис долго смотрела на Грэлента, перед тем как ответить. Он был молод и казался умным. У него был приятный голос, красивое лицо, а его веселость, по-видимому, не знала границ. Очень жаль, что его этика не гармонирует с его внешностью. В конце концов она ответила:

— Нет, почти никогда. Но как раз сейчас мне нечего сказать.

— Понимаю. — Грэлент рассматривал крошки, оставшиеся от булочек. — Хотите, я пошлю кого-нибудь принести еще?

Фэрис покачала головой.

— Куда пошлете? Разве мы не в десяти лигах от ближайшей пекарни?

— Есть более короткий путь. Я могу отправить привратника. Он принесет нам еще, если пожелаете. Мне кажется, вы ему понравились. Он не спасает кого попало, знаете ли.

— Да, он сказал, что я ему понравилась.

— Он очень дерзок, но весьма полезен.

— Он ваш сторонник?

Грэлент улыбнулся.

— Один из них. Привратник — мой личный помощник. Есть и другие. Но привратник лучше их всех. Не могу ли я послать его за чем-нибудь еще, даже если вы не хотите больше булочек?

— Я бы хотела получить обратно свои туфли, если можно.

— Конечно. — Грэлент принес ей туфли с противоположного конца комнаты. — Они наконец высохли, хотя, боюсь, никогда уже не станут такими мягкими, как прежде. Увы, и перчатки ваши погибли.

Грэлент опустился на колени и помог ей надеть затвердевшие туфли. Его руки показались ее застывшим ногам очень теплыми. Потом он принес ей халат из черной шерсти, отороченный мехом ягненка, и помог надеть его поверх платья. Несмотря на высокий рост Фэрис, халат оказался слишком длинным, больше четырех дюймов подола волочилось за ней по полу. Стоя у нее за спиной, Грэлент высвободил ее волосы из-под пушистого мехового воротника. Фэрис почувствовала теплое прикосновение его руки на затылке и не смогла подавить дрожь.

— Вы уже узнали, чем нам приходится расплачиваться за то, чтобы здесь жить. Зимой и летом температура остается неизменной. Летом это довольно приятно, но зимой, к сожалению, мы никогда не можем согреться. До этого момента не могли. Позвольте мне процитировать английскую пьесу. — Дыхание Грэлента шевельнуло ее волосы. — «Здесь нынче солнце Йорка злую зиму в ликующее лето превратило…»[21]

Фэрис обернулась к нему через плечо. И тут он ее поцеловал.

На мгновение она замерла, пораженная. Потом отстранилась. Грэлент ее отпустил. В развевающемся халате она зашагала к двери.

Уже отстраняясь от него, она почувствовала в себе нечто такое, что сама презирала. Хотя это слово еще не было произнесено, Фэрис поняла, что она — его пленница. Она поняла, что он ей солгал. И все же он не вызывал у нее отвращения. Ей понравился этот поцелуй. Неужели ее чувство к Тириану растопило что-то внутри нее? Что же, теперь ее будет привлекать

каждый мужчина, которого она встретит? Ее охватило отвращение к самой себе. Шагая к двери, она с силой провела тыльной стороной ладони по губам, вытирая их.

Грэлент успел к двери одновременно с ней и придержал рукой, не давая открыть.

— Прошу прощения, ваша светлость. — Его низкий голос стал тонким от смущения.

— Дайте мне пройти. — Голос Фэрис дрожал.

— «Если оскорбили мы тени…» — Грэлент казался сконфуженным. — Я искренне прошу у вас прощения. Я не намеревался навязывать вам свои ухаживания.

— Выпустите меня отсюда, — произнесла Фэрис более твердым тоном.

— Ваша светлость, вы должны считать мою комнату своей собственной. И должны поверить, что я никогда не войду в нее, если вы меня не пригласите. Но вы не можете ее покинуть. Я сейчас уйду. — Он открыл дверь.

Фэрис ударила локтем ему под ребра. Несколько секунд они боролись, стоя рядом, потом Грэленту удалось снова закрыть дверь. Он прислонился к ней и посмотрел в сердитые глаза Фэрис.

— Вы не можете отсюда выйти. — Его голос снова приобрел нормальный тембр.

Фэрис сделала шаг назад и выпрямилась во весь рост. Ей пришлось слегка поднять голову, чтобы смотреть ему в глаза. Ее голос еще дрожал, но теперь от сдерживаемой ярости, а не от смущения.

— Мне кажется, я достаточно долго сохраняла терпение. Мне кажется, я была само благоразумие. Теперь мне кажется, что вам пора объясниться.

Грэлент нахмурился.

— Я должен идти.

На этот раз Фэрис не позволила открыть дверь.

— Вы меня слышали.

Грэлент отступил на шаг назад, глаза его вспыхнули негодованием. «Он великолепно выглядит», — подумала Фэрис, и гнев ее еще больше разгорелся из-за отвращения к самой себе.

Раньше чем он успел запротестовать, она с напором продолжила:

— Что вы сделали с Тирианом? И нечего плести небылицы о подкреплении, потому что он никогда в жизни в нем не нуждался. Где я нахожусь? Что это за место? У вас здесь кровати под балдахином и булки прямо из печи, но посмотрите на состояние пола. Неужели у вас нет швабры? Что вы за мужчина, если

кормите меня завтраком в своей спальне, а потом целуете? А после извиняетесь? И что вы хотите этим сказать — будто я не могу уйти? Я уйду, если захочу. — Фэрис настежь распахнула дверь и вышла из комнаты.

В коридоре за дверью она остановилась. В шести шагах от нее стоял привратник, целясь из пистолета ей в живот.

— Я услышал голоса, сэр. Могу я вам помочь? — Его близко посаженные глаза горели злорадством.

Грэлент проскользнул мимо Фэрис в коридор и осторожно толкнул ее обратно в спальню.

— Вы думаете, есть необходимость в его помощи, ваша светлость?

Фэрис не ответила. Она неохотно сделала два шага назад и чуть не споткнулась о подол халата. Грэлент захлопнул дверь, чуть не ударив при этом стоявшую слишком близко пленницу. Наступила пауза, потом в замке провернулся ключ. Она осталась одна.

Разгневанная не меньше, чем испуганная, Фэрис ударила по запертой двери открытой ладонью. Почти сразу же замок снова заскрипел, и дверь отворилась.

Это был привратник, все еще держащий пистолет наготове.

— Вы уверены, что я ничем не могу помочь?

Фэрис не понравилось алчное выражение его лица. Она собрала все чувство собственного достоинства и высокомерно посмотрела на него.

— Ну, да, можете. Я бы хотела попросить горячей воды. Столько, чтобы помыться.

Привратник ухмыльнулся.

— Это не отель, знаете ли. Где, по-вашему, я достану горячую воду?

— Вы же достали ее для кофе.

— Кофе готовит Пирс, а не я. У меня своя работа. — Он захлопнул дверь и снова запер ее.

— И не копайтесь целый день!

Из коридора не донеслось никакого ответа. Фэрис прислонилась к двери и позволила себе вздохнуть.

«Десять лиг за краем белого света», — подумала она. Возможно. Но она все еще находится где-то в Арависе. Она оглядела свою темницу критическим взором.

Грязь на полу и пятна внизу на стене позволяли предположить, что комнату когда-то давно заливала вода. И все же ущерб, нанесенный ею, был минимальным для каменных стен и пола. Фэрис внимательно рассмотрела кладку. Она не разбиралась в подобных вещах, но подумала, что это напоминает

каменные стены замка. Балюстрада на лестнице с водопадом уж точно была похожа на балюстраду замка.

Фэрис была уверена, что она либо в самом замке, либо очень близко от него, так как у нее возникло еще более ясное, чем всегда, ощущение, что вокруг нее меньше стен, чем видит глаз. Даже ковер в центре спальни казался нереальным. Его узор из переплетающейся листвы, в отличие от узора на ковре в библиотеке Галазона, оставался постоянным. Но поблекший цвет фона под узором слегка менялся у нее на глазах, переливался, словно оперение скворца.

— Мне здесь очень не нравится, — вслух произнесла Фэрис. — Я хочу домой.

Затем, испуганная собственной вспышкой раздражения, она заставила себя сесть за письменный стол. Ей ничего не оставалось делать, как только ждать. И пока она ждет, может, по крайней мере, изучить бумаги и книги, которые Грэлент по недосмотру оставил ей.

Книги Грэлента оказались сильно потрепанными изданиями, знакомыми Фэрис: «Государь» Макиавелли, «Капитал» Маркса и «Развитие социализма из утопии в науку» Энгельса. Поля пестрели заметками, написанными неопрятным, крупным почерком. Там и сям страницы были покрыты пятнами кофе и красного вина. Все бумаги были написаны тем же неаккуратным почерком и еще больше запятнаны, чем книги.

Фэрис просмотрела бумаги, сначала от нечего делать, но потом заинтересовалась. Несмотря на небрежное обращение с вином и кофе, Грэлент скрупулезно вел счета. Какие деньги поступают, какие расходуются, что он приобрел и сколько — все было подробно записано. Какие услуги он оплачивал и кому (только под условными именами), тоже там значилось. Когда Фэрис обнаружила письмо из банка в Вене с сообщением о щедром переводе на счет Грэлента в Цюрихе, она покачала головой и, иронически усмехнувшись, принялась изучать записи Грэлента.

Фэрис уже покончила с бумагами Грэлента, когда наконец появилась горячая вода. Ее принес новый прислужник, рыжеволосый юноша, почти подросток. Он не произнес ни слова, просто поставил ведро, от которого шел пар, рядом с умывальником, собрал посуду после завтрака и ушел. Фэрис на всякий случай попробовала открыть дверь, но опять безуспешно.

В следующий раз, когда дверь открылась, за ней стоял Грэлент вместе с рыжеволосым юношей, держащим в руках поднос с обедом.

— Можно нам войти, ваша светлость? — спросил Грэлент.

— Раз уж вы так любезно попросили позволения, — Фэрис рассматривала поднос. — И раз уж вы принесли дары.

Юноша поставил поднос на стол и тут же подошел к письменному столу, с которого собрал все книги и бумаги.

— Можешь идти, Пирс, спасибо.

Оставшись наедине с Фэрис, Грэлент усадил ее за стол и сел на стул напротив.

— Прошу вас, ешьте. Я уже поел.

Фэрис не отрывала от него взгляда.

— Вам придется снять с пищи пробу.

Грэлент криво усмехнулся.

— Если хотите.

Фэрис вручила ему вилку.

— Пожалуйста.

— С удовольствием. Все, что дал мне Пирс, — это хлеб и сыр. — Очень деликатно Грэлент попробовал каждое блюдо на ее подносе. — Вот. О, очень вкусно. Да. Он ради вас постарался. — Он отдал ей вилку.

Фэрис передала ему свой бокал с вином, потом с водой. Он серьезно снял пробу и с того и с другого.

— Определенно, Пирс превзошел сам себя. Для меня редкая удача, если я получаю вино к ужину. — Фэрис молча наблюдала за ним. Ее пристальный взгляд заставил его рассмеяться. — Вы же не верите всерьез, что я собираюсь вас отравить?

— Помимо яда, можно применить, например, наркотики.

— Что за неприятная мысль. Не бойтесь, ваша светлость, я не намерен причинить вам никакого вреда.

Фэрис рассеянно тыкала вилкой в еду на тарелке.

— Тогда отпустите меня.

— Я сожалею, что должен держать вас здесь. Позвольте вас заверить, что это для вашей же безопасности. Существует ордер на ваш арест. Стражники ищут вас по всему городу. Я не думаю, что нас обоих устроило бы, если бы вы снова попали в руки короля. Если мои планы осуществятся тем не менее, когда-нибудь мы сможем без опаски вернуться в город. — Грэлент поднял брови. — Если вы это не съедите, Пирс будет очень обижен.

— Как долго я должна здесь оставаться?

— Не могу сказать. Но каким бы долгим или кратким ни было ваше пребывание здесь, надеюсь, вы будете считать себя не пленницей, а гостьей. А пока ваша рыба стынет.

— У вас здесь часто бывают гости?

— Вы — единственная. — Грэлент снова улыбнулся. — Понимаете?

Он знает, как привлекательна эта его хищная улыбка? Сам-то он понимает, что менее рассудительная женщина могла бы неправильно истолковать теплоту в его голосе?

— Я это понимаю, но удивлена, что понимаете вы. И откуда вы знаете о существовании ордера на мой арест?

— Больше мудрого Зевса я знаю. — Темные глаза Грэлента искрились весельем, но тон оставался серьезным. — У меня свои источники.

— Тогда скажите, что слышно о моих друзьях?

— Они прячутся в Британском посольстве. Король сделал заявление. Если вас ему вернут, он отзовет приказ об аресте ваших друзей. Торжественно обещает.

Глядя на Грэлента, Фэрис решила, что пища, вероятно, не таит опасности. Она попробовала рыбу. Хоть и остывшая, она оказалась очень вкусной.

— Значит, он думает, что я в посольстве вместе с ними.

Грэлент кивнул.

— И предлагает вашим друзьям безопасность в обмен на вашу свободу.

— Вполне в его духе. Но если он действительно думает, что я спряталась в посольстве, зачем он продолжает искать меня в городе?

— Он не может знать наверняка. И не хочет рисковать. Подумайте, как это будет неловко, если вы объявитесь в Галазоне. Он вызвал вас сюда, чтобы познакомиться до того, как согласиться взять вас в жены.

— Неужели все знали об этом, кроме меня?

— Мы же все-таки монархисты. — Грэлент застенчиво потупился. — Вы должны понимать, что нас это интересует.

— Почему вы себя так называете? Вы же считаете, что короля необходимо свергнуть. — Фэрис говорила намеренно веселым тоном, надеясь, что проявляет лишь легкую заинтересованность.

— Да, но только потому, что его семья свергла истинного короля — вашего отца. Мы намереваемся вернуть вас на законный трон.

— Вам нет нужды беспокоиться, — сухо ответила Фэрис.

Грэлент стал серьезным.

— Для нас это удовольствие. Действительно, это достижение увенчает наши усилия после многих лет лишений и жертв. Я никогда и не мечтал, что до этого действительно дойдет, знаете ли. Что у нас появится возможность исправить это старое зло.

— Тогда я вас поздравляю. Сколько лет вы терпели лишения? Я бы сказала, что вы старше меня всего на год или два.

— Мне двадцать пять лет.

— И вы недавно закончили университет.

— Политические интересы должны стоять на первом месте, даже перед ученостью. — Он словно оправдывался. — Я был не просто студентом, знаете ли.

— Вовсе нет. Вы — лидер фракции монархистов, и в таком нежном возрасте. Как долго вы шли наверх, пока заняли место партийного лидера? Ваши счета охватывают четыре года. Вы всегда отвечали за финансы?

Грэлент осторожно ответил:

— Я всегда чувствовал свою ответственность.

Фэрис наклонилась к нему, понизив голос.

— Это вы создали партию монархистов, правда?

Он прищурил черные глаза.

— Я просто придумал название. Это движение такое же обширное и мощное, как сам рабочий класс.

— Не совсем. Я думаю, ваше движение состоит из нескольких десятков ваших друзей. Или вы называете их сторонниками? — Фэрис откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на него, сделав глоток вина. — Вы изобрели монархистов, и вам удалось убедить заинтересованные круги в австрийском правительстве вас финансировать.

У Грэлента был такой вид, словно он недоволен собой.

— Мне уже давно нужно было прислать Пирса за бумагами.

— Большая небрежность с вашей стороны. Здесь очень скучно. И я уже прочитала большую часть ваших книг.

Он криво усмехнулся.

— Они ужасны, правда? Но полезны для того, чтобы выписывать из них отдельные фразы, когда подходит время писать в Вену с просьбой прислать еще немного карманных денег.

— Кажется, вы преуспели за счет австрийцев. Дорого содержать собственную политическую партию?

— Только когда нам необходимо собрать много людей вне стен университета. Там собрать большую толпу несложно, хотя, конечно, невозможно узнать, кто монархист, а кто нет. Но когда нам нужно продемонстрировать свои силы в другом месте, это может стоить дорого. К счастью, такая необходимость возникает не часто.

— Вы меня удивляете.

— Иностранные дипломаты слишком заняты, у них нет времени ни на что, кроме своих общественных обязанностей. Двумя-тремя демонстрациями мы можем произвести впечатление на всех одновременно. А пресса обычно довольствуется тем, что пишет обо мне. Например, моей персоне уделили довольно много внимания только за то, что я ворвался на бал-маскарад

Двенадцатой ночи.

Фэрис неожиданно обнаружила, что ей по душе та доверительность, с которой вел свой рассказ Грэлент. Он наивно гордился своими достижениями. И он действительно скрупулезно вел записи.

— Как это удачно для вас, — подзадорила она.

— Мне пришлось заказать приличное вечернее платье, конечно, но я рассматриваю это как инвестицию. Я буду носить его много лет.

— Вы планируете постоянно врываться на балы?

— Конечно нет. Скоро я получу возможность принимать в них участие на законных основаниях, не так ли? Это было очень забавно и даже в какой-то степени выгодно, но я бы никогда не занялся политикой, если бы искренне не интересовался общественной жизнью. Имейте в виду, частное предпринимательство увлекает. Более трудные задачи. Я бы никогда не посмел использовать монархическую схему в бизнесе. Но именно в политике крутятся легкие деньги.

— Я думаю, ваши таланты в других областях пропали бы зря. Вы задумали что-то конкретное? Или пока вам не представился случай заглянуть дальше монархизма?

Улыбка Грэлента ее тревожила.

— В этом нет необходимости. Собственно говоря, я в восторге, что монархисты наконец полностью раскроют свои возможности. Мы будем выглядеть гораздо более достойным капиталовложением теперь, когда у нас есть вы.

— Но меня у вас нет, не так ли? А если вы кому-нибудь скажете, что я у вас, вам нанесут визит королевские стражники.

Теперь Грэлент, в свою очередь, с видом заговорщика подался вперед.

— Но понимаете, есть одно большое преимущество в том, чтобы иметь такую маленькую организацию и быть столь осторожными с паролями и подпольными кличками. Мы держим в тайне наше местонахождение.

— Ерунда. Любая эффективная секретная служба могла давно проникнуть к вам к этому времени. Как только у короля возникнет подозрение, что я попала в ваши руки, вы обнаружите, что ваше местонахождение известно всем.

— Я готов пойти на риск. Монархисты вот-вот станут очень популярной политической партией. Все, что нам надо сделать, — это прятать вас достаточно долго, чтобы произвести впечатление на другие партии оказываемой нам все более мощной поддержкой. Когда коалиция перестроится и пойдет за нами, успех нашего переворота обеспечен.

— Никакого переворота не будет, — резко возразила Фэрис.

— Если мы получим достаточно денег от австрийцев, будет. — Ее явная тревога позабавила Грэлента. — Пейте вино и привыкайте к этой мысли. Вам понравится быть королевой.

Фэрис заговорила мягко и медленно, словно объясняла что-то маленькому ребенку:

— Я не собираюсь в этом участвовать.

Грэлент откинулся назад и оглядел комнату.

— Мы находимся под замком. Вы это поняли? В прошлом, когда резервуарам позволяли переполняться, эти комнаты заливала вода. Теперь шлюзы открывают гораздо раньше и у нас здесь редко появляется хотя бы мокрое пятно. Триумф техники.

— Так вот откуда эта грязь.

— Но если кто-нибудь откроет не тот шлюз, положение может стать серьезным. Очень серьезным.

— Если положение станет слишком серьезным, от меня вам не будет никакой пользы, не так ли?

— Надеюсь, вы не считаете, что я допущу, чтобы даме грозила опасность? Нет, я обещаю сделать все, что в моих силах, дабы защитить вас от любой опасности…

— Но?

— Сегодня утром вы спрашивали о человеке по имени Тириан.

Фэрис резко отодвинула стул.

— Нет, не говорите. Позвольте мне самой догадаться. Вы его заперли. Если я не соглашусь вам помочь, вы его убьете.

Он смутился.

— Вы слишком прямолинейно излагаете ситуацию.

— Зато точно.

— Не смотрите на меня свысока. Я старался вести себя по-дружески, потому что думал, что это облегчит положение для нас обоих. Если вы сочтете возможным сделать наши отношения не только дружескими, ну, тогда будет еще легче.

Фэрис с горечью рассмеялась.

— Но, к сожалению, я вам не нравлюсь в этом смысле. Поэтому я должен все объяснить начистоту. Не хочу вас пугать. Не думаю, что смог бы, и в любом случае я обычно поручаю подобные задания привратнику. Кажется, ему это нравится. Но вы просто должны понимать свое положение.

Она стукнула кулаком по столу.

— Нет, это вы должны понимать свое положение. Вы говорите об организации государственного переворота, словно собираетесь заказать пару обуви. Перестаньте напускать на себя важный вид. Признайтесь, что монархисты существуют только для того, чтобы

морочить голову австрийцам. Или вступите в настоящую политическую партию, если так стремитесь сделать карьеру.

Взгляд Грэлента стал жестким.

— Не кричите на меня. Сюда придет привратник, и сомневаюсь, что вам это понравится.

— Я не кричу!

Он поднес палец к губам. Когда она замолчала, он предостерег ее:

— У вас нет выбора. Монархисты посадят вас на законный трон, поможете вы нам или нет. Понимаете? Но если вы нам все-таки поможете, то я вам обещаю, что ваш друг не пострадает. А если нет… — Он замолчал и взглянул на следы прошлых наводнений. — Я вам позволю это обдумать. В следующий раз, когда я задам вопрос, отвечайте осмотрительно.

Остальную часть дня Фэрис провела, наблюдая, как оплывает воск на свечах. Пирс принес ей ужин и потом убрал поднос. Когда последняя свеча погасла, ей больше ничего не оставалось делать, как лечь спать, поэтому она уютно свернулась в центре кровати под балдахином.

Фэрис приснился сон.

Она находилась в Гринло, в часовне Святой Маргариты, где воздух пропитан временем и тишиной. Она стояла на коленях. Камни холодили ноги даже сквозь юбки ее маскарадного наряда. Ее ступни онемели, поэтому она перестала молиться и медленно встала.

За ее спиной раздались уверенные шаги. Она обернулась и увидела Джейн. Лицо подруги потемнело от беспокойства, она была одета для поездки верхом, в тех самых сапогах.

— Где ты была? — спросила Фэрис.

— Наконец-то. — В голосе Джейн звучало облегчение. — Я уж думала, ты никогда не уснешь. С тобой все в порядке?

— Все прекрасно. А в чем дело?

— Ты сейчас вспомнишь. — Джейн взяла Фэрис за руку и вывела ее из часовни. — Пойдем, покажешь мне, где ты находишься.

Они долго поднимались по лестнице, но не по той, что вела к шпилю над Гринло. Они шли по лестнице из белого камня, ее спираль была закручена туго, как рог единорога. Пока они поднимались, Фэрис вспомнила.

— Твоя шляпа взорвалась.

— Что-то поднялось из разлома. Понятия не имею, что именно. Оно нарушило мое равновесие и уничтожило все мои магические заклинания. — Голос Джейн звучал сердито. — Потом

оно проплыло мимо и улетело, одинокое, как облако.

— А с тобой все в порядке?

— Теперь все хорошо. И с Ридом тоже. Мы толстеем на лакомствах из кухни посольства. Как Тириан?

— Не знаю. Они говорят, что заперли его. У меня еще не было возможности его поискать.

— Посмотрю, что я смогу сделать, когда закончу здесь.

Белая лестница привела их в утро, на крышу, усыпанную обломками кирпича и камней, с которой открывался вид на панораму Парижа.

Фэрис показала рукой.

— Вон Эйфелева башня.

— Какая уродливая. Пошли выше.

Фэрис осознала, что ступени уже не из белого камня, а из белого стекла. Она поднималась дальше, стараясь не поскользнуться на гладкой поверхности. Когда она снова подняла глаза, город внизу был не Парижем, а Арависом.

— Я вижу отсюда нашу гостиницу, — радостно заметила она.

— Ничего удивительного. Отсюда мы можем увидеть даже Севастополь. Теперь покажи мне, где ты находишься, чтобы мы могли прийти и спасти тебя.

Фэрис посмотрела вниз. Лестница стала дымчато-зеленой, цвета солнечного луча в морской воде.

— Грэлент на этот раз сказал мне правду. Я там, внизу. Городские резервуары. Триумф техники.

Джейн сказала что-то, но Фэрис ее не слушала. Она смотрела вверх, туда, где ступеньки были сделаны из прозрачного стекла. Нет, поняла она, не из стекла. Изо льда. Очень скользкого. И все же если бы она могла забраться так высоко, может, увидела бы Галазон. Даже издалека Галазон было бы приятно увидеть.

Подумав так, она почувствовала запах сухих дубовых листьев и свежевскопанной земли. Ветер бросил ей на глаза прядь волос. Она попыталась убрать ее, но ей это не удалось. Она откинула голову, потерла глаза и проснулась.

Фэрис снова лежала на кровати под балдахином, закутавшись в одеяло. На мгновение глаза ее обожгли слезы разочарования. Она глупо заморгала в темноте. Когда она проснулась окончательно, то поняла, что произошло.

Джейн нашла способ поговорить с ней, а она все пустила на ветер, увлекшись видом. Но если она сделала это один раз… Фэрис закрыла глаза и попыталась заставить себя снова уснуть. Она глубоко вздохнула и поерзала в своем коконе из одеял. Матрас зашуршал под ее тяжестью. Девушка медленно выдохнула.

И застыла, широко открыв глаза, напрягая зрение в темноте. Был еще один шорох. И не она была его источником.

Кто-то — или что-то — сидел в ногах ее кровати.

Фэрис заставила себя дышать. Это усилие воли вознаградило ее. Потому что, когда она сделала прерывистый, неглубокий вздох, то уловила знакомый запах — сложный аромат смеси кофе, дыма и пряностей.

— Тириан?

— Да. — Его голос звучал спокойно. — Конечно.

Она села, нетерпеливо дергая одеяла.

— С вами все в порядке?

— Да. А с вами?

Последнее одеяло поддалось, и она бросилась к Тириану. Обхватила его руками и потянула вниз. Он тихо застонал от удивления. Они вместе свалились с кровати, Фэрис оказалась сверху. Она почувствовала его подбородок и щеку, колючую под ее ладонью, и попыталась его поцеловать. Так как он в это время вставал, она ударилась лбом о его нос. Он издал еще один тихий звук, то ли от удивления, то ли от боли. Она снова попыталась его поцеловать, и теперь ей это удалось.

Глава 16
Несвоевременный снег

Фэрис не сразу пришло в голову, что она привела в смущение их обоих. В тот момент казалось вполне естественным, что она должна поцеловать Тириана и что ему нужно несколько мгновений, чтобы ответить.

В тот момент она не подумала о положении, в котором оказался Тириан, лежащий на полу и придавленный всем ее весом. В тот момент она вообще ни о чем не думала, занятая лишь собственными сиюминутными ощущениями.

Ей показалось, что Тириан очень быстро прервал их поцелуй. Голос его звучал спокойно, как всегда, даже слегка виновато.

— Я не хотел вас пугать.

Фэрис понадобилось время, чтобы прийти в себя, так сильно ее выбили из колеи собственные ощущения. Несколько бесконечных секунд она была так близко от него, что его дыхание шевелило ее волосы, а его близость всколыхнула все ее тело.

А потом его подчеркнутая учтивость заставила Фэрис осознать, что она наделала. Она поспешила отойти от него, снова вспрыгнула на кровать и молча съежилась под одеялом, задыхаясь от смущения.

Тириан прервал молчание и произнес прежним тоном:

— Кажется, я обнаружил лестницу хранительницы.

Фэрис думала совершенно о другом и потому не поняла сразу значения его слов. Она молчала так долго, что Тириан с тревогой спросил:

— Они ведь не нашли ключ?

— Нет. Он у меня надежно спрятан. — Голос ее звучал не совсем твердо. — Почему вы думаете, что это лестница хранительницы?

— Замок на этой двери я не смог открыть. Если это не дверь на лестницу хранительницы, то я буду очень разочарован. — Тириан говорил совершенно бесстрастно.

В другое время Фэрис обиделась бы на такое откровенное нежелание замечать то, что произошло. Теперь она испытывала к нему благодарность за это. Она отбросила одеяло и начала нашаривать туфли. Сделала над собой усилие и спросила почти нормальным голосом:

— Что с вами случилось? Где вы были?

— Я пытался поймать вас, когда вы поскользнулись в водопаде на лестнице. Думаю, вы ударились головой, когда

упали, потому что ушли под воду мгновенно. Хорошо, что у вас такие длинные волосы. Только благодаря им я вас поймал. — Тириан был на редкость мрачен. — К тому моменту, когда я вынес вас на безопасное место, вы были без сознания, и мы оба чуть не захлебнулись. — Он запнулся, но потом продолжил с явной гордостью: — Привратник воспользовался ситуацией. Он созвал на помощь столько людей, что им удалось посадить меня под замок. Мне потребовалось некоторое время, чтобы отплатить ему. Когда я наконец это сделал, то отобрал у него в отместку ключи.

Фэрис нащупала свои туфли и надела их. Радуясь просторному шерстяному халату, она плотно закуталась в него, откинула назад волосы и потерла горящие щеки.

— Как вы меня нашли?

— Шел, пробуя ключи на связке. — Тириан встал и двинулся к двери. — Я вас искал. Чистая случайность, что я обнаружил лестницу хранительницы. Когда я нашел дверь, которую не смогли отпереть ни мои отмычки, ни ключи привратника, я начал подозревать, что мы наконец близки к успеху.

— Но откуда вы знали, что я здесь? Вам пришлось обшарить каждую комнату? — Будто для того, чтобы подтвердить обоснованность своего недоумения, Фэрис стукнулась ногой о какую-то мебель. И, стиснув зубы, прибавила: — Или вы умеете видеть в темноте?

— Я понял, что вы здесь, как только открыл дверь.

— О, неужели? — Фэрис наконец отыскала его во тьме. — Каким образом?

— Во-первых, я услышал звук, который запомнил по нашему путешествию на поезде из Понторсона в Париж.

Фэрис подумала и фыркнула.

— Какой тактичный способ сообщить мне, что я храплю.

Тириан с упреком ответил:

— Я не сказал, что вы храпите. Я изо всех сил стараюсь не говорить вам ничего подобного. Дайте подумать. Нет, это больше похоже на тихий рокот… — Он осекся, безуспешно попытавшись защититься от локтя Фэрис, воткнувшегося в его ребра. — Во-вторых… — Он смолк.

— Что еще?

— Если я так много времени потратил на то, чтобы уберечь женщину от беды, я могу определить, что она спит неподалеку от меня. Все равно, в темноте или нет.

Его слова прозвучали очень мягко, необычайно серьезно. Он приблизился к ней на шаг. Фэрис почувствовала, как его дыхание шевельнуло ее волосы, и невольно слегка отпрянула.

— Храпит она или нет, — прибавил он более легкомысленным тоном.

Фэрис удалось с горечью рассмеяться.

— А если я обещаю уберечь женщину от беды, — продолжал он, — я говорю серьезно. Думаю, вы поймете, когда немного повзрослеете.

Фэрис замерла.

— Что за чепуха. Какое отношение к этому имеет мой возраст? Я вас хорошо понимаю.

— Так я думал еще несколько минут назад. За кого вы меня принимаете?

Фэрис отодвинулась.

Тириан с сарказмом продолжал:

— «Если бы дело было только в любви, я бы последовал за вами — в рубище, если понадобится — на край света…»[22]

К своему изумлению, она узнала эту фразу. Тириан привел цитату из одного из трехтомных романов Джейн.

Он снова перешел на шутливый тон.

— Если бы дело было только в любви. Но мы оба знаем, что это не так. Любовь даже не имеет шансов на выигрыш. Давайте не будем это обсуждать.

— Я и не хочу это обсуждать. Вы первый заговорили об этом. Я не сказала ни слова о… ней.

Ее сердитый тон развеселил его. А она рассердилась от этого еще больше и, чтобы напугать его и сбить с него веселость, протянула руку, словно хотела снова обнять. Но Тириан, воспользовавшись этим, неожиданно притянул ее к себе, запустил пальцы в ее волосы и на этот раз поцеловал сам.

Всего на мгновение Фэрис захотелось прервать поцелуй и сказать очень спокойно: «Я не хотела вас пугать».

Но в следующее мгновение эта мысль улетела прочь навсегда. Ничего не видя в темноте, оглушенная бесшумным грохотом своего сердца, Фэрис перестала думать.

Когда Тириан наконец отпустил ее, он прошептал почти язвительно:

— Вот. Теперь вы верите, что существует нечто такое, чего вы еще не понимаете?

Он так взбудоражил ее, что Фэрис потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. Она еще не совсем пришла в себя, когда ее осенило: он тоже взволнован.

Фэрис почти не обращала внимания на то, каким путем Тириан вел ее от спальни Грэлента к двери, которую он не смог открыть. Ничего не было видно, и, благодаря природной

способности Тириана ходить бесшумно, почти ничего не было слышно. Она держала его за руку и двигалась так тихо, как только могла.

Ответ Тириана все изменил для Фэрис. Она поражалась тому, сколько времени потратила на изучение собственных слов и поступков, сомневаясь в своих выводах, гадая… А теперь все было иначе. Ее мысли обрели прочный фундамент.

— «Если бы дело было только в любви…» — Сарказм опровергал слова. И все же в голосе Тириана звучала музыка, по крайней мере для ее ушей. Его слова возвращались к ней, очень тихие, напряженно серьезные. «Если я обещаю уберечь женщину от беды, я говорю серьезно… Я понял, что вы здесь, как только открыл дверь… Теперь вы верите, что существует нечто такое, чего вы еще не понимаете?»

Фэрис сурово напомнила себе, что ей следует думать о разломе или, по крайней мере, об опасностях, которые могут поджидать ее на лестнице хранительницы. Вместо этого она предается мечтам о Тириане.

Ее слуга-любовник, как назвал его Бринкер. Фэрис гневно улыбнулась в темноте. Ну, пускай Бринкер говорит, что хочет, насчет любовников. Она только что сваляла дурака, но ради этого стоило сгореть от стыда. Она бы хотела, чтобы все ее идиотские поступки могли быть так же вознаграждены.

Пускай Бринкер говорит, что ему заблагорассудится. Это ничего не изменит. Всю свою жизнь Фэрис слышала сплетни о поведении матери. Какой вред могут причинить сплетни?

Но тут ее обдало холодом. Если только это не имеет значения для Тириана. «Не смотри вперед», — сурово приказала она себе.

Тириан нашел дверь. Он положил свою руку на руку Фэрис и поднес ее пальцы к замку. Она достала стеклянный ключ и, вставив в замочную скважину, осторожно повернула, опасаясь, что он может сломаться, если замок окажется тугим. Со щелчком, таким быстрым и точным, какой производит колода карт в руках опытного игрока, когда он снимает карту, ключ повернулся. Она вынула его и открыла дверь.

Фэрис вошла первой. Это лестница хранительницы, а она и есть хранительница. Не так ли? Она старалась скрыть свой страх. Тириан закрыл за ними дверь.

— Запереть опять? — прошептала Фэрис.

— Мне кажется, не надо. Вдруг нам понадобится уйти этой дорогой. А если понадобится, то мы, вероятно, будем спешить.

Они зашагали вверх по винтовой лестнице, ее спираль была закручена туго, как рог единорога. Лестница, потерянная давным-

давно. Затхлый воздух был сухим и едким.

Пыль заглушала их шаги, но и таила в себе опасность: под ее толстым слоем не было видно, на что наступаешь. Несколько шагов — и пыль покрыла щиколотки, набилась в туфли. Фэрис расчихалась. Идти быстро было невозможно, хотя все инстинкты подгоняли, требуя немедленно выбраться из этого заброшенного места.

После холодной спальни Грэлента здесь казалось очень тепло, даже душно. Своды из грубо обтесанного камня были так тесны, что Фэрис задевала их плечами. Когда она провела ладонью по камням, те показались сухими и мягкими. Она поняла, что на них тоже лежит пыль. Фэрис содрогнулась и вытерла ладони о юбку.

Она на ощупь поднималась в темноте все выше. Стало настолько жарко, что она распахнула шерстяной халат. Голова у нее взмокла, и пот струйками стекал на шею. Воздух приобрел едкий запах и, казалось, сгущался вокруг нее. Тириан прикоснулся к ее руке, и она остановилась, охваченная дурным предчувствием.

Что-то было не так. Телохранитель дышал тяжело, прерывисто.

— Дым, — с трудом выговорил он.

Ничего не было видно. Но в то мгновение, когда Фэрис обняла его рукой за плечи и поддержала, что-то произошло с ней, с ее внутренним взором. Она по-прежнему ничего не видела глазами, но внутренний взор показывал ей лестничную клетку, полную дыма, и этот дым был окрашен всеми цветами пламени.

«Костер зимой», — подумала она. Это случайное воспоминание повлекло за собой инстинктивную уверенность, и она поняла, почему это заброшенное место ее испугало.

Фэрис совершенно ясно осознала, что на лестнице хранительницы время замерло. Разлом образовался очень давно, но это мгновение все еще продолжалось, оно висело вокруг, словно пыль в воздухе. Поэтому здесь было так трудно дышать.

Фэрис почувствовала руку Тириана, крепко обхватившую ее за талию, и поняла, что он поддерживает ее в той же мере, в какой она поддерживает его. У нее щипало в глазах. В горле першило.

— Назад, — хрипло выговорил он.

Фэрис закрыла глаза и снова посмотрела на лестницу мысленным зрением. Такая же тугая спираль, как у лестницы в доме Хилариона. Хиларион, хранитель запада. Они поднялись тогда по винтовой лестнице и пришли в такое место, выше которого нельзя было подняться. И сейчас отступать некуда,

невозможно убежать от дыма.

«Проницательность и воля», — вспомнила Фэрис. А затем: «Это шляпа, пока я говорю, что это шляпа». Кашель сотрясал ее. Она не открывала глаз. Больше подниматься по этой лестнице нельзя. «Так поднимайся по другой лестнице».

Фэрис намеренно отключила свои ощущения и стала вспоминать Гринло: лестницу на башню-перечницу, которая вела к шпилю и северному якорю. Это была запретная территория, над которой властвовали Святой Михаил и Святая Маргарита, защищающие спины друг друга. Возможно, из-за своей запретности это место всплывало в памяти так отчетливо и с такой нежностью. Более гладкие стены. Более широкие ступеньки, истертые временем.

Время. Воздух был горячим и плотным. Фэрис кашляла, пока у нее не заболело горло. Она ощутила привкус крови. Рядом с ней Тириан согнулся пополам, силясь вдохнуть глоток воздуха.

Проницательность. Фэрис упрямо вспоминала прохладный камень, гладкий, серебристый серый камень строений Гринло, каждую лестницу, каждую башню. Она кашляла до тех пор, пока у нее не начали подгибаться колени.

Воля. И она вспомнила головокружительную высоту, вращение мира, когда однажды вышла из сумрака лестницы в башне на солнечный свет.

И мир вращался вокруг Фэрис. Только рука Тириана помогла ей устоять на лестнице, когда темнота снова сомкнулась вокруг. Но это была прохладная темнота, а жар отступил под напором свежего ветра, такого сильного, что он шевелил ее волосы и дергал складки халата.

Впервые за долгие годы сквозняки подняли пыль, попавшую в заточение на лестнице хранительницы. Сначала дышать было так же трудно, как в задымленном помещении. Затем ветер стих, пылевая завеса осела, и воздух очистился.

Фэрис спрятала лицо в ямку на плече Тириана и позволила себе отдохнуть так в усталом молчании. Некоторое время они оба глубоко, с присвистом вдыхали полной грудью чистый воздух, пахнущий Гринло и морем.

— Хорошая работа, — сказал Тириан хриплым голосом.

— Ничего еще не сделано. Разлом еще ждет.

— Мы до него доберемся.

Лестница, которая вывела их наверх, в ясное утро, была той самой лестницей, которую Фэрис помнила в Гринло. Заканчивалась она знакомой башенкой-перечницей. Но дверь башни вывела их не в Гринло. Фэрис и Тириан очутились на крыше, засыпанной обломками кирпича и камней.

Пробыв так долго в темноте, Фэрис лишилась дара речи, увидев свет. Она глупо хлопала глазами, а Тириан прошел мимо нее и отправился на разведку по развалинам бывшего тронного зала.

Было ранее утро, столь ранее, что город внизу только начинал пробуждаться. Небо на востоке освещалось разгорающимся восходом солнца, а редкие облака обещали ясный день. Львы, которые обитали в руинах, еще спали.

Тириана просто невозможно было узнать, измученный, небритый, грязный, он где-то потерял свой фрак, сорочка его посерела от пыли и порвалась, а манжеты заскорузли, пропитанные чем-то, подозрительно похожим на засохшую кровь. Запястья были покрыты такими же пятнами, они воспалились и распухли.

Фэрис посмотрела на себя и обнаружила, что грязна не меньше, чем он. То, что она приняла за пыль, оказалось пеплом. Пот смешался с этим летучим серым веществом, и в результате она оказалась покрыта пятнами, напоминающими мазки краски. И вся чесалась.

Тириан обнаружил дверь во дворец и поманил ее. Фэрис покинула тень башни-перечницы.

Краешек солнца только что показался над горизонтом, и мир менял свой цвет каждое мгновение. Повсюду царил свет, так много света, что Фэрис едва различала узор под ногами.

Она подняла глаза. Если она видела горизонт, то могла ориентироваться. Если она не смотрела, куда идет, то знала, куда идти. Она видела, как меняется узор под лучами восходящего солнца, и двигалась осторожно, стараясь не оступиться.

Разлом она узнала по прикосновению, еще до того, как его распознали остальные органы чувств. Она почувствовала, как что-то слегка изменилось у нее под ногами, словно узор расплывался. Фэрис посмотрела вниз. Она стояла в центре рисунка, выложенного белым стеклом на белом камне. Прямо под ее истрепанными туфельками этот узор менялся. Белое стекло становилось дымчато-зеленым, цвета солнечного луча в морской воде. Зеленое стекло поднималось вверх, образуя еще один лестничный пролет. Фэрис устало двинулась вверх по ступенькам.

Когда зеленое стекло превратилось в прозрачное, Фэрис остановилась. Лестница тянулась вверх, насколько хватало глаз, и лишь отраженный солнечный свет выдавал ее присутствие. Фэрис стояла неподвижно, глядя вверх. После времени, проведенного взаперти, тепло солнца было приятным, небо завораживало. Она не могла оторвать от него глаз. А вокруг себя со всех сторон она ощущала разлом.

Этого момента Фэрис все время боялась. Наконец-то она добралась до разлома, но все же совершенно не представляла себе, как его сомкнуть. То, чему ее учили в Гринло, не подготовило ее к подобной задаче.

А может быть, и подготовило. Фэрис вспомнила башню-перечницу. «Проницательность и воля», — сурово сказала она себе.

Жаль, что с ней нет Хилариона. И декана тоже. А больше всего жаль, что нет Джейн.

«Защита, — напомнила она себе. — Защита, которая уравновешивает Гринло, держится на двух якорях».

Вспомнив тишину часовни Святой Маргариты под Гринло, она подумала о резервуарах и проходах под замком. Поставить нижний якорь там, в спальне Грэлента.

Фэрис позволила остальной части конструкции встать на место, все время поднимая глаза к небу. Там должен находиться верхний якорь, когда она закончит. До тех пор там будет только небо. Не разлом. Она не позволит себе отвлекаться на разлом.

До этого момента Фэрис удавалось продержаться, но тут она услышала тихий звук, который не смогла бы определить. Это мог быть шорох накрахмаленных нижних юбок. Или слабый хруст сухой ветки в тот момент, когда ее охватил огонь.

Еще до того, как обернулась, Фэрис поняла, что она уже не одна на стеклянной лестнице.

На пять ступенек ниже ее стояла Менари, оглядываясь так, словно любовалась видом. На ней уже не было парика. Ее собственные русые волосы падали на плечи шелком еще более богатым, чем серый шелк платья на ней, точно соответствующий цвету ее глаз.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Менари.

Фэрис нахмурилась.

— Что ТЫ здесь делаешь?

Снова послышался слабый звук. Она осознала, что слышала шелест шелковых юбок Менари. Как долго Поганка наблюдает за ней?

— Никогда раньше не забиралась так высоко. — Менари вытянула шею и посмотрела вверх. — Почему ты здесь остановилась?

— Кто тебя выпустил?

Глаза Менари ярко сияли.

— Кто-то извлек для меня дополнительную магическую силу из разлома в Двенадцатую ночь. Она разрушила все чары на много миль кругом. Поэтому я ушла из Севенфолда и вернулась домой повидать своего дорогого отца. Он рассказал мне, что вы с

Джейн наведались сюда этой ночью. — Ее едва заметная улыбка стала шире. — Ты думаешь, здесь есть какая-то связь?

— Кто рассказал тебе о разломе?

— Я здесь выросла, помнишь? Мне еще в колыбели снился этот разлом. Он пел мне.

— Как это поэтично.

— Я нашла его, когда была еще маленькой девочкой. Я пыталась показать разлом Агнес, но она боялась. Она рассказала отцу, а он рассказал деду. Меня наказали. С тех пор все старались не пускать меня к разлому. Они даже привели львов, чтобы его сторожить. Но я не боюсь львов, мне они даже нравятся. И они ко мне не лезут. — Менари грозно посмотрела на Фэрис. — А кто тебе рассказал о разломе?

Фэрис не ответила на ее вопрос.

— Тебе повезло, что ты выбралась из Севенфолда. Зачем ты пришла сюда, не боишься, что отправят обратно?

Менари огляделась кругом и вздохнула с глубоким удовлетворением.

— Разве это не очевидно? Здесь сила.

Поганка посмотрела вдаль, на горизонт, казалось, она впитала утренний свет и приняла в себя его частицу. Он вернул румянец ее лицу и вспыхнул в ее волосах.

— Я всегда думала, что поделюсь разломом с отцом, но он его боится. Он не хотел, чтобы я поднималась сюда. Он так привык все делать по-своему. Мне пришлось его усыпить. Я их всех усыпила, всех в замке. Мне было некогда, а это избавило меня от споров. Теперь я думаю, что ты тоже должна уснуть. Я устала объяснять.

Ветер, растрепав волосы Менари, превратил их в светлый ореол, когда она протянула руки к солнцу. От нее исходил такой яркий свет, что кончики ее пальцев стали почти прозрачными на фоне неба. Постояв так, она опустила руки и улыбнулась Фэрис ангельской улыбкой.

Фэрис смотрела на нее. Красота Менари заставила ее болезненно осознать собственный жалкий вид, и это ее рассердило.

— Как быстро у тебя отросли волосы. Наверное, ты использовала какое-то заклинание.

Улыбка Менари померкла.

— Почему ты не засыпаешь?

— Неужели тебе все время надо разговаривать так, будто тебе шесть лет? Это так утомительно.

Менари топнула ногой.

— Усни!

Фэрис тоже топнула ногой.

— Заставь меня!

— Я пытаюсь. — Глаза Менари вспыхнули. — О, мне хочется убить тебя.

— Да, я догадываюсь. Ты мне тоже не нравишься, но я не нанимаю убийц.

— Конечно, ты не можешь. Отец бы тебе не позволил.

— Что может сказать твой отец… о! — Фэрис вспомнила вероломное соглашение Бринкера с королем. — Хочешь — верь, хочешь — нет, но я не стремлюсь стать твоей мачехой. Собственно говоря, худшей судьбы я даже представить себе не могу. Как только закончу здесь, я уеду домой, в Галазон.

Менари хитро спросила:

— Закончишь что?

Фэрис подбоченилась.

— Ну, сначала я собираюсь спустить тебя с лестницы.

— Ты пытаешься сомкнуть разлом, правда? Я это и раньше чувствовала. Извини, но могу тебе сразу сказать, что у тебя ничего не выйдет, — Менари насмешливо улыбнулась. — Не буду тебя отвлекать. Действуй. Пытайся.

«Проницательность и воля», — напомнила себе Фэрис. Перед сверкающей силой Менари она чувствовала себя жалкой и плохо подготовленной. Она хотела бы, чтобы у нее было волшебное кольцо, или волшебная палочка, или какой-нибудь другой волшебный предмет. Даже пусть тяжелая кочерга! «Остроконечная шляпа, усыпанная серебряными звездами и полумесяцами, пригодилась бы», — с грустью подумала она. Она даже не умела делать руками впечатляющие жесты. Могла только стоять, вся в грязи, чувствуя бессильную ярость, на стеклянной лестнице, над разверстой пастью разлома.

— Скажи мне, когда закончишь. — У Менари был скучающий вид, но злорадство в голосе выдавало ее заинтересованность.

Разлом слегка изменился. Фэрис почувствовала, как стеклянная лестница под ней как будто стала немного мягче. Зеленый цвет распространился выше, прозрачное стекло отступило на пять ступенек.

Фэрис села на ступеньку и прижала ладони к стеклу. Оно было холодным, но не скользким. Фэрис погладила ступеньку, лаская ее, словно та была живой. Лестница задрожала и замерла.

Казалось, голос Менари раздается откуда-то издалека. Невозможно было не услышать снисходительности в ее тоне.

— Это очень мило. Ты закончила?

Приходилось делать усилие, чтобы разглядеть Менари, такой яркий солнечный свет заливал ее. Фэрис прищурилась.

— Ты сделала это нарочно.

— Ты не можешь сомкнуть разлом. Я так и знала. Но было забавно смотреть, как ты пытаешься.

— Продолжай смотреть. Мне не зря поручили эту работу.

— Дура. Думаешь, ты была первой? Ты хоть раз получала что-то такое, чем я уже не владела и что отвергла?

Менари нанесла Фэрис удар по слабому месту, о существовании которого она не подозревала.

— О чем ты говоришь?

— А как ты думаешь? Если бы я хотела стать хранительницей севера, я бы ею стала. Тебе достаются мои объедки.

Фэрис с трудом сумела ответить:

— Ты ошибаешься.

— Давай, назови хоть одну вещь, которую ты получила до того, как она мне наскучила. — Менари сладко улыбнулась. — Бросаю тебе вызов.

— Это легко. — Фэрис почувствовала, как ее пальцы сжались в кулаки. Стекло леденило костяшки пальцев. — Любовь.

— Любовь? К тебе? — Менари смеялась долго. — О, ты говоришь о твоем слуге-блондине? Это очень смешно. Ты думаешь, я бы тебе позволила получить его обратно, если бы он мне уже не надоел? О, ты слишком старомодна. Попытайся еще раз.

«Если бы дело было только в любви…» Ну, дело не только в ней.

— Дружба, — сказала Фэрис.

— Ты думаешь о своей учебе в Гринло? В Гринло, где я делала все, что там можно было делать, когда ты еще даже не успевала помечтать об этом? — Менари покачала головой, продолжая смеяться. — Ничего лучше не можешь придумать?

Фэрис привыкла к Менари, но она так устала, что ей было трудно терпеть насмешки. Все это было правдой, в каком-то смысле. Она хорошенько поразмыслила, прежде чем заговорила снова.

— Долг, — в конце концов произнесла она.

Менари казалась озадаченной. Через секунду лицо ее прояснилось, а голос стал еще более покровительственным.

— Я все перепробовала, дорогая. И мне все это надоело.

Наконец пришла очередь Фэрис удивиться.

— Ты не знаешь, о чем я говорю, не так ли? Чем бы ты ни владела, у тебя нет Галазона. У тебя никогда не будет ничего подобного, и ты бы не знала, как о нем позаботиться, если бы он у тебя был. У тебя есть только ты.

Менари звонко рассмеялась.

— У меня есть разлом.

— Неужели? Ты уверена? — Фэрис подняла брови и прижала ладони к ступеньке. Следующий порыв ветра поднял непокорную гриву волос Менари и оставил в таком положении. — Ты совершенно уверена?

Глаза Менари широко раскрылись. Она сначала подняла руки, потом повысила голос:

— Прекрати!

Ее волосы все еще развевались вокруг ее головы, как языки пламени. Она силилась убежать.

Стекло под ладонями Фэрис стало таким холодным, что обжигало пальцы. «Проницательность и воля». Она чувствовала, как разлом тянется к длинным волосам Менари в слепой жажде, словно мотылек к огню. «Так возьми их обратно».

Менари закричала, когда иллюзия длинных русых волос покинула ее. Еще более красивая, чем прежде, с собственными волосами, пушистыми и короткими, как у ребенка, она злобно смотрела на Фэрис.

— Только попробуй еще раз. — В ее голосе звучала угроза. — Давай, попробуй. Ты не можешь ничего со мной сделать. Ты можешь только отправить обратно ту силу, которую я взяла для себя.

Фэрис не стала растрачиваться на ответ. Она отправила в разлом силу, которую Менари использовала для удовлетворения своего непомерного тщеславия. И почувствовала, как разлом слабо отозвался, словно ему не терпелось восстановить свою мощь.

Если бы это был кто-то другой, меньше связанный с природой разлома, старания Фэрис не дали бы видимого эффекта. Но и так видеть было почти нечего.

Менари не закричала. Не подняла руку. Она просто исчезла, словно язычок свечного пламени.

Разлом дрогнул, потом раскрылся шире, требуя еще пищи.

Фэрис очутилась одна на стеклянной лестнице.

— Наверное, ты взяла слишком много силы, сама того не понимая, — прошептала она в темноту.

Она по-прежнему ощущала разлом. Когда она отправила силу Менари обратно, это должно было помочь восстановить равновесие. Но Менари отказалась отдать свою силу, и это увлекло в разлом ее саму. Равновесие нарушилось еще больше. Она остро сознавала нетерпение разлома. Менари лучше всего умела брать. Возможно, разлому раньше ничего не давали.

Фэрис прижала испачканные пальцы к холодному стеклу. Что еще принадлежит разлому? Она торопливо стала нащупывать

нити его влияния.

Туман, окутавший высокие стены замка, легко вошел в него. Иллюзорные стены, оставшиеся с момента, предшествующего образованию разлома, исчезли в нем. Ущерб, нанесенный материалу замка, занял больше времени. Фэрис трудилась, пока все переменчивые узоры в замке, от пола разрушенного тронного зала до восточных ковров, не отдали что-нибудь разлому. Равновесие слегка сместилось.

Все, что принадлежало разлому, уже вернулось в него. И все же он по-прежнему оставался открытым. В отчаянии, Фэрис предложила ему воспоминания о своем первом взгляде на Аравис с развалинами высокого замка, увиденными издалека.

Разлом принял нечто большее, чем просто воспоминание. Фэрис сохранила память, но когда разлом ее принял, эта память уменьшилась. Она уже не могла сама представить себе столь знакомые очертания драконьего хребта. Она все еще знала, как он выглядит, но только так, будто кто-то ей о нем рассказал. Знание на основании собственного опыта исчезло.

Разлом все еще смещался, но уже гораздо медленнее. И одновременно разрастался белый свет. Свет был повсюду.

Если разлом нельзя сомкнуть, может быть, его можно заполнить. Фэрис несколько мгновений размышляла, потом отправила в разлом город Аравис, узкие, шумные улицы, там и сям освещенные кострами Двенадцатой ночи. Она предложила охоту на лис вместе с испанским послом и почувствовала, как удовольствие, полученное от скачки верхом, стало далеким и устаревшим. Она отдала свои воспоминания о сельской местности, о садах Севенфолда, о набережных в Шене.

Она рассталась со своей поездкой в лимузине «Минерва», с путешествием в Восточном экспрессе и с тяжелыми часами тряски в дилижансе вместе с Джейн. Липкий темный кекс, крошки воздушной выпечки и горячий, крепкий кофе тоже отдала, вместе с шелковистым огнем коньяка.

Она отдала вкус чая, который слишком долго заваривали, и с облегчением обнаружила, что больше ничего от колледжа Гринло не уйдет в разлом. Его защита устояла. Она поняла, что ей не принадлежит ничего, кроме этого крепкого чая, что она могла бы отдать. Париж тоже, под надежной зашитой Хилариона, не поддастся ее усилиям заполнить разлом.

Фэрис отдала разлому все, что могла, так быстро, как могла, словно в большой спешке укладывала вещи перед долгим путешествием. Он взял все, что она в состоянии была предложить, и взял с жадностью. Она отдавала воспоминания и опыт так же свободно, как и приобрела их, пока белый свет не ослепил ее и

она не перестала чувствовать движения разлома.

Жмурясь от усилий, едва осмеливаясь дышать, Фэрис остановилась. И в то же мгновение почувствовала, как белый свет вокруг нее начал распадаться на отдельные цвета. Разлом смещался, медленно, но неумолимо.

Время. Сколько у нее ушло времени на то, чтобы послать в разлом Менари, а за ней большую часть собственного жизненного опыта? Фэрис понятия не имела. Возможно, она стоит на стеклянной лестнице уже много часов. Так она может провести здесь остаток жизни и ничего не добиться.

Фэрис усиленно думала. Проницательность проявилась первой, будто холодная рука стиснула ее сердце. Она вздрогнула, думая о том, как ей удастся овладеть волей.

— Долг, — сказала она себе. Она попыталась рассмеяться и вздрогнула от звука, который у нее вырвался.

И тогда она нежно отпустила в разлом Галазон с его высокогорными лугами и густыми лесами, его замерзшими реками и заснеженными горами.

Для Фэрис трава на лугах высохла и выцвела.

Ветер, шевелящий леса, застыл. Реки заросли илом, а склоны гор обнажились. Она почувствовала, что Галазон стал такой же страной, как все, обычной землей, которую можно обменять, и у нее перехватило дыхание от боли.

Равновесие установилось. Жажда утихла. Наступило мгновение покоя, от которого сердце ее бешено подпрыгнуло. Затем разлом снова дрогнул.

Фэрис опустила взгляд на свои руки. Стекло, на которое они опирались, больше не было зеленым, оно стало прозрачным и холодным. Очень холодным.

— Ответственность. — На сей раз ей удалось слабо рассмеяться над собой, над своими надеждами, над самим звуком этого слова. Бессмысленного слова.

Теперь, надо полагать, ее долг — вернуться назад и признаться в своем провале. Рассказать всем, кого это волнует. А потом? Уехать назад, в Галазон, и постараться вытерпеть существование там? От этой мысли ее замутило. Уехать? Да, куда угодно, только не в Галазон.

Подняться выше по лестнице? Никаких объяснений. Никаких извинений. Никаких прощаний. Просто шагнуть в разлом.

Это должно быть очень просто. В конце концов, это ее долг.

И это не смерть, и даже не ссылка, так как она не может умереть, как и Хиларион, а Галазон уже там, ждет на дне разлома. Но все равно ей этого не хотелось.

Фэрис обдумала свое нежелание. Оно было как-то связано с

обещанием, но она не припоминала, чтобы давала какое-то обещание. Она нахмурилась, глядя на свои руки. Что-то она должна сделать перед тем, как шагнет в разлом и закутается в него, как в одеяло. Что-то она пообещала сделать.

Стеклянный ключ. Вот в чем дело. Она пообещала отослать ключ обратно Хилариону. Неловкими от холода пальцами она нащупала цепочку и достала ключ. Она может оставить его там, где Тириан наверняка его найдет. Потому что Тириан, несомненно, придет ее искать. Сможет ли он ее увидеть, если она окажется в разломе? Вероятно, нет. Неважно, если она сможет его увидеть. Но сможет ли?

Вдруг для Фэрис стало очень важным увидеть Тириана. Небезопасно оставлять ключ на лестнице. Она с трудом встала. Она отдаст ему ключ сама, и еще раз увидит его, и скажет… она не могла придумать, что именно скажет. Но он точно поймет, что она имеет в виду. Вот в чем самое большое достоинство Тириана: он понимает, в чем его долг, так же хорошо, как она. Или еще лучше. Он часто повторял ей, что нельзя смотреть вперед. Как будто бы знал. Впереди ее ждал только этот разлом.

Она спросила себя, не должна ли она отдать разлому время, проведенное с Тирианом. Но если самого Галазона оказалось недостаточно, как могло ее чувство к Тириану, глупое и неясное, что-то изменить? И она отдала уже так много, так неохотно… — нет. Хватит. Пока она сохранит то немногое, что у нее осталось.

Медленно, осторожно шагая по скользкой лестнице, Фэрис спустилась вниз. Цвет ступеней изменился, прозрачный лед сменился зеленой морской водой. Фэрис огляделась.

Небо, такое ясное на рассвете, затянуло тучами, особенно темными на севере. Ступеньки превратились из зеленых в белые, и Фэрис пришлось идти еще медленнее, так как северный ветер дергал ее за одежду и швырял в лицо пряди волос.

Она благополучно добралась до земли. Как только она сделала шаг в сторону от лестницы, узор белого стекла на белом камне померк. Вокруг нее лежали обломки кирпича и камня.

Над головой пролетела стая гусей, и их пронзительные крики заставили Фэрис вспомнить, как однажды в Гринло этот звук напомнил ей о Галазоне. Ее воспоминание о тоске по дому натолкнулось на оцепенение, это было все, что разлом оставил ей от Галазона.

Львы не спали. Лежали на ровном открытом пространстве, которое было когда-то тронным залом, и не встали со своего места, но наблюдали с интересом. Грэлент, Пирс и еще трое их сторонников сидели рядом, заложив руки за голову, перед башенкой-перечницей. Они с тревогой смотрели на хищных

зверей.

Тириан стоял над Грэлентом и остальными с пистолетом в руке. Пока он не заметил Фэрис, он выглядел измученным, но совершенно хладнокровным. Однако при ее приближении лицо телохранителя потемнело от тревоги. Они одновременно спросили друг друга:

— Что случилось?

Но ни один не успел ответить, так как дверь во дворец распахнулась. Из нее выбежали полдюжины вооруженных стражников со швабрами на головах, и с ними король. За ним по пятам следовала Агнес. Немного сзади плелся Бринкер, все еще зевая.

Грэлент крикнул Фэрис:

— Ваше величество! Вы вернулись за нами!

Она его почти не слышала.

При виде башенки-перечницы и непрошеных гостей стражники подняли оружие. Подул северный ветер, повсюду закружилась пыль. Король протер глаза.

— Разлом снова открылся. Наверное, это работа Менари. Найдите девочку сейчас же. Сейчас она где-то здесь. Остановите ее, пока она всех нас не погубила.

Агнес, цепляясь за его рукав, возразила:

— Она ваша дочь. Вы не можете посылать вооруженных людей схватить вашу собственную дочь.

Бринкер с усмешкой заметил:

— К сожалению, в данный момент вооруженные люди — это все, что у него осталось.

При виде Фэрис король закричал:

— Забудьте о Менари! Вот кто увеличивает разлом. Стража! Хватайте ее!

Стражники четким движением одновременно взяли ружья на изготовку.

— Не стреляйте! Не стреляйте в нас! — подали голос соратники Грэлента.

Сам Грэлент не взглянул ни на стражников, ни на своих сторонников. Вместо этого он поднялся и пошел к Фэрис с распростертыми объятиями.

Тириан загородил ему дорогу, но Грэлент, кажется, этого не заметил. Он встал перед девушкой с горящими от возбуждения глазами.

— Ваше величество, вы явились в самый подходящий момент. «В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха».[23] Я цитирую английскую пьесу.

Фэрис не обратила на Грэлента внимания. Ей пришлось

дважды прочистить горло, прежде чем она смогла произнести так громко, чтобы Тириан услышал ее за нарастающим ветром:

— Передай Хилариону, что мне очень жаль.

Нахмурившись, Тириан снова спросил.

— Что случилось?

Из-за его спины Грэлент настойчиво взывал:

— Наши силы почти равны силам сторонников узурпатора. Другого такого шанса у нас не будет. Вперед, ваше величество. Пусть звезды сходятся в битвах.

— Я потерпела неудачу. Мне очень жаль. — Она вложила ключ в руку Тириана и пошла обратно к разлому, чувствуя, что там ее ждут. Тириан повернулся, чтобы последовать за ней.

— Ведьма убегает, — крикнул король стражникам. — Остановите ее! Остановите, пока она всех нас не уничтожила, иначе вина ляжет и на вас тоже.

Грэлент упорствовал:

— Очень хорошо. Вы не отвечаете. В дальних далях найду я удачу. Уходите, ваше величество. Вниз по лестнице, ваше величество, — погодите — нет — ВНИЗ по лестнице.

— Остановитесь, Фэрис Налланин! — взревел король. — Остановитесь, иначе мы прикажем солдатам стрелять.

— Вы не смеете стрелять в законную королеву! — крикнул Грэлент.

Фэрис их почти не слышала. Она смутно ощущала присутствие Тириана у себя за спиной. Мир съежился, в нем остался только разлом с его жаждой. Больше впереди ничего не было. Задача ясна. Разлом.

Откуда-то издалека Фэрис слышала голоса, слабые, но ясные.

— Приготовиться, цельсь…

— Ради бога, нет! — Этот голос не мог принадлежать Бринкеру, хотя был поразительно похож именно на его голос.

— Не стреляйте, я сдаюсь! — Это крикнул Грэлент; судя по приглушенному звуку, он уткнулся лицом в землю.

Агнес завопила пронзительно, как закипающий чайник со свистком.

Теперь раздался уже точно голос Бринкера, прерывающийся от волнения:

— Ради бога, не стреляйте!

— Огонь!

Повиновение оказалось не идеальным, даже среди королевских стражников. Большая часть пуль прошла выше, случайно или намеренно.

Треск выстрелов раздался где-то далеко. Он был не громче стука захлопнувшейся двери. Фэрис почти его не заметила. Но

Тириан прыжком сбил ее с ног, и мир внезапно обрушился на нее, когда она ударилась подбородком о землю и прикусила язык.

Падение под тяжестью Тириана вызвало у нее шок. Несколько секунд она лежала неподвижно, пытаясь понять, что произошло. Не считая прикушенного языка и разбитого подбородка, она не чувствовала боли. Она совсем ничего не чувствовала. Только не могла пошевелить ногами. Почему?

Задыхаясь, она приподнялась на ободранных локтях, а потом ощутила, как горячая жидкость пропитывает ее одежду. Тут она поняла. Она не пострадала. А Тириан, распростертый на ней, истекал кровью.

Его глаза были открыты. Когда она склонилась над ним, то увидела по выражению его лица, что худшие ее опасения подтвердились. Он с трудом произнес:

— Я не уйду.

— Нет, не уходи. Ты не можешь уйти. — Она нащупала в его левой руке стеклянный ключ. Тонкий стержень оказался сломанным. — Тебе надо отнести ключ Хилариону. Я обещала.

Ему не удалось улыбнуться, но уголок его рта дернулся.

— И я тоже. — Он смотрел мимо нее в небо. — Пойдет снег. — На эти слова ушли его последние силы.

Когда Фэрис сжала его пальцы, его рука осталась неподвижной. Взгляд был пустым. Когда она окликнула его по имени, он не ответил.

Еще одна стая гусей пролетела над головой, и еще одна. Когда Фэрис подняла голову, чтобы взглянуть, северный ветер стал гораздо сильнее. Она отвела с лица спутанные волосы.

Ветер загнал короля, Бринкера, Агнес, Грэлента и всех остальных в укрытие. Даже львы куда-то скрылись. Фэрис была рада остаться одна. Она чувствовала, что разлом все еще ждет ее. Мгновение, не больше, а потом она пойдет. Теперь впереди у нее действительно нет ничего, кроме разлома.

Она не ощущала боли. Даже печаль отступила. И тут начали падать первые хлопья снега. Она радовалась их жгучему прикосновению к лицу. Это была всего лишь слабая боль, но и еще кое-что. Подарок, который она унесет с собой в разлом.

И все же она не узнавала облаков. Не понимала природы внезапной бури, которая налетела с севера, гоня перед собой гусей. Только когда она уловила аромат сухих листьев и сырой земли на остром лезвии ветра, она наконец поняла. Из всего того, что она отдала разлому, последним она призвала Галазон. И Галазон пришел.

Метель налетела внезапно. Наполовину ослепленная, в

центре снежного вихря, Фэрис с трудом встала.

Вокруг нее прекратили свое движение перемещающиеся узоры разлома. Она приветствовала печаль, боль, холод, которые обрушились на нее. Холод нанес ей удар, и одновременно он нанес удар разлому. Он заморозил ее, но он заморозил и разлом. Ветер швырял ее во все стороны, пока она не перестала ориентироваться. Находится ли она уже внутри разлома? Или разлом в ней?

Когда буря достигла своего пика, Фэрис установила последний якорь высоко над головой. Уверенная в собственных силах не меньше, чем в силе северного ветра, она послала себя в центр разлома. И нашла там центр равновесия, центр покоя. На одно ослепительное, нескончаемое мгновение, когда улеглась всякая боль, мир замер вокруг нее.

В это мгновение равновесия она ощутила присутствие Хилариона и, более слабо, еще двоих вместе с ним. Фэрис, все чувства которой были подавлены, показалось, что спутники Хилариона быстро пронеслись мимо. Она лишь мельком увидела их, но успела осознать их великую мудрость и древний возраст. Затем они исчезли.

Хиларион задержался. Словно любуясь цветом и композицией картины, он колебался. С деликатностью художника, работающего своей любимой кистью, он быстро внес поправку, помедлил, сделал еще одну. Удовлетворив свое чувство равновесия, он отошел, чтобы посмотреть на свое полотно. Очень довольный, с озорной улыбкой, он несколько мгновений смотрел на свою работу, а затем удалился.

Фэрис почувствовала, как уходит этот обладатель огромной мудрости, древний старец, сохранивший юношескую смешливость. Сначала ее озадачила реакция Хилариона. Потом родилась мысль о том, что теперь она осталась совсем одна.

Равновесие продержалось еще мгновение. Затем словно где-то вдали загудели колокола — это новые хранители востока, юга и запада заняли свои места в мире. Через долю секунды после того, как последний хранитель занял свой пост, равновесие изменилось. Разлом наконец сомкнулся, мир возобновил свой древний танец.

Снова замерзшая, полуослепшая, Фэрис сопротивлялась напору бурана. Постепенно ветер начал слабеть. Буря утихла.

Очень далеко Фэрис услышала слабый крик диких гусей, похожий на пронзительную, дикую песню или на лай гончих на охоте. Эта песня тронула ее, родила тоску по высокогорным лугам и густым лесам. Даже если бы не было туч, она бы не увидела диких гусей, так как спрятала лицо в ладони. Только ее

сердце видело их полет.

Глава 17
«Не люблю громких звуков, особенно утром»

Ветер стих. Снег, который местами намело до колен, начал таять и стекать ручейками, издавая слабый, но непрерывный журчащий звук, более музыкальный, чем дождь. Снова стал виден разбитый пол старого тронного зала, усыпанный камнями, темный от влаги. Над головой солнце все еще было скрыто пеленой облаков. Но по всему горизонту проявилось кольцо чистого неба, словно широкий синий ободок на серой чашке.

Фэрис медленно сняла халат, который дал ей Грэлент. В своем изорванном шелковом платье она больше не чувствовала холода. Она больше ничего не чувствовала, кроме смутной уверенности, что сделает следующий шаг, который от нее потребуется, потом следующий, и так далее, пока не выполнит свой долг. В данный момент ей было ясно, что ее долг — позаботиться о Тириане.

На мертвом лице светловолосого мужчины застыло странное выражение. Нечто похожее одновременно на страх и на удивление. Фэрис попыталась вспомнить, видела ли когда-нибудь такое выражение на лице телохранителя, когда он был жив. Ей казалось, что нет, но она не была уверена. Горе все сместило, и ей было трудно вспомнить. Она точно не помнила, ушло ли в разлом время, проведенное ею с Тирианом, или нет.

Фэрис разжала пальцы и посмотрела на ключ Хилариона. К ее изумлению, он оказался целым, не сломанным. И он потерял цвет дымчато-зеленого стекла, цвет морской воды. Теперь ключ был выточен из хрусталя, прозрачного, как вода родника. Хрустальные грани сверкали, отражая солнечный свет. Лишь цепочка, длинная и тонкая, как прядь волос, не изменилась. Фэрис надела ее на шею и оставила ключ висеть на виду.

Черный халат был достаточно большим, он полностью накрыл Тириана. Очень осторожно герцогиня поправила ткань, чтобы закрыть тело целиком.

Когда Фэрис неловко поднялась на затекшие ноги, то увидела, что, пока она была занята Тирианом, львы вернулись. Она устало выпрямилась на тот случай, если они попытаются подойти, но звери просто разлеглись вокруг нее в грациозных, спокойных позах, время от времени поглядывая со слабым интересом на дверь в замок. Ни один из них не выказывал намерения потревожить Фэрис или укрытое халатом тело.

Бринкер медленно и с опаской вышел из замка, не сводя глаз с Фэрис.

Она пока не была готова ни с кем разговаривать, и меньше всего с Бринкером. Но она не могла заставить себя отойти от Тириана.

— Это твоя кровь?

— Кровь? — Фэрис оглядела себя. — О! Нет! — Она обнаружила, что у нее болит горло.

— С тобой все в порядке?

Фэрис молча смотрела на него.

— Очевидно, нет. Я отвезу тебя обратно в «Метрополь».

Фэрис отпрянула от его прикосновения.

— Ты хотел выдать меня за короля.

— Хотел. И все еще хочу. Жаль, что король тебя терпеть не может. Такой выход был бы самым благоприятным. Досадно, что он не хочет меня слушать. Какая неприятность с твоим слугой. Погиб зря. Но ты не пострадала. Вот что важно.

— Ты приказал стражникам не стрелять. Я этого не забуду.

— Ты заметила мою слабую попытку, да? Мне казалось, ты ничего не замечаешь.

— Я заметила. Спасибо.

Благодарность Фэрис, по-видимому, задела Бринкера.

— Не люблю громких звуков, особенно утром. Наверное, нам теперь нужно уехать. Стражники не причинят тебе вреда, пока ты со мной.

Фэрис не могла просто бросить тут Тириана. Пока она подыскивала слова, которые подействовали бы на дядю, из дверей появилась Агнес. Она остановилась в нескольких шагах от Фэрис, а одна из львиц подошла к ней.

— Что ты сделала с моим отцом? — спросила леди Бринкер. — Где моя сестра? Здесь действует колдовство.

— Здесь ничего не действует, — отрезала Фэрис. — Все закончилось. Разлом сомкнулся.

— А! — Бринкер устало огляделся. — Где Менари?

— Она исчезла. — Фэрис посмотрела прямо в глаза Агнес. — Я ее убила.

Агнес покачнулась. Испуганная львица отошла на безопасное расстояние. Бринкер с ошеломленным видом поддержал Агнес.

— Ты по-прежнему исключительно дипломатична, — сказал он Фэрис.

— У меня не было выбора. Мне надо было сомкнуть разлом.

Бринкер выглядел заинтригованным.

— Ты убила мою сестру? Ты ее убила? — Агнес разразилась

рыданиями. Бринкер попытался ее утешить, но она оттолкнула его и удалилась во дворец с криком: — Я должна рассказать отцу!

— Значит, Менари мертва. — Бринкер вздохнул. — Ну, я уверен, что у тебя были причины. А этот разлом? Расскажи мне, что ты о нем знаешь.

— Это… это трудно объяснить. Попытайся представить себе трещину, разрыв в узоре мира.

— Вот как! Магия, не так ли? — Бринкер помрачнел. — А мне пришлось поклясться королю, что у тебя нет совершенно никаких способностей к магии. Он не соглашался на этот брак без моих заверений. Насколько я понимаю, это имело какое-то отношение к Менари. После того как Джейн сделала то, на что вы ее подговорили, он решил, что вы с Менари обе злоупотребляете своими силами. Кажется, он думал, что Менари хочет что-то выпустить на волю. Нечто такое, что сделает ее более могущественной, чем он сам. Ты тоже старалась это сделать?

Фэрис покачала головой.

— Мне необходимо было сомкнуть разлом. Он возник по вине Просперианы. Это был мой долг. — Она потеряла надежду выразить все это словами, понятными дядюшке.

Он уже и так напустил на себя насмешливый вид.

— Не понимаю, как одно связано с другим. Разве Просперианы не могла погасить собственный пожар? Если, конечно, можно так выразиться.

Из дворцовых дверей с опаской вышли два герольда. Не отрывая глаз от насторожившихся львов, они нестройно протрубили в фанфары. Вслед за ними вернулись стражники, ведя за собой короля, на руке которого висела Агнес.

Гнев короля уступил место потрясенному молчанию. Он просто уставился на Фэрис и на неподвижное тело под черным халатом.

Агнес, кажется, озадачило отсутствие реакции с его стороны. Она дергала его за рукав и настойчиво требовала:

— Арестуйте ее, отец. Вы должны отдать приказ о ее аресте.

Голос короля звучал хрипло:

— Нет.

— Конечно нет, — резко подтвердил Бринкер. — У нас сегодня и так хватило недопонимания. Чистая случайность, что мы избежали самого неприятного инцидента. Никто не арестует герцогиню Галазонскую за что бы то ни было.

Агнес была поражена резкостью мужа.

— И ты тоже? — Она повернулась к королю. — Скажите же что-нибудь, отец. — Встретив его молчание, она отшатнулась. — Все здесь заколдованы! — Она ткнула пальцем в сторону

Фэрис. — Это твоя работа. Во всем виновата ты. — И, зашипев, прыгнула на Фэрис.

Львы только собирались прыгнуть, как вмешались два стражника. Агнес боролась с ними, пока король не осознал, что воины смотрят на него, ожидая распоряжений. Он неуверенно кивнул, и они увели Агнес, стараясь, насколько могли, держаться с достоинством.

Едва они удалились, как в дверях возник управляющий дворцом, он задыхался, лысина его блестела от пота.

— Ваше величество, прибыла его превосходительство, мадам Эдит Пэрри, чрезвычайный и полномочный посол Британии.

По пятам за ним шла женщина, одетая в подобающий для утреннего визита во дворец серо-голубой костюм. Горнисты покорно протрубили и смолкли. Управляющий удалился. Посол молча смотрела на собравшихся. Острым взглядом она сразу же выделила Фэрис и лежащее тело под черным халатом.

За послом вошла Джейн Брейлсфорд, аккуратно причесанная, но все еще в своем красном вечернем платье. Рид, в несколько помятом костюме, держался рядом с ней.

— Ты это сделала! Я чувствовала, что ты это делаешь. Ты сомкнула разлом. — Взглянув на Фэрис, Джейн резко остановилась. — Что случилось? Ты ужасно выглядишь. Где Тириан? — Она оглянулась на львов, потом увидела неподвижную фигуру, накрытую халатом. Она побледнела и в ужасе посмотрела на подругу.

Рид нахмурился, сбитый с толку.

— Где? Что? — Он проследил за взглядом Джейн. — Не может быть.

При виде потрясения и горя на лицах друзей Фэрис почувствовала, как ее собственное лицо задергалось. Воспаленное горло сжалось.

— С вашего позволения, ваше величество, — обратился Бринкер к королю, который тупо смотрел в пространство. — Может быть, ваши стражники могут выделить достаточно людей, чтобы убрать тело. — Не успела Фэрис возразить, как он прибавил: Чтобы похоронить его с почестями. — Потом повернулся к послу: — Король, несомненно, захочет объяснить вам, как глубоко он сожалеет об этом несчастном случае.

Король неуверенно кивнул. Когда стражники приступили к выполнению его приказа, Джейн что-то шепнула Риду, и тот пошел вместе с ними.

Фэрис смотрела, как уносят Тириана. На продуваемой ветром высоте царила тишина. Львица грациозно улеглась у ног герцогини и принялась вылизывать лапу. Фэрис закрыла глаза.

Прозвенел резкий голос Джейн:

— Держите ее. Она сейчас упадет в обморок.

Бринкер протянул к ней руки, но Фэрис собралась с силами.

— Я не упаду в обморок. — Она с трудом сглотнула. — Возможно, меня стошнит.

Бринкер казался слегка шокированным.

— В присутствии посла Британии? Не надо.

Не обращая внимания на львов, которые держались от нее на почтительном расстоянии, посол Британии вышла вперед.

— Я говорю с хранительницей севера? — Словно не замечая отчаяния и растрепанного вида Фэрис, она приветствовала ее подобающим случаю официальным поклоном.

Фэрис взяла себя в руки и ответила ей тем же.

— Мне выпала эта честь. — Она опустила глаза на львицу. — Хотя и совсем недавно. Вы застали меня — и мои дела — в беспорядке. Буду рада побеседовать с вами в другой раз.

Посол окинула Фэрис проницательным взглядом.

— Понимаю. Вам нужно заняться более важными вещами. Но мне хотелось бы заверить короля Эдуарда, что его посольство в этой стране пользуется благорасположением и защитой хранительницы севера.

— Вы можете заверить ваше правительство, что вы и ваше посольство пользуетесь моим полным расположением. — Фэрис вздохнула. — Вы ведь понимаете, что я не играю никакой роли в правительстве Аравиля?

— Конечно. — Посол оглянулась на короля, стоящего в окружении оставшихся стражников. — Уверена, что правительство Аравиля сожалеет обо всем этом недоразумении. Несомненно, все обвинения против хранительницы и ее друзей будут сняты. Возможно, правительство Аравиля хочет сделать заявление по этому поводу?

Король, казалось, с трудом подбирает слова.

— Я… я глубоко сожалею…

Послу явно не понравилось очевидное замешательство короля, но она лишь сказала:

— Так я и доложу. — Она посмотрела на львицу, которая принялась за другую лапу. — С разрешения хранительницы, могу я остаться? Я хотела бы наблюдать — чтобы отослать полный и точный отчет.

Бринкер поднял одну бровь.

— Больше наблюдать почти не за чем. Если только вы не хотите посмотреть, как мы уходим.

Посол невозмутимо посмотрела мимо Бринкера.

— Есть представитель и еще одной стороны, который явно

жаждет получить аудиенцию у хранительницы.

Вперед вышел Иштван Грэлент, стряхивая следы пепла с манжеты белой сорочки. Его соратники внимательно наблюдали за происходящим, сгрудившись на площадке лестницы в башне-перечнице, где они раньше укрылись от метели.

— Ваше величество… — Грэлент перехватил Фэрис и почтительно отвел ее на шаг или два в сторону от Бринкера. Он понизил голос до заговорщицкого шепота. — Одно слово вам на ухо, ваше величество.

— Не называйте меня так.

Бринкер скрестил руки и ждал, краем глаза следя за львицей. Джейн подошла к нему и склонила голову к плечу так, что стало очевидно: она собирается подслушивать.

Грэлент держал Фэрис за руку.

— Ваша светлость…

Фэрис выдернула руку.

— Я должен вас предупредить… — Грэлент сделал паузу и многозначительно огляделся кругом. — У вас повсюду враги.

Все смотрели на них с большим интересом, даже львы. Все, кроме короля, который сильно побледнел, и Фэрис подумала, что это его сейчас стошнит в присутствии посла Британии.

Грэлент серьезно продолжал:

— Никому не доверяйте, ваше величество. Но никого и не бойтесь. Вы знаете, кто вы для нас.

— Почему он никак не может выучить ее титул? — спросил Бринкер у Джейн.

— Я предлагаю вам свою защиту. — Жест Грэлента охватил башенку-перечницу, лестницу хранительницы. — Идите со мной. Займите свое место в этом мире.

— Я начинаю понимать, почему его называют Томом из Бедлама, — заметил Бринкер.

— Он совсем свихнулся, — согласилась Джейн.

Грэлент не обращал на них внимания.

— Если вы пойдете с ними, то станете пешкой. После того как вы гостили у меня, вы принадлежите мне, а не им.

Фэрис понимала, что должен быть какой-то разумный ответ, должен быть. Ответ, который покончит с этой глупостью. И покончит до того, как Грэлент сообщит всему миру, случайно или намеренно, что она была его пленницей.

— Пускай нас судят по нашим делам. Ваша светлость? — Казалось, Грэлент озадачен молчанием Фэрис.

— Снова он запутался в титулах, — заметил Бринкер.

Джейн подошла ближе и поддержала Фэрис.

— Позволь мне заняться им, — прошептала она.

— Джейн… — Фэрис повернулась к подруге, широко раскрыв глаза от облегчения.

— Разрешите представиться. Я — Джейн Брейлсфорд. Вас зовут, если я правильно припоминаю, Томас из Бедлама.

Он ответил со скромным достоинством.

— Мое имя — Иштван Грэлент.

— О боже. Как это глупо с моей стороны. Я слышала, как вас объявили Томасом из Бедлама на балу Двенадцатой ночи, но нас так и не представили. Я была Красной Шапочкой. Как приятно наконец встретиться с вами лицом к лицу. Ваше имя в последние два дня у всех на устах. — Не успел Грэлент ответить, как Джейн продолжила: — Кажется, вас волнует безопасность Фэрис. Очень похвально. И все же я невольно задаю себе вопрос, обратили ли вы внимание на недавние события. Возможно, новости не доходят так быстро до места, которое находится в десяти лигах от края света, а?

Грэлент с подозрением посмотрел на Джейн.

— Кто это? — спросил он у Фэрис.

Джейн была сама любезность.

— О, я не очень важная персона. Просто подруга Фэрис. Кажется, вы сами знакомы с Фэрис. Если позволите, я бы хотела дать вам дружеский совет. Посмотрите на нее. Посмотрите на львов. Кажется, есть такой геральдический термин — «затаившиеся». Они будут покорны, как младенцы, пока Фэрис никто не угрожает. Теперь спросите себя: «Почему?»

Грэлент, хмурясь, попытался заговорить.

Джейн прервала его смехом.

— Мой дорогой мальчик, ДОРОГОЙ мальчик, вы предложили защиту хранительнице севера. Оглянитесь вокруг. Вы думаете, она нуждается в вашей защите, если даже дикие звери признают ее власть? — Джейн обратилась к Фэрис: — Вот. Я сделала все, что могла, чтобы прояснить положение. Если он не поймет намек и не уйдет, рекомендую превратить его в мышь. Может, тогда он обратит внимание на львов.

Запинаясь, король заявил Грэленту:

— Хранительница севера получит всю необходимую защиту. Ей здесь не причинят вреда. Любой, кто посмеет ей угрожать, должен дважды подумать.

— Ваше величество… — Грэлент обращался к Фэрис, не к королю.

— Убирайтесь прочь, — удалось произнести Фэрис довольно громко. Эти слова закружились вокруг нее, все убыстряя темп. Когда у нее подогнулись колени, она подумала о мадам Брачет.

Она услышала, как Джейн крикнула:

— Держите ее.

Но никто не поддержал. Фэрис ударилась о землю, и мир вокруг нее померк.

Фэрис очнулась в очень маленькой и очень темной комнатушке. Так она решила сначала. Собравшись с мыслями, она поняла, что лежит на кровати, на огромной кровати с задернутыми занавесями из парчи. Она пошевелилась на груде подушек и села, моргая. С радостным удивлением герцогиня обнаружила, что на ней надета ее собственная поношенная ночная сорочка. А волосы спутаны не больше, чем обычно после ночного сна. У нее вырвался вздох облегчения.

Кольца занавесок тихо звякнули, и Джейн раздвинула парчовую ткань.

— Проснулась наконец? — За спиной подруги Фэрис увидела очень просторную комнату, стены которой были задрапированы парчой с большим количеством вышитых золотом листьев. Такая аляповатая роскошь могла быть только настоящим золотом.

— Ох, Джейн, мне снился такой ужасный сон.

Но отчаяние на лице Джейн сказало Фэрис, что ее радость преждевременна. Это был не сон.

Фэрис казалось, что она задыхается, но она заставила себя заговорить.

— Тириан?

Джейн покачала головой.

— Но ты сомкнула разлом. Теперь все исправлено. Ты это сделала. Разлом закрыт.

Фэрис почувствовала, что оцепенение, охватившее ее после смерти Тириана, дрогнуло и начало спадать. И у нее тут же перехватило дыхание от боли. Когда прошел приступ отчаяния и она смогла снова говорить, она спросила:

— Что мне теперь делать?

— Будешь исполнять свой долг. — У Джейн был печальный вид.

— Но что это такое? Мои обязанности закончились. О боже. Что, если я доживу до семидесяти лет? Это еще полвека — и мне нечего делать.

— Не преувеличивай. Всего сорок девять лет.

— Правда? Какой сегодня день?

— Тринадцатое. Ты стала совершеннолетней. Хватит жалеть об утраченных обязанностях. У тебя теперь множество новых. — Джейн прошла вокруг большой кровати, отдергивая занавески, чтобы Фэрис могла увидеть огромное пространство комнаты.

— Где мы?

— Все еще во дворце.

— Боже мой! Здесь все такое огромное?

— Вовсе нет. Моя комната вдвое меньше этой, и парча цвета слоновой кости, а не розовая. Золотых листьев меньше, зато на потолке фреска — «Триумф любви». Меняемся?

— Джейн, — Фэрис еще раз оглядела роскошь комнаты и слегка нахмурилась, — мы под арестом?

— Конечно нет.

— Почему? Ты воздействовала на короля чарами. Я убила Менари. Кто знает, какие еще преступления приписывает нам король?

— Мы теперь почетные гости. Вольны уехать или остаться. — У Джейн был задумчивый вид. — По-видимому, старик испытал сильный шок.

— Где Бринкер?

— Когда я видела его в последний раз, он в тревоге слонялся по коридору. Ему станет легче, когда он узнает, что ты пришла в себя. Если бы тебе причинили вред, ему бы пришлось занять очень жесткую позицию по отношению к его величеству, очень жесткую.

— Что случилось с Грэлентом? Его арестовали? Или ты превратила его в мышь?

— О боже! Нельзя так обращаться с мужской красотой! Нет, он воспользовался удобным моментом и быстро скрылся. Когда ты грациозно упала в обморок, он и его парни удрали вниз по лестнице хранительницы. А что? Считаешь, его нужно было арестовать?

Фэрис покачала головой.

— Так лучше. Мелкие политические партии только растут и крепнут, если их лидеров сажают в тюрьму. На месте короля я бы немедленно выставила Иштвана Грэлента из страны. И как только его здесь не будет, обнародовала бы сведения о том, что он перевел деньги партии на свои счета в Цюрихе. Это охладит пыл его сторонников.

Джейн с уважением посмотрела на нее.

— Нет ничего лучше вовремя пущенного слуха, чтобы отвлечь внимание оппозиции, не так ли?

— Особенно если достоинством этого слуха является его правдивость.

— Хочешь дать совет королю по этому вопросу? Вероятно, ему будет приятно узнать, что ты наконец очнулась. Я пришлю кого-нибудь помочь тебе принять ванну и одеться, а сама схожу сообщить ему, что ты согласна дать ему аудиенцию.

— Погоди…

Джейн обернулась.

— Я дам аудиенцию ему?

— Неужели и тебе тоже нужно объяснять? Фэрис, ты хранительница севера.

Фэрис уже вымылась и оделась к тому моменту, когда Рид постучал в дверь. Под бдительным взглядом горничной, только что застегнувшей на ней черный костюм, Фэрис позволила Риду войти.

— Король ждет вашей аудиенции в приемном зале. Джейн послала меня сказать, чтобы вы не торопились. И мне в первый раз представился случай отдать вам вот это. — Рид протянул сверток, завернутый в черную ткань. — Я подумал, что это должно быть у вас.

— Что это? — Фэрис положила сверток на ближайший столик на золоченой ножке, со столешницей из цельного куска порфира. У Рида был такой несчастный вид, что она заколебалась. — Что случилось?

— Ничего. Ну, ничего нового. Вам не обязательно его открывать. Может, лучше и не надо. Это его.

Фэрис поняла, о чем говорит Рид, не задавая вопросов. Она осторожно развернула грубую ткань. Внутри свертка она обнаружила пистолет Тириана, его нож, набор отмычек. И измятую до неузнаваемости одну из перчаток, которые были на ней на балу Двенадцатой ночи.

Она разгладила перчатку и молча вертела ее в руках. Когда она подняла глаза, Рид без слов протянул ей свой носовой платок. Пока она сморкалась, он опять завернул все вещи в ткань.

— Я это унесу, если вам угодно.

— Нет. Нет, оставь. Я рада, что они у меня.

— Хорошо. — Он собрался уходить. — Джейн сказала, чтобы вы не спешили. Я ей скажу, что вы задержитесь.

— Рид, спасибо. Можно попросить вас об одолжении?

Кажется, он удивился.

— Да, конечно.

— Я пока не поеду домой, в Галазон. Но Галазон не может меня ждать. Нам надо избавиться от лорда Сифорда, пока он слишком основательно там не укрепился.

— Почему вы не поедете домой?

— Это трудно объяснить. Разлом многое изменил для меня. Мне нужно привыкнуть к этому до того, как я попробую вернуться в Галазон. Иначе я не уверена, что смогу это вынести. Во всяком случае, мне нужен человек, которому я могу доверять. И я бы хотела послать туда тебя. Советников моей матери и курии

больше не существует. Но они могут начать действовать снова. И из них можно сформировать правительство Галазона.

Рид казался расстроенным.

— Я поеду, конечно, если вы хотите. Но у нас есть правительство. У нас есть вы. Герцогиня Галазонская.

— Нет. — Фэрис почувствовала, как ее гордость обладания этим титулом разбивается об оцепенение, которое только и осталось в ней после разлома. — Я хранительница севера.

К тому моменту, когда Фэрис собралась покинуть свою роскошную спальню, глаза ее уже не были такими красными. Бринкер ждал ее в коридоре.

— Я рад видеть, что ты выглядишь лучше. — Он зашагал рядом с ней. — Хотя, должен заметить, черный — не твой цвет.

Фэрис даже обрадовалась привычному для нее раздражению, которое вызывали у нее дядюшкины манеры.

— Должен так должен. Ты пришел поздравить меня с днем рождения?

— Собственно говоря, да. Не надо смотреть так скептически. Я не такой негодяй, каким ты меня считаешь. Можно спросить, куда мы идем?

— Ты еще и не такой ловкий, каким хочешь казаться. Понятия не имею, куда ты идешь. Я иду давать аудиенцию королю в его собственном зале для приемов.

— Ты не только лучше выглядишь, но лучше себя чувствуешь. Это меня радует. Возможно, ты даже подумала о том, какую роль я должен играть теперь, когда ты достигла совершеннолетия.

— Так вот что привело тебя сюда.

Фэрис остановилась. Бринкер подошел и встал рядом с ней перед огромным морским пейзажем.

Фэрис сделала вид, что любуется картиной, а дядюшка смотрел на нее задумчиво и спокойно.

— Я был бы рад сохранить свои прежние полномочия, пока ты во мне нуждаешься.

— Щедрое предложение. Собственно говоря, я уже думала над этим.

Настал черед Бринкера сделать вид, будто он поглощен созерцанием огромного полотна.

— А, я так и думал.

— Вы с Грэлентом не слишком отличаетесь друг от друга. В конце концов все сводится к бухгалтерии.

— Это и в самом деле так, — искренне признался Бринкер.

— Ты в хорошем настроении. И у тебя, конечно же, была масса времени подготовить дома все бухгалтерские книги. Но в

Париже я тратила время не только на заказ нарядов. Я поговорила с нашими банкирами. Они мне очень помогли. Теперь, когда стала совершеннолетней, я думаю, что смогу без труда получить от них полные финансовые отчеты. Полные и точные.

Вид у Бринкера был обреченный.

— Что ты хочешь?

— Я хочу, чтобы моего наследника воспитывали в Галазоне.

— Выходи замуж и рожай себе наследника. И расти этого ребенка, где тебе угодно.

— Я никогда не выйду замуж.

— Ты слишком молода, чтобы делать такие заявления.

— Насколько мне надо постареть? Я буду повторять это каждый год, если ты настаиваешь.

— Тебе двадцать один год. У тебя наверняка будут собственные дети. В своем теперешнем странном состоянии король сделает что угодно, может быть, даже женится на тебе. Не слишком торопись рушить планы, которые я построил ради твоего же блага.

— Не слишком торопись рушить планы, которые я строю для твоей дочери.

— Да не беспокойся! В конце концов, она еще и наследница короля. Ей не понадобится Галазон, если у нее будет Аравиль.

— Если эта девочка будет моей наследницей, она будет воспитываться в Галазоне. — Фэрис заколебалась. — Если она будет моей наследницей. Я могу выбрать другую, из более подходящей семьи. Может быть, я возьму воспитанницу. Интересно, не предложат ли мне кого-нибудь Вудровелы.

— Вудровелы… — Бринкер оборвал восклицание. Он несколько мгновений смотрел на Фэрис с немым ужасом, потом резко повернулся и сделал десяток широких шагов по коридору. Потом вернулся обратно, стиснув зубы и сверкая глазами. — Ты не посмеешь.

Фэрис скрестила руки на груди. Хотя она ничего не говорила, задумчивое выражение ее лица привело его в ярость.

— Ты посмеешь. Именно это ты можешь сделать. О боже! Теперь ты понимаешь, почему я так старался все устроить до твоего совершеннолетия? Я знал, что ты будешь выдвигать какие-нибудь безумные идеи, но никогда не думал, что настолько безумные.

— Агнес еще молода. Уверена, у вас будет много детей.

— О, убери с лица это благочестивое выражение.

— Так ты согласен? Просперианбудет воспитываться в Галазоне.

— Агнес никогда на это не согласится.

— Уверена, ты сумеешь ее убедить. Я бы не хотела взваливать на нее ответственность за твои финансовые махинации, но я подам в суд на вас обоих, если понадобится.

— Я заключал только обычные сделки. Все было законно. Абсолютно законно.

— Ох, дядюшка Бринкер. Ты так хорошо заботился обо мне все эти годы. Почему бы тебе не позволить мне хорошо позаботиться о тебе теперь? — Голос ее был бархатным. — Я могу поставить тебя в неловкое положение, если ты откажешься сотрудничать.

Бринкер прищурил глаза.

— А если мы с Агнес согласимся на твои условия? Что тогда?

— В отличие от меня, у тебя есть дипломатический талант. Я хочу, чтобы ты использовал его в моих интересах. Я намереваюсь послать тебя далеко очень далеко, в Финляндию, в качестве моего посла. Скажи Агнес, что у нее есть выбор. Она может остаться в Аравиле, но не в Галазоне, или может уехать с тобой в Хельсинки.

— Агнес не нравится холодный климат.

— Ей может еще больше не понравиться альтернатива. Да, и еще одно. Ты приобрел землю, принадлежащую семье Рида.

— Разве?

— Цветы айвы. Не говори мне, что забыл о цветах айвы.

— Цветы айвы? О да. — Лицо Бринкера прояснилось. — Теперь припоминаю. Ридом вполне можно управлять. Но его семья возражала против уплаты налогов задолго до того, как я начал их собирать. Эта строптивая семейка к тому же связана родственными отношениями с половиной арендаторов в герцогстве. Мне нужно было дать им другую пищу для размышлений.

— Если они получат свою землю обратно и если вы с Агнес согласны воспитывать Просперианов в Галазоне, я не буду предпринимать никаких шагов по поводу твоих финансовых нарушений.

— Договорились.

Фэрис отвернулась от морского пейзажа. Бринкер осторожно двинулся за ней.

— Наверное, это еще не все?

Фэрис казалась удивленной.

— Я отправляю вас с женой в ссылку. Я собираюсь воспитывать вашего ребенка как своего собственного. Чего ты еще ждешь?

— Ты думаешь, я поверю, будто тебя интересует этот несчастный огород Ридов. — Бринкер выглядел оскорбленным. —

Если он тебе так нужен, то могла просто отобрать его.

— Нет. — Фэрис остановилась и смотрела на дядюшку до тех пор, пока он не отвел глаза. — Нет, не могла.

Фэрис пришла к королю в его приемный зал. Его величество в одиночестве медленно расхаживал вдоль стены с окнами, глядя на улицу внизу. Он выглядел более старым и усталым, чем раньше, возможно потому, что вместо его обычного яркого наряда на нем был аккуратный черный костюм. Подсознательная пародия на ее собственное побуждение надеть траур? Она не знала.

— Вы хотели меня видеть?

Он повернулся и посмотрел на нее. Так как свет был у него за спиной, она не могла разобрать выражение его лица, но Фэрис показалось, что его плечи слегка поникли, словно от разочарования. Она догадалась, что не такого приветствия он ожидал.

— Насколько я понимаю, это вы хотели меня видеть, — тихо ответил он.

Она подошла и тоже выглянула в окно. Стоял не по сезону солнечный день, на небе ни облачка.

— Джейн считает, что вам может понадобиться совет насчет Грэлента. Так вот: вам лучше изгнать его, чем посадить в тюрьму.

— Если вы хотите, чтобы он вышел на свободу, он выйдет на свободу, — мрачно ответил король.

— Я хочу, чтобы его разоблачили как мошенника, каким он и является, не более того. И не менее. Он шарлатан, но от него будет больше неприятностей, если он сумеет убедить людей, будто его преследуют. — Она описала метод, который использовал Грэлент, чтобы набивать свои карманы. — Высмейте его, не делайте из него мученика.

— Вы много знаете об Иштване Грэленте.

Она с усилием ответила веселым тоном:

— Более чем достаточно.

— Я приказал отвести вам самую лучшую комнату во дворце. Они это сделали?

Она кивнула.

— Она очень большая.

— Вам она не нравится.

— Она великолепна.

— Но вы питаете к ней неприязнь, не так ли?

— Как я могу? Я очень благодарна вам за гостеприимство. А теперь я могу задать вам один вопрос? Если честно — сколько?

— Что — сколько?

— Вам нет нужды изображать неведение. Просто скажите, что отказываетесь отвечать. Но я бы хотела знать истинную сумму. Бринкер все делает по-своему — даже ведет счета.

— О чем вы говорите?

— Приданое. Сколько стоит в наше время взять в жены посла с фермы?

Он явно пришел в замешательство и ответил не сразу.

— Я не собираюсь сообщать вам это.

— Вы не помните?

— Зачем вам знать точную цифру? Беспокоитесь, что я запросил недостаточно? — поинтересовался король.

Фэрис выдавила кривую улыбку.

— О, я рассчитываю, что вы потребовали более чем достаточно. Мне придется израсходовать часть этих денег на свое содержание здесь, в Арависе.

— Здесь? Вы остаетесь здесь? — Изумление короля мелькнуло и исчезло под маской вежливого интереса.

— Я пока не готова вернуться в Галазон.

— Нет? — Любопытство в его тоне противоречило равнодушному выражению лица. — Почему?

Фэрис колебалась.

— Чтобы сомкнуть разлом, мне пришлось отдать многое из того, что мне дорого. Я все еще подсчитываю потери. Среди потерянного мною… — Слова застряли у нее в горле, она не могла продолжать, не доверяла собственному голосу.

Король отвел взгляд.

— Галазон.

— Да.

— Мне очень жаль. — Его голос звучал тихо, почти как шепот.

Она была удивлена тем, как слабо его сочувствие тронуло ее. Ей пришлось закрыть глаза, чтобы утаить свою реакцию.

— Я должна спросить вас еще об одной вещи.

— Спрашивайте. Поймите, что мне, возможно, придется снова отказать вам. Но спрашивайте. Я отвечу, если смогу.

— Что вас так напугало? Что я, по-вашему, делала там, у разлома?

— Я… я опасался, что вы подойдете слишком близко и навеки исчезнете в этой расщелине. Простите меня. Я хочу искупить свой глупый поступок.

— Глупый? — Ее гнев вспыхнул так внезапно, что она испугалась. — Вы называете его глупым?

— Я был глупцом. Как иначе я могу это назвать?

— И вы по глупости отдали приказ… — Она осеклась. Его

спокойствие привело ее в ярость.

— Я по глупости забыл, что вы… это вы.

— Как вы можете выглядеть таким спокойным? Вы хоть понимаете, что вы наделали?!

— Я отдал приказ, о котором сейчас горько сожалею. Но вы уцелели.

— Вы ничего не понимаете. — Она зашагала взад и вперед вдоль окон. — Я отдала Галазон. Я позволила ему уйти в разлом. Разлом хотел еще. Но я не могла заставить себя отдать и Тириана тоже. А потом, потом вы отдали свой приказ. О котором теперь горько сожалеете.

Все еще сохраняя спокойствие, он тихо ответил.

— Значит, Тириан победил. Он вас защитил. Его наняли охранять вас, и он это сделал. Какой конец мог быть для него лучше?

Фэрис повернулась к нему.

— Почему вы надели черное именно сегодня? Я знаю, почему я в черном. А почему вы? Траур?

Казалось, он изумлен.

— По слуге не носят траур.

— Вы все еще не понимаете? Он не был для меня слугой.

Король ошеломленно смотрел на ее искаженное гневом лицо.

— А кем тогда? Кем еще он мог быть?

Ее руки тряслись, когда она протянула их к нему. Ее голос дрожал, когда она ответила:

— Перчаткой на руке. — Она медленно сжала пальцы в кулаки. — Всем.

Ярость душила ее. Она оставила короля стоять, уставившись в пустоту. Горе и гнев погнали ее по замку, из зала для приемов на верхние этажи, охраняемые львами.

На Сретенье Фэрис снова стояла на пустынной высоте, где раньше проходил разлом. Небо затянули облака. Устойчивый ветер с запада обещал скорое ненастье. Далеко внизу лежали узкие, шумные улицы Арависа. Фэрис не уделила им даже взгляда. Она смотрела на запад. Не считая львов, которые любили ее общество, она была одна.

Партия монархистов перестала играть какую-либо роль в политике Аравиля. Лорд Бринкер Налланин и его супруга отбыли в Финляндию. Их дочь, которую сочли слишком юной для подобного путешествия, отослали в Галазон вместе с няньками. Рид сопровождал их в Галазон-Чейз, который стал домом ребенка на зимние месяцы.

Как только наступит весна, Рид должен перевезти девочку и

ее нянек в Шилинг, где Просперианы поручат заботам Уорена и Флавии Вудровел. За содержание ребенка Вудровелам снизили налоги: они будут вносить одну сосновую ветку раз в год. Свежую ветку.

Чтобы обезопасить замок, двери на лестницу хранительницы пришлось запереть и заложить кирпичом. Вход в тупик Край света закрыли и поставили там охрану.

Король продолжал жить в молчаливом спокойствии. Его некогда напряженное расписание светских развлечений сменилось почти полной изоляцией. Хотя эта перемена беспокоила его министров, его усердие тревожило их еще больше. Он, кажется, твердо решил пересмотреть все нюансы своих политический обязанностей.

Занятия в Гринло еще не закончились. Отсутствие мадам Брейлсфорд невозможно было оправдывать бесконечно. Неделю назад с большой неохотой Джейн распрощалась с подругой и уехала.

На Сретенье Фэрис смотрела на Гринло с высот Арависа. Вдалеке она увидела, как блестящий лимузин «Минерва» пронесся с ревом через пески отлива по хребту мощеной дороги. Длинный автомобиль с шиком подъехал и остановился перед воротами.

Не успел мотор заглохнуть, как зеленое окошечко в воротах распахнулось. Показалось лицо привратника, круглое и покрасневшее от студеного ветра.

— Мы здесь не пользуемся автомобилями.

Дверца со стороны водителя открылась, и появилась Джейн Брейлсфорд, одетая в безупречный дорожный костюм из Парижа.

Привратник пришел в отчаяние.

— Прошу прощения, мадам Брейлсфорд. Я думал, вы туристка.

Джейн нагнулась к окошку и сказала человеку, сидящему в автомобиле:

— Спасибо, Чарльз. Я пошлю людей за багажом, пока буду давать отчет декану. Вы не беспокойтесь. Между прочим, рекомендую пообедать у матушки Пулар. Еще раз спасибо за то, что позволили мне попрактиковаться в вождении. Если дядя Амброуз заметит что-то неладное в коробке передач, валите все на меня. О, и не волнуйтесь насчет того, что придется оставить лимузин на время ленча. Уверена, привратник будет рад присмотреть за ним.

Привратник с отвращением захлопнул окошечко. Через секунду деревянные ворота открылись.

Джейн вошла в ворота Гринло, видимое сооружение из дуба и невидимое — из воли декана. Она перешагнула порог и исчезла из поля зрения Фэрис.

Оставшись одна на высотах Арависа, Фэрис отвернулась. Далеко внизу лежали узкие, шумные улицы. Она не удостоила их взглядом. Она ощущала растущее чувство одиночества.

Фэрис сняла с шеи тонкую цепочку, на которой висел ключ от лестницы хранительницы. Задумавшись на секунду, она позволила ключу раскачиваться и вращаться, любуясь тем, как его грани отражают утренний свет.

Львы оглянулись на дверь. Она проследила за их взглядом и увидела выходящего короля. Он направился к ней, скованно, почти настороженно. Фэрис с неприязнью отметила, что он по-прежнему одет в черное, и нарочно повернулась к нему спиной.

Герцогиня смотрела вниз. Там лежал город, полный людей, равнодушный, занятый бессмысленными делами. Она вытянула руку, и ключ повис, сверкающий и безупречный, над краем пропасти.

— Управляющий сказал мне, что вы здесь, — тихо произнес король.

Фэрис не потрудилась обернуться и заметить его присутствие. Какая наглость, последовать за ней сюда. Очевидно же, что она хочет остаться одна. Совсем одна.

— Я не хотел вас пугать.

Что-то тревожило Фэрис, но она не могла понять что. Она нахмурилась, глядя на ключ, вращающийся на цепочке. Он ловил свет и отражал его.

Не дождавшись ответа, король спокойно осведомился:

— Разве вам больше не нужен этот ключ?

Она ответила холодно, с расстановкой:

— Лестница заперта. Если я разобью ключ, она останется запертой.

— Могут быть и другие двери. И почему вы уверены, что ключ разобьется?

Она взглянула вниз, на шумные улицы.

— С такой высоты? А вы сомневаетесь?

— Кто может знать наверняка, что станет с ключом Хилариона?

Больше вслушиваясь в его тон, чем в смысл слов, она ответила почти рассеянно:

— Теперь он мой. И мне он больше не нужен. — Затем смысл сказанного дошел до нее, и она спросила: — Кто вам сказал, что это ключ Хилариона?

Он прикоснулся к ее плечу рукой в перчатке.

— Отойдите от края.

Услышав эти слова, в таком месте, Фэрис резко втянула воздух. Этот голос. Она помнила этот голос. Каждой частичкой своего тела она его узнала.

Она почувствовала, как в ней что-то сдвинулось, и узор стал ясным и четким. Что-то, названия чему она дать не могла, встало на свое место, так быстро и точно, как можно снять колоду карт.

Когда-то, во время своего дежурства, даже в сумраке последних предрассветных часов она ощущала, что с Гринло все в порядке. То же самое она почувствовала и сейчас. Все было хорошо. Чувство облегчения прогнало слова.

Фэрис заставляла себя не отрывать глаз от горизонта. Она не станет смотреть на него, не станет. Ей нет необходимости смотреть. Она чувствует его у себя за спиной. Голос, прикосновение, спокойная уверенность — все это ей хорошо знакомо.

Потом она вспомнила быстрые перемены в Хиларионе, его насмешку. Она закрыла глаза.

При этом, так ясно, словно он стоял рядом с ней, она услышала слова, сказанные им в Париже: «Я не знаю никого и ничего, что могло бы снова зажечь этот свет, если его погасить». А потом услышала слова, которые Хиларион никогда ей не говорил, но голос его невозможно было не узнать: «За эти долгие годы у меня было так мало света, что мне не хочется ни капли потратить зря».

Фэрис поняла. Она могла повернуться и посмотреть или не делать этого, но каким бы его ни воспринимал остальной мир, она увидит его таким, каков он в действительности. Тириан. Она слегка покачнулась.

— Отойди. — Он мягко отодвинул ее от края. Тепло его руки на ее плече растопило то, что замерзло внутри нее, хотя она даже не подозревала о присутствии этого чувства.

У нее кружилась голова, она услышала, что вслух произносит свои мысли.

— «Если бы дело было только в любви, я бы пошел за вами — в рубище, если понадобится, — на край света…» — А затем ее голова закружилась еще сильнее. — «Десять лиг за край белого света, не так уж это далеко».

А после смех почему-то превратился в слезы.

Когда Фэрис опять смогла говорить, она вытерла глаза рукавом. И сказала, почти ровным голосом:

— Я знаю, что ты выглядишь как он. Но никто не бывает таким спокойным, как ты. Как я могла так долго тебя не узнавать?

В тихом голосе послышался гнев.

— Я не просто выгляжу так, как он. Я дышу с присвистом, как он. Я хромаю, как он. Несомненно, все функции те же самые.

Его горечь поразила ее.

— Но ты здесь. Где же он? Он ушел? Или ты там, вместе с ним?

— Он ушел, когда пришел я. Я здесь один. Хиларион это ясно дал понять. И это навсегда. Он это тоже дал понять.

— Хиларион это сделал. Почему?

Ему пришлось прочистить горло прежде, чем он мог ответить.

— Король намеревался убить хранительницу. Хиларион — сам хранитель, был хранителем. Он знает, что это означает, знает то, что ты только начала понимать. Король приказал своим людям стрелять в тебя. Это было достаточно веской причиной для Хилариона.

— А ты?

— Ну, я спас жизнь хранительницы. Ценой моей собственной. Хиларион отмерил наказание и вознаграждение.

— И ты ничего об этом не сказал.

— Что я мог сказать? Я осмелился бы сказать только тебе. Но к тому времени, когда я понял, что произошло, ты уже была окружена людьми.

— Дядюшку Бринкера едва ли можно назвать толпой людей.

— Лорд Бринкер, Джейн и Рид, — возразил он. — Не говоря уже об этом красавчике-лисе, Грэленте. А посол Британии может сама по себе считаться толпой людей.

— Это правда.

— Я ожидал, что ты поймешь, что произошло. Но ты не поняла. Поэтому я гадал, что задумал для нас Хиларион. Возможно, мне полагалось хранить молчание до тех пор, пока ты меня не узнаешь. Мне было очень тяжело скрываться. А если бы мне давали по монете всякий раз, когда я слышал: «Король сам на себя не похож»… — Неудивительно, что у меня волосы стали седыми.

— Какой ты глупый! Почему ты мне не сказал?

— Я собирался. Правда. Потом в зале для приемов ты призналась мне в таких вещах, что у меня дух захватило. Что я мог сделать? Я должен был позволить тебе уйти.

— Трус.

— О да. Но запомни, я в конце концов исполнил свой долг. Мне потребовалось несколько попыток, но все же удалось сделать то, что предназначил мне Хиларион. Я спас тебе жизнь.

— Это не все, что ты сделал.

— Возможно, нет, но мой долг был ясен. Хотя оказалось

очень трудно его выполнить. В Гринло Менари обвела меня вокруг пальца. В Париже Джейн сделала всю тяжелую работу и в Восточном экспрессе тоже. Помнишь Копенгагена? Моей заслуги не было в том, что ты осталась живой в первый день в Галазон-Чейзе. В тот раз тебя спас лорд Бринкер.

— Даже если бы он этого не сделал, в моей смерти не было бы твоей вины.

— Нет? Ты не понимаешь. Ты думаешь всю ночь напролет, даже во сне: «Так-то вот. Я была сегодня хранительницей севера»?

Фэрис, не ответив, рассмеялась.

— Конечно нет. А я другой. Задача охранять тебя не оставляла мне много времени на сон, но когда я спал, то спал крепко. Я мог сказать себе: «Вот прошел еще один день, и она все еще жива». Еще один риск, еще одно дежурство без сна, еще одну опасность удалось предотвратить. Ты была моим призванием. Не смейся, я совершенно серьезен. Когда я начал выполнять работу, порученную мне Хиларионом, то не знал, что о тебе думать. Кто ты — избалованная наследница? Всеми заброшенный ребенок? Я не мог увидеть в тебе правительницу, не то что хранительницу. Я думал, что ты, вероятнее всего, закончишь свои дни на эшафоте. И я рядом с тобой, разумеется.

— Это забавно. Я бы сказала — на гильотине, а не на эшафоте. И ты рядом со мной в повозке для осужденных, разумеется.

— Ты совершенно не заботишься о своей безопасности. Тебе никогда не приходило в голову подумать о том, что произошло бы, если бы та бомба взорвалась в Париже, правда? И ты относишься с безумной ответственностью к тому, что считаешь своим. Я — твой, очевидно. Ну, а ты — моя.

— Наконец-то мы в чем-то согласны.

— На балу Двенадцатой ночи я наконец увидел тебя такой, какая ты есть. Не Дым. Не Королева мечей. И даже не Царица ночи. Когда я посмотрел на тебя, я увидел хранительницу севера. В первый раз я действительно поверил, что ты сомкнешь разлом. Я представил себе, какая у тебя будет жизнь без меня, или со мной, но только в качестве слуги, управляющего… человека, за которого ты будешь чувствовать себя ответственной. Я не мог вынести этого взгляда в будущее.

— Ты спас мне жизнь на залитой водой лестнице. И ты освободил меня от Грэлента.

— Пустяки. К тому моменту, когда король отдал приказ стрелять, я не думал о том, чтобы пережить тебя или даже пережить разлом. Я делал свое дело. В награду Хиларион поручил мне другую работу. Я понятия не имею, как за нее взяться. Как

становятся королем? Я не привык к тому, что не знаю, как приняться за дело. — Он спародировал свой собственный жалобный тон. — Это совсем не то, к чему я привык.

— Ты уверен, что хочешь сменить работу? Я не уверена, что смогу обойтись без тебя. Кто теперь будет меня защищать?

— Для этого понадобилось двадцать три льва, но я думаю, моя прежняя должность уже занята. Нет, теперь твоя очередь меня защищать. Я ничего не знаю о том, как быть королем. Я в тебе нуждаюсь.

— У меня нет полномочий на должность короля. — Фэрис ответила ему мрачным голосом, хотя маленький пузырек восторженной радости появился у основания ее горла. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять источник этого непривычного чувства. Странно, но это была перспектива ответственности. При первом же намеке на новую ответственность у нее поднялось настроение.

Совершенно серьезно он продолжал:

— Но тебя учили. Это в твоих интересах. Независимость Галазона будет обеспечена, если мы все правильно организуем. Если мне осталось прожить в этом теле еще несколько лет, мы сумеем добиться значительных перемен.

Его серьезность ее позабавила.

— Ты слишком молод, чтобы делать такие заявления.

— Будь серьезной.

— Я совершенно серьезна. «Ягнята, мы выживем». Это из английской пьесы.

Ее легкомыслие вывело его из себя.

— Фэрис, я теперь стар.

Она выпрямилась со всем достоинством, какое сумела найти в себе и какого, учитывая внезапное головокружение, оказалось не так уж много.

— Мне все равно, сколько тебе лет. И мне совершенно все равно, что о тебе думает мир. Я знаю тебя, Тириан. И я — хранительница севера. Я могу любить, кого захочу.

— Вот именно. Ты можешь выбирать мужей. Ты заслуживаешь лучшего мужа, чем эта старая развалина.

Ей не понадобилось изображать возмущение.

— Мужей? Кто говорит о мужьях? Сколько раз я должна это повторять? Я никогда не выйду замуж.

— Теперь моя очередь это сказать, и я говорю серьезно: ты слишком молода, чтобы делать такие заявления.

— Об этом мне твердят постоянно. Послушай меня. Я не хочу замуж. — Она уступила отчаянию и легкомысленно прибавила: — Даже если и выйду, я бы не могла выйти за тебя. Это слишком

обрадовало бы дядюшку Бринкера. Нет, вместо этого я буду с тобой работать.

Ее веселье вызвало у него подозрения.

— Над чем именно работать?

— Ты теперь король Аравиля. Вместе мы дадим свободу Галазону. Мы сделаем все, что сможем, чтобы сделать Аравиль таким, каким он должен быть. — Она злорадно усмехнулась. — И мы получим все возможные уступки и блага, какие сумеем, от посла Британии в обмен на гавань в Шене.

На Сретенье Фэрис, стоя на ветреных высотах Арависа, обозревала подвластную ей территорию. Север лежал перед ней, совершенный и сверкающий. Со своего наблюдательного пункта она долго смотрела во всех направлениях. Но в последнюю очередь и с самой большой любовью повернулась на запад, к Гринло.

Даже в зимний день море отливало серебром. Вдалеке синели горы Нормандии. Начинающийся прилив надвигался на зыбучие пески. Над идеально ровной поверхностью бухты вздымались, как замок из песка, стены дамбы.

Домики под черепичными крышами, сады и лавки городка Гринло венком охватывали подножие скалистого мыса. Над городком возвышался колледж, серая каменная громада, а над ним возносился ввысь шпиль. А еще выше стояли, спина к спине, Святая Маргарита и Святой Михаил, готовые к новым битвам.

notes

1

Одна из самых старых и престижных школ Великобритании.

2

Цитата из пьесы У. Шекспира «Буря». Перевод М. Кузмина.

3

Перевод М. Энгельгардт.

4

Цитата из пьесы У. Шекспира «Антоний и Клеопатра».

5

Приключенческий роман английского писателя Энтони Хоупа (1863–1933).

6

Часто употребляющаяся в пьесах ремарка.

7

Цитата из пьесы У. Шекспира «Генрих V». Перевод Е. Бируковой.

8

Цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет». Перевод М. Лозинского.

9

«Трое в лодке, не считая собаки», роман английского писателя Джерома К. Джерома.

10

Трактат Никколо Макиавелли (1467–1527), итальянского политического мыслителя, писателя и поэта.

11

Мифическое европейское королевство.

12

Розалинда — героиня пьесы У. Шекспира «Как вам это понравится», Виола — героиня пьесы У. Шекспира «Двенадцатая ночь».

13

Цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет». Перевод М. Лозинского.

14

Мария Корелли (1855–1924), английская писательница.

15

Прозвище шотландского принца Чарльза Эдуарда Стюарта (1720–1788).

16

В английском языке прозвище, означающее «безумец». Бедлам — букв. «сумасшедший дом».

17

Андре Ле Нотр (1613–1700), французский архитектор, мастер садово-паркового искусства.

18

Воле-Виконт — загородная резиденция министра финансов Фуке. Парковый ансамбль, созданный А. Ле Нотром.

19

Двенадцатая ночь с начала Рождества, завершала череду рождественских празднеств, поэтому забавам в эту ночь предавались с особой энергией. Ночь розыгрышей и маскарадов.

20

Королева мечей — одна из так называемых придворных карт в англоязычной колоде Таро, означающая способность сохранять силы, воздерживаясь при этом от каких-либо действий.

21

Цитата из пьесы У. Шекспира «Ричард III». Перевод А. Радловой.

22

Цитата из романа Э. Хоупа «Пленник замка Зенда»

23

Цитата из пьесы У. Шекспира «Юлий Цезарь». Перевод М. Зенкевича.